

XXVII
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СЕМИНАР
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

XXVII
INTERNATIONAL
RUSSIAN-AMERICAN SEMINAR
AT SAINT-PETERBURG STATE UNIVERSITY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЯ И АМЕРИКА
В СОВРЕМЕННОМ
ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

СБОРНИК ДОКЛАДОВ
XXVII
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО
СЕМИНАРА
В СПбГУ, 14–15 мая 2018 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 327
ББК 66.4
Р76

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор *А. Я. Массов* (С.-Петербург. гос. мор. техн. ун-т);
канд. ист. наук, доцент *И. А. Агеева* (Ин-т всеобщ. истории РАН)

*Рекомендовано к публикации
Научной комиссией в области международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета*

Россия и Америка в современном глобальном мире: Сборник докладов XXVII Российско-американского семинара в СПбГУ, 14–15 мая 2018 г. / под ред. Б. А. Ширяева, Н. А. Цветковой, К. В. Минковой, Ю. К. Богуславской. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. — 356 с.
ISBN 978-5-288-06028-1

В сборнике представлены материалы выступлений российских и зарубежных специалистов и молодых ученых на XXVII Российско-американском семинаре, организованном Санкт-Петербургским государственным университетом 14–15 мая 2018 г. В статьях анализируется широкий круг актуальных проблем внутренней и внешней политики США.

Для специалистов — историков, политологов, международников, регионоведов, географов, а также для всех интересующихся прошлым и настоящим США.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-288-06028-1

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый год на протяжении последних двадцати семи лет Санкт-Петербургский государственный университет собирает Российско-американский семинар — международный форум для дискуссий и обмена мнениями между ведущими учеными, государственными и общественными деятелями, журналистами и представителями делового сообщества по актуальным вопросам мировой политики, российско-американских отношений, внутренних политических процессов в двух странах, а также их истории, экономики, культуры.

Все эти годы вместе с учеными в работе семинара принимали участие видные российские политики и государственные деятели, лидеры политических партий, депутаты Государственной Думы, известные дипломаты. Среди них были: мэр Санкт-Петербурга А. А. Собчак, депутат Государственной Думы Российской Федерации Г. В. Старовойтова, послы Российской Федерации в США В. П. Лукин и Ю. М. Воронцов, заместитель председателя Государственной Думы И. М. Хакамада, представитель Президента Российской Федерации в Санкт-Петербурге С. А. Цыпляев, президент фонда «Политика» В. А. Иванов, редактор журнала «Звезда» писатель Я. А. Гордин и др.

Участниками семинара неоднократно становились видные американские исследователи, ученые, дипломаты: посол США в СССР в 1989–1992 гг. Дж. Мэтлок, директор исследовательского центра Никсона Дм. Саймс, директор Института Центральной Азии университета Джонса Гопкинса Ф. Старр, президент Вирджинского университета (Ричмонд, США) Юджин Трани и др.

В настоящий сборник включены доклады, представленные участниками XXVII Российско-американского семинара в Санкт-Петербургском государственном университете. В 2018 г. темой семинара стали проблемы и вызовы в российско-американских отношениях.

Известные российские и зарубежные ученые, представители таких образовательных и научных центров, как МГИМО, Институт США и Канады РАН, Свободный университет Брюсселя, Университет им. Джавахарлала Неру (Индия) и др., обменялись экспертными мнениями относительно влияния политики администрации Д. Трампа на развитие российско-американских отношений и внутреннюю политику нашей страны. Данная дискуссия вызвала значительный интерес со стороны участников форума, журналистов и студентов. Доклады ведущих ученых помещены в традиционный раздел сборника «Пленарное заседание».

Разделы настоящего сборника соответствуют секциям международного форума и отражают российско-американские отношения в исторической перспективе и на современном этапе, участие США и России в разрешении региональных кризисов, а также вопросы безопасности.

Организаторы семинара продолжили традицию прошлых лет, связанную с проведением специальной молодежной секции, в которой студентам СПбГУ и других вузов была предоставлена возможность выступить с докладами, обменяться мнениями, получить первый опыт участия в дискуссиях по важным международным проблемам.

Разнообразие опубликованных докладов свидетельствует об актуальности предложенной тематики семинара, а также об интересе со стороны российских и зарубежных специалистов к научной школе по американистике, которая сформировалась в Санкт-Петербургском государственном университете.

Н. А. Цветкова

Раздел I

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 14 мая 2018 г.

УДК 327

ПОЛТОРА ГОДА С ДОНАЛЬДОМ ТРАМПМ

В. Н. Гарбузов

Статья посвящена подведению итогов полутора лет президентства Дональда Трампа. Правление Д. Трампа можно считать необычным в силу целого ряда причин: приход в Белый дом президента, против которого сплотился весь истеблишмент, выявление Д. Трампом-кандидатом проблем американского общества, не артикулированных до него американской политической элитой, а также предложение радикальных и неоднозначных решений, отсутствие четкой теоретической разработки президентской программы и отсутствие подготовленной команды. Президентство Д. Трампа стало «блокированным» в силу оппозиции со стороны Демократической партии США, дефицита поддержки со стороны Республиканской партии, которая нехотя признала его своим кандидатом, острой критики большинства американских СМИ и сопротивления вашигтонской бюрократии. При отсутствии достаточной поддержки со стороны Конгресса президент использовал исполнительные директивы для воплощения в жизнь своей политической программы, что лишь усугубило конфликт с законодательной ветвью власти. Наследие Д. Трампа остается спорным. Сомнительно, что ему удастся обратить вспять или хотя бы поставить под больший контроль глобализационные процессы. Что касается российско-американских отношений, то, несмотря на надежды российской политической элиты, их состояние продолжает ухудшаться. Раскручиваются конфронтационная и санкционная спирали. В создавшихся условиях актуальным является создание координационного механизма между США и Россией, который позволял бы избегать инцидентов, прежде всего военных, и вести диалог. Особенно важен диалог между российским и американским обществами, поддерживать который позволяет ежегодный Российско-американский семинар в Санкт-Петербургском государственном университете.

Ключевые слова: российско-американские отношения, Трамп, глобализация, Республиканская партия США, санкции.

Гарбузов Валерий Николаевич — д-р ист. наук, проф., директор Института США и Канады РАН, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Garbuzov Valery — PhD (History), Professor, Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, 2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

A YEAR AND A HALF WITH DONALD TRUMP

V. Garbuzov

The article is devoted to summarizing the results of one and a half years of Donald Trump's presidency. D. Trump's reign is unusual for a number of reasons, such as the president's arrival at the White House, which happened despite the entire establishment had rallied against him, identification by D. Trump of the problems of American society that were not articulated by the American political elite, and the proposal of radical and ambiguous decisions, the lack of a clear theoretical development of the presidential program and the lack of experienced team. D. Trump's presidency became "blocked" by opposition from the U.S. Democratic Party, lack of support from the Republican Party, which reluctantly recognized him as a candidate, sharp criticism of most American media and resistance of Washington's bureaucracy. In the absence of sufficient support from the Congress, the president used executive directives to implement his political program, that only exacerbated his conflict with the legislative branch of government. D. Trump's legacy will remain controversial. It is doubtful that he will be able to reverse or at least put the globalization processes under greater control. As for Russian-American relations, despite the hopes of the Russian political elite, their condition continued to deteriorate. Spirals of confrontation and sanctions continue to define this condition. In today's situation, it is important to establish a coordination mechanism between the United States and Russia, which would allow to avoid incidents, primarily military ones, and to conduct a dialogue. Of particular importance is the dialogue between Russian and American societies, which the annual Russian-American seminar at St. Petersburg State University provides.

Keywords: Russian-American relations, Trump, globalization, U.S. Republican party, sanctions.

Уважаемые коллеги!

Прежде всего я должен поздравить вас с началом очередного Российско-американского семинара и с прошедшим днем рождения [факультета], которые идут всегда параллельно друг с другом, что очень важно. А также Ирину Николаевну и Константина Константиновича — за то, что они в течение долгого времени целеустремленно, методично в жаркие дни мая собирают тех, кто так или иначе связан с изучением Соединенных Штатов Америки. Сейчас я посмотрел программу и увидел, что темы, которые должны быть затронуты на сегодняшних и завтрашних заседаниях, действительно очень масштабные: это внутренняя и внешняя политика, международные проблемы безопасности. И конечно, этот семинар в какой-то степени уникальный, потому что я не могу назвать его аналогов не только по масштабу, но и по охвату проблем. Это 27-й семинар, а через 3 года будет 30-й, поэтому нужно устроить что-то шумное и грандиозное.

Выступая на этом семинаре, я обычно провожу первичный анализ того, что произошло за истекший год, т.е. с прошлого мая по сегодняшний май, в самих Соединенных Штатах Америки. Конечно, все

мы пристально наблюдаем за администрацией Трампа, за тем, что она делает внутри страны и за ее пределами. Почему? Потому что это деятельность не просто текущей американской администрации — это необычная администрация и необычный президент. Необычный он прежде всего потому, что в ходе избирательной кампании против него сплотился весь американский истеблишмент. Он необычен и тем, что он, наверное, впервые за многие и многие годы определил действительно небольшой круг проблем, которые накопились в американском обществе за десятилетия, и предложил простые радикальные способы решения этих проблем. Именно это, кстати говоря, позволило ему прийти к власти.

Еще одна необычность: Трамп — это президент, который пришел в Белый дом без строго очерченной теоретической программы и без подготовленной команды. И вот, оказавшись в Белом доме, он все-таки стал приводить в жизнь те свои обещания, о которых постоянно говорил в ходе избирательной кампании.

Обычно американские президенты пытаются провести все свои инициативы в первый год президентства, используя рычаги Конгресса и действуя совместно с Конгрессом. На этот раз так не получилось, потому что, несмотря на партийное большинство в обеих палатах конгресса — республиканское большинство, для Трампа оно оказалось недостаточным. Не секрет, что республиканцы не проявляли особой любви к своему однопартийцу-президенту, особенно в первые месяцы президентства. Поэтому Трамп пошел другим путем: он стал действовать не через Конгресс, а с помощью исполнительных директив — президентских указов. И все свои основные инициативы пытался провести через эти указы в первые два месяца, чем навлек на себя, конечно же, еще больший гнев со стороны законодателей, потому что они расценили его действия как узурпацию власти президента за счет ущемления законодательной власти Конгресса. Тем не менее все свои инициативы в отношении проблемы миграции, реформирования системы здравоохранения Трамп пытался решить именно таким способом. Единственная проблема, которая нашла поддержку среди конгрессменов и сенаторов, — это налоговая реформа. Ее действительно можно назвать успехом президента.

Не следует забывать и о том, что против Трампа с самого начала стало вестись расследование, и не одно, а несколько, которые еще не завершены. И я так думаю, что это судьба Трампа. Но расследования как-то сами собой растворяются, закончатся с уходом Трампа из Белого дома.

Все это позволяет говорить, что президентство Трампа с самого начала было «блокированным» президентством [1]. Какие факторы

блокируют Трампа? Что связывает ему руки? Во-первых, демократы, которые вставляют палки в колеса. Во-вторых, часть его же собственных республиканцев, которые не могут смириться с тем, что лидером их партии стал человек, которого они, мягко говоря, не очень жаждали. Его блокирует американская пресса, которая настроена абсолютно вся против него, за исключением республиканских каналов (это FOX News) и некоторых республиканских газет, которые сейчас, надо сказать, несколько снизили накал критики в адрес Трампа. Ну, и так называемая вашингтонская несменяемая бюрократия, которая сидит в министерствах, ведомствах, агентствах Вашингтона и не меняется с приходом нового президента. Она тоже настроена крайне негативно к Трампу. Ей не нравится даже не то, *что* он делает, а то, *как* он это делает.

Свидетельством всех этих проблем является сама администрация. Такой чехарды за первые полтора года пребывания президента в своей должности не знала, наверное, ни одна администрация. Она еще не успела сформироваться, а ее высший эшелон — на уровне помощников президента и министров — уже стал разваливаться. Самые последние отставки — госсекретаря Тиллерсона и помощника по национальной безопасности в ключевых блоках — это внешнеполитический блок. Это свидетельство того, что не все ладно в королевстве Трампа. Кроме всего прочего, поскольку у Трампа изначально не было команды, сама эта администрация во многом стала набираться не то чтобы из случайных людей, но из людей, не готовых к тому, чтобы занимать такие высокие посты. Поэтому в администрации первого призыва оказались люди, которые были уже вторыми или третьими кандидатурами на те или иные посты, потому что первые и вторые кандидатуры отказывались. Самый яркий пример — Джон Болтон, недавно назначенный на пост помощника президента по национальной безопасности. Сразу после избрания Трампа его кандидатура рассматривалась на должность госсекретаря или на должность помощника президента по национальной безопасности, но не получилось: и сам Болтон не особенно хотел идти в такую администрацию, и Трамп решил вести переговоры с Тиллерсоном и с другими людьми.

Тем не менее, несмотря на все эти проблемы, Трамп пытается проводить свою повестку дня в жизнь. Те рецепты, которые он предлагает, во многом спорны и часто вызывают дискуссии. Например, одним из самых первых шагов Трампа стал выход США из Транстихоокеанского партнерства, которое, по его словам, вредило интересам Соединенных Штатов Америки, поэтому он его не принимал. Теперь же другая ситуация: и окружение Трампа, и сам Трамп говорят о том,

что в общем-то это партнерство было бы полезно. И таких примеров можно привести достаточно много: политика в отношении и Китая, и американских союзников в Европе, которая приводит к ощутимым трещинам в так называемой атлантической солидарности.

Все эти процессы находятся сейчас в стадии развития. Посмотрим, что будет ожидать нас и Соединенные Штаты в последующие два года. Как будут развиваться все эти тенденции? Я думаю, что наследие Трампа — а президенты, уходя из Белого дома, всегда заботятся о том наследии, которое остается после них — будет достаточно спорным, потому что Трамп — это живое воплощение реакции, которая сформировалась в США на те глобализационные процессы, которые происходили в течение последнего десятилетия. Это объективные процессы, они развивались, развиваются и будут развиваться. А Трамп в такой своеобразной форме пытается либо остановить какие-то процессы, либо обуздать их, либо взять под свой контроль. Насколько это ему удастся? Это открытый и большой вопрос.

На мой взгляд, явление Трампа отчасти можно считать временным, потому что когда-то он уйдет. Я не думаю, что тот, кто придет ему на смену, даже республиканец, будет проводить именно такой внутривнутриполитический курс, именно такую экономическую политику. Она станет другой. Это совершенно ясно и несомненно.

Тем не менее все-таки для Америки приход Трампа — шок, показатель того, что надо меняться вовремя. Понятно, что американская экономика и политическая система давно нуждаются в определенном реформировании. Урок из всего этого очень простой: если вы вовремя не будете отвечать на вызовы, которые ставятся перед народом, обществом и государством, если вы вовремя не будете на них реагировать, если вы вовремя не будете меняться, то вы получите Трампа.

Ну и конечно, российско-американские отношения. О них говорится практически каждый день, по-разному, в США об этом говорят ежедневно все каналы. То, что российско-американские отношения заведены в тупик, совершенно очевидно. Как долго будет существовать этот тупик, сказать сложно, но я думаю — долго: годы, а может, и не годы, а десятилетия. Сегодня эти даже не отношения, а взаимодействия или такое своеобразие этих отношений нанизаны на две спирали. Первая — конфронтационная спираль, которая раскручивается все время, чуть ли не каждый день. А есть еще спираль санкционная, которая тоже раскручивается все время. Потенциал и той, и другой, казалось бы, исчерпан, но нет. Оказывается, есть еще резервы, чтобы раскручивать и ту, и другую. И вот на эти спирали нанизываются сегодняшнее российско-американское взаимодействие и повестка дня.

Высылка дипломатов, аресты собственности, санкции и контрсанкции — вот нынешняя повестка дня российско-американского взаимодействия. Тому, что в ближайшие годы она сможет кардинально измениться, тоже нет никаких свидетельств. Все надежды российской политической элиты на то, что избрание Трампа станет радикальным поворотом в развитии российско-американских отношений, рухнули. И это совершенно очевидно уже сейчас. Ни один из представителей российской политической элиты не говорит о том, что он просчитался. Сделали ставку на одного, а оказалось, что приход к власти этого одного повел за собой такой антироссийский шлейф, что из создавшейся ситуации простого варианта выхода никому не найти. Но это, к сожалению, реальность.

Поэтому в нынешней ситуации я, будучи реалистом, никогда не стал бы задавать вопрос: когда улучшатся российско-американские отношения? А задал бы другой вопрос: как в этой ситуации создать механизм координации той конфронтации, которая налицо? Оказывается, это тоже не так просто. Такой механизм необходим, чтобы избегать инцидентов — прежде всего военных. Такой механизм необходим для того, чтобы восстановить диалог, который сегодня на высших этажах власти фактически отсутствует. Я думаю, такова программа-минимум. О программе-максимум не будем говорить. Это та программа-минимум, которую надо пытаться реализовать, понимая, что сделать это не так-то легко.

И — плюс к этому — я возвращаюсь к тому, о чем в самом начале говорила Ирина Николаевна Новикова: надо стремиться поддерживать диалог на уровне обществ. Если не удастся сохранить диалог на уровне политических и государственных элит, то поддерживать его на уровне американского и российского обществ пока еще возможно. Российско-американский семинар в Санкт-Петербурге как раз и выполняет эту очень важную миссию. Надо сказать, что в Министерстве иностранных дел разработана программа, которая направлена именно на поддержание диалога так называемого второго трека, потому что, конечно, нельзя допустить того, чтобы вразнос пошли отношения между людьми, между обществами.

На этой оптимистической ноте я свое выступление и закончу.

Литература

1. *Гарбузов В. Н.* Блокированное президентство. Первый год Трампа в Белом доме. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2018-01-29/9_7160_trump.html (дата обращения: 27.02.2019).

References

1. Garbuzov V.N. *Blocked Presidency. Trump's first year at the White House.* Available at: http://www.ng.ru/dipkurer/2018-01-29/9_7160_trump.html (accessed: 27.02.2019). (In Russian)

УДК 327

THE EFFECTIVENESS OF ECONOMIC SANCTIONS IN COMPARATIVE PERSPECTIVE: REFLECTIONS ON THE MULTINATIONAL SANCTIONS REGIME AGAINST RUSSIA

Thomas Eric Rotnem

After detailing the numerous layers of economic sanctions imposed upon Russia since 2014, the essay discusses the costs and impact of the sanctions upon both Russia and the West, in general. The article then assesses the sanctions in light of comparative research on the effectiveness of economic sanctions, arguing that the Russia sanctions were destined to fail from the outset. After reviewing the variety of reasons for levying sanctions as found in the literature on economic statecraft, the author finds that the sanctions were imposed both for reasons of U.S. domestic political considerations and for meting out “retributive punishment,” borne out of an emotionalist, instrumental purpose of gratifying the actor’s desire to injure a wayward government.

Keywords: economic sanctions, Russia, United States, foreign policy, economic statecraft.

Before I begin my presentation I would like to thank the Seminar program chair for the invitation to speak to this august group. This is an especially important conference, at this time in U.S. — Russia relations, and there are many very distinguished participants and guests attending. I am very honored to be speaking to all of you.

I would also like to say that my comments are my own, obviously as you shall see. I do not think you would hear these remarks from persons in American government today, from most commentators in the mass media, nor some students of Russian politics. It is very decidedly a minority viewpoint.

The subject of my talk today is to review the purposes and effectiveness of a sanctions regime with which I personally disagree; and ultimately, hope to contemplate a better way forward in U.S. — Russia relations.

Rotnem Thomas Eric — PhD (Political Science), Professor, Department of Political Science & International Relations, Kennesaw State University, Georgia, Kennesaw, 1000 Chastain Road, 30144, USA.

First, please allow me to disaggregate the plethora of sanctions that have been imposed against Russia since 2014. Of course, we should not forget those sanctions that came before 2014, i. e., the Magnitsky Act sanctions, that were imposed on the very day that the long-imposed 1974 Jackson-Vanik amendment was repealed, on Dec. 14, 2012.

Obviously, the Obama-era sanctions were imposed in the aftermath of the Ukraine/Crimea crisis; these sanctions largely initiated travel bans, asset freezes, and restrictions on Russian companies' operations in the West. These sanctions are to be distinguished in one sense from later ones that would appear — these were narrowly tailored sanctions and they gave Russia a pathway for their reversal — that is, through a successful implementation of the Minsk-II settlement process.

Later, the outgoing Obama administration levied further sanctions for “election meddling” by Russian entities — AND, certainly this malfeasance occurred, but it is my personal view that it is doubtful that these activities had any impact upon the election outcome. In large measure, these sanctions were levied for domestic purposes, to partially satisfy the anger that many Democrats felt for candidate Clinton's loss, as well as to tie the hands of the incoming president.

Later the next year, the U.S. Congress imposed limits — itself a constitutionally ambiguous action — on the ability of the U.S. President to waive sanctions against Russia, Iran, or North Korea; this was the “Countering America's Adversaries Through Sanctions Act” (CAATSA). These Russia-related sanctions targets individuals and companies associating with Russian business, intelligence, and defense industries.

The worrisome thing about this law is that Congress now made the U.S.-Russian confrontation “structural” — that is, likely a permanent feature of the U.S.-Russian relationship (a la the 1974 Jackson — Vanik Amendment). Also, unlike previous sanctions imposed, these weren't narrowly tailored and offer no comprehensive, cogent path to Russia to see their reversal accomplished. For example, success in one area covered by CAATSA does not allow reversal, if other areas covered by the Act are still in dispute.

The latest two rounds of sanctions were imposed in March and April 2018 against Putin's “chef,” Yevgeny Prigozhin, then later against wealthy Russians, some with close ties to the regime, others, not. These apparently also offer no comprehensive path for their removal...

What have been the costs and impact of these sanctions to Russia? Russian authors claim the sanctions regime has cost Russia approximately \$170 billion over a four year period ending in late 2017. Western counterparts have argued the cost has been either somewhat lower or much higher.

It is no surprise that the original sanctions caused a decline in both trade and investment. For example, the trade between the E.U. and Russia declined by 25 % early on. Yet, in 2017, total trade between the two regions increased significantly; in 2016, total trade increased by 18 % over the year prior. There was even a 12 % uptick in trade in 2016 between the U.S. and Russia compared with 2015 figures.

Similarly, investment in Russia from Europe increased in 2017; German investment reached \$1.1 billion in the first nine months of 2017. Compare that figure to the \$274 German investment in all of 2016. Yet, the most recent sanctions imposed in March — April 2018 may cause a significant reversal in this trend; these most recent “oligarch sanctions” are apparently set to have a considerable impact.

At the same time, what have been the cost of sanctions to the U.S. or the West, in general? The cost to Europe has been much higher than to America. In the two-year period of 2014–2015, French authors argued that the sanctions cost the sending countries \$60 billion, while the E.U. incurred more than three-quarters of this cost. More importantly, *The Financial Times* recently reported that Russia’s agricultural counter sanctions alone cost European food producers over 100 billion euros in lost sales [1].

For the U. S., the early sanctions did not have much impact, as the U. S. — Russian trade accounted for less than 1 % of total U.S. trade. However, the March — April 2018 “oligarch sanctions” — particularly those imposed upon Oleg Deripaska and Rusal — have caused not only Germany to fret about the 10 billion Euro price tag, but also American car and aviation companies to worry about the loss of aluminum supplies.

How effective might the sanctions be? Under what conditions have they proven to be successful? According to a leading work on the effectiveness of economic sanctions, the authors’ findings indicate that economic sanctions were only partially or fully effective 34 % of the time [2]. Further, the study indicates that economic sanctions are more likely to succeed the more targeted are their goals, when they are imposed against friendly and democratic countries, and also that multilateral sanctions are no more effective than unilaterally-imposed economic sanctions. On each of these points, then, this seminal work on economic statecraft indicates that the sanctions regime imposed against Russia would ostensibly fail. This being the case, why then were they introduced?

According to the literature on the uses of economic statecraft, the purposes of sanctions in general are fivefold. First, sanctions are imposed to demonstrate resolve, even if there is little real prospect of the sanctions having their intended effect. Here, the cost of inaction is deemed much greater than the imposition of the sanctions. The country or countries imposing

sanctions are demonstrating leadership in world affairs, even though once again there is no prospect sanctions will succeed in their objectives.

A second reason for sanctions imposition is to try to force a change in the target country's behavior. A recent publication by the Targeted Sanctions Consortium claims that in regard to Russian policy there is some evidence demonstrating that "...constraint in Russian political and military actions" are evident, at least as concerns pressure brought by the earliest sanctions (circa 2014–2015) [3]. However, there is no real indication that the latest series of sanctions from August 2017 and spring 2018 will have more than a limited effect.

A third rationale for levying sanctions is to deter further encroachments from the targeted country or to deter other countries from taking similar courses of action. If one analyzes speech acts of members of Congress and additional executive branch policymakers it would appear that this was a goal of those sanctions imposed upon Russia for the "election meddling" that allegedly took place before, during, and after the 2016 presidential election.

Yet another oft-cited reason for the use of economic sanctions is to effect a change in a political regime. To date, there is no indication that this was the real intention of Western-backed sanctions against the Putin regime, though elements within the Russian political elite certainly believe this to have been the case. Regardless, had this been the case, research by Escriba-Folch and Wright demonstrates that such an outcome wouldn't likely be successful against Russia, for sanctions appear to be most successful when imposed against personalistic regimes (of which Russia is not), rather than in military or single-party-dominant regimes (as Russia is), no less in such states that have significant fossil fuel reserves [4]. Indeed, Marinov concludes that there is only a 28% chance that sanctions may cause a leader to leave office after sanctions have been imposed [5]. And, yet Marinov and Escriba-Folch and Wright all suggest that sanctions may in any case be rather counter-productive when used against the latter type of regimes, as the political elite (or, in Russia's case, the "oligarchs") become more — not less — dependent upon the inner circle. Also, there is the much-known "rally around the flag effect" that often helps to insulate the regime from the possibility of an ouster, as societal support for the regime is mobilized when external threats arise.

A final reason senders use sanctions as a policy tool may be entirely related to domestic political purposes, for example, when continued sanctions against Cuba were kept in place by the American government, even after the fall of communism in 1991. In this situation, sanctions were apparently left in place because an important and active voting constituency in

south Florida were wholly supportive of keeping sanctions against Castro's regime in place.

It is my belief that this factor is most important in understanding why sanctions against Russia were recently introduced, post-2016. Here, they were not introduced in order, as is customary, in order to galvanize public support in the sending country, but for settling domestic political scores there. As such, the real drivers of sanctions policy post-2016 were the Democrats all-encompassing desire to score political points against President Trump, in the aftermath of an election contest the Democrats believe they should have easily won. Given Trump's political insecurity, much of the Republican support for continued and beefed-up sanctions emanates from neo-conservatives and "never-Trumpers", who possess a triumphalist, messianic view of America's mission and role in the world. In the end, Trump was forced to go along with heightened sanctions — even though he'd rather not — because of his political indeterminacy at home, and the ongoing Mueller investigation.

I would like to add a sixth reason here for economic sanctions being introduced, one that is overlooked in the literature, and one that I believe is rather important for understanding the sanctions against Russia. This reason has not gone solely missing from the literature, as Kim Richard Nossal's 1989 article in *International Organizations* attests [6]. Nossal's article discusses a non-"rational-means" or non-"rational-ends" purpose for economic sanctions being imposed, i. e., for the sake of retributive punishment. Here, sanctions are imposed not for deterrence or compellence, or for any of the aforementioned reasons; instead sanctions are levied for exacting retribution. As Nossal describes it, sanctions are a result of emotionalism, i. e., to "gratify the actor's emotional desire for hurting a recalcitrant government". In this scenario, they are put in place for an instrumental purpose, predicated on punishing some wrongdoing.

However, what is the instrumental good that is derived from doing so? In the Russian case, it makes us — U.S. policymakers, members of Congress, and the mass media — feel good. Thus, there is nothing in the retributive punishment that is "directed toward the future actions of the offender". And, so, if the reasons for the anti-Russia sanctions being implemented were actually the latter two reasons — for domestic considerations and for seeking retributive punishment — then their effectiveness — i. e., whether or not they deter, compel or signal — doesn't really matter, in the final analysis, because they have served their purpose by *merely* being implemented.

Though even if the sanctions were indeed implemented to deter, compel, or signal, it should have been apparent to American policymakers that they would not succeed against Russia. For one, at some point in the not too

distant future, our European partners may begin to think differently about the value of continuing the sanctions regime. For now, the European community supports limited sanctions, but we should not expect this to always be the case in the future.

Secondly, for sanctions to work, scholars agree that they must be clear, purposeful, and provide incentives to the targeted country to change its behavior. In each of these respects, the U.S. sanctions regime fails. A hodgepodge of different intents and purposes are enshrined within them. And, most importantly, no realistic roadmap is missing that would serve as a guide to Russia to follow in advance of an eventual lifting of sanctions. As the Russian International Affairs Council's "Sanctions Report" correctly noted [7], the E.U.'s sanctions are reversible; the U.S. sanctions, however, appear to be about as permanent (or "structural") as were those related to the Jackson — Vanik Amendment. As well, success in one "basket" does not imply the repeal of the law (CAATSA).

Thirdly, the sanctions regime may actually galvanize the Russian public to support the current regime; this appears to continue to be the case, as the Putin regime can use the notion of a "besieged fortress" for increasing its own legitimacy, further insulating the regime from popular accountability. Related to this is the fact that the latest series of "oligarch sanctions" may actually make this group *more, not less*, dependent upon the president and his regime. Meanwhile, sanctions may actually help Putin realize a long-cherished goal, the return of billions of dollars to Russia that had been spirited abroad some time ago by such oligarchs.

Thus, insofar as the sanctions regime remains and perhaps intensifies, it is possible that these same sanctions will increase — not decrease — the chances of Putin staying on beyond 2024 as president, or, even a worse alternative to Putin appearing thereafter...

More important than understanding the real rationale for the sanctions, or indeed the actual effectiveness of them, the political costs of these sanctions is perhaps more worrisome. In short, we have missed significant opportunities for the U.S. and Russia to negotiate over important, common national security interests, e.g., over nuclear arms control, non-proliferation, global terrorism, and the ongoing Syrian civil war and its effects upon the larger Middle East.

In the near future, perhaps the best possibility reducing these costs is a major success on the Korean peninsula. A significant advance at the upcoming foundational summit between the presidents of the U.S. and the D.P.R.K. would provide President Trump a certain amount of political capital, which he could then leverage in other danger spots, including vis-à-vis the U.S. — Russia relationship. Or, failing that, a big Democrat win

in 2018 Mid-term Elections *may* begin the tortuous, long-term process of repairing relations with Russia. In the short-term, of course, such a result would lead to a ramping up of investigations and impeachment proceedings against Trump; in the longer-term, however, it might allow for greater maneuver by a chastened — and weaker — administration, or its Democrat successor.

Whatever the outcome, it seems certain that we shall continue this imprudent and puerile course for some time yet...

References

1. Hille K. Back to the Land: Russia's Farming Transformation. *The Financial Times*, 2017. URL: <https://www.ft.com/content/b5115324-7c8e-11e7-ab01-a13271d1ee9c> (accessed: 15.06.2018).
2. Hufbauer G., Schott J., Elliott K. A., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington, Peterson Institute for International Economics, 2007.
3. Moret E. et al. The New Deterrent? International Sanctions Against Russia Over the Ukraine Crisis: Impacts, Costs, and Further Action. Graduate Institute of International and Development Studies: Geneva, 2016. URL: http://www.politico.eu/wp-content/uploads/2016/10/Russia_Sanctions_Final_Report_Grad_Inst_Geneva.pdf (accessed: 15.06.2018).
4. Escriba-Folch A., Wright J. Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers. *International Studies Quarterly*, 2010, vol. 54, no. 2, pp. 335–359. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2010.00590.x
5. Marinov N. Do Economic Sanctions Destabilize Country Leaders? *American Journal of Political Science*, 2005, vol. 49, no. 3, pp. 564–576. DOI: 10.2307/3647732
6. Nossal K.R. International Sanctions as International Punishment. *International Organization*, 1989, vol. 43, no. 2, pp. 301–322. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300032926>
7. Timofeev I. *The Sanctions Against Russia: Escalation Scenarios and Countermeasures*. Russian International Affairs Council: Moscow, 2018. URL: <https://rusiancouncil.ru/en/activity/publications/the-sanctions-against-russia-escalation-scenarios-and-countermeasures/> (accessed: 15.06.2018).

АНТИРОССИЙСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В США И ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ТРАМПА

Т. А. Шаклеина

В рамках внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов, направленной на сохранение доминирования и единоличного регулирования международных процессов, Россия всегда виделась как объект противодействия в силу проведения ею независимой внутренней и внешней политики и сохранения приверженности исторической парадигме великой державы, влиятельного игрока, отстаивающего свои национальные интересы. Политика в отношении России остается практически неизменной по содержанию и методам и будет сохранять формат холодной войны. Разработке конструктивной стратегии США на российском направлении препятствует высокая степень ангажированности американских аналитических центров и средств массовой информации. Негативное влияние на этот процесс оказывает устоявшаяся в Соединенных Штатах практика засекречивания политической информации государственными учреждениями.

Ключевые слова: США, Россия, Китай, внешнеполитическая стратегия, национальная безопасность, аналитические центры, средства массовой информации.

ANTI-RUSSIA SENTIMENTS IN THE UNITED STATES AND POLICY OF THE TRUMP ADMINISTRATION

T. Shakleina

Within the framework of the United State's foreign policy strategy aimed at preserving dominance and unilateral regulation of international processes, Russia has always been seen as an object of opposition since it pursued an independent domestic and foreign policy and remained committed to the historical paradigm of a great power, an influential player defending its national interests. The policy towards Russia remains practically unchanged in terms of content and methods and will pursue the Cold War pattern. Any positive change of the U.S. strategy towards Russia seems hardly possible, because of highly politicized attitudes of the American think tanks and mass media. Existing in the United States of classifying government information also prevents from the improvement of the situation in Russian-American relations.

Keywords: USA, Russia, China, foreign policy strategy, national security, think tanks, mass media.

Внимательное изучение социально-политической ситуации в США в годы, предшествовавшие администрации Трампа, свидетель-

Шаклеина Татьяна Алексеевна — д-р полит. наук, проф., заведующая кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД РФ, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Shakleina Tatiana — PhD (Political Science), Professor, Department of Applied International Research MGIMO University, 76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

ствовало о том, что в стране существуют серьезные противоречия в отношениях власти, особенно правящей элиты (Вашингтон), и общества (американцев). Было заметным и серьезное размежевание внутри самой правящей элиты, в экспертной среде. В стране все отчетливее проявлялись межэтнические и межрасовые противоречия. Все это создавало благодатную почву для турбулентности в периоды как президентских, так и парламентских выборов. Можно вспомнить, что во время президентских выборов 2000 и 2004 гг. голоса сторонников демократов и республиканцев разделились почти поровну, ситуация повторилась и на выборах 2008 и 2012 гг. На это нельзя было не обратить внимания. Было очевидно, что, если руководством страны не будут предприняты срочные меры хотя бы для замедления нараставших разногласий в обществе и среди представителей элиты, последствия могут оказаться весьма нежелательными.

Ситуация развивалась по нарастающей, однако представители истеблишмента не демонстрировали глубокой озабоченности происходившим в 2015–2016 гг. Делались заявления о том, что американская политическая система и американские политические институты настолько прочны и политический процесс так хорошо отлажен, что опасаться серьезной разбалансировки не стоит. О партийном кризисе вообще мало кто хотел говорить из числа вашингтонских политиков, озабоченность ситуацией проявлялась лишь у немногих политологов [1–3].

Возникла даже мысль о том, что процесс общего кризисного состояния политической системы и в разных сферах жизни американского общества зашел уже так далеко, что так просто разрешить его невозможно. Действительно, борьба между Демократической и Республиканской партиями приняла столь острый и непримиримый характер, что это вызвало рост общего недовольства среди избирателей, привело к еще большему разочарованию в традиционных политических партиях. Как отмечали отдельные американские политологи, межпартийные разногласия захлестнули не только СМИ, большая часть из которых принадлежит сторонникам Демократической партии, но и «мозговые центры». Ссорились и разрывали отношения и эксперты, придерживавшиеся разных политических взглядов, и родственники, старавшиеся не говорить о политике во время семейных встреч. Сторонники Демократической партии запрещали своим детям дружить с республиканцами [1].

Представители как печатных, так и электронных СМИ фактически пренебрегали всеми правилами политической корректности или морали: черный пиар расцвел пышным цветом. Хотя такие технологии

всегда существовали в американской политической системе, к 2016 г. они достигли просто гигантского масштаба, как по содержанию, так и по технологическому оснащению [4]. *De facto* «свобода печати» практически переродилась в «несвободу» большинства средств массовой информации; пресса почти перестала соответствовать некогда популярному тезису о том, что она «четвертая ветвь власти».

Этот процесс шел поступательно с 1970-х годов, когда разоблачительная журналистика достигла своего апогея (публикация секретных документов Пентагона, докладов о деятельности ЦРУ за рубежом, Уотергейт и др.). Правительство постепенно разработало систему засекречивания и доступа к правительственной информации, что сужало возможности получения полной информации о деятельности правительства, но открывало широкие возможности для самого правительства регулировать потоки информации по всем вопросам. В 2016 г. можно было наблюдать, что объем сведений о представителях партий и их лидерах, практически обо всех вовлеченных в политический процесс людях был огромным, но их достоверность вызывала серьезные сомнения. Почти каждый американец задавался вопросом: можно ли доверять СМИ? Существующая в США система засекречивания правительственной информации и допусков к ней столь детально разработана, что ее не так-то просто получить, особенно журналисту. Но система «утечек» информации также доведена почти до совершенства, и в большинстве разного рода случаев сенсационных разоблачений можно уверенно заявить, что те или иные сведения появились у журналистов не случайно: есть политический заказ, которым они пользуются.

Ярчайший пример информационной неразберихи, информационного тумана — кампания по разоблачению вмешательства России в избирательный процесс в США в 2016 г. В 2016–2017 гг. новая информация появлялась почти каждый день, число псевдофактов росло, но так и не удалось не только доказать это самое вмешательство, но и вообще разобраться, откуда берется информация, что это за информация, какова доля правды в ней. Простой американец, не искушенный в международных отношениях, политических интригах, может посчитать, что вмешательство было, кто-то станет в этом сомневаться, кому-то будет все равно. Но следует признать, что определенное влияние на формирование образа России эта кампания оказала. Не меньший негативный эффект она имела и для общего состояния российско-американских отношений.

Известно, что почти всегда политика и симпатии ведущих СМИ диктуются владельцами информационных компаний и группами ин-

тереса, стоящими за правящими партиями. Долгое время «мозговые центры», помимо научного обеспечения политики страны, претендовали на роль независимых от правительства, работающих на общество (народ Америки). Хотя такое утверждение можно было принять с большими оговорками, определенная доля независимости оставалась. Но по мере обострения межпартийных и межгрупповых разногласий в политическом истеблишменте и обществе центры также оказались подвержены идейному противостоянию. Немалую роль в этом повороте играют те группы интереса, частные фонды, министерства и другие ведомства, которые заказывают исследования и требуют соответствия результатов и рекомендаций своим взглядам и интересам. Часто нет заинтересованности в получении объективных результатов, хочется получить то, что нужно. Вследствие ужесточения политики со стороны частных и ведомственных заказчиков многие эксперты не могут писать то, что считают важным и нужным, перестают активно работать, на авансцену выходят «говорящие головы» или идейные лидеры, напоминающие в своем рвении евангелистов [5, с. 109–133], [1, с. 124–145].

В Америке многие задумываются над тем, как изменить сложившуюся внутривластную ситуацию, как остановить идейное противостояние в обществе и в политике. Усиление фактора идеологии очень заметно не только во внутренних делах, но и во внешнеполитической деятельности США. Критика администрации Трампа демократическими СМИ не решает проблемы того, какой должна быть стратегия США, ошибочна ли она именно у республиканцев: и демократы, и республиканцы выступают за политику воинственную, непримиримую, нацеленную на однополярный порядок и доминирование Америки. В данном случае журналисты с явным рвением такую политику поддерживают (становясь фактически частью правительства, а не «четвертой ветвью власти», о чем ранее говорилось). Среди представителей «мозговых центров» все-таки есть немало экспертов, которые не одобряют полностью политику США, но говорить и писать об этом не могут. Игрет роль фактор корпоративной сплоченности, финансов и сохранения работы. Лишь немногие критикуют действия США, правда не отрицая их сверхдержавной роли в мировой политике и утверждая, что пока, да и в обозримом будущем, Соединенным Штатам никто из числа других крупных держав не угрожает, так как почти во всем каждая из них, да и они вместе, уступают Америке. Авторитетные американские политологи У. Уолфорт и С. Брукс усматривают возможность приближения к сверхдержаве у КНР, но и то с большой долей сомнения [6]. В 1999 г. У. Уолфорт написал, что сложившийся

к концу 1990-х годов порядок стабилен и однополярен [7]. По прошествии почти 20 лет он не изменил своей точки зрения, добавив оговорку относительно появления других центров силы с разным регулирующим потенциалом.

Действительно, у Америки огромный потенциал и организационный ресурс, но проблема состоит не в том, чтобы ей противостоять, а в том, чтобы сделать возможным для других держав отстаивать свои интересы без ущерба со стороны США, которые пока не готовы считаться с интересами других игроков. Следует отметить, что в том случае, если Россия и КНР сумеют установить стратегические отношения, направленные на реализацию национальных интересов как каждой из сторон, так и общих для них (совсем необязательно в формате жесткого противостояния Америке), такой альянс может существенно ограничить возможности США и даже воспрепятствовать дальнейшему утверждению либерального мирового порядка западно-центричного порядка. Как можно видеть из внешнеполитического документа администрации Трампа 2017 г., Соединенные Штаты хотя и объявляют Россию и КНР вызовами для Америки, но ставят их рядом, они хотят не только сдержать эти державы, но и всячески воспрепятствовать их геополитическому сближению по вопросу формирования мирового порядка [8, с. 1–2]. Пока неясно до конца, как поведет себя Китай в отношении России: захочет ли оттеснить ее на второстепенные роли, став второй сверхдержавой, или пойдет по пути стратегического взаимодействия в деле формирования основ мирового порядка, что сделает его более приемлемым для обеих держав. В таком случае нельзя исключать сценария нового биполярного порядка, где один полюс будет представлен США, а другой — РФ и КНР. Возможен вариант с порядком, действующим на основе трех центров силы — США, России и Китая, но пока Америка не готова принять и этот вариант глобального управления¹.

Россия занимает особое место в политике США. Ситуация, сложившаяся к 2019 г., позволяет сказать, что прослеживается ответственность в том, в каком формате строится политика в отношении России, в методах сдерживания России, в формировании неблагоприятной международной среды и образа России в США. Изменение существа Российского государства не меняет отношения к ней Америки, так как не меняется великодержавная и порядкоформирующая парадигма существования России.

¹ Такой точки зрения, в частности, придерживается А.Д. Богатуров, считающий, что мы уже живем в трехполюсном мире. Об этом он пишет в своей книге [9].

Главное расхождение между двумя державами имеет непосредственное отношение именно к формированию основ мирового порядка, поэтому можно предположить, что накопившиеся трудности в реализации концепции либерального мирового порядка обусловили такой резкий поворот в политике США в целом и в отношении России. Д. Трамп делает то, что другие президенты также были бы вынуждены делать, лишь, может быть, с иной тактикой. Для успеха американского сценария необходимо нейтрализовать активность и противодействие со стороны ряда ведущих игроков, прежде всего Китая и России, на время притормозить действия на отдельных направлениях (Транстихоокеанское партнерство, Арабский Восток), попробовать исправить негативные последствия глобальной политики США для экономики страны, решить важные внутривластные проблемы (межпартийный кризис, внутривластный кризис обеих правящих партий, кризис политической системы). Пауза в реализации глобальных целей США не означает отхода от глобальности, доминирования и гегемонизма. Положения СНБ 2017 яркое тому свидетельство, а все действия администрации Трампа не противоречат тому, что до этого делали другие администрации.

По мере реализации американских глобальных планов правительство США обозначало те препятствия и угрозы, среди которых назывались диктатуры, терроризм, незаконная миграция, эпидемии, военное отставание Америки от России, собственно Россия и Китай, распространение ОМУ, Иран и КНДР. Если после окончания холодной войны угроз вроде не было, то затем они постепенно появлялись и усиливались. По оценкам американских политиков и экспертов, к 2016–2019 гг. их стало так много, что требуется проявить еще большую решительность в борьбе с ними и развить военную мощь до масштабов, недостижимых ни для одной из держав или даже группы стран. Для этой цели была объявлена новая холодная война с Россией и торговая война с КНР. Активизировалась политика в отношении стран Южной и Центральной Америки, чтобы более заметно обозначить американское влияние. В АТР активизировались действия США в отношении Японии и Республики Корея, ведется активная политика в отношении Вьетнама и ряда стран Юго-Восточной Азии с целью не допустить усиления влияния Китая.

Насколько результативной будет политика США по восстановлению моноцентричного порядка, пока сказать трудно. Эффективность снижается внутривластическими неурядицами и почти войной между партиями, Конгрессом и исполнительной властью, прессой и президентом. В этой ситуации России придется действовать в контексте

весьма агрессивной политики Соединенных Штатов, не оставляя действий по сохранению пусть и ограниченного дипломатического и экспертного диалога.

Известный американский специалист по России и СССР профессор Н. Нунан считает, что у США никогда не было хорошо продуманной стратегии в отношении России (СССР), действия США носили реактивный характер, поэтому было столько метаний, осложнений, холодных войн [10, с. 58–92]. На наш взгляд, можно относиться к этому мнению по-разному, но одно остается неоспоримым: политика в отношении России (СССР) напрямую вытекала из глобальной (большой) стратегии Соединенных Штатов, а цель этой стратегии — доминирование и глобальное регулирование, моноцентричный порядок в разных вариациях при преобладающей позиции США [9, с. 12–57].

В рамках стратегии Соединенных Штатов Россия всегда виделась как объект противодействия, так как была независимой в своей внутренней и внешней политике и сохраняла приверженность исторической парадигме великой державы, влиятельного игрока, отстаивающего свои национальные интересы. Это означает, что политика в отношении России всегда определяется основами американской стратегии, остается практически неизменной по содержанию и методам и сохранит формат холодной войны до тех пор, пока США будут стараться реализовать до конца свои глобальные цели, а Россия — оставаться великой державой и активно действовать на поле формирования мирового порядка XXI века.

Литература

1. *Drezner D. W.* The Ideas Industry. New York: Oxford University Press, 2017.
2. *Hendrickson D.* Republic in Peril. American Empire and the Liberal Tradition. New York: Oxford University Press, 2018.
3. *Pillar P. L.* Why America Misunderstands the World. National Experience and Roots of Misperception. New York: Columbia University Press, 2016.
4. *Шаклеина Т. А.* Внутриполитическая ситуация в Вашингтоне, роль СМИ и российско-американские отношения // Перспективы. 2018. URL: http://www.perspektivy.info/оукумена/amerika/vnutripoliticheskaja_situacija_v_vashingtone_rol_smi_i_rossijsko-amerikanskije_otnoshenija_2018-10-19.htm?bitrix_include_areas=Y&SECTION_CODE=amerika&CODE=vnutripoliticheskaja_situacija_v_vashingtone_rol_smi_i_rossijsko-amerikanskije_otnoshenija_2018-10-19&clear_cache=Y (дата обращения: 05.03.2019).
5. Введение в прикладной анализ международных ситуаций: учебник / под ред. Т. А. Шаклеиной. Изд. 2-е. М.: Аспект Пресс, 2017.
6. *Brooks St., Wohlforth W.* America Abroad. The United States' Global Role in the 21st Century. New York: Oxford University Press, 2016.

7. Wohlforth W. C. The Stability of a Unipolar World // *International Security*. 1999. Vol. 24, no. 1. P. 5–41.
8. National Security Strategy of the United States of America. 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 22.02.2019).
9. Системная история международных отношений. Опять разделённый мир. 1980–2018 / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Юрайт, 2019.
10. *Russia and the United States in the Evolving World Order* / ed. by A. Torkunov, N. Noonan, T. Shakleina. M.: MGIMO University, 2018.

References

1. Drezner D. W. *The Ideas Industry*. New York, Oxford University Press, 2017.
2. Hendrickson D. *Republic in Peril. American Empire and the Liberal Tradition*. New York, Oxford University Press, 2018.
3. Pillar P. L. *Why America Misunderstands the World. National Experience and Roots of Misperception*. New York, Columbia University Press, 2016.
4. Shakleina T. A. The internal political situation in Washington, the role of the media and the Russian-American relations. *Perspektivy*, 2018. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/vnutripoliticheskaja_situacija_v_vashingtone_rol_smi_i_rossijsko-amerikanskije_otnoshenija_2018-10-19.htm?bitrix_include_areas=Y&SECTION_CODE=amerika&CODE=vnutripoliticheskaja_situacija_v_vashingtone_rol_smi_i_rossijsko-amerikanskije_otnoshenija_2018-10-19&clear_cache=Y (accessed: 05.03.2019). (In Russian)
5. *Introduction to applied analysis of international situations*. Textbook. Ed. by N. Y. Shakleina. Moscow: Aspekt Press, 2017. (In Russian)
6. Brooks St., Wohlforth W. *America Abroad. The United States' Global Role in the 21st Century*. New York, Oxford University Press, 2016.
7. Wohlforth W. C. The Stability of a Unipolar World. *International Security*, 1999, vol. 24, no. 1, pp. 5–41.
8. *National Security Strategy of the United States of America*. 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 22.02.2019).
9. *Systemic history of international relations. Again a divided world. 1980–2018*. Ed. by A. D. Bogaturov. Moscow: Yurait Publ., 2019.
10. *Russia and the United States in the Evolving World Order*. Ed. by A. Torkunov, N. Noonan, T. Shakleina. M., MGIMO University, 2018.

Раздел II

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 327

ПОЛИТИКА Д. ТРАМПА В АТР В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2017 — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 2018 г.)*

Я. В. Лексютина

В статье оцениваются изменения в американской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, привнесенные администрацией Д. Трампа в 2017 г. и первой половине 2018 г. При этом региональная стратегия США рассматривается во взаимосвязи с динамикой развития американо-китайских отношений.

Ключевые слова: США, Китай, американо-китайские отношения, АТР, ИТР, Восточная Азия.

D. TRUMP'S POLICY IN THE ASIA-PACIFIC WITHIN THE CONTEXT OF U.S. — CHINA RELATIONS (2017 — BEGINNING 2018)

Ya. V. Leksyutina

The article evaluates the changes in the U.S.' strategy in the Asia-Pacific under D. Trump administration in 2017 and the former part of 2018. U.S.' regional strategy is analyzed in the article in the correlation with the dynamic of the U.S. — China relations.

Keywords: USA, China, U.S. — China relations, Asia-Pacific, Indo-Pacific, East Asia.

Достаточно острое американо-китайское соперничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) возникло в годы президентства Б. Обамы, в 2009 г. взявшего курс на «возвращение в Азию» или «ребалансирование в сторону АТР» (обнародован двумя годами позже —

Лексютина Яна Валерьевна — д-р полит. наук, проф. кафедры американских исследований СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Leksyutina Yana — Doctor of Political Sciences, Professor, American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016-ОГН.

в 2011 г.). Основными направлениями ребалансирования, которые вызывали противоречия во взаимоотношениях США с Китаем, были действия Вашингтона по созданию Транстихоокеанского партнерства (ТТП) как новой американской версии экономической интеграции в АТР (в противовес продвигаемой Пекином интеграции в рамках АСЕАН+6 — Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, ВРЭП), а также форсированное наращивание военно-политического присутствия США в регионе. В годы президентства Обамы и США, и Китай занимались наращиванием военного присутствия в регионе, выразившегося как в увеличении их воинских контингентов в АТР, так и в интенсификации проводимых в регионе военных учений. Среди прочего Вашингтон сфокусировал усилия на укреплении системы военно-политических союзов с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Таиландом и Австралией. Конкурируя друг с другом, США и Китай начали активно заниматься вовлечением в сферу своего влияния ключевых стран региона. Наиболее примечательным феноменом стала нормализация отношений Вашингтона с Мьянмой, которой отводилась весьма важная роль в китайских внешнеполитических планах.

Углубив свою вовлеченность в дела региона, Вашингтон стал активно вмешиваться в вопросы, которые ранее мало волновали США. Вмешательство США повлекло за собой сильное обострение таких латентных проблем, как территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Соответственно проблематика свободы навигации вышла на первый план американо-китайского взаимодействия в тот период.

В целом интенсификация американо-китайского регионально-соперничества в годы президентства Обамы стала оказывать деструктивное влияние на ситуацию в сфере безопасности в АТР: в регионе обострились некогда угасшие территориальные споры, стала происходить гонка вооружений, по-прежнему остро на повестке дня стояла северокорейская проблема. Положительные изменения произошли только на тайваньском направлении — стабилизировалась обстановка в Тайваньском проливе, тайваньская проблема присутствовала в американо-китайских отношениях весьма незначительно (в отличие от периода предшествовавшей администрации Дж. Буш-мл.). Однако это объяснялось не особой тайваньской политикой Обамы, а главным образом сменой администрации на Тайване (в 2008 г. на посту главы тайваньской администрации Чэнь Шуйбяня сменил представитель Гоминьдана Ма Инцзю) и ее новой, компромиссной политикой в отношении Китая.

Придя к власти в США в 2017 г., Д. Трамп в целом подтвердил взятый Обамой курс на активное участие в делах АТР. Редко прибегая к столь популярному ранее слову «ребалансирование», новая американская администрация систематически акцентирует внимание на том, что АТР является значимым внешнеполитическим приоритетом. Сохраняя преемственность в понимании важности этого региона для американских интересов, администрация Трампа тем не менее за весьма короткий промежуток времени пребывания у власти внесла определенные изменения в американскую стратегию в регионе.

Сильнейшим отступлением от политики Обамы в регионе стал по инициативе Трампа выход США из ТТП. Отказ от флагманского проекта Обамы оказал серьезное воздействие на складывание региональной ситуации. Этот шаг, казалось бы, облегчавший Китаю продвижение моделей региональной интеграции (а именно ВРЭП и зоны свободной торговли АТР) и временно вызвавший растерянность среди стран — участниц переговорного процесса по созданию ТТП (в особенности со стороны Японии), как показало дальнейшее развитие событий, побудил Японию — соперника Китая за региональное лидерство — активизировать свою внешнюю политику и перехватить лидерство в ТПП у США. Токио инициировал переговоры между странами — участницами ТТП, направленные на выработку стратегии объединения в условиях выхода из него Вашингтона. В результате переговорного процесса было согласовано Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для ТТП, объединяющее 11 экономик с лидерской ролью Японии.

Серьезное изменение в американском подходе к Китаю было зафиксировано в опубликованной в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США. В отличие от выпущенной в 2010 г. администрацией Обамы Стратегии национальной безопасности, где акцент был сделан на развитии позитивных, конструктивных и всеобъемлющих отношений с Китаем, в новой редакции этого ключевого внешнеполитического документа Китай и Россия были названы соперниками США и ревизионистскими государствами, бросающими вызов американскому могуществу, влиянию и интересам и стремящимися подорвать безопасность и процветание США [1, p. 2, 25]. Восприятие Китая как стратегического соперника и ревизионистского государства было усилено в опубликованной в январе 2018 г. Национальной оборонной стратегии. Этот документ начинался с констатации того, что первоочередная озабоченность США теперь связана не с терроризмом, а с возрождением межгосударственного стратегического соперничества. Главным приоритетом Министерства обороны

США называлось долгосрочное стратегическое соперничество с Китаем и Россией (именно в такой последовательности) [2].

В этой связи отнюдь не случайно акцентированное внедрение администрацией Трампа в мировой внешнеполитический дискурс представлений об Индо-Тихоокеанском регионе¹. Практически полностью отказавшись от употребления понятия «Азиатско-Тихоокеанский регион», заменив его «Индо-Тихоокеанским регионом», Вашингтон таким образом пытается вовлечь в дела региона Индию, с которой у США сформировались весьма тесные многоплановые отношения и которая рассматривается как важный противовес усиливающемуся Китаю. Администрация Трампа также усилила акцент на взаимодействии в регионе в четырехстороннем формате — США, Индия, Япония и Австралия (при Обаме акцент в многостороннем сотрудничестве делался на трехсторонних блоках: США — Япония — Австралия; США — Япония — Индия; США — Япония — Южная Корея). Популярной становится высказанная еще десятилетие назад С. Абэ идея «альянса демократий».

Говоря об акцентах внешней политики США в регионе, следует отметить, что безусловным приоритетом для администрации Трампа стала северокорейская ядерная проблема. И хотя Трамп и Си Цзиньпин были солидарны в том, что ядерная программа Пхеньяна неприемлема, предлагаемые лидерами двух государств методы решения проблемы сильно расходились. США твердо отстаивали необходимость усиления давления на Пхеньян с целью принудить его отказаться от развития ядерной программы, а Китай вместе с Россией стояли на позициях «двойного прекращения» или «двойной заморозки» — прекращения совместных военных учений США и Южной Кореи в обмен на приостановку ядерной программы Северной Кореи. Важной задачей на северокорейском направлении для Трампа было привлечение Пекина к сотрудничеству в северокорейском вопросе. С этой целью Трамп даже прибег к политическому шантажу — он открыто заявил о том, что от готовности Пекина оказать содействие в урегулировании северокорейского вопроса путем усиления экономического давления на Пхеньян будет зависеть разрешение американо-китайских торговых споров. Китай в общем и целом шел на уступки США в северокорейском вопросе, вводя умеренные санкции против Пхеньяна. Признавая готовность Пекина содействовать

¹ Следует, однако, подчеркнуть, что об Индо-Тихоокеанском регионе стали активно говорить еще в годы администрации Обамы, и вовлечение Индии в дела региона с целью уравнивания регионального влияния Пекина активно осуществлялось администрацией Обамы [3, с. 20].

в решении северокорейского вопроса, Вашингтон тем не менее нередко критиковал Пекин за недостаточное давление на Пхеньян, так как 93 % внешней торговли Северной Кореи приходилось на Китай. Определенный диссонанс в американско-китайские отношения вносили также систематически вводимые администрацией Трампа санкции в отношении иностранных компаний (среди которых нередко были китайские компании), подозреваемых в поддержании незаконных торговых связей с Северной Кореей.

На динамику ситуации в северокорейском вопросе существенное влияние оказала изменившаяся линия поведения Ким Чен Ына, продемонстрировавшего открытость к ведению прямого диалога с лидерами Южной Кореи и США. Это способствовало снижению значимости Пекина для США с точки зрения урегулирования северокорейской проблемы и позволило Трампу усилить экономическое давление на Китай, поэтому в американско-китайских отношениях в первой половине 2018 г. со всей серьезностью встала перспектива торговой войны [4].

Особо стоит отметить, что вплоть до осени 2017 г. ситуацию в регионе осложняли планы развертывания американской ПРО ТВД в Южной Корее (соответствующая договоренность между Вашингтоном и Сеулом, объяснявших этот шаг угрозой со стороны северокорейских ракет, была достигнута еще администрацией Обамы в июле 2016 г.). Развертывание американской ПРО ТВД стало серьезным дестабилизирующим фактором в отношениях между Южной Кореей и Китаем, приступившим к оказанию сильного комплексного экономического давления на Сеул. Кризис в китайско-южнокорейских отношениях был преодолен осенью 2017 г., когда под давлением введенных Пекином экономических санкций Сеул дал три обещания, открывших дорогу нормализации отношений между двумя странами: количество комплексов ПРО ТВД не будет увеличено, они не будут направлены против Китая, а военное сотрудничество между Южной Кореей и США не приведет к возникновению трехстороннего альянса Вашингтон — Сеул — Токио.

Некоторые изменения в региональной ситуации наметились при Трампе и на другом направлении — в вопросах Южно-Китайского моря. Американско-китайский контекст проблематики Южно-Китайского моря включает две составляющие: проблематику свободы навигации в спорной акватории, эпизоды противостояния американских и китайских судов в морском и воздушном пространстве Южно-Китайского моря и активизацию усилий Вашингтона по включению в процесс урегулирования территориальных притязаний Китая и отдельных государств АСЕАН на ряд островов и акваторию Южно-Китайского моря.

Во время пребывания Трампа у власти ситуация в Южно-Китайском море, с одной стороны, стабилизировалась. Китай временно прекратил намывание новых островов в спорных акваториях, сосредоточившись на возведении на них военной инфраструктуры. Страны Юго-Восточной Азии сбавили свою критическую в отношении Пекина риторику. В особенности изменение линии поведения в территориальных спорах в Южно-Китайском море проявилось со стороны Филиппин: пришедшее в июне 2016 г. новое руководство страны в лице Р. Дутерте взяло курс на гармонизацию отношений с Китаем. Инициированный предыдущим президентом Филиппин Б. Акино международный арбитраж по вопросу Южно-Китайского моря, вызывавший категорическое непринятие со стороны Пекина, также был завершен в июле 2016 г., а его решения не были введены в действие. Китай и АСЕАН приступили к разработке кодекса поведения в Южно-Китайском море.

Вместе с тем тенденцией последних полутора лет (2017 — первая половина 2018 г.) стало изменение вектора противоречий в Южно-Китайском море: на смену напряженности между Китаем и странами Юго-Восточной Азии вокруг территориальных споров пришло обострение противоречий между Китаем и США по вопросу свободы навигации в Южно-Китайском море. Вашингтон стал регулярно проводить операции в поддержку свободы навигации (*freedom of navigation operations*, FONOPS) в данной акватории. Сильный резонанс имели события 25 мая 2017 г., когда эсминец ВМС США без получения соответствующих разрешений вошел в акваторию спорного архипелага Спратли и находился там на расстоянии 12 морских миль на протяжении 1,5 часов у рифа Мисчиф. В первой половине 2018 г. достоянием общественности стали два случая проведения США операций в поддержку свободы навигации — 17 января и 23 марта. Случаи противостояния американских и китайских военных судов, опасного сближения военных самолетов и кораблей США и Китая в оспариваемых акваториях и воздушных пространствах над ними происходят систематически. Более того, в этом вопросе с США сейчас активно солидаризируются Япония и Австралия.

В американо-китайском взаимодействии в регионе при Трампе снова возник тайваньский вопрос, фактически исчезнувший с повестки дня американо-китайских отношений в годы деятельности администрации Обамы. Обострению тайваньского вопроса способствовали как возвращение к власти на Тайване после восьмилетнего перерыва администрации Демократической прогрессивной партии, традиционно выступающей за независимость острова, так и неосто-

рожные действия Трампа, который, вступив в должность президента, еще не особо разбираясь в тонкостях тайваньского вопроса, сделал ряд шагов и заявлений, привлечших лишнее внимание к тайваньской проблеме (это телефонный разговор Трампа с главой тайваньской администрации Цай Инвэнь, а также озвученное Трампом намерение изменить политику «Одного Китая»). Однако то, что сначала большинством экспертов было интерпретировано как неопытность Трампа в тайваньском вопросе, оказалось изменением в тайваньской политике США. На протяжении последовавших полутора лет (2017 и первой половины 2018 г.) Вашингтон систематически подтверждал свое намерение развивать отношения с тайваньской администрацией вопреки недовольству Пекина. В частности, Вашингтон продолжил практику продажи Тайваню вооружений (очередная была одобрена к продаже Тайваню летом 2017 г. на сумму в 1,3 млрд долл.), в марте 2018 г. Трамп подписал «Закон о поездках на Тайвань», открывший возможность для обмена визитами на всех уровнях между высокопоставленными представителями США и Тайваня.

Обострению тайваньской проблемы в американо-китайских отношениях способствовали и действия Пекина. Это, например, регулярно проводимые Пекином в целях устрашения военные учения близ Тайваня, открытие Китаем в одностороннем порядке новых авиамаршрутов близ середины линии в Тайваньском проливе, блокирование участия Тайваня во Всемирной ассамблее здравоохранения и т. д. и т. п.

Подводя промежуточные итоги политики администрации Трампа в АТР и ее влияния на развитие американо-китайских отношений, можно выделить следующие ключевые моменты: регион не только не потерял своей значимости для США, но и приумножил ее; Китай стал позиционироваться как один из двух (наряду с Россией или даже более главный) стратегических соперников США; Вашингтон предпринимал усилия по вовлечению к сдерживанию Китая в регионе своих союзников и близких партнеров (Индию, Японию, Австралию); северо-корейская ядерная проблема в целом оказывала стабилизирующее влияние на американо-китайские отношения (до тех пор, пока Трамп был заинтересован в привлечении Китая к сотрудничеству по северо-корейскому вопросу, американская администрация не инициировала «торговую войну» с Китаем); американо-китайские противоречия в регионе при Трампе в рассматриваемый период концентрировались преимущественно вокруг вопроса свободы навигации в Южно-Китайском море и тайваньской проблемы.

Литература

1. National Security Strategy of the USA. 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (accessed: 02.06. 2018).

2. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the USA. Available at: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 02.06. 2018).

3. Лексютина Я. В. «Возвращение в Азию» — внешнеполитический курс Б. Обамы: итоги пяти лет реализации // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 10. С. 17–34.

4. Лексютина Я. Торг здесь неуместен // Профиль. 2018. URL: <http://m.profile.ru/politika/item/125565-torg-zdes-neumesten> (дата обращения: 05.06.2018).

References

1. National Security Strategy of the USA. 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (accessed: 02.06. 2018).

2. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the USA. Available at: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 02.06. 2018).

3. Leksyutina Ya. V. “Return to Asia” — V. Obama’s foreign policy: results of five years of implementation. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul’tura*, 2015, no. 10, pp. 17–34. (In Russian)

4. Leksyutina Ya. Trading here is inappropriate. *Profil’*. 2018. Available at: <http://m.profile.ru/politika/item/125565-torg-zdes-neumesten> (accessed: 5.06.2018) (In Russian)

УДК 327

CYBERNETIZATION OF THE U. S. ENVIRONMENTAL POLICY. CASE STUDY: ENVIRONMENTAL PROTECTION AGENCY 2.0

Grigoriy Yarygin

The author argues that cybernetization of the U.S. environmental policy is an integral feature of modern development of American green policy. Evolution of communication of the United States Environmental Protection Agency with the public, rethinking the concept

Yarygin Grigoriy — PhD (Political Science), Associate Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russian Federation.

of delivering a green message by the governmental institution and digitalization of means and instruments of dealing with the environmental agenda present the key focus of analysis. The author reveals and examines a set of the U.S. digital environmental policy distinguishing characteristics meanwhile identifying major challenges for cybernetization of governmental green domain.

Keywords: USA, the U.S. digital environmental policy, EPA, social media, digital green message.

The U.S. environmental policy is powered by the Environmental Protection Agency established in 1970 on the wave of governments' greening all over the world. 1970s became the era when national governments designed institutions (ministries, agencies, committees etc.) responsible for the conservation and healing nature. The 2018 EPA is staffed with approximately 12 thousand employees and rather modestly funded with various reservations for \$5,7 bln in 2018 [1] and \$6,1 bln in 2019 [2], experiencing budget cuts and leadership challenges.

Since 2017 by 2019 the Environmental Protection Agency experiences progressive budget cut for almost all object classes [3].

The essence and certain controversial features of modern U.S. environmental policy is being debated by American and foreign experts. At the same time regardless of recent and ongoing structural problems EPA maintains and promotes high national green standards. Such dual perception of the U.S. federal efforts focused on the protection of the environment stipulates discrete analysis of the efficiency of the U.S. environmental protection and conservation.

The U.S. environmental policy has gone through many phases of evolution. Some of them had strategic and essential nature, while others — tactic and instrumental. The most recent stage of modernization to a large degree relates to appearance of American green policy and begins in 2010s reforming means and methods of delivering governmental green message to interested parties relying on digital model of engagement with audience. EPA has reached positive results in upgrading so called “look” of the environmental policy by going online and intervening social media sanctuary.

EPA progress rests on cybernetization of its activity. It saves financial resources allowing maintaining and expanding its activity in circumstances of steadily decreasing EPA's budget. In this regard the U.S. digital environmental policy possesses a number of distinguishing characteristics:

- EPA bets on intensive audience engagement,
- Delivering governmental green message EPA heavily relies on social media,
- EPA's lagging behind young people digital preferences,

- EPA practices delegation of authority to engage with public, professionals and journalists,
- EPA drifts to utilization of open source information in its work,
- Environmental policy and digital environmental policy suffers politicization,
- Current Witch-hunt in Russian context contributes to over politicization of the U.S. environmental agenda,
- some others.

These distinguishing characteristics may be qualified as follows:

To reach and engage the public has always been one of the main functions of Environmental Protection agency. This is how federal government explains its environmental priorities and promotes green agenda, establishes feedback channels for interested groups. Throughout its history EPA has applied a wide number of instruments targeting public and receiving a feedback. In *Pre Internet era* EPA leaned on paper based reports, publications, newspapers, radio and TV journalists' minutes, open hearings and meetings.

Meanwhile interested groups not necessarily apply such channels for communication relying upon traditional instruments of civil society such as marches, newspapers, mails, TV, Radio, publishing books, lobbying etc. In majority of cases the effect of such public initiatives was slow and localized.

Internet era has prompted governmental institutions to apply electronic resources to strengthen their organizational capacities. EPA gradually went online applying traditional web platforms and instruments such as website and e-mail boxes. Consequently EPA reached a larger audience, simplified communication with public, but still maintained traditional style of one way information stream, being the sole leader of a content supplier.

Rather conservative governmental organizations found new tools and technologies with social media. Social media allowed radically and visibly increasing the number of EPA supporters and followers, fostered environmental dialogue and 2.0 discussion, eventually building trust and confidence. Nowadays EPA is among the most active U.S. governmental agencies Internet users. As for May 13, 2018 Environmental Protection Agency maintains 111 Social Media accounts.

EPA declares its purposes and neutrality with regard to selection of social media platforms to meet its commitments. "EPA uses social media technologies and tools to share information for everyone to gain a better understanding of environmental conditions and solutions. We make every effort to observe requirements related to federal activities, such as transparency, public process, or privacy. EPA doesn't endorse any particular social media site or technique."

	Social Media used by EPA [4] (2018, May 13)	Number of accounts
1	Blogs and Discussion Forums	18
2	Challenge.gov	1
3	Facebook	45
4	Flickr	1
5	Instagram	1
6	Pinterest	1
7	RSS Feeds	1
8	Storify	1
9	Thunderclap	1
10	Twitter	38
11	Widgets	1
12	Wikis	1
13	YouTube	1
	Total	111

EPA and other governmental organizations apply predominantly social media leaving behind messengers and websites due to the tendency dismaying the fact that American citizens obtain information mainly from social media. This tendency relates to active users of other key social media.

EPA apparently prefers Facebook to other social media platforms. 67% of social media users in the USA stay with Facebook, 44% of them perceive Facebook as the primary source of information rather than a communicative tool. The same general trend repeats with other social media in the USA: Twitter, YouTube, Instagram, LinkedIn etc. [5]. Based on the Wall street journal surveys of 2013–2017 average American inhabitant (including millennials) tends to spend 44 minutes daily browsing the Internet and 38 minutes communicating on social networks. Email checking legs far behind.

At the same time according to 2018 Statista report Facebook has become the most popular social media resource worldwide surpassing population of China and reaching 2,23 bln users [6]. Based on the Internet World Statistics 2018 — 95% of North Americans have accounts on Facebook. Almost 34% of the Earth population already use social networks and 27%

are Facebookers (to be compared to 4,6 % Twitteritarians). By 2018 general number of world social networks users (3,4 bln) came very close to the total number of world Internet users (4 bln) [7].

At the same time EPA is failing catching up with preferences of young American generation with regard to social media choice. Facebook (76%), Instagram (47%) and Snapchat (39%) (correspondingly) represent first three choices of social media apps for Americans aged 18–34, ahead of Twitter (22%), Google+ (20%) and Pinterest (19%). Thus EPA misses a large target group by maintaining a big number of Facebook and Twitter accounts while younger Americans are much more likely to be on other social media [8].

The responsibility to manage the information for supporting the EPA's mission rests with specially designated Office of environmental information. The Office "identifies and implements innovative information technology and information management solutions that strengthen EPA's ability to achieve its goals. ...Ensures the quality of EPA's information and the efficiency and reliability of EPA's technology, data collection and exchange efforts and access services... Provides technology services and manage EPA's IT investments" [9]. The OEI has a complex and detailed organization. It consists of 7 functional subdivisions: 1) Office of Information Management; 2) Office of Information Security and Privacy; 3) Office of Enterprise Information Programs; 4) Office of Customer Advocacy, Policy and Portfolio Management; 5) Office of Business Operations and Services; 6) Office of Digital Services and Technical Architecture; 7) Office of IT Operations. Each of these subdivisions either directly involved into digitalization of EPA's activity or provides services for such digitalization. EPA practices widescale delegation of authorities to employees in field of online activity. Employees are encouraged to maintain personal and professional-personal accounts on social media platforms simultaneously. At the same time posting is not chaotic and is rather regulated. EPA employees must follow the procedures and policies for creating content for the web and especially for social media resources. The list of EPA's policies in this regard includes 1) Social Media Policy (approved in 2011 and reviewed in 2014); 2) Using Social Media to Communicate Internally at EPA Procedure; 3) Using Social Media to Communicate with the Public Procedure; 4) Representing EPA Online Using Social Media Procedure; 5) Managing Social Media Records; 6) the Agency's Environmental Information Management Policy of 2015.

Furthermore, Scott Pruitt, then EPA Administrator, in 2018 reviewed EPA policies concerning validity of information used by EPA itself for elaborating policies and setting standards, and enforced "full transparency". Scott Pruitt suggested the "Agency to use only scientific studies where the

underlying data is publicly available. Pruitt said the change would expand the ability of scientists and the public to «comment on the veracity, the authenticity» of data behind EPA decisions” [10].

Administrative turmoil has become a distinctive characteristic of the USA federal governmental system in post 2016 period. It has embraced the Environmental protection agency and its Chief Administrator who has left the Office in 2018 under heavy criticism of political and economic nature. Unlikely this can influence EPA’s strategic choice of information management solutions, however proves deficit of sustainable leadership in the institution responsible for sustainable development of the nation.

What can and definitely will influence digitalization of Environmental Protection Agency activity and cybernetization of the U.S. environmental policy itself is the witch hunt searching for Russian interference in different realms in the USA. On March 1, 2018 United States House of Representatives Committee on Science, Space, and Technology has published the Majority Staff Report “Russian Attempts to Influence U.S. Domestic Energy Markets by Exploiting Social Media” [11]. Authors of the Report argue that Russia seeks to influence U.S.energy markets applying environmental agenda and using social media. “Russian-sponsored agents funneled money to U.S.environmental organizations in an attempt to portray energy companies in a negative way and disrupt domestic energy markets. ...Russia may have exploited American social media platforms to accomplish its disruptive objectives” [11, p.2]. As part of its expanded investigation the Committee indeed requested data from Facebook and Twitter [11]. The next day after issuing the Report mass media resonated with large number of publications linking potential Russian interference into environmental and energy policies to feasible Russian meddling into the U.S. elections [12]. Reuters reports quoted the Congressional report accenting the fact that “The lawmakers linked some 9,100 posts on Twitter, Facebook, and Instagram between 2015 and 2017 to operatives including the St. Petersburg-based Internet Research Agency, a Russian propaganda arm known for its trolling on social media” further elaborating based on the Report findings that “information provided by Twitter showed more than 4 percent of all tweets by the Internet Research Agency were related to energy or environmental issues, compared to 8 percent of its tweets on the elections.” Many of posts mentioned in the Report appeared without any connection to EPA’s publications or accounts, however could be dedicated to the themes reflected in EPA’s social media posts. It must be noted that Environmental Protection Agency does not disregard a potential of public opinion manipulation by interested parties of any origin. Official EPA’s web site contains “EPA’s third-party web site disclaimer” stating that “that EPA

uses third-party sites (<various social media accounts> by author) to provide EPA content already on www.epa.gov in a different format. EPA cannot attest to the accuracy of non-EPA information provided by these third-party sites or any other linked site. ... In doing so, EPA does not endorse any non-government websites, companies or applications. Also, please be aware that the privacy protection provided on the EPA.gov domain (EPA Privacy and Security Notice) does not apply to these third-party sites” [13].

In other words, environmental and energy agenda has been put on the same political scales with electoral issues. It should be admitted that the same publication cites various opinions of experts some of them confidently state that a social media campaign can hardly effect national environmental or energy policy [13].

Enhancing cybersecurity by efforts of Environmental Protection Agency unlikely can lead to prevention and counteraction to probable misinformation spills. Analysis of the U. S. budget allocations in perspective of 2017–2019 fiscal years for agencies’ cybersecurity funding demonstrates rather modest increase in EPA’s funds for strengthening cybersecurity from \$25,1 mln in 2017 to \$42 mln in 2019 [14]. EPA’s cybersecurity funds are mainly targeted on protection of sensitive data and integrity of Agency’s national information network from damage or unauthorized access and not on investigative efforts concerning information environmental campaigns.

Over politicization of environmental agenda may lead to reforming 2.0 format of modern EPA communication and engagement with the audience, first of all imposing restrictions on application of social media on the one hand and digital self-censorship of Agency’s personnel on the other hand.

References

1. America First A Budget Blueprint to Make America Great Again. *Office of management and budget*, 2017, p.41. Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BUDGET-2018-BLUEPRINT/pdf/BUDGET-2018-BLUEPRINT.pdf> (accessed: 25.05.2018).
2. Budget of the U.S.Government. An American Budget: Efficient, Effective, Accountable. Fiscal year 2019. *Office of management and budget*, 2018, p.103. Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BUDGET-2019-BUD/pdf/BUDGET-2019-BUD.pdf> (accessed on May 25, 2018).
3. Object Class Analysis. Budget of the U. S. Government Fiscal Year 2018. *Office of management and budget*, 2017. Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BUDGET-2018-OBJCLASS/pdf/BUDGET-2018-OBJCLASS.pdf> (accessed on May 25, 2018).

4. List of Social Media Platforms that EPA Uses. Available at: <https://www.epa.gov/web-policies-and-procedures/list-social-media-platforms-epa-uses> (accessed: 04.05.2018).
5. Social Media Fact Sheet. *Pew Research center*, 2018. Available at: <http://www.pewinternet.org/fact-sheet/social-media/> (accessed: 05.03.2018).
6. Number of monthly active Facebook users worldwide as of 2nd quarter 2018 (in millions). Available at: <https://www.statista.com/statistics/264810/number-of-monthly-active-facebook-users-worldwide/> (accessed: 05.05.2018).
7. Global digital report, 2018. Available at: <https://digitalreport.wearesocial.com/> (accessed: 05.05.2018).
8. The 2017 U.S. Mobile App Report. Available at: <https://www.comscore.com/Insights/Presentations-and-Whitepapers/2017/The-2017-US-Mobile-App-Report> (accessed: 05.05.2018).
9. What we do. About the Office of Environmental information. Available at: <https://www.epa.gov/aboutepa/about-office-environmental-information-oei> (accessed: 05.05.2018).
10. Wallace G. EPA's Pruitt unveils controversial limits to scientific research. *CNN*, 2018. Available at: <https://edition.cnn.com/2018/04/24/politics/epa-scott-pruitt-science/index.html> (accessed: 25.04.2018).
11. United States House of Representatives Committee on Science, Space, and Technology. Majority Staff Report. Russian Attempts to Influence U.S. Domestic Energy Markets by Exploiting Social Media. Washington, 2018.
12. Gardner T. Russians used social media to stir divisions on U.S. energy policy. *Reuters*, 2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-russia-energy/russians-used-social-media-to-stir-divisions-on-u-s-energy-policy-lawmakers-idUSKCN1GD6E3> (accessed: 02.03.2018).
13. EPA's third-party web site disclaimer. Available at: <https://www.epa.gov/home/exit-epa> (accessed: 17.03.2018).
14. *An American Budget: Efficient, Effective, Accountable. Fiscal year 2019. Analytical perspectives. Office of management and budget.* February 12, 2018. P.274. Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BUDGET-2019-PER/pdf/BUDGET-2019-PER.pdf> (accessed: 25.05.2018).

КЛИМАТ И ПОЛИТИКА: ПОЗИЦИИ РОССИИ И США

А. А. Алимов

В статье рассматриваются современные глобальные климатические изменения и российские и американские подходы к этому аспекту проблем наших дней. Дается сравнительный анализ российских и американских метеорологических служб с начала их организации и по настоящее время для демонстрации различных подходов к глобальным климатическим колебаниям и понимания того, что происходит в настоящее время и что необходимо сделать.

Ключевые слова: климат, климатические изменения, климатическая доктрина, социально-экономические последствия, температура, сотрудничество, развитие.

CLIMATE AND POLITIC: RUSSIA'S AND THE USA APPROACHES

A. Alimov

The article covers the problem of modern global climatic changes and Russian and American approaches to this aspect of our day's global problems. Comparison between Russian and American organization of meteorological services since their setting till now is included in the article to demonstrate different approaches to the climatic global variations and understanding what is going on and what is to be done.

Keywords: climate, climatic variations, climatic doctrine, socio-economic consequences, temperature, cooperation, development.

Посвящается светлой памяти Льва Николаевича Карлина, выдающегося ученого, организатора российского образования и научных исследований, с которым я имел честь и огромное удовольствие работать в Российском государственном гидрометеорологическом университете в течение 30 лет.

Снег выпал только в январе. На третье* в ночь.

А. С. Пушкин

Можно с уверенностью утверждать, что климатическая проблема нашего времени является одной из наиболее острых глобальных проблем современности. Неожиданные аномальные похолодания

Алимов Андрей Алексеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры мировой политики СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Alimov Andrey — PhD (History), Associate Professor, World Politics Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russian Federation.

* По новому стилю это 15 января.

и потепления беспокоят миллионы людей, проживающих на нашей планете. Все чаще в разных регионах Земли задается вопрос: что с нами будет? Растают ли льды Антарктиды и будет ли новый Всемирный потоп? И эти вопросы далеко не беспочвенны, поскольку так называемые малые островные государства уже испытывают значительное подтопление суши за счет повышения вод Мирового океана.

Что такое климат и как рассматривать современные глобальные климатические изменения?

Согласно определению, принятому Всемирной метеорологической организацией (ВМО), в качестве стандарта для оценивания климатических переменных, характеризующих текущий или современный климат, используется период в три десятилетия. Относительно нашего времени это 2001–2030 гг. Уже в предыдущем периоде 1961–2000 гг. было достаточно много климатических изменений, которые специалисты в этой области — климатологи — называют «нервностью климата».

Конечно, есть и другие определения климата, которые показывают его связь с многими причинами и ситуациями. Считается, что термин «климат» был впервые введен более 2 тыс. лет назад древнегреческим астрономом Гиппархом, который в основном связывал климатические явления с астрономическим фактором, а вернее, с наклоном земной поверхности к солнечным лучам, изменение которого от экватора к полюсу уже тогда понималось как причина разной погоды в разных районах планеты. Естественно, что к нашему времени в этом понимании произошли значительные изменения. Сегодня климат рассматривается как производное многих природных факторов: солнечной радиации, атмосферной циркуляции, условий рельефа, распределения океанов и суши — и характеризуется положением различных физико-географических регионов. Поэтому можно утверждать, что климат какой-либо конкретной местности характеризуется многолетним режимом погоды, обусловленным практически теми же факторами — солнечной радиацией, ее преобразованиями в деятельном слое земной поверхности и связанной с ними циркуляцией атмосферы, морей и океанов [1].

Значит, естественно, что за многовековую историю человечества климатические изменения происходили многократно и наносили значительный ущерб социально-экономическому развитию стран и народов. Современная наука о климате — климатология — возникла

на основе практических запросов общества и всегда способствовала развитию человека и поддержанию его благосостояния.

Периоды значительных климатических изменений, конечно, могут быть гораздо более продолжительными, чем 30–40 лет. Известно, что большой вклад в формирование климата всегда вносило солнце. Поэтому на основе его «работы» удалось установить несколько таких периодов. Так, немецким ученым Генрихом Швабе был впервые установлен 11-летний цикл, связанный с периодичностью появлений и активностью пятен на солнце. Кстати, китайцы знали об этих явлениях еще 2000 лет назад. Затем была обнаружена цикличность поведения солнца и с другими периодами: 22, 44, 55 лет, уже с большими значениями продолжительности — 110, 210, 420, 640, 850 лет, сверхвековые циклы в 2400, 35 000, 100 000 лет и даже период продолжительностью 200–300 млн лет [1].

Это означает, что имеют место природно-космические циклы, изменить порядок и значение которых мы не можем. Поэтому призывы современных «ультраклиматологов», особенно из рядов представителей СМИ, «бороться с климатом» совершенно беспочвенны и ошибочны. Все, что современный человек может сделать, — ограничить свое воздействие на окружающую среду и научиться более точно прогнозировать наступление климатических изменений для предупреждения населения о грядущей опасности, поскольку она может привести к нежелательным воздействиям на состояние хозяйства и политики, вызвать серьезные негативные экологические последствия.

Каково влияние климатических изменений на жизнь человека и к каким социально-экономическим и политическим последствиям они могут привести?

С помощью современных методов реконструкции климата прошлого можно восстановить те климатические изменения, которые происходили на протяжении истории развития человечества. Очевидно, что были периоды похолодания и потепления. Но, во-первых, холодные периоды оказывались более продолжительными, а во-вторых, влияли они на жизнь и развитие людей неодинаково, в зависимости от их географического расположения, а значит, приводили к различным последствиям. В России, например, это резкие и длительные похолодания в любой сезон года, приводящие к потерям урожая, болезням и голоду; в Соединенных Штатах, особенно в юго-восточных регионах страны, это ураганы, наводнения, вы-

зывающие серьезные разрушения зданий и построек, приводящие к значительным человеческим жертвам.

Поэтому была предложена теория историко-климатического маятника. Для России XII в. был самым благоприятным с точки зрения погодно-климатических условий. Это был период расцвета Киевской Руси, значительного возвышения и укрепления древнерусского государства. Но затем климатическая ситуация неоднократно менялась, что приводило к бедствиям, в том числе к голоду и мору. Так, значительная часть XIV столетия была связана с невыносимыми засухами, которые вызывали мор, эпидемию чумы и другие чрезвычайно опасные явления. В начале XVII в. именно погодно-климатические условия сыграли определяющую роль в возникновении крайне неблагоприятной политической ситуации — падению правления Бориса Годунова. Снижение летних температур, длительные и затяжные дожди, летние заморозки в течение трех лет вызвали неурожай и, как следствие, страшный голод. В те годы Россия могла выдержать максимум один неурожайный год, в отдельных случаях — два; перепахать землю заново, посеять зерно и вырастить новый урожай в те времена было практически невозможно. Голод распространился по всей территории тогдашней России, начались воровство, грабежи, передвижаться по стране стало опасно. Б. Годунов, как считают современные историки, был одним из выдающихся государственных деятелей в истории нашей страны. Он пытался предпринимать серьезные меры: в Москве стали раздавать хлеб и даже деньги. Но остановить сотни тысяч голодных людей оказалось невозможно. Этими трудностями воспользовались известные самозванцы — Лжедмитрии, получившие поддержку крупных польских магнатов и российского боярства, ненавидевшего Б. Годунова; начались массовые крестьянские выступления, получившие название крестьянских войн. Режим Б. Годунова пал, и это стало началом Смутного времени, когда Россия была близка к потере суверенитета.

Но если о России такие данные можно получить из летописей соответствующих периодов, то в США это совершенно невозможно, ибо их тогда просто не было. Однако историки совершенно обоснованно считают, что вследствие резких и длительных изменений климата в тех регионах погибли древние американские цивилизации, оставив после себя большое количество вопросов и загадок. Это относится, например, к цивилизации и культуре майя, которые, как считают историки и археологи, исчезли в результате длительных засух, вызванных серьезными климатическими изменениями того времени.

Такие аномальные изменения, особенно в виде похолоданий, происходили и в последние десятилетия. Приведем пример рекордных показателей холода за климатические интервалы с конца XIX по конец XX в. (см. табл. 1).

Таблица 1. Рекордные показатели холода с конца XIX по конец XX в. [2]

Дата	Регион мира	Населенный пункт	Показатель
7 февраля 1892 г.	Азия	Верхоянск	-67,8 °С
18 июля 1903 г.	Океания	Ранферли (Новая Зеландия)	-25,6 °С
1 июня 1907 г.	Южная Америка	Сармьенто (Аргентина)	-32,8 °С
11 февраля 1935 г.	Африка	Ифран (Марокко)	-23,9 °С
3 февраля 1947 г.	Северная Америка	Снэг (Канада)	-63,0 °С
31 декабря 1978 г.	Европа	Усть-Шугор (Россия)	-55,0 °С
21 июля 1983 г.	Антарктида	Станция «Восток»	-89,2 °С
29 июня 1994 г.	Австралия	Шарлотт-Пасс	-23,0 °С

Правда, на 2018 год по Антарктиде приводится другой показатель холода: -98 °С, но, как считает известный российский климатолог, долгое время возглавлявший Росгидромет, Р.М. Вильфанд, эти цифры были зафиксированы на Антарктиде удаленно и, возможно, с искажениями, по данным дистанционного зондирования со спутников. Поэтому он предлагает все же основываться на данных, полученных за много лет путем их сбора наземными метеостанциями: -89,2 °С [3].

По приведенному нами примеру видно, что аномально низкие температуры имели место практически по всем регионам земного шара, по всем широтам, что доказывает значительную глобальную характеристику современной климатической теории. Поскольку названные выше климатические аномалии происходили не в одно и то же время, можно сказать, что имело место некоторое «скольжение» аномально низких температурных показателей в течение предыдущего климатического периода, согласно определению ВМО.

Во второй половине XX — начале XXI в. был целый ряд периодов с экстремально низкими температурами. К такому «климатическому маятнику» оказались неподготовленными многие страны Европы и других частей света. Произошли следующие трагические события: согласно общей статистике, за это время от холодов погиб 2841 человек, а нанесенный ущерб составил 654 623 долл. США. Более подробно эти данные представлены в табл. 2.

Таблица 2. Ущерб от экстремально низких температур [4]

Период	Количество погибших	Ущерб, долл. США
1950-е годы	906	74 331
1960-е годы	585	113 365
1970-е годы	235	52 495
1980-е годы	129	39 810
1990-е годы	249	106 145
2000–2010-е годы	1437	268 377
Итого:	2841	654 623

В 2011–2012 гг. холода в той или иной степени затронули практически все регионы Земного шара. Так, в штате Флорида (США) температуры в январе 2012 г. опускались до отметки 0 °С, что привело к гибели значительной части цитрусовых плантаций. Такая ситуация сказалась на состоянии аграрного сектора Флориды, которая известна тем, что является одним из основных производителей, а следовательно, и поставщиков цитрусовых в мире. По крайней мере из 11 млн т апельсинов, выращиваемых ежегодно в различных регионах нашей планеты, более 8 млн — это продукция цитрусовых плантаций Флориды [4].

Правда, это не помешало климату преподнести такой «подарок», как нестерпимо жаркое лето 2010 г. в странах Европы и в России при одновременном похолодании в Новой Зеландии. Обсуждение тех событий привело даже к политическим выводам: в ряде СМИ России, а также в рассуждениях всезнающих пенсионеров были высказаны предположения, что имело место использование климатического оружия США в отношении именно России, но «случайно» задело и другие страны европейской части света. Показательно, что в СМИ западных стран появились аналогичные обвинения в адрес нашей страны.

Как мы говорили выше, в отдельных регионах и странах климатические колебания приводят к учащению таких опасных погодных явлений, как ураганы, смерчи, торнадо. Это особенно показательно для такой развитой индустриальной державы, как США, а также для стран Карибского бассейна.

Резкие колебания в «поведении» погоды, такие как, например, ураганы, за 60 последних лет нанесли США огромный ущерб и вызвали многочисленные людские потери. Согласно статистике метеорологической службы этой страны, ураганы обрушивались на значительные территории ряда штатов в течение первой декады XXI века более 20 раз [5].

Таким образом, очевидно, что климатические колебания: похолодания, потепления и вызванные ими опасные погодно-климатические явления — приводят к сбоям в социально-экономическом развитии, гибели людей, изменяют окружающую природную среду и, следовательно, требуют достаточно точных прогнозов возможного «поведения» погоды и климата. Разрабатывать такие прогнозы можно только при наличии хорошо организованной метеорологической службы. Иными словами, у современного государства должна иметь место внутренняя погодно-климатическая политика. Именно за счет развития такого рода политики, т. е. системы мер по наблюдению и мониторингу погодных явлений, причин, вызывающих их изменения, только и можно обеспечивать надежное прогнозирование погодно-климатических изменений. Основой такой политики служат наблюдения в местах метеорологической службы, которая постоянно фиксирует температуру, скорость и направление ветра, влажность воздуха как основных параметров процесса прогнозирования погодно-климатических явлений. Когда речь идет о государстве или регионе, нужно, как говорилось выше, использовать данные, характеризующие ландшафтные показатели, наличие водных объектов и других эколого-географических условий.

Развитие метеорологической службы в России и США

Формирование государственной метеорологической службы, а в настоящее время в развитых европейских странах, например в Швеции, имеют место и частные коммерческие службы такого рода, началось лишь тогда, когда стало возможным инструментальное измерение метеоклиматических показателей. В основном это происходило в XVIII в. Что касается России, то здесь мы приведем следующие данные.

Истории метеорологических измерений в нашей стране уже более 280 лет. 1 декабря 1725 г. Ф. Х. Майер, академик Академии наук и всяческих искусств, созданной по указу Петра I, начал производство регулярных метеорологических измерений. В том же году указом Петра I была организована Великая Северная экспедиция, во время которой было организовано около 20 метеорологических станций. Уже в следующем, 1727 г. были опубликованы данные первых метеорологических измерений в России, а Российская Империя получила первую начальную сеть метеорологических станций. Дальнейшее развитие сети произошло уже в 1733–1743 гг. во время Второй Камчатской экспедиции, когда было создано еще 24 метеостанции. Забегая вперед, скажем, что создание метеорологической сети в России опережало становление таковой в Западной Европе. Европейские станции во многом учитывали опыт российских, более совершенных в то время. Первая инструкция по производству метеорологических наблюдений была написана в 1735 г. академиком И. Г. Гмелиным. Она предписывала четыре срока суточных наблюдений. Это положение о сроках проведения наблюдений действует до настоящего времени.

Но проводимые в то время «правильные» наблюдения в первую очередь относились к Петербургу и включали в себя измерения температуры воздуха, количества осадков и наблюдения над вскрытием промерзания Невы. Правда, уже к концу первой половины 1700-х годов в России была организована широкая сеть метеостанций, насчитывающая более 50 единиц. Важную роль в развитии метеонаблюдений сыграл М. В. Ломоносов, который не только сам разработал несколько метеоприборов, но и предложил в 1759 г. специальный проект постановки метеорологических наблюдений. Правда, правительство стало его использовать только в 1804 г., когда издало специальное распоряжение о производстве метеорологических наблюдений при всех учебных заведениях страны. Но, согласно российским традициям, распоряжение не было приведено в исполнение, а в «счастливых» случаях, если таковые и имелись, они не были ни обработаны, ни напечатаны.

В начале второй четверти XIX в. были сделаны первые шаги в международном метеорологическом сотрудничестве. В 1828 г. в Германии по инициативе выдающегося немецкого ученого Гумбольдта был учрежден Союз магнитных наблюдений, что стало толчком в переводе метеорологических наблюдений на практическую почву. Через год Гумбольдт посетил Петербург, предложил Российской академии наук принять участие в созданной им организации и поставил вопрос об организации метеорологических наблюдений на более широкой основе. Уже в 1830 г. в Петербурге при Академии наук была создана маг-

нитная лаборатория, которая стала первым звеном в формировании целой цепи таких учреждений в России [6].

После революции 1917 г. с самого начала советского периода в нашей стране были продолжены метеорологические наблюдения, а сама их система поставлена на государственную основу.

Пожалуй, наиболее интересный и важный этап в развитии российской метеорологической службы был начат значительно позже — в 1937 г. при организации первой дрейфующей станции, начальником которой стал И. Д. Папанин, известный организатор научных исследований в российской Арктике. Работа этих станций на протяжении многих лет давала уникальные по точности и масштабам результаты, поскольку все наблюдения проводились, что называется, прямо на месте. К сожалению, в сложные для нашей страны 1990-е годы работа этих станций была остановлена, система метеорологических наблюдений практически совсем разрушена, а финансовая государственная поддержка сведена почти к нулю. Это создало большие проблемы, поскольку на много лет был прерван ряд данных. Восстановление работы дрейфующих станций началось по частной коммерческой инициативе, а это означало, что новые руководители такого рода службы недостаточно подготовлены для этой деятельности. Первая такая станция, известная как «СП-32», встретила с многими трудностями и чудом избежала трагедии. Видимо, вследствие неправильно выбранной льдины началось ее торошение и крошение; только с помощью поддержки вертолетов зимовочный состав был вывезен на Шпицберген.

В настоящее время метеорологическая служба в России находится в достаточно сложном положении. Во-первых, в 1990-е годы она была значительно сокращена и до наших дней еще не полностью восстановлена. Здесь возникает два вопроса: восстановление метеостанций необходимо, но это требует значительной финансовой поддержки. При этом хорошо известно, что в силу ряда причин экономика России до сих находится далеко не в лучшем состоянии, поэтому на улучшение в ближайшие годы вряд ли можно рассчитывать.

Во-вторых, как и во многих других сферах деятельности, в области метеорологии имеет место проблема кадров. Далеко не каждый молодой человек с дипломом гидрометеоролога согласится поехать работать на отдаленную метеостанцию. Время мечтателей и романтиков — любителей трудностей давно прошло. В наше время уже не найдешь «сердца четырех», как было в далекие годы показано в одноименном кинофильме. Правда, некоторым предпочтением в данном случае пользуются зимовки в Арктике на дрейфующих станциях и

на Антарктиде. Но там обстановка очень сложная, и далеко не каждый, несмотря на большие зарплаты, решится поехать командировку продолжительностью больше года.

Как уже было сказано, ситуация в российской метеорологической службе достаточно сложна вследствие сокращения штата. В 2017 г. в Росгидромете, в который входит Гидрометцентр, работало 32 800 чел. Подразделения центрального аппарата укомплектованы кадрами на 70,3 %, а подведомственные учреждения — на 86,5 %. Штат Гидрометцентра с советских времен сократился в 2,5 раза — с 1000 чел. до 400. Синоптиков, которые прогнозируют погоду, в наши дни насчитывается 2000 чел. По мнению нынешнего научного руководителя этой организации Р. М. Вильфанда, это оптимальный вариант. Но работать в Гидрометцентре становится все сложнее: необходимо хорошо знать самые современные технологии, уметь программировать, обладать аналитическим мышлением и способностью к прогнозированию [7].

Использование современных и новых технологий ведет к сокращению кадров, а вообще профессия метеоролога-синоптика стала достаточно редкой. В Санкт-Петербурге подготовку специалистов по этому направлению обеспечивает Российский государственный гидрометеорологический университет, единственный на всю Российскую Федерацию. Поэтому можно с полным основанием считать, что у российской метеорологической службы остается на данный момент много нерешенных проблем. Кроме того, необходимо сказать, что в последние 5–6 лет, после смерти ректора Л. Н. Карлина, пришедшие на его место «специалисты» практически привели РГГМУ к грани разрушения. Но будучи самой крупной державой мира, располагающей большим количеством климатических зон, Россия должна решить все эти проблемы в ближайшем будущем.

Что касается основных этапов развития и современного состояния метеорологической службы США, то они по понятным причинам отличаются от российских как в историческом плане, так и по уровню современного состояния и значимости в общей системе оказания соответствующих услуг и в коммерческом, и в государственном секторе. Первое, что определяет основные различия, — это историческое развитие двух наших государств. Если Россия в первой четверти XIX в. была на подъеме, в условиях проведения радикальных реформ, вызванных необходимостью подняться на новый уровень и стремления войти в число развитых на то время европейских стран, то молодое американское государство стремилось отдалиться от Европы и заняться своими американскими делами. В 1823 г. в США было принято довольно радикальное по тому времени в международных отноше-

ях решение — доктрина Монро. Ее суть заключалась в том, что США оставляли за собой вопросы развития Западного полушария и не допускали сюда включение европейских интересов. При этом Америка отказалась от участия в европейских делах. Эта доктрина сыграла важную роль в истории Соединенных Штатов и реально существовала до Первой мировой войны. Уже к концу первой четверти XX в. США вышли на ведущие места в мире по уровню социально-экономического состояния, на них приходилось до 30 % мирового ВВП.

Однако в середине XIX в. США — молодая, но самая развитая и сильная страна Западного полушария — находились на пороге решения серьезных внутренних проблем выбора дальнейшего национально-политического развития. Конечно, необходимость метеорологического обеспечения стояла как перед аграрным Югом, так и перед промышленным Севером. Наконец, в феврале 1870 г. такая служба была создана. Она получила название Национальной Службы Погоды — National Weather Service. Что же все-таки стало причиной создания такого рода организации?

Американские историки метеорологии считают, что вообще вопрос о создании службы погоды всегда интересовал жителей молодого по тому времени государства. Они ссылаются на то, что даже отцы-основатели интересовались вопросами изменения погоды. Так, например, Томас Джефферсон приобрел термометр у какого-то торговца в Филадельфии, когда он сам был в этом знаменитом городе в связи с принятием Декларации Независимости. Несколькими днями позже он также купил и, возможно, у того же торговца барометр. Занимаясь измерением температуры, Джефферсон зафиксировал, что 4 июля 1776 г. в Филадельфии было 76 градусов по Фаренгейту выше нуля. Регулярными метеорологическими измерениями Т. Джефферсон занимался в Монтичелло с 1772 по 1778 гг. и практически принял участие в первых известных погодных наблюдениях в Америке. Не отставал от него и Джордж Вашингтон: он также регулярно интересовался погодными условиями в месте своего проживания, а последняя запись о характере погоды была занесена в его дневник накануне дня смерти.

Сначала, и особенно в середине 1800-х годов, постепенно расширялась территория проведения регулярных метеорологических наблюдений в США. Надо сказать, что вообще целый ряд метеорологических приборов был известен в Америке гораздо раньше, но, как считается в США, толчком в развитии метеорологической службы страны послужило не создание новых, более совершенных приборов и оборудования, а телеграф, который сделал возможным быстрое распространение информации и обмен ею.

Историю формирования, развития и совершенствования метеорологической службы США — National Weather Service — можно условно разделить на следующие этапы:

1800–1899 гг. — период создания и «выхода» на постоянные позиции государственной организации, создание возможностей практически одновременного получения информации и передачи ее с помощью телеграфа, что заложило основу ускоренного развития метеорологической службы страны. Но при этом сохранилась необходимость значительного улучшения структуры службы и организационных мероприятий. Это удалось сделать только за счет государственной поддержки, участия более 150 волонтеров в создании сети 500 метеостанций и начала ежедневной передачи информации в газете «Washington Evening»;

1900–1919 гг. — выход на среднемировой уровень и связь с соответствующими службами европейских стран после практического отхода от доктрины Монро; разработка и создание метеорологических и синоптических карт; Бюро службы погоды было назначено органом, ответственным за прогнозы наводнений, сбор и разработку ежедневных и ежемесячных карт различных климатических параметров;

1920–1949 гг. — создание новых технологий, расширение связей и обеспечение метеорологической информацией самих США и других стран, активизация синоптической службы на основе опыта Второй мировой войны; увеличение финансирования национальной метеорологической службы, установление постоянных связей с европейскими метеорологическими службами, теоретические разработки на основе изучения озонового слоя и других важных метеорологических явлений, разработка и издание метеорологических и синоптических карт;

1950–1999 гг. — использование авиационной и спутниковой информации, расширение контактов со странами мира, особенно со странами НАТО и ЕС, обмен информацией, усиление деятельности по обеспечению населения страны и различных регионов информацией о возможных серьезных погодных изменениях, включая ураганы, тайфуны и другие опасные явления, создание службы заблаговременного предупреждения об опасных метеорологических ситуациях, усиление конфронтации в различных сферах развития технологий, информационного обеспечения, новых разработок в условиях холодной войны. Вместе с тем следует отметить, что в 1982 г., в условиях политической разрядки, между СССР и США было подписано специальное соглашение о сотрудничестве в области окружающей среды, в рамках которого под руководством советского академика К. Я. Кондратьева проводились совместные одновременные наземные исследования, аэрофотосъемка

и спутниковая съемка, что дало очень важные и нужные результаты не только для США и СССР, но и для всего мира;

2000 г. — настоящее время: значительный прогресс в развитии всех направлений метеорологического обеспечения, погодных и иных прогнозов, передача составленных прогнозов с помощью спутниковой информации, обеспечение глобального мониторинга климатических и гидрометеорологических явлений и использование их для нужд добывающей промышленности, индустрии, сельского хозяйства, мореплавания и других направлений социально-экономического глобального развития [8]. В 2011 г. был разработан план развития метеорологической, синоптической службы погоды на перспективу, что получило название «Создание нации, готовой к любой погоде». Он включает в себя шесть следующих важнейших действий:

- *улучшение* разработки и принятия новых решений по работе службы погоды;
- *повышение* уровня работы соответствующих отделений службы погоды по предупреждению и поддержанию водными ресурсами всех регионов страны;
- *обеспечение* высокого уровня работы по климатическому прогнозированию;
- *повышение уровня* прогнозов для поддержания развития экономической продуктивности;
- *улучшение* прогнозирования в области окружающей среды для поддержания здоровья американского общества и экосистем;
- *поддержание* высокого профессионального уровня сотрудников службы, включая их подготовку, обеспечение приборами и оборудованием, а также соответствующей инфраструктуры для обеспечения успешного выполнения возложенной миссии [8].

Развитие сотрудничества между климатологами и метеорологами США, России и других стран, включая, естественно, и европейские, должно дать значительные положительные сдвиги в области изучения погодных и климатических явлений, что подтверждается необычно жарким летом 2010 и 2018 гг. и «нервозными» скачками температуры воздуха в ряде европейских государств. Так, жаркое лето Европы и других частей света проходило на фоне выпадения снега в августе в Италии, Чехии и отдельных регионах центральной Европы. Да и на территории России далеко не все в этом отношении проходило спокойно. Поэтому можно утверждать, что вопрос сотрудничества в об-

ласти метеорологии, климатологии, экологии принимает характер абсолютной необходимости.

Международное сотрудничество в области развития современной климатологии и решения глобальной проблемы климатических изменений

В конце первой половины XX в. на одно из первых мест среди глобальных проблем вышла проблема социально-экологическая. Формально она получила название экологической, но очень скоро стало очевидным, что она отражала процесс взаимодействия между обществом и природой. Ее масштабы и серьезность воздействия на состояние как природы, так и общества стали причиной проведения первой международной конференции ООН по окружающей среде и развитию (Стокгольм, Швеция, 1972 г.). Советский Союз сделал очень много при подготовке этой масштабной конференции, но в ее работе не участвовал по политической причине — на конференцию не получила приглашения Германская Демократическая Республика. В результате работы этого первого международного экологического форума была принята Декларация, 5 июня был объявлен Международным днем окружающей среды, было внесено предложение об организации специальной программы ООН по окружающей среде, которая известна как UNEP — в английской аббревиатуре.

Конечно, добиться реальных успехов в решении глобальной социально-экологической проблемы на конференции не удалось. Основная причина заключалась в наличии глубоких социально-экономических противоречий между промышленно развитыми странами и государствами развивающегося мира. Многие представители стран Африки и Азии говорили о том, что именно индустриальные государства повинны в загрязнении окружающей среды, в нерациональном использовании природных ресурсов, а поэтому требовали, чтобы эти, по их мнению, виновники в первую очередь сами исправляли допущенные ошибки. Кроме того, предложенные меры «пределов роста», отражающие содержание опубликованного в то время доклада под названием «Пределы роста» Римскому клубу, который стал неофициально называться «первым глобальным колоколом», также были восприняты представителями развивающихся стран негативно. Они не соглашались с таким предложением и, ссылаясь на Устав ООН, говорили, что каждое государство имеет право на развитие.

Подготовка к следующему экологическому форуму заняла почти 20 лет. В июне 1992 г. была открыта вторая международная конферен-

ция ООН, получившая название «Конференция ООН по окружающей среде и развитию», что отражало изменение в понимании самой проблемы: развитие без сохранения окружающей среды невозможно так же, как и сохранение окружающей среды без развития.

Результатом работы этой конференции стало принятие пяти документов, из которых для нас особенно важна «Рамочная конвенция по глобальным климатическим изменениям». Именно она стала основой развития широкого международного сотрудничества в области климатологии и выяснения основных причин обострения климатической проблемы в последней четверти XX в. Но следует подчеркнуть, что в рамках принятых решений и документов II Всемирного экологического форума остальные две рамочные конвенции — «О лесах» и «О сохранении биоразнообразия» — были связаны с климатическими вопросами. Это объяснялось особенностью биосферы и геоэкологическими процессами в природе. Правда, Соединенные Штаты не подписали рамочную конвенцию по сохранению биоразнообразия.

Необходимость принятия климатических решений была поддержана практически абсолютным большинством участников, поскольку «нервозность климата» принимала все бóльшие масштабы, а изменения климата оказывали значительное влияние на социально-экономическое развитие многих стран. Это было связано с засухами, падением урожаев, повышением цен на продукты питания, особенно на такие принципиально значимые, как зерновые культуры, не только обеспечивающие потребление их людьми, но и играющие важную роль в развитии животноводства.

Первым важным шагом в развитии рамочной климатической конвенции стало появление так называемого «Киотского протокола» — документа, содержащего обязательства сторон на период после 2000 г. по ограничению и сокращению выбросов антропогенных загрязнений (в основном CO_2), вызывающих парниковый эффект в атмосфере, за счет которых, как предполагалось, и происходило глобальное потепление. Сегодня известно, что в среднем температура на Земле повышается каждые 10 лет на $0,17^\circ\text{C}$, т. е. за 100 лет она могла бы подняться на $1,7^\circ\text{C}$. Однако Р. Вильфанд приводит два других показателя. Он считает, что, во-первых, поскольку астрономические факторы исключить и изменить невозможно, глобальные изменения климата будут происходить очень медленно: их временные масштабы — от миллионов до нескольких сотен лет, а за последние 150 лет температура приземных слоев атмосферы повысилась всего на один (в тексте — целый) градус. Кроме того, он предполагает, что возможное развитие сотрудничества в этой сфере с учетом научных данных

должно изменить ситуацию [3]. Во-вторых, следует учитывать, что динамика повышения температуры приземных слоев атмосферного воздуха по регионам далеко не одинаковая, например, в Евразии, которая в значительной степени занята современной Россией, это повышение за аналогичные сроки происходит в 2,5–3 раза быстрее [3]. Поэтому точно рассчитать, какое сокращение выбросов должны сделать отдельные страны, трудно. Тем не менее «Киотский протокол» ввел рыночные механизмы для выполнения принятых решений, и на мировых рынках появился новый товар — квоты на выбросы парниковых газов, предусмотренные ст. 17 этого международного соглашения. Таким образом, предполагалось, что переуступка квот может позволить на практике реализовать международное взаимодействие при решении глобальных проблем: так, к 2012 г. ЕС должен был сократить свои эмиссии парниковых газов на 8 % от уровня 1990 г., а Япония — на 6 % и т. д.

Необходимо отметить, что с самого момента принятия «Киотского протокола» он получил достаточно противоречивую оценку. Климатологи разделились на два лагеря. Представители одного из них считали, что основной причиной климатических изменений были внутри-природные и космические причины, которые всегда имели место на планете Земля. Они доказывали, что парниковые газы имеют природное происхождение и всегда влияли на состояние окружающей среды и климатические изменения. Действительно, и двуокись углерода, и метан, и ряд других парниковых газов с самого начала современного состояния атмосферы играли важную роль в процессе обмена между солнечными лучами и земной поверхностью. Они пропускали солнечные лучи на Землю в зависимости от подстилающей поверхности и, соответственно альбедо, «уходили» обратно, однако задерживались парниковыми газами и создавали эффект парника, или теплицы. Поэтому они и получили название «парниковых», или «тепличных», газов. Но, как считают представители этого направления климатологической науки, есть еще один и наиболее сильный источник парникового эффекта — водяной пар. Именно он активнее всего действует в атмосфере по задержанию отраженных солнечных лучей.

Эту позицию всегда активно поддерживал академик К. Я. Кондратьев, один из ведущих климатологов мира. В Советском Союзе, а потом и в Российской Федерации он обеспечивал прогнозы по запуску спутников, поэтому его авторитет в мировом научном сообществе был чрезвычайно высок. В одной из своих статей, посвященных Киотскому протоколу, он писал: «...по меньшей мере, парадоксальной следует рассматривать такую ситуацию, когда президенты и премьер-

министры различных стран вступают в дискуссию о том, следует ли считать Протокол Киото научно обоснованным документом» [9].

Оппоненты этого подхода считают, что антропогенный фактор является определяющим в тех изменениях, которые в последние годы происходят в окружающей среде. Они утверждают, что в индустриальный период, и особенно за вторую половину XX в., выброс парниковых газов в атмосферу значительно увеличился, что и предопределило усиление парникового эффекта. Приводятся соответствующие расчеты и показатели, согласно которым развитие энергетики, промышленного производства, увеличение количества автомобилей (в городской среде, включая и наш город, доля выбросов CO_2 составляет более 80 %) стали определяющим фактором погодно-климатических процессов. Такая позиция, несомненно, заслуживает серьезного внимания, поскольку в эту группу климатологов входят известные специалисты ряда стран, в том числе и Российской Федерации.

Пожалуй, самым неприятным является то, что климатическая проблема превращается в политический фактор. Известный специалист в области международных отношений и мировой политики Ф. Фукуяма отмечал, что подъем энвайронментализма, т. е. озабоченностью состоянием окружающей среды, начался во второй половине 1960-х годов, и в настоящее время глобальная экологическая проблема не только затрагивает технические и экологические вопросы, но и включает важнейшие экологические состояния [10].

Политизированность климатической проблемы выразилась и в том, что на отношении к «Киотскому протоколу» сказалась смена политического руководства США. Если в 1997 г. представители Демократической партии Соединенных Штатов подписали «Киотский протокол» и были готовы его ратифицировать, то пришедшие им на смену республиканцы эту подпись отозвали, провели крупную международную конференцию по этому вопросу и внесли собственное предложение — повсеместное высаживание деревьев. Отчасти это решение было правильным. Еще в 1970 г. советский климатолог, академик М. И. Будыко в ряде своих работ показал, что CO_2 , действительно являясь парниковым газом, оказывает на растительный мир, так называемый «зеленый лист», положительное воздействие и даже способствует увеличению плодородности сельскохозяйственных культур. Растительный мир «дышит»: он вырабатывает кислород и одновременно поглощает двуокись углерода, которая, кстати, совершенно безопасна для человека [11–13].

Имели место случаи искажения полученного материала по результатам проведенных наблюдений и исследований. Так, в 2009 г.

английская газета «Гардиан» опубликовала статью, в которой были представлены данные, ранее известные по ряду научных изданий, о случаях фальсификации и подтасовки данных отдельными учеными, входившими в Центр по изучению климата университета Восточной Англии. В допущенных ошибках, но не в фальсификации, признался руководитель этой организации профессор Ф. Джонс, которого поддержал видный российский ученый-климатолог Ю. А. Израэль, занимавший в течение 20 лет пост вице-президента Международной группы экспертов по изучению климата. Он сказал, что такие обвинения в фальсификации могут предъявлять люди, которые не имеют никакого представления о том, как ученые создают картину климата.

После этого было проведено более 10 специальных конференций по изучению климата и реализации документов Киото, но особенно стала известной Парижская конференция 2015 г. в связи с тем, что уже после ее завершения и принятия решений президент США Д. Трамп заявил, что Америка выйдет из принятых договоров и откажется от выполнения ранее взятых на себя обязательств.

В связи с этим нельзя не вспомнить предупреждение, сделанное канцлером ФРГ А. Меркель в 2009 г.: «Мы не допустим, чтобы Германия и другие европейские промышленно развитые страны забежали далеко вперед в области защиты климата, в то время как другие будут ничего не делать, а затем забирать у нас рабочие места» [14]. Правда, г-жа Меркель не пояснила, как европейские страны будут «защищать» климат. Это еще один пример политизированности климатической проблемы.

Позиция России в этом отношении достаточно сдержанная и обоснованная. Дело в том, что наша страна обладает 20 % всех лесопокрываемых территорий мира. А это значит, что именно леса России больше всех остальных «вдыхают» двуокись углерода, поддерживая, таким образом, атмосферный баланс и сокращая воздействие этого парникового газа на развитие парникового эффекта и повышения температуры. И это должно было учитываться при принятии как «Киотского протокола», так и других документов, касающихся проблем изменения климата. Россия смогла добиться для себя успеха в решении этого вопроса, но, к сожалению, были получены только ограниченные показатели. Леса Соединенных Штатов поглощают кислород значительно в больших объемах, чем его производят. Промышленность, энергетика и все остальное хозяйство США поглощают углекислый газ в меньших объемах, равно как и производят кислород в меньших объемах. То есть в этом плане США живут в долг у всего мирового сообщества.

В ходе специальной климатической конференции, не входившей в цепь посткиотских саммитов и проведенной по инициативе Москвы в 2003 г., также ощущалась сильная политическая нота. Было предложено, чтобы в работе этой конференции слово «политика» не присутствовало, а рассматривались чисто научные вопросы. Однако именно там проявила себя настойчивость Великобритании в стремлении «побудить» Россию ратифицировать «Киотский протокол». Взамен предлагалось поддержать Российскую Федерацию в ее желании вступить в ВТО. Россия без большого желания ответила согласием, и уже в октябре 2004 г. был принят федеральный закон РФ о ратификации «Киотского протокола». Правда, ни Великобритания, ни ее коллеги по ЕС никакой поддержки нашей стране по вступлению в ВТО не оказали.

Однако даже ратификация Россией «Киотского протокола» уже не смогла привести к успеху в имплементации этого документа, поскольку его не поддержали основные загрязнители — США, на которые приходилось более 25 % парниковых выбросов, и Китай (более 20 %).

Тем не менее решение РФ о ратификации «Киотского протокола» не осталось без внимания западных СМИ. Так, известный итальянский политический обозреватель Серджи Романо писал в октябре 2004 г.: «Присоединение России (к «Киотскому протоколу». — А. А.) — это результат долгих переговоров, которые вела Европейская Комиссия. <....> Россия хочет войти в ВТО, и ЕС вполне мог преградить ей туда дорогу. Возможно, эта дорога сейчас открыта» [1]. Однако, как мы уже отмечали, ЕС не способствовал вхождению России в ВТО, а просто перестал мешать ей в реализации своего решения.

Вообще, именно Великобритания была, пожалуй, главным локомотивом в продвижении идеи безусловного поддержания «Киотского протокола» и признания единственной правильной точкой зрения, согласно которой именно антропогенный фактор является определяющим в глобальных климатических изменениях. Правда, в этом отношении она расходилась в оценках со своим ближайшим союзником — США. Тем не менее Великобритания подняла этот вопрос до уровня Совета безопасности ООН, когда весной 2007 г. МИД страны внес специальное предложение о рассмотрении вопросов глобальных климатических изменений/глобального потепления в СБ ООН. В письме было сказано, что Соединенное Королевство Великобритания и Северная Ирландия предлагают провести специальные прения по вопросам глобальных климатических изменений (потепления климата). Письмо сопровождалось приложением, которое называлось «Энер-

гия, безопасность и климат». То есть повторялась Киотская ситуация, о которой академик К. Я. Кондратьев говорил, что это была странная история, когда президенты и премьер-министры вступали в дискуссию по поводу степени научности «Киотского протокола». В рамках СБ ООН произошло то же самое: представители 15 стран, не являясь специалистами в вопросах климатических изменений, энергетики и климатической безопасности, обсуждали эти крайне важные глобальные проблемы. Поэтому получилось так, как получилось: на проведенном 17 апреля 2007 г. заседании Совета безопасности ООН дискуссия не привела к какому-либо определенному специальному решению, которое в дальнейшем должно было бы быть выполнено.

Но тем не менее следует отметить, что эта Британская инициатива заслуживает положительной оценки уже потому, что она была первой в истории международного сотрудничества по вопросам глобальных климатических изменений, позволившей рассмотреть эколого-климатическую проблему на столь высоком международно-политическом уровне.

Что касается Российской Федерации, то 17 декабря 2009 г. распоряжением Президента страны была принята «Климатическая доктрина», положениями которой Правительству страны было поручено руководствоваться при проведении государственной политики по вопросам, связанным с возможными глобальными и региональными изменениями климата и его последствиями. При этом в «Доктрине» особенно подчеркивались два положения: климат является одним из важнейших международных аспектов проблем XXI в.; успешное решение ее возможно на основе межнаучного подхода на стыке естественных, технических, экономических и социальных наук [15].

Несмотря на то что еще с конца XX в. США не принимали участия в реализации решений Киото, все же эта страна смогла многое сделать для способствования развитию международного научно-технологического (именно научно-технологического. — А. А.) сотрудничества, в том числе в развитии технического прогресса, направленного на снижение антропогенного воздействия на окружающую природную среду. Так, решением администрации президента США Б. Обамы в планы развития американской энергетики было внесено положение, согласно которому предусматривалось 80 % снижения выбросов парниковых газов в атмосферу к 2050 г., ставилась задача добиться к 2012 г. 10 % выработки энергии из возобновляемых источников, а к 2025 г. увеличить этот показатель до 25 % [1].

Можно надеяться, что в ближайшее время Россия и США выйдут из никому не нужного противостояния и санкционной дуэли и станут

теми важнейшими силами, которые смогут взять на себя управление возом климатических проблем. Не следует сомневаться и в том, что подавляющее большинство стран, поскольку уже сегодня в Киотской политике в той или иной степени участвует абсолютное большинство стран, будут продолжать это важное сотрудничество в решении глобальной эколого-климатической проблемы. Однако уже в конце первой декады нынешнего века вес климатических нагрузок был крайне высок: это выброс в атмосферу более 7 млрд т углекислого газа; 600 млн т метана; 16 млн т азота; более 70 млн т сульфатного аэрозоля. Кроме того, в атмосфере Земли остается водяной пар — один из активнейших факторов парникового эффекта [1].

Очевидно, сказать с полной уверенностью, что человек сможет решить глобальную эколого-климатическую проблему, нельзя. На сегодняшний день науке известно, что впереди возможны различные ситуации с климатом: как потепление, так и похолодание. Может быть, только нашим потомкам повезет увидеть, насколько верны нынешние предположения климатологов.

Литература

1. Алимов А. А., Карлин Л. Н. Климат Земли: мифы и реальность // Приложение к журналу «Безопасность жизнедеятельности». 2011. № 2. С. 48.
2. Полюхович А. Ниже некуда // Известия. 2012. 3 февр.
3. Вильфанд Р. Куда уйдут зима и лето? // Аргументы и факты. 2018. № 31.
4. Гурдин К. Цитрусовые короли // Аргументы недели. 2012. № 5(297).
5. Ветром дуло 26 миллионов долларов // Известия. 2011. 29 авг.
6. Соколов В. В. Очерки истории государственных структур природопользования и охраны природы в России с древнейших времен до настоящего времени. СПб., 2007.
7. Подибров М. Синоптики стали редки // Ведомости. 2018. 15 авг.
8. National Centers for Environmental Information. URL: <https://www.ncdc.noaa.gov/data-access/model-data/model-datasets/service-records-retention-system-srrs> (дата обращения: 26.06.018).
9. Кондратьев К. Я. Приоритеты глобальной климатологии: к итогам Всемирной конференции по изменению климата. Москва, 29 сентября — 3 октября 2003 г. // Известия Русского географического общества. 2004. Т. 136, вып. 2. С. 3–25.
10. Fukuyama Fr. After the Neocons. America at the Crossroad. London: Profile Books, 2006.
11. Будыко М. И. Влияние человека на климат. Л., 1972.
12. Будыко М. И. Климат в прошлом и будущем. Л., 1980.
13. Будыко М. И. Антропогенные изменения климата / под ред. И. Будыко и Ю. А. Израэля. Л., 1987.

14. Schneider M. Anthropogener Klimawandel // Bild am Sonntag. 2009. No. 12.

15. Климатическая доктрина Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6365> (дата обращения: 25.08.18).

References

1. Alimov A. A., Karlin L. N. et al. Climate of the Earth: myths and reality. *Supplement to the journal "Life Safety"*, 2011, no. 2, p. 48. (In Russian)

2. Polyukhovich A. Below there is no place. *Izvestia*, 2012, February 3. (In Russian)

3. Wilfand R. Where will winter and summer go? *Argumenty i F акты*, 2018, no. 31. (In Russian)

4. Gurdin K. Citrus Kings. *Argumenty nedeli*, 2012, no. 5(297). (In Russian)

5. 26 million dollars were blown away by the wind. *Izvestia*, 2011, August 29. (In Russian)

6. Sokolov V. V. *Essays on the history of state structures of nature management and nature conservation in Russia from ancient times to the present*. Saint Petersburg, RGGMU Publ., 2007. 304 p. (In Russian)

7. Podibrov M. Weather forecasters became rare. *Vedomosti*, 2018, August 15. (In Russian)

8. National Centers for Environmental Information. Available at: <https://www.ncdc.noaa.gov/data-access/model-data/model-datasets/service-records-retention-system-srrs> (accessed: 26.06.2018).

9. Kondratiev K. Ya. Priorities for global climatology: Towards the outcome of the World Climate Change Conference, Moscow, September 29 — October 3, 2003. *Bulletin of the Russian Geographical Society*, 2004, vol. 136, issue 2, pp. 3–25. (In Russian)

10. Fukuyama Fr. *After the Neocons. America at the Crossroad*. London, Profile Books, 2006.

11. Budyko M. I. *Human influence on the climate*. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1972. (In Russian)

12. Budyko M. I. *Climate in the past and the future*, Leningrad, 1980.

13. *Anthropogenic climate change*. Ed. by I. Budyko, Yu. A. Izrael. Leningrad, 1987.

14. Schneider M. Anthropogener Klimawandel. *Bild am Sonntag*, 2009, no. 12.

15. Climate Doctrine of the Russian Federation. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/6365> (accessed: 25.08.18). (In Russian)

COLLUSION, ELECTION MEDDLING, FAKE NEWS, AND UNDERMINING DEMOCRACY: AN UPDATE ON AMERICAN AND RUSSIAN SOFT POWER INFORMATION WEAPONIZATION

Dawn Spring

This article provides a pertinent and timely update to my The XXIV Russian-American Seminar 2015 presentation *Persuasion 2015: A New Century of Russian and American Cold War Spin*. The 2015 presentation looked at the historic persuasive information apparatus of the U.S. and Russia and how it informed soft power. Since that presentation, Russia has been accused of meddling in the United States 2016 Presidential election and undermining American democracy, American President Donald Trump has been accused of collusion with Russia, and the United States has labeled Russian soft power media outlets RT and Sputnik foreign agents. While Anglo-American news outlets designate Russian media as fake news and the National Endowment for Democracy denounces them as “sharp power” weapons, they ignore American news manufacturing, echo chambers, and potentially corruptive relationships.

Keywords: Sharp power, Donald Trump, Echo chambers, Fake news, Investigate Russia, White Helmets, Information weaponization, National Endowment for Democracy.

Today, I will be following up on my 2015 presentation on American and Russian soft power apparatus. For those who do not know me, I am a historian of United States’ history interested in American Cold War propaganda. Though my current research project focuses on the early Cold War years, much of that complex structure still exists today, evident when following current events or watching the news, and what I will be presenting today is a byproduct of my historical research.

In 2015, I gave an overview of the top down Soviet and Russian propaganda and soft power news sources and the complicated web of advertisers, clandestine services, corporations, finance industry, journalists, federal agencies, media, military, NGO’s, think tanks and universities that form the United States’ apparatus. Much has happened since then and today, I will discuss events as of the fleeting moment in a rapidly changing media landscape.

As a historian, I know we cannot make definitive conclusions about current events, as the lens of history may prove the narrative was not what appeared to happen and much of the evidence in question may remain classified and inaccessible for decades.

We will be examining the current battle for social media and the global English language news space, the context of the history of cultural and in-

Spring Dawn — PhD (History), Professor, History Department, American Public University, 111, West Congress Street, 25414, West Virginia, Charles Town, USA.

formation weaponization, “sharp” power, “collusion” and conspiracy, echo chambers and information bubbles, election meddling, fake news and reality politics.

Of course, the most significant change in the landscape since 2015 has been the election of reality television star Donald Trump to the U.S. presidency, bringing popular cultural and information weaponization to the forefront. Running with the slogan “Make America Great Again”, promising to “drain” the Washington “swamp” of corrupt entrenched bureaucrats, and taking a strong pro-military but anti-war stance, Trump’s presidency has been framed by a narrative of Russian collusion crafted by global news sources such as the New York Times, the Washington Post and CNN.

For those not familiar with his television franchise *The Apprentice* and *The Celebrity Apprentice*, we will look at a clip of the show opening for *The Celebrity Apprentice*. It sums up the image Trump crafted for himself over fourteen seasons years as a reality television producer and star.

The scene shows “What if you could make a difference?” text displayed between images of a Trump branded helicopter and a check for 250K. Then, the song lyrics, “money, money, money” as a debonair Trump struts before his helicopter [1].

This merging of entertainment celebrity, the American presidency and debates about the role of America in the world have brought ideas into public discourse such as “information weaponization” previously left to be discussed by academics quietly by those behind the scenes.

On American cultural and information weaponization, historian Eric M. Fattor bases the modern global Anglo-American apparatus in the media structure used by the British to hold their empire together. In *American Empire and the Arsenal of Entertainment-Soft Power and Cultural Weaponization*, Fattor describes the American iteration as even more vital as “The American Empire would be an empire without colonies-and information technology, and the need to entertain hearts and minds would be among its most important elements” [2].

Only within the last few decades have Al Jazeera and RT (formerly Russia Today) challenged the historic stronghold of BBC International, Voice of America, and CNN International. Of the Russian networks, American soft power network, Voice of America reported that “Dmitry Kiselev, referred to by many as the Kremlin’s propagandist-in-chief” said Russia, “tired of aggressive propaganda promoting a unipolar world and want a different perspective” [3].

Currently, RT broadcasts “24/7 in English, Arabic, Spanish, and French,” claiming to be the “most watched TV news network on YouTube — more than five bln views” with “100 mln weekly viewers in 47 of the 100 + coun-

tries where RT broadcasts,” the new outlet has been an Emmy finalist for news programming and has featured American celebrity journalists such as Larry King and the late, Ed Schultz. In 2017, it was forced to register as a foreign agent with the United States, Department of Justice [4].

Russia’s other major English language and global news source is Sputnik, composed of primarily digital radio with ‘over 800 hours’ of content daily, as well as an image archive of over 1.7 mln images. Sputnik is available in thirty languages in thirty-four countries and features over 1500 news items and 700 images daily. It was ordered to register as a foreign agent in the United States in 2018 [5].

Where American and British news networks, such as BBC, RFE/RL and VOA are “soft power”, RT and Sputnik are “SHARP POWER” [6]. As of December 2017, the term sharp power is being applied to Chinese and Russian international news sources. Before looking at the report that gave rise to the term “Sharp Power: Rising Authoritarian Influence”, it is important to understand the organization that prepared and published it, the National Endowment for Democracy (NED). Set up during the Reagan presidency to help implement the Reagan Doctrine as an alternative to Central Intelligence Agency (CIA) funding, Carl Gershman, president of the endowment in 1986, called it a necessity because “It would be terrible for democratic groups around the world to be seen as subsidized by the C.I.A.” Money flows through the United States Information Agency and “complex channels”. Russia banned the NED in 2015 in part for election meddling during the 2012 Russian elections [7].

As defined in the NED report, sharp power makes “Democracy appear to be relatively less attractive.” It is designed to create a “false sense of equality by sowing doubt and disorder among their rivals” and allows authoritarian states “to cut, razor-like, into the fabric of a society, stoking and amplifying existing divisions.” It highlights the “Russian disinformation efforts” viewing them as “a relentless, multidimensional attack on the prestige of democracies” [8].

The sharp power report represents the culmination of a timeline of events whereby “Russia Becomes the Enemy Again”. As a historian, I must acknowledge that it is too soon to really know what may or may not be the historical truths in these events. For now, what is most noteworthy and can be documented is the coverage and reporting, the information that makes the global news and the information that gets ignored. Consider the following a state of the landscape and not definitive conclusions.

The current Russia as the enemy narrative includes the following international news events: Ukraine & Crimea, 2012 Trial of Pussy Riot, 2014 Malaysia Airlines Flight 17, news services RT and Sputnik labeled information

warfare, doping of athletes, collusion with President Trump, Democratic National Committee hacking/election meddling, the Skripal poisonings, and finally culminating with the narrative that Russian President Vladimir Putin groomed Trump and ensured his election to the U. S. Presidency.

As Russian collusion dominates news narrative, it should be noted that as of 2014, 1.6 mln Russians resided in the New York Tri-State area, 600,000 in the City of New York representing 8 % of the population. With successful business people included in those numbers the odds of interacting with a person of Russian decent while living in New York City are reasonably high [9].

In what has been called Cold War 2.0, a cold war kill switch seems to have been flipped unleashing the subconscious floodgate of old cold war propaganda. American news outlets such as *CNN*, *HuffPost*, *The New York Times* and *The Washington Post* demonize Russia and people of Russian decent with seemingly no awareness that the ethnic prejudice they convey runs in direct opposition to human rights values. Not to mention the strain of white supremacy that expresses hatred toward Russians for being Asian and not white people oddly surfaces in the frequent use of photographs of Vladimir Putin emphasizing Asiatic features [10].

There is no self-reflection about the disturbing messages that would be conveyed if the word Russian was replaced with the descriptors African-Americans, Jewish or Latino. Consider how the following *Huffington Post* headline might read swapping out those terms: “Russia wanted Trump as president and got him. Now what does America do?” [11].

Recently the term fake news has entered global public news discourse. In a *Huffington Post* column, “The Five Types of Fake News” Dr. John Johnson described the types as “100 % False, slanted and biased, pure propaganda, misusing the data, and imprecise and sloppy.” For his discussion of “pure propaganda” he highlights Russia [12].

In 2017, CNN debuted their “Facts First” commercial/public service announcement to combat fake news. It shows an image of an apple and the narrator tells the viewer “this is an apple... some people may want to tell you it is a banana...you might even start to believe that this is a banana. But it’s not...this is an apple.” It ends with the claim of FACTS FIRST [13].

Ironic? Orwellian doublespeak?

No strong criticism ever emerged despite that the basic premise “this is an apple” is at best debatable and at worse false. No apple actually looks like that — it is a digital construction of an apple, plastic fruit, a digitized and filtered photograph of an apple, but not what an apple in the grocery store looks like. It would seem to qualify as what their ideologically aligned compatriot *HuffPost* defined as fake news.

As politicians and pundits repeatedly accuse President Trump of “collusion” with Russia, Trump supporters accuse Trump naysayers of “conspiracy” between Washington bureaucrats and the Obama Administration. In that spirit, I thought we would take a look at some more recent cases of collusion often dismissed as conspiratorial, between renowned and globally influential American media outlets, tech corporations and United States clandestine federal agencies. Some examples:

- August 29, 2012, writing for *The Guardian*, Glenn Greenwald of Edward Snowden fame, decreed the “degradation of journalism” headlining with “Correspondence and Collusion Between the New York Times and CIA”.
- May 14, 2014, in *Al Jazeera*, “New York Times under fire for spiking NSA leak stories in 2004”
- May 6, 2014, from *Al Jazeera*, “Emails reveal close Google relationship with NSA”
- July 17, 2014, *The Atlantic* revealed “The Details About the CIA’s Deal With Amazon”
- March 13, 2005, *The New York Times* complained “Under Bush a New Era of Prepackaged TV News”.
- April 20, 2008, *The New York Times* decried “Behind TV Analysts, Pentagon’s Hidden Hand” and published photographs of former pentagon officials serving as cable news pundits.

These types of relationships rarely get mentioned. Nor does the ownership of *The Washington Post* by Amazon owner and CIA cloud host, Jeff Bezos, while *The Washington Post* unironically states on its masthead “democracy dies in darkness” [14].

These echo chambers create news and information bubbles. Examples of which, the White Helmet and Investigate Russia, demonstrate the ignored connections between entertainment, news media and U.S. clandestine and foreign services.

The White Helmets, also known as the Syrian Civil Defense, has received over \$33 mln in funding from USAID, Office of Transitions Initiatives (OTI) Bureau for Democracy, Conflict, and Humanitarian Assistance. They provided “exclusive” footage of chemical attacks in Syria which in turn drove United States’ policy. They are the subject of an Oscar winning Netflix Documentary and received a Noble Peace Prize Nomination. It is worth noting the relationship between Netflix and the United States federal government. For instance, former United States National Security Advisor Susan Rice was named to the Board of Directors and the Obamas are rumored to be announcing a deal soon [15].

The White Helmet funding goes unmentioned as the White Helmets became part of the Russia as the enemy narrative. A December 8, 2017 *Guardian* story detailed “How Syria’s White Helmets became victims of an online propaganda machine” by exposing “the Russia-backed campaign to link volunteer rescuers with al-Qaida exposes how conspiracy theories take root: ‘It’s like a factory.’” While it is too soon to make comment as to what really occurred, it is noteworthy that the article makes no mention of US-AID/OTI funding [16].

The “Committee to Investigate Russia” offers another excellent echo chamber example. It is headlined by an unlikely trio of former Director of National Intelligence, James Clapper, famous for lying to Congress about surveillance and subject of an internet campaign to indict him for perjury called www.hasjamesclapperbeenindictedyet.com/, former CIA Director John Brennan who in 2014 garnered *Washington Post* headlines such as “CIA director John Brennan apologizes for search of Senate committee’s computers” and famed Hollywood figure Rob Reiner who according to the Internet Movie Database is most known for *All in the Family*, *Spinal Tap*, and *Wolf of Wall Street* [17].

The *Investigate Russia* website includes a video of the three discussing how Russia has placed “Democracy Under Attack” and an interactive timeline “Trump and Russia Through the Years”. The timeline details Trump’s relationships with controversial lawyer Ray Cohn, subject of Mueller Russia investigation conservative political operative Roger Stone, and Mueller indicted Paul Manafort. It features a 1984 purchase of an apartment in Trump Tower by an alleged “Russian mobster” and visually connects the event to Trump’s 1984 “first Atlantic City casino” opening. The timeline then directly links to CNN’s “Investigation Tracker” and the CNN webpage for “Tracking the Russia Investigations” [18].

Of the Investigate Russia Advisory Board, the following make appearances on CNN:

- Max Boot, Military Historian and Foreign Policy Analyst
- James Clapper, Former Director of National Intelligence
- General Michael Hayden Former Director of the Central Intelligence Agency and the National Security Agency
- Leon Panetta, Former Secretary of Defense, Former Director of the CIA, and Former White House Chief of Staff
- Rob Reiner, Director, Actor, and Activist
- Charles Sykes, Conservative Commentator
- Clint Watts, Foreign Policy Research Institute Fellow and Former FBI Agent

And, board member Evelyn Farkas, Ph.D. Former Deputy Assistant Secretary of Defense for Russia/Ukraine/Eurasia appears on MSNBC [19].

While there is no evidence that Investigate Russia enjoys popularity, it highlights the creation of echo chambers and information bubbles.

As of this presentation, Special Prosecutor Robert Mueller has indicted the Saint Petersburg, Russia based Internet Research Association. The firm allegedly spent \$1.25 mln a month on 3,519 Facebook ads reaching 11.4 mln American users and the generation of 80,000 posts viewed over 126 mln Americans. The Facebook ads and posts covered a range of issues and created events such as protests and counter protests. Some were African-American focused and part of the Black Lives Matter movement. Though their “Blactivist” page which received over 360,000 likes also promoted the use of #HillaryClintonForPrison2016. They weighed in on immigration and gun rights debates with “Stop A.I.” with 193,813 followers, “Secured Borders” with 135,301 followers; and the Heart of Texas with 253,862 followers. They promoted LGBT Issues and candidates Bernie Sanders and Donald Trump. The Facebook campaign also allegedly mimicked American veterans taking anti-Hillary Clinton stances and sowed tension between Muslim-Americans, “United Muslims of America” group with 328,000+ followers and the “Heart of Texas”. At the time of this presentation, the Facebook material had just been published by the U. S. Congress [20].

Compounding the reverberations of the CNN echo chambers is Reality Politics, another new and unique media and political ratings grabber, best represented by the longstanding relationship between CNN President Jeff Zucker and President Donald Trump. As highlighted in the *New York Times*’s magazine 2017 feature “CNN Had a Problem. Donald Trump Solved It”. Inside the strange symbiosis between Jeff Zucker and the president he helped create” [21]. Zucker and Trump worked together through fourteen seasons of Trump’s reality television franchise *The Apprentice* when Zucker was Trump’s boss and co-producer at NBC television. Now they now produce reality politics together. Also, oddly connected to *The Apprentice* is current United States relations with North Korea, as former basketball star and *Celebrity Apprentice* contestant Dennis Rodman has a personal relationship with Kim Jong Un.

As many are surprisingly unfamiliar with the *Apprentice* franchise, the opening to Trump’s first season highlights his perspective on capitalism and demonstrates how he went on to broad appeal. The introduction opens with a self-promoting Trump narrating over images of Manhattan opulence, the stock exchange and homeless people sleeping on benches, and coming finally to Trump riding around New York City in a limousine [22].

What does all this mean for the near future? Likely, continued Reality Politics, the information warfare of echo chambers and information loops, and a continued struggle for the English language global news space. Coming from the United States is an expanded use of social media internationally to promote the United States agenda, for instance, LIBTECH. Stanford University's Center on Democracy, Development, and the Rule of Law runs a Program on Liberation Technology, LIBTECH, which "seeks to understand how information technology can be used to improve governance, empower the poor, defend human rights, promote economic development, and pursue a variety of other social goods." In serving those ends, together with the National Endowment for Democracy (NED) funded National Democratic Institute (NDI), they launched "a free massive open online course dubbed "Technology for Accountability Lab" helping to ensure the continued looping between United States federal entities, technology corporations, and international media [23].

References

1. The Celebrity Apprentice. Season 5 Introduction, National Broadcasting Corporation, 2006, February 27. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=fl_ri8y0WPQ (accessed: 27.05.2018).
2. Fattor E. M. *American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization*. New York, Palgrave Macmillan, 2014.
3. Hilburn M. *Russia's New World Broadcast Service Is 'Sputnik'*. 2014. Available at: <https://www.voanews.com/a/russia-launches-new-media-brand-called-sputnik/2515216.html> (accessed: 27.05.2018).
4. RT Weekly TV audience grows by more than a third over 2 years; now 100MN — IPSOS. *RT International*, 2018. April 3. Available at: <https://www.rt.com/about-us/press-releases/ipsos-market-research-rt/> (accessed: 27.05.2018).
5. About Us — Sputnik International. Available at: <https://sputniknews.com/docs/about/index.html> (accessed: 05.04.2018).
6. 'Sharp Power: Rising Authoritarian Influence': New Forum Report — National Endowment for Democracy, 2017. Available at: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/> (accessed: 05.04.2018).
7. Shieler D.K. *Missionaries For Democracy: U.S. Aid For Global Pluralism*. *The New York Times*, 1986, June 1. Available at: <https://www.nytimes.com/1986/06/01/world/missionaries-for-democracy-us-aid-for-global-pluralism.html> (accessed: 05.04.2018).
8. 'Sharp Power: Rising Authoritarian Influence': New Forum Report — National Endowment for Democracy, 2017, December 5. Available at: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/> (accessed: 05.04.2018).
9. Ameredia: Russian American Demographics. Available at: <http://www.ameredia.com/resources/demographics/russian.html> (accessed: 15.04.2018).

10. Cain J.E. *Bram Stoker and Russophobia: Evidence of the British Fear of Russia in Dracula and the Lady of the Shroud*. New York, McFarland & Company, Inc., 2006.

11. Date S.V. Russia Wanted Trump As President And It Got Him. Now What Does America Do? *HuffPost*, November 22, 2017. Available at: https://www.huffingtonpost.com/entry/trump-russia-one-year_us_5a14a7eee4b03dec8248e1b9 (accessed: 15.04.2018).

12. Johnson J. The Five Types of Fake News. *HuffPost* (blog), 2016, December 13. Available at: https://www.huffingtonpost.com/dr-john-johnson/the-five-types-of-fake-ne_b_13609562.html (accessed: 15.04.2018).

13. Ecarma C. CNN Seems to Take Aim at Trump With ‘Facts First’, 2017, October 23. Available at: <https://www.mediaite.com/online/cnn-seems-to-take-aim-at-trump-with-facts-first-advertisement/> (accessed: 15.04.2018).

14. Farhi P. The Washington Post’s New Slogan Turns out to Be an Old Saying. *The Washington Post*, 2017, February 24. Available at: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/the-washington-posts-new-slogan-turns-out-to-be-an-old-saying/2017/02/23/cb199cda-fa02-11e6-be05-1a3817ac21a5_story.html (accessed: 15.04.2018).

15. Statement by Deputy Spokesperson Tom Babington on Funding for the White Helmets. *U.S. Agency for International Development*, 2018, June 14. Available at: <https://www.usaid.gov/news-information/press-releases/jun-14-2018-statement-deputy-spokesperson-tom-babington-funding-white-helmets> (accessed: 15.04.2018).

16. Solon O. How Syria’s White Helmets Became Victims of an Online Propaganda Machine. *The Guardian*, 2017, sec. December 18. World news. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/18/syria-white-helmets-conspiracy-theories> (accessed: 15.04.2018).

17. Miller G. CIA Director John Brennan Apologizes for Search of Senate Committee’s Computers. *The Washington Post*, 2014, sec. July 31. National Security. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/cia-director-john-brennan-apologizes-for-search-of-senate-computers/2014/07/31/28004b18-18c6-11e4-9349-84d4a85be981_story.html (accessed: 15.04.2018).

18. Everything We Know About Russia and President Trump. Committee to Investigate Russia. Available at: <https://investigaterussia.org/timelines/everything-we-know-about-russia-and-president-trump> (accessed: 15.04.2018).

19. Advisory Board. Committee to Investigate Russia. Available at: <https://investigaterussia.org/advisory-board> (accessed: 15.04.2018).

20. Hatmaker T. What We Can Learn from the 3,500 Russian Facebook Ads Meant to Stir up U.S. Politics. *TechCrunch* (blog), 2018. Available at: <http://social.techcrunch.com/2018/05/10/russian-facebook-ads-house-intelligence-full-list/> (accessed: 15.04.2018).

21. Mahler J. CNN Had a Problem. Donald Trump Solved It. *The New York Times*, 2017, sec. April 4. Magazine. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/04/04/magazine/cnn-had-a-problem-donald-trump-solved-it.html> (accessed: 15.04.2018).

22. *The Apprentice*. Season 1 Introduction, National Broadcasting Corporation, 2004, January 8. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=9paNJJqMn3c> (accessed: 15.04.2018).

23. Lowe D. Idea to Reality: NED at 30. National Endowment for Democracy. Available at: <https://www.ned.org/about/history/> (accessed: 6.05.2018).

УДК 327

РОССИЯ И США В БОРЬБЕ С ТЕРРОРОМ: СОЮЗНИЧЕСТВО И ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ

О. К. Рыбалко

В статье раскрыты особенности российско-американского сотрудничества в сфере противодействия международному терроризму в начале 2000-х годов. Анализируются особенности подхода американской стороны к оценке террористической угрозы. На примере дискуссий вокруг российской политики в Чечне иллюстрируется утилитарность и ситуативность этого подхода. Отмечается, что даже в период стратегического партнерства США и России взаимопонимание стран в этом вопросе не было безграничным. На высшем уровне американского истеблишмента в первой половине 2000-х годов чеченский вопрос использовался как болевая точка России, на которую давили, чтобы добиться различных уступок. Границы союзнического взаимопонимания в борьбе с общим врагом были четко очерчены интересами, далекими от цели установления всеобщего мира и безопасности, что определило степень согласованности и эффективности борьбы с международным терроризмом.

Ключевые слова: российско-американские отношения, Дж. Буш-мл., В. Путин, международный терроризм, контртеррористическое сотрудничество, операция «Незакрушиваемая свобода», чеченский конфликт.

RUSSIA AND THE U.S. IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM: PARTNERSHIP AND DOUBLE STANDARDS

O. Rybalko

The article reveals the peculiarities of the Russian-American interaction in the field of countering international terrorism in the early 2000s. The features of the approach of the American side to the assessment of the terrorist threat are analyzed. The utilitarian and situational nature of this approach are illustrated by the cases of discussions on Russian politics

Рыбалко Ольга Константиновна — канд. ист. наук, доц. кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83.

Rybalko Olga — PhD (History), Associate Professor, Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya ul., Saratov, 410012, Russian Federation.

in Chechnya . It is noted that during the period of “strategic partnership” between the USA and Russia, the mutual understanding of the countries was not unlimited in this matter. The Chechen question was used by highest American establishment as a leverage for achieve various concessions from Russia. The limits of allied understanding in the fight against the common enemy were clearly outlined by concerns other than the maintenance of international peace and security. This fact has determined consistency and degree of effectiveness in the fight against international terrorism.

Keywords: Russian-American relations, G.W.Bush, V.Putin, international terrorism, counterterrorism cooperation, Operation Enduring Freedom, The Chechen conflict.

Терроризм и экстремизм названы одной из самых серьезных глобальных проблем современности. Борьба с терроризмом имеет решающее значение для международной безопасности и мира. Международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций безоговорочно осудило терроризм как деятельность, не имеющую оправданий, независимо от целей и мотивов террористов. Данное положение закреплено в Глобальной контртеррористической стратегии ООН 2006 г. [1], которая была призвана закрепить общие руководящие принципы взаимопонимания в борьбе с общим врагом.

Однако на сегодняшний день среди ведущих государств мира нет однозначного согласия относительно критериев включения тех или иных групп и организаций в категорию террористических. Данное обстоятельство приводит к тому, что глобальный фронт борьбы с терроризмом находится в состоянии кризиса. Одним из препятствий на пути к преодолению существующего раскола является сохраняющееся напряжение между Россией и США. Сирийский кризис стал частью нового противостояния между двумя странами. Одна из линий этой конфронтации пролегла в области борьбы с терроризмом и была связана с противоречиями во взглядах российской и американской сторон на сущность и роль так называемых «умеренных повстанцев» в Сирии. Фактически эта ситуация проиллюстрировала формулу, известную со времен холодной войны: террорист для одних — борец за свободу для других. В настоящее время, когда новая холодная война между Россией и Западом из броских публицистических заголовков перешла в пространство реальной международной политики, это обстоятельство вызывает возмущение, но не удивляет. Однако гораздо более провокационно и нелогично подобные демарши выглядели в период стратегического партнерства России и Соединенных Штатов в начале 2000-х годов.

После событий 11 сентября 2001 г. и начала «крестового похода» Дж. Буша-мл. Россия была названа одним из основных американских союзников в борьбе с международным терроризмом и исламским

экстремизмом, однако в то же время Россия не могла добиться поддержки Запада по болезненному для страны вопросу о признании антитеррористического характера действий российских войск в Чечне. При этом совершенно очевиден тот факт, что чеченские кампании, ставшие ответом на воинствующий сепаратизм и преступную деятельность бандформирований на Северном Кавказе, были тяжелейшим периодом борьбы постсоветской России за государственную целостность и безопасность — национальную и международную. Примечательно, что первая чеченская кампания была поддержана официальным Вашингтоном. Белый дом признавал Чечню частью России и подтверждал право государства на неприкосновенность границ и неделимость. В 1996 г. президент Билл Клинтон даже сравнивал своего коллегу Бориса Ельцина с Авраамом Линкольном, который в годы Гражданской войны в США «положил жизнь на то, чтобы ни один штат не имел права на выход из союза» [2]. Но в конце 90-х годов, после начала второй чеченской кампании, признание интересов безопасности России сменилось на Западе обвинениями в адрес Москвы в нарушениях прав и свобод человека в Чечне.

При этом официальные лица США игнорировали российские аргументы и прямые доказательства связи чеченских боевиков с международной террористической сетью. Так, в том же 1996 г. на территории России был арестован Айман аз-Завахири — ближайший соратник Усамы бен Ладена, направлявшийся в Чечню с группой помощи для боевиков. Уведомив о факте ареста второго лица «Аль-Каиды» американскую сторону, но не получив поддержки и не имея достаточных доказательств для предъявления обвинений, российские власти были вынуждены отпустить Завахири и его сподручных. Впоследствии Завахири без препятствий вернулся в Афганистан, участвовал в подготовке теракта 11 сентября, а после убийства бен-Ладена в 2011 г. встал во главе «Аль-Каиды» [3, с. 47].

В конце 1990-х годов в Соединенных Штатах было создано множество неправительственных организаций и фондов поддержки чеченских сепаратистов, которые именовались героями, повстанцами, свободолюбивыми борцами против «кровавого режима Кремля». Среди подобных организаций наиболее влиятельным был Американский комитет за мир в Чечне, основанный в 1999 г. Основанный и возглавляемый Збигневом Бжезинским и бывшим госсекретарем Александром Хейгом Комитет включал в число своих членов более сотни выдающихся деятелей, среди которых можно назвать бывшего директора ЦРУ Джеймса Вулси, известного своими неоконсервативными взглядами Ричарда Перла — бывшего замминистра обороны США

и одного из советников Дж. Буша-мл. в период предвыборной гонки и многих других известных и влиятельных персон. Силами членов Комитета обсуждение чеченской проблемы (с позиции однозначного осуждения) инициировалось в правительственных и экспертных кругах, освещалось в крупнейших СМИ [4].

Мощная критическая кампания и отсутствие консенсуса с Западом не только наносили ущерб международному имиджу и престижу России, но и угрожали внутренней безопасности страны. Российские власти опасались центробежного распространения сепаратистских настроений из Чечни на другие регионы страны, что привело бы к хаосу и краху государства. Моральная поддержка, оказываемая чеченским полевым командирам со стороны Запада, могла послужить катализатором этого процесса. Весьма ощутимыми были и экономические последствия конфронтации — сокращение программ финансовой помощи, снижение объема западных инвестиций и т.п. Для российской стороны исключительно желательным был выход из сложившейся ситуации, однако для ее урегулирования требовалось наличие политической воли руководства США и благоприятной международной конъюнктуры.

Возможность для позитивного сдвига открылась после прихода к власти в США в 2001 г. нового президента. Первые месяцы президентства Джорджа Буша были отмечены прагматизацией и ужесточением политики в отношении России. Первоначально позиция нового главы Белого дома была схожа с неодобрительными взглядами на чеченский вопрос его предшественника. Однако к лету 2001 г. в отношениях был взят курс на улучшение. В свете предвыборных обещаний Буша-мл. Вашингтон был заинтересован в лояльности российской стороны к ряду американских инициатив, в частности к планам по развитию системы ПРО и расширению НАТО. Это позволило начать диалог с принятием взаимоприемлемых решений на высшем уровне [5]. Одной из важных тем, обсуждаемых в рамках этого диалога, была проблема Чечни.

Поиск соглашений по этому вопросу ускорился после терактов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне и в связи с подготовкой американской операции «Несокрушимая свобода». Владимир Путин первым из иностранных лидеров позвонил в Белый дом в день трагедии и заверил американцев, что его страна не станет автоматически отвечать на усиление военной готовности США, как это случалось во времена холодной войны. Российский лидер определил место России в рядах союзников США по борьбе с международным терроризмом, выразил готовность поделиться разведанными и ценным опытом,

накопленным российскими войсками во время войны с афганскими моджахедами, а также распорядился открыть российское воздушное пространство для самолетов США и союзников, предоставляющих гуманитарную помощь.

Сотрудничество с Россией было необходимо Соединенным Штатам не только для получения полезной разведывательной информации, но и для облегчения доступа в страны Центральной Азии. На территории Таджикистана и Узбекистана планировалось развернуть американские военные базы, и через границы этих государств должна была осуществляться перевозка контингентов и оборудования в соседний Афганистан. Кроме того, в долгосрочной перспективе проникновение и закрепление в Центральноазиатском регионе открывало возможности для осуществления американских энергетических проектов по добыче и реализации ресурсов Каспия [6]. Москва согласилась с этими планами и внесла свой вклад в их реализацию, несмотря на то что сомнительная перспектива расположения американских воинских контингентов вблизи российских границ и в зоне интересов России в Центральной Азии вызывала протест и неприятие ряда представителей российского правительства (особенно в МИД и Министерстве обороны).

Кроме того, российская поддержка кампании США против «Аль-Каиды» предполагала поставку оружия и оборудования силам Северного альянса в Афганистане и сотрудничество российских и американских разведывательных служб в отслеживании террористов. Свидетельством союзничества Кремля послужило также закрытие центра радиоэлектронной разведки в Лурдесе (Куба) и военно-морской базы Камрань (Вьетнам). Некоторые американские политики признавали, что в войне с террором помощь России Соединенным Штатам была более существенной, чем помощь большинства членов НАТО [7, с. 30]. Проявления доброй воли со стороны России не в последнюю очередь были продиктованы стремлением заручиться американским признанием чеченской кампании частью глобальной войны с террором. Констатация связи чеченских сепаратистов с исламистскими группировками и «Аль-Каидой» обеспечивала гарантии свободы для контртеррористических действий российских войск в Чечне.

Изменение публичной позиции официального Вашингтона по данному вопросу, казалось, было однозначно зафиксировано после саммита президентов в Кроуфорде в ноябре 2001 г. На этой встрече президент Буш гарантировал своему коллеге невмешательство в чеченские дела со стороны турецких спецслужб, ранее действовавших через Грузию и Азербайджан с согласия ЦРУ [8]. Благоклонность

американского президента должна была также ослабить напор критики со стороны западных правозащитников.

Однако с конца 2001 г., по мере того как афганская кампания подходила к своему успешному завершению, вопрос о правонарушениях в Чечне вновь стал с завидной периодичностью подниматься западными СМИ, несмотря на личное согласие американского президента на борьбу с чеченскими адептами «Аль-Каиды». Одновременно корректировалась и позиция американской администрации по отношению к российским действиям в Чечне. От признания закономерным выбора военных мер Белый дом все больше переходил на необходимость «политического решения вопроса» [9, с. 151].

В этом контексте в России с огромной тревогой восприняли в конце 2001 г. инициативу Конгресса США начать финансирование вещания радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» на территории Северо-Кавказского региона на чеченском языке [10, с. 4]. Накануне начала вещания представителю посольства США в Москве была вручена дипломатическая нота, в которой МИД РФ указало, что «этот шаг несовместим с общей борьбой с терроризмом, с духом формирующихся между Россией и США отношений партнерства» [11].

Более того, по мнению американской стороны, в рамки политического решения вполне укладывалась встреча представителя госдепартамента с «министром иностранных дел» масхадовского правительства И. Ахмадовым, признаваемым в России террористом, для обсуждения вариантов урегулирования чеченского кризиса. МИД РФ заявило протест, назвав этот шаг «откровенно недружественным» и «аморальным» [12]. Протест действия не возымел, и Ахмадов был принят в госдепартаменте. Впоследствии важность этого события преуменьшалась, подчеркивался неофициальный характер и невысокий уровень встречи. Тем не менее со стороны США подобный шаг выглядел как откровенное поощрение чеченского экстремизма. Следует упомянуть, что в 2004 г. США предоставили Ахмадову политическое убежище, а также выделили ему финансирование из средств Национального фонда в поддержку демократии [13]. Особенно циничным такое радушие по отношению к представителю администрации мятежной республики Ичкерия выглядело в свете теракта в Беслане в сентябре 2004 г.

Подобные шаги служили прямым подтверждением применения американской стороной двойных стандартов при оценке террористической угрозы, подчеркивали стремление к сдерживанию России через поддержку антироссийских националистических радикальных сил, выявляли желание Вашингтона сохранить «чеченский козырь» в качестве инструмента давления на Москву. Роль ключевого союз-

ника США в антитеррористической коалиции, которую Россия взяла на себя после 11 сентября, не оградила страну от критики, демаршей и попыток повлиять на ситуацию в Чечне со стороны американских партнеров. Нежелание США отказаться от педалирования чеченского фактора наряду с другими проявлениями асимметрии и неравенства российско-американского взаимодействия привело к провалу политики стратегического партнерства и последующей деградации двусторонних отношений.

Литература

1. UN Global Counter-Terrorism Strategy. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/en/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 10.06.2018).
2. *Waal T. de.* America's new hard line on Chechnya // BBC Online Network. Wednesday, 1999, November 3. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/503804.stm> (дата обращения: 10.06.2018).
3. *Stent A.* The Limits of Partnership: U. S.-Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton: Princeton University Press, 2015. 408 p.
4. *Laughland J.* The Chechens' American friends // The Guardian. 2004. September 08. URL: <https://www.theguardian.com/world/2004/sep/08/usa.russia> (дата обращения: 05.07.2018).
5. *Рыбалко О. К.* Джордж Буш-мл. и Владимир Путин: на пути к Любляне // Американистика: актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5 / под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. Курск: Курск. гос. ун-т, 2013. С. 347–356.
6. *Шенин С. Ю.* Формирование энергетической стратегии США для XXI в. // Американистика: актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. Курск: Курск. гос. ун-т, 2014. С. 199–211.
7. *Kitfield J.* Putin's leap of faith // National Journal. 2001. No. 6. P. 30.
8. *Chiesa G.* Bush's Asian Yalta // The New Leader. 2002. Vol. 85. URL: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/Shenin.pdf> (дата обращения: 10.06.2018).
9. *Azizian R.* A Marriage of Convenience: Russia and U.S. foreign policy // Asian Affairs: An American Review. 2003. No. 2. P. 151–159.
10. *McMahon C.* Broadcasts air in Chechen Radio Liberty's service begins, to Russia's dismay // Chicago Tribune. 2002. April, 4.
11. Представителю посольства США в России вручена нота МИД РФ с выражением озабоченности в связи с намерением радиостанции «Свобода» начать вещание на Северный Кавказ // РИА Новости. 02.04.2002. URL: <http://ria.ru/politics/20020402/106584.html>ixzz3AxleJkka (дата обращения: 20.08.2014).
12. Russian Foreign Ministry Protest Visit of Maskhadov's Emissary to U.S. State Department // Daily News Bulletin. 2002. January, 23.

13. Petras J. The Politics of Terrorism in North Ossetia. Self-determination and Imperial Politics // *Global Research*. URL: <https://www.globalresearch.ca/the-politics-of-terrorism-in-north-ossetia/204> (дата обращения: 05.08.2018).

References

1. UN Global Counter-Terrorism Strategy. Available at: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/en/un-global-counter-terrorism-strategy> (accessed: 10.06.2018).

2. Waal T. de. America's new hard line on Chechnya. *BBC Online Network. Wednesday*, 1999, November 3. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/503804.stm> (accessed: 10.06.2018).

3. Stent A. *The Limits of Partnership: U. S.-Russian Relations in the Twenty-First Century*. Princeton University Press, 2015. 408 p.

4. Laughland J. The Chechens' American friends. *The Guardian*, 2004. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2004/sep/08/usa.russia> (accessed: 05.07.2018).

5. Rybalko O. K. George Bush, Jr. and Vladimir Putin: on the way to Ljubljana. *Amerikanistika: actual'nye podkhody i sovremennye issledovaniia: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Iss. 5. Ed. by T. V. Alentyevoy, M. A. Filimonovoy. Kursk, Kursk State University Press, 2013, pp. 347–356. (In Russian)

6. Shenin S. Yu. Formation of the U. S. energy strategy for XXI century. *Amerikanistika: actual'nyye podhody i sovremennyye issledovaniya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Iss. 5. Ed. by T. V. Alentyevoy, M. A. Filimonovoy. Kursk, Kursk State University Press, 2013, pp. 199–211. (In Russian)

7. Kitfield J. Putin's leap of faith. *National Journal*, 2001. no. 6, p. 30.

8. Chiesa G. Bush's Asian Yalta. *The New Leader*, 2002, vol. 85. Available at: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/Shenin.pdf> (accessed: 10.06.2018).

9. Azizian R. A Marriage of Convenience: Russia and U. S. foreign policy. *Asian Affairs: An American Review*, 2003, no. 2, pp. 151–159.

10. McMahon C. Broadcasts air in Chechen Radio Liberty's service begins, to Russia's dismay. *Chicago Tribune*, 2002, April, 4.

11. A representative of the USA Embassy in Russia was presented with a note from the Russian Foreign Ministry which was concerned about the intention of radio Liberty to start broadcasting to the North Caucasus. *RIA Novosti*. 02.04.2002. Available at: <http://ria.ru/politics/20020402/106584.html#ixzz3AxleJkkA> (accessed: 20.08.2014). (In Russian)

12. Russian Foreign Ministry Protest Visit of Maskhadov's Emissary to U. S. State Department. *Daily News Bulletin*, 2002, January, 23.

13. Petras J. The Politics of Terrorism in North Ossetia. Self-determination and Imperial Politics. *Global Research*. Available at: <https://www.globalresearch.ca/the-politics-of-terrorism-in-north-ossetia/204> (accessed: 05.08.2018)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1945–1946 ГГ. В РАССЕКРЕЧЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ДОКУМЕНТАХ

К. В. Минкова

Попытки предугадать развитие внутренней и внешней политики Советского Союза после окончания Второй мировой войны неоднократно предпринимались различными правительственными структурами Соединенных Штатов еще в ходе войны. По понятным причинам все они на протяжении десятилетий оставались засекреченными и лишь недавно стали доступны исследователям. Анализ рассекреченных документов госдепартамента и министерства обороны США, отложившихся в американских архивах, позволяют по-иному взглянуть на осведомленность американской стороны и в перспективах экономического развития СССР, и в основных мотивах выработки его внешнеполитического курса. Зачастую, впрочем, выводы, сделанные авторами рассматриваемых документов, совершенно не соотносятся с теми базовыми сведениями, на основе которых они производятся, а подчас и просто противоречат им. На наш взгляд, именно этими расхождениями во многом определяется та непоследовательность во внешней политике США 1945–1946 гг., которая четко прослеживается даже при ее поверхностном изучении.

Ключевые слова: Советский Союз, Соединенные Штаты Америки, советско-американские отношения, прогнозы, внешняя политика, военные расходы, гонка вооружений.

A SOVIET-AMERICAN RELATIONS OF 1945–1946 AND PROSPECTS OF THEIR DEVELOPMENT IN DECLASSIFIED AMERICAN DOCUMENTS

K. Minkova

Attempts to predict the development of domestic and foreign policy of the Soviet Union after the end of World War II were repeatedly made by various United States government structures during the war. For obvious reasons, all of them remained classified for decades and only recently became accessible to researchers. Analysis of the declassified documents of the State Department and the U.S. Department of Defense, deposited in the American archives, allow U.S. to take a different look at the awareness of the American side both in the prospects for the economic development of the USSR and in the main motives of its foreign policy. Often, however, the conclusions made by the authors of the outgoing documents were completely at odds with the information which served as the basis of their production, and sometimes they simply contradict them. In our opinion, it is precisely these discrepancies that largely determine the inconsistency in the United States foreign policy of 1945–1946, which can be clearly seen even in superficial research.

Минкова Кристина Владимировна — канд. ист. наук, ст. преп. кафедры американских исследований СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Minkova Kristina — PhD (History), Assistant Professor, American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Keywords: the Soviet Union, the United States of America, Soviet-American relations, predictions, foreign policy, military expenditures, arms race.

31 января 1945 г. Объединенным разведывательным комитетом (Joint Intelligence Committee for the Joint Chiefs of Staff, ОРК) был составлен документ под названием «Оценка возможностей и намерений Советского Союза после войны» [1]. Он подготовлен на основе следующих пяти отчетов, представленных в комитет:

- Экономические возможности и экономическая политика СССР после окончания войны;
- Военные возможности СССР после окончания войны;
- Политические возможности и моральный дух, которые будут определять внутреннее развитие СССР после окончания войны;
- Общие соображения о внешней политике СССР после окончания войны;
- Внешняя политика СССР после окончания войны по регионам.

По оценкам американской разведки, к началу 1945 г. Советский Союз потерял порядка 25 % своего основного капитала или 16 млрд долл. США [1, епс. А, р. 1]. Предполагается, что после окончания военных действий в Европе советское руководство немедленно сократит *военные расходы* до уровня 1938 г. (5 млрд долл. США), а *регулярные вооруженные силы* — до 4 млн чел. В качестве первейших приоритетов экономической политики в отчете среди прочего названо «немедленное повышение уровня жизни» и высокий уровень инвестиций [1, епс. А, р. 2].

В целом, по мнению составителей отчета, практически во всех промышленных отраслях к 1952 г. *уровень производства* в СССР превысит довоенные показатели [1, епс. А, р. 13–14].

Произведенные Объединенным разведывательным комитетом (ОРК) оценки *военной мощи* Советского Союза сильно расходились с реальностью. По сведениям ОРК, к началу на вооружении у СССР находилось 28 тыс. боевых самолетов (на самом деле — 22, 6 тыс.), 20 тыс. танков (в действительности — 15,7 тыс.), орудий и минометов — минимум 50 тыс. (на самом деле — более 144 тыс.) [1, епс. В, р. 1–3; 2].

Что касается внешней политики, то в этой сфере американская разведка предполагала, что Советский Союз захочет или полностью доминировать или, по крайней мере, разделить свое влияние с США и/или Великобританией в следующих регионах:

- 1) Восточной Европе,
- 2) Центральной Европе,
- 3) Китае,
- 4) Японии.

Составители доклада полагали, что после окончания войны внешняя политика СССР будет определяться тремя важнейшими факторами:

- потребностями Советского Союза и идеологическими установками его правительства;
- относительной мощью по сравнению с внутренними силами в указанных проблемных зонах;
- возможностями и внешней политикой США и Великобритании — так, как они видятся советскому руководству [1, enc. D, p. 1].

Авторы доклада совершенно справедливо полагают, что после окончания военных действий Коммунистическая партия СССР сохранит свою руководящую позицию, и при любом анализе перспектив развития советской внешней политики нужно это учитывать. Так, в докладе отмечается, что советские люди привыкли к «спартанским условиям существования», а значит, все силы партия сможет направить на восстановление экономики, которого Советский Союз достигнет в «замечательно короткие сроки» — впрочем, при сохранении невысокого уровня военных расходов [1, enc. D, p. 2]. Подразумевается, что задержать восстановление советской экономики можно в том случае, если вынудить СССР не сокращать военные расходы после окончания военных действий в Европе (и позже, после окончания войны на Дальнем Востоке).

Подводя итог данному параграфу документа, составители утверждают, что у СССР не может быть ни ресурсов, ни намерений проводить «авантюрную» внешнюю политику, которая может привести его к конфликту с крупными западными державами [1, enc. D, p. 3].

Далее отмечается, что у Советского Союза даже по достижении значительного уровня промышленного развития не может быть экономических мотивов для дальнейшей экспансии. При этом утверждается, что благодаря плановой экономике и государственной монополии на внешнюю торговлю СССР может эксплуатировать ресурсы любой страны, попавшей в сферу его влияния. Два этих предположения представляются весьма странными: во-первых, они противоречат друг другу, а во-вторых, совершенно не учитывают, например,

политику Советского Союза в Иране, где в борьбе за нефть Москва в годы Второй мировой войны прилагала значительные (и весьма успешные) усилия к установлению просоветского режима в северной части страны [3].

Далее следует весьма любопытная фраза: обеспеченность СССР стратегически важными природными ресурсами такова, что его заинтересованность в получении контроля над ресурсами иностранных государств *не больше, чем у США* [1, enc. D, p. 3]. При этом Вашингтон еще с 1930-х годов практически не скрывал своего желания контролировать нефтяные ресурсы Ближнего и Среднего Востока. Доказательством этого стало, в частности, подписание Англо-американского нефтяного соглашения 1944 г. [4].

Авторы доклада полагают также, что некоторое (какое точно — неизвестно) влияние на формирование советской внешней политики и в дальнейшем будет оказывать марксистская идеология (прежде всего тезис о неизбежности межклассовой борьбы). Именно идеология, по мнению составителей отчета, может сделать отношения между СССР и США более сложными, чем они могли бы быть [1, enc. D, p. 3].

В свою очередь «единственная фундаментальная цель» внешней политики США состоит в обеспечении собственной безопасности (и этим они отличаются от Великобритании, которая, помимо безопасности своей и Империи, должна обеспечивать постоянный поток импорта и экспорта) [1, enc. D, p. 11]. Как бы то ни было, национальные интересы и США, и Великобритании диктуют необходимость воспрепятствовать Советскому Союзу обрести доминирующие позиции в Европе и Азии.

Для достижения этой цели США и Великобритания выработали два основных направления внешней политики. Первое состоит в том, чтобы разделить проблемные регионы на сферы советского и несоветского влияния с нейтральной зоной между ними. Второе — предпринять попытку установления демократических режимов и поддерживать их в обеих сферах и в нейтральной зоне. Великобритания склоняется к первому варианту (действительно, здесь можно вспомнить «процентное соглашение» Черчилля и Сталина. — *К. М.*), тогда как Соединенные Штаты выступают за второй [1, enc. D, p. 12].

Далее в докладе указывается, что одним из многих факторов, которые будут определять политику США и Великобритании по отношению к Советскому Союзу, является общественное мнение. Так, в обоих государствах существуют небольшие группы людей, настроенные радикально про- или радикально антисоветски, однако подавляющая

часть населения на момент составления отчета относится к СССР вполне толерантно и будет так относиться к нему и далее, если только советское влияние не распространится слишком быстро и на большие территории [1, енс. D, p. 13].

Предполагается, что в период оккупации соотношение сил союзников — как в Европе, так и на Дальнем Востоке — будет не в пользу Советского Союза, однако по окончании периода оккупации баланс сил изменится в пользу СССР [1, енс. D, p. 13].

Далее следует весьма примечательный вывод: авторы доклада утверждают, что послевоенная внешняя политика Москвы фактически уже проводится. Целью любого военного или политического шага советского руководства является не только нанесение поражения врагу, но и создание предпочтительного для него послевоенного мира. Таким образом, при отсутствии каких-либо существенных изменений во внешнеполитическом курсе Москвы следует уже в краткосрочной перспективе ожидать возрастания той напряженности в отношениях Большой тройки, первые признаки которой уже проявились к моменту составления отчета [1, енс. D, p. 13].

Существует ряд весомых соображений, которые должны подтолкнуть советское руководство к проведению политики компромисса:

- 1) присутствие американских и британских войск в Европе и на Дальнем Востоке до окончания оккупационного периода;
- 2) время, необходимое Советскому Союзу для восстановления экономики;
- 3) крайняя необходимость в значительном повышении жизненного уровня населения в СССР (хотя этим соображением Москва может пожертвовать в пользу других целей);
- 4) перспектива увеличения в достаточно разумный период времени населения, военной и экономической мощи Советского Союза более быстрыми темпами, чем в какой-либо другой стране мира;
- 5) опасения, что преждевременное распространение советского влияния в других странах может спровоцировать мощную и весьма опасную антисоветскую реакцию вплоть до фашизма [1, енс. D, p. 14].

В то же время существуют и соображения, по которым советское руководство может незамедлительно начать активные действия по распространению своего влияния на другие страны:

- 1) внутренняя нестабильность и отсутствие легитимной власти в странах Европы и Азии;

- 2) значительный престиж, которым пользуются просоветски настроенные силы, особенно в движениях Сопротивления, и сам Советский Союз — как страна, внесшая наибольший вклад в победу над Гитлером;
- 3) исключительные возможности Советской армии по созданию дружественных режимов и советизации соседних с СССР стран с целью превращения их в более надежных союзников. (Впрочем, существует и возможность установления в этих странах сильных прозападных режимов.)

Намерения советского руководства будут частично зависеть от его оценки намерений других стран, и, если эти намерения будут выражены в общей форме (в виде доктрин об уважении суверенитета, независимости, демократии и т. п.), советские лидеры (учитывая их идеологические установки) могут с большой долей вероятности неверно оценить ситуацию. Более того, чем труднее будет советскому правительству оценить намерения *любой другой великой державы* (т. е. на январь 1945 г. США признавали за СССР статус великой державы. — К. М.), тем труднее будет самим США оценить намерения Москвы и тем вероятнее будет опасность возникновения серьезного недопонимания между этими странами [1, enc. D, p. 15–17].

Подводя итог вышесказанному, авторы доклада выделяют следующие общие характеристики послевоенной политики СССР:

1. Пристальное внимание к возможностям и намерениям США и Великобритании.
2. Укрепление стратегической позиции Советского Союза путем расширения влияния и мощи — в особенности там, где не существует опасности столкновения с другими серьезными соперниками.
3. Достижение компромисса с США и Великобританией и даже подчинение их давлению в тех случаях, когда это позволит избежать серьезных столкновений и гонки вооружений.

Главная же цель внешней политики СССР будет состоять в наращивании такой силы и влияния, чтобы любая группа стран, которых он посчитает своими врагами, опасалась на него напасть или в случае нападения неминуемо потерпела бы поражение.

Учитывая исторический опыт и приверженность марксистской идеологии, советское руководство будет, скорее всего, преувеличивать опасность экспансионистских устремлений США и Великобритании и угрозу агрессии против СССР со всех возможных сторон [1, enc. D, p. 17].

Как видим, в январе 1945 г. американская разведка достаточно четко (возможно, даже более четко, чем само советское руководство) представляла себе устремления советского руководства в краткосрочной перспективе и важнейшие факторы, определявшие формирование внешнеполитического курса Москвы.

Что еще более важно, авторы доклада предвидели возможность эскалации конфликта из-за недопонимания между Москвой и Вашингтоном, однако не смогли предотвратить дальнейшее развитие отношений между СССР и США именно по этому сценарию — как в политической, так и в экономической сфере.

Второй документ, который мы рассматриваем в данной статье — аналитическая справка «Союз Советских Социалистических республик: политика и общая информация», — увидел свет 15 мая 1946 г. [5]. Он появился уже в совершенно иных условиях: после первых серьезных трений между союзниками в Потсдаме, бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, раздела Кореи на оккупационные зоны, отказа Советского Союза ратифицировать соглашение о членстве в Международном валютном фонде и Международном банке реконструкции и развития, конфликта вокруг нарушения Москвой соглашения о выводе советских войск из Ирана, Фултонской речи У. Черчилля и т. п.

В первом же предложении справки говорится о том, что отношения с Советским Союзом «представляют собой наиболее сложную и многофакторную проблему внешней политики США». Любое ослабление вооруженных сил США приведет к нарастанию агрессии со стороны СССР, поэтому Соединенные Штаты должны сохранять такую армию, которая могла бы обеспечить безопасность США и защищать их интересы по всему миру (при этом американские чиновники до конца не уверены, что стремление Кремля расширить подконтрольную ему зону объясняется чистой агрессией, а не вызванным объективными факторами желанием обеспечить свою безопасность) [5, p. 2].

Политика Советского Союза по наращиванию своего влияния в мире состоит из набора тщательно выверенных шагов, каждый из которых имеет заранее заготовленное объяснение и может быть встречен с сочувствием и одобрением теми, кто симпатизирует СССР. Здесь отмечается огромная роль советской пропаганды, главный лозунг которой определяется в справке следующим образом: «Хватай инициативу при первой возможности, обвиняй других в том, что делаешь сам, и повторяй эти обвинения чаще и громче, чтобы они заглушали возмущение других» [5, p. 3].

Как и составители предыдущего документа, авторы справки полагают, что политика неопределенности в отношении СССР невоз-

можно. В деле международного сотрудничества США готовы встретить СССР на полпути, однако сначала следует убедиться в том, что эта половина пути действительно им пройдена. (Этот тезис неоднократно встречался и в документах других чиновников госдепартамента — в частности, ключевых советологов Дж. Кеннана и А. Гарримана.)

Составители доклада считают, что «подход к отношениям с СССР должен быть глобальным, не следует оценивать плюсы и минусы каждого конкретного вопроса» [5, р. 3]. По всей видимости, в этом состоит одно из важнейших заблуждений администрации Трумэна, который действительно придерживался достаточно жесткой общей политики, не вникая в частные особенности той или иной проблемы, требующей от обеих сторон конструктивного диалога. Так случилось, в частности, с рядом вопросов советско-американского экономического сотрудничества, которые американская сторона была готова рассматривать только в комплексе, а советская — только индивидуально. Неспособность стран прийти к компромиссу в этом вопросе привела к фатальным последствиям — еще большему разочарованию сторон друг в друге, окончательной утрате взаимного доверия и как следствие — к дальнейшей эскалации конфликта [8].

Еще одна фатальная ошибка — рекомендация «изучать советскую систему тщательно и беспристрастно... и воздержаться от экстравагантных шагов, которые могут вызвать подозрения, действовать сегодняшним днем, *не пытаясь «накопить» доверие в отношениях»*. Как мы знаем, успешное развитие советско-американских отношений при Ф. Д. Рузвельте во многом объяснялось этим самым доверием, кредит которого американский президент успешно создавал с самого начала войны. В этом смысле расхожее убеждение в том, что в ухудшении двусторонних отношений после 1945 г. виноват в основном Г. Трумэн, вполне оправданно.

В отношении ООН прогнозы составителей отчета в целом оказались верными. По их убеждению, СССР рассматривает эту организацию как «полезный для себя инструмент», который может помочь ему не допустить создания сильного блока западных государств. К тому же на полях ООН советское руководство может осуществлять свою пропагандистскую деятельность в менее развитых государствах и колониях. В то же время США должны быть готовыми к тому, что СССР может выйти из ООН (или, по крайней мере, использовать для достижения нужных целей свое намерение выйти из ООН), если членство в ней перестанет отвечать национальным интересам Советского Союза или как-либо им угрожать [5, р. 4].

Перспективам развития экономических отношений с СССР в записке также уделяется достаточно большое внимание, однако, как мы уже упоминали, в русле общего глобального подхода к общению с Москвой. Так, указывается, что США готовы начать переговоры о предоставлении СССР кредита на восстановление экономики, однако при условии интеграции последней в систему международного торгово-финансового сотрудничества и урегулирования целого ряда других вопросов, накопившихся к этому моменту и требующих решения. Выражается надежда на скорейшее начало переговоров по урегулированию расчетов по ленд-лизу (при этом оно также привязывается к решению других вопросов) и на участие советской делегации в выработке устава Международной торговой организации, членство в которой, по мнению составителей отчета, принесет прямую выгоду как самому Советскому Союзу, так и другим членам организации [5, р. 10–11]. Любопытно, что в экономической секции записки абсолютно не упоминаются какие-либо соображения о намерениях советского руководства в этой области или оценки его действий. Она носит исключительно справочный и, заметим, исключительно однобокий характер. Впрочем, разумная рекомендация в этом разделе все же содержится: стараться поддерживать торгово-экономические отношения даже с теми странами, которые уже попали в орбиту советского влияния, и помогать другим странам, которым грозит подобная опасность.

Чтобы указанная политика в отношении СССР была эффективной, авторы доклада считают необходимым улучшить координацию между различными правительственными институтами, поскольку на момент его составления она, по их мнению, недостаточна (в отличие от советской).

Кроме того, по мнению авторов отчета, правительству США не приходится рассчитывать на поддержку американского народа при проведении жесткой политики в отношении Советского Союза, если только оно не будет с народом максимально честным и не будет подробно разъяснять мотивы своих действий [5, р. 5]. Следует также донести до американского народа тот факт, что Советский Союз не оценил вклада США в победу в войне и не хочет обращаться с этой страной так, как обычно обращаются с союзниками.

В завершение составители записки отмечают, что Соединенным Штатам довольно сложно защищать свои интересы в отношениях с Советским Союзом, поскольку основные проблемы локализуются в местах, значительно удаленных от американских центров силы (имеются в виду Восточная Европа, Иран, Корея и т. п.) и в зоне совет-

ской безопасности. Соответственно, возможности США помешать Москве в проведении выгодной ей политики очень ограничены, но они все же есть. Например, это экономические меры — задержка репарационных платежей или отказ от предоставления кредитов. Хотя авторы доклада полагали, что успех подобных действий будет весьма сомнителен, на практике оказалось, что экономическая изоляция СССР оказалась весьма действенной. Кроме этого, единственной доступной Вашингтону мерой была следующая: госдепартаменту предоставлялась мобилизация общественного мнения в Советском Союзе. Для этих целей в СССР предполагалось выбрать целевую аудиторию в 5–10 тыс. человек, имеющих влияние на формирование внешнеполитического курса, и:

- разъяснить им важнейшие установки внешней политики США и убеждение, что обе страны могут мирно сосуществовать, невзирая на идеологические и политические различия;
- указать на поддержку США работы ООН как средства достижения мира на планете;
- сформировать у них реалистические представления о Соединенных Штатах как о мощной, но дружественной промышленной державе с политическими свободами, развитым социальным законодательством и яркой культурной жизнью;
- установить как можно более тесные культурные отношения между институтами и отдельными представителями советского и американского народа [5, р. 20–21].

По всей видимости, ни в начале 1945 г., ни в середине 1946 г. в США не существовало четкого представления о том, какой именно курс следует избрать в отношении СССР. Об этом ярко свидетельствуют рассмотренные в настоящей статье документы. При достаточно успешных аналитических оценках текущих событий и дальнейших перспектив развития отношений отсутствуют четко сформулированные рекомендации. Те же, которые присутствуют в отчетах, чрезвычайно противоречивы и не всегда отражают реальное положение дел в самих США.

Например, фактически с конца 1945 г. в крупных американских газетах развернулась кампания по дискредитации образа Советского Союза в глазах американского народа [9]. При этом составители второго рассмотренного нами документа полагают, что американский народ не поддержит жесткую политику в отношении Москвы.

Кроме того, создается впечатление, что авторы справки не были знакомы с результатами проводившихся в США опросов обществен-

ного мнения. Так, в марте 1946 г. лишь 35 % опрошенных полагали, что СССР будет сотрудничать с США на международной арене, а в возможность мирного сосуществования этих стран верило меньше половины респондентов [10].

Неспособность госдепартамента сформулировать эффективные рекомендации для формирования внешнеполитического курса в отношении Советского Союза, без сомнения, сыграла огромную роль в эскалации напряженности между СССР и США на протяжении второй половины 1946 г. Нельзя не заметить, что эта ситуация имеет печальное сходство с сегодняшним состоянием отношений между нашими странами, и изучение исторического опыта обеими сторонами могло бы привести к положительным результатам и предотвратить дальнейшее возрастание напряженности между Москвой и Вашингтоном.

Литература

1. Estimate of Soviet Post War Capabilities and Intentions. Joint Intelligence Committee. ЛС 250/1. 1945, January 31.

2. Вооруженные силы СССР // Сетевая энциклопедия. НИИ военной истории ВАГШ ВС РФ. URL: <https://www.noo-journal.ru/энциклопедия/1943/вс-ссср/> (дата обращения: 13.06.2018).

3. *Гасанлы Дж. П.* Советская политика по расширению южных границ: Сталин и азербайджанская карта в борьбе за нефть (1939–1945). М.: Политическая энциклопедия, 2017.

4. *Брукс М.* Нефть и внешняя политика. URL: http://www.libma.ru/politika/neft_i_vneshnjaja_politika/p13.php#metkadoc2 (дата обращения: 15.06.2018).

5. Union of Soviet Socialist Republics: Policy and Information Statement. Washington: Department of State, 1946, May 15, HST, Clifford Papers, Box 15, Russia (1 of 8).

6. *Минкова К. В.* Советско-американские противоречия в решении корейского вопроса (1944–1945 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Международные отношения». 2017. Т. 17, № 4. С. 839–856.

7. *Минкова К. В.* «Советская делегация считает целесообразным вступление Советского Союза в состав членов Фонда»: СССР и Международный валютный фонд в 1943–1946 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Международные отношения». 2017. Т. 17, № 1. С. 34–47.

8. *Минкова К. В.* Заложить основу мирного экономического сотрудничества между разными экономическими мирами: дискуссии по экономическим вопросам в советско-американских отношениях 1945–1946 г. // Клио. 2016. № 7 (115). С. 110–116.

9. *Минкова К. В.* Короткий путь к кризису: образ СССР в американской прессе второй половины 1945 — начала 1946 г. (на примере газеты «Нью-Йорк таймс» // Социальный протест на Востоке и Западе: взгляд из Сибири.

Материалы Всероссийской научной конференции. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2017. С. 47–55. (Сер. «Библиотека исторического факультета ИГУ»).

10. Минкова К. В. Сотрудничество с Советским Союзом в общественном мнении США, 1941–1947 гг. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сб. материалов V Всероссийской науч. конф. Самара, 2018. С. 125–126.

References

1. *Estimate of Soviet Post War Capabilities and Intentions*. Joint Intelligence Committee. JIC 250/1. 1945, January 31.

2. USSR Armed Forces. Web Encyclopedia. Institute of Military History, Higher Academy of General Staff of the Russian Federation. Available at: <https://www.noo-journal.ru/энциклопедия/1943/вс-ссср/> (accessed: 13.06.2018). (In Russian)

3. Gansaly G. P. *Soviet policy of expanding the southern borders: Stalin and the Azerbaijani card in the battle for oil (1939–1945)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017. (In Russian)

4. Brooks M. *Oil and Foreign Policy*. Available at: http://www.libma.ru/politika/neft_i_vneshnjaja_politika/p13.phpmetkadoc2 (accessed: 15.06.2018). (In Russian)

5. Union of Soviet Socialist Republics: Policy and Information Statement. Washington. D. C., Department of State, 1946, May 15. HST, Clifford Papers, Box 15, Russia (1 of 8).

6. Minkova K. V. Soviet-American contradictions regarding Korea (1944–1945). *Vestnik RUDN. International Relations*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 839–856. (In Russian)

7. Minkova K. V. The Soviet delegation considers USSR joining The International Monetary Fund advisable: Soviet Union and IMF in 1943–1946. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 17, no. 1, pp. 34–47. (In Russian)

8. Minkova K. V. To lay the basis for peaceful economic collaboration between different economic worlds: discussions on economic issues in the US-Soviet relations (1945–1946). *Klio*, 2016, no. 7 (115), pp. 110–116. (In Russian)

9. Minkova K. V. Short cut to the crisis: the image of USSR in the American press of late 1945 — early 1946 (on the example of the “New York Times”). *Proceedings of the All-Russian scientific conference “Social protest in the East and West: a look from Siberia”*. Irkutsk, Irkutsk State University Press, 2017, pp. 47–55. (In Russian)

10. Minkova K. V. Co-operation with the Soviet Union in the U.S. public opinion, 1941–1947. *Russian Foreign Policy Interests: History and Modernity*. Proceedings of V Scientific Conference. Ed. by A. N. Skvoznikov. Samara, Samara Humanitarian Academy Press., 2018, pp. 125–126. (In Russian)

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ: ЛУ ГЕНРИ ГУВЕР, ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ПЕРВАЯ ЛЕДИ

А. Л. Перевезенцев

Статья посвящена жизни и деятельности одной из самых выдающихся женщин в американской истории — супруге 31-го президента США Герберта Гувера, тридцать первой «первой леди» страны Лу Генри Гувер. На основе исторических источников из фондов Гуверовской президентской библиотеки и музея, а также мемуаров Г. Гувера и ряда англоязычных биографических исследований автор раскрывает этапы яркого жизненного пути Лу Генри Гувер — одной из самых образованных женщин своего времени, выпускницы геологического факультета Стэнфордского университета, составившей вместе со знаменитым мужем один из самых эффективных «тандемов» в истории — в политике, творчестве, благотворительной деятельности, скаутском движении и т. п. Сделан вывод о том, что тридцать первая Первая леди оставила яркий след в американской истории, организовав и возглавив ряд общественных и профессиональных организаций, в частности, сыграв большую роль в развитии герлскаутского движения в США, а также решающую роль в создании загородной резиденции американских президентов — Кэмп Рапидан. Судьба столь выдающейся женщины, по мнению автора, нуждается в более детальном и объективном исследовании.

Ключевые слова: Лу Генри Гувер, тридцать первая Первая леди, личностный фактор, история США.

PERSONALITY FACTOR IN AMERICAN HISTORY: LOU HENRY HOOVER, THIRTY FIRST 'FIRST LADY'

A. Perevezentsev

The article is dedicated to the life and work of one of the most prominent women in American history — the spouse of the 31st President of the United States, Herbert Hoover, the thirty-first “first lady” Lou Henry Hoover. Based on historical sources from the funds of the Herbert Hoover Presidential Library and Museum, as well as the memoirs of H. Hoover and a number of English-language biographical studies, the author reveals the stages of the bright life journey of Lou Henry Hoover, one of the most educated women of her time, alumna of the geological department of Stanford University, who together with her famous husband became one of the most effective “tandems” in history — in politics, art, charity, scout movement, etc. It was concluded that the thirty-first “first lady” left a bright mark in American history, organizing and leading a number of public and professional organizations, in particular, having played a large role in the development of the Girl scout movement in the

Перевезенцев Александр Леонидович — канд. ист. наук, доц. кафедры отечественной истории и исторических дисциплин, Актыбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, 030000, Республика Казахстан, Актобе, пр. А. Молдагуловой, д. 34

Perevezentsev Aleksandr — PhD (History), Associate Professor, Domestic History and Historical Disciplines Department, K. Zhubanov Aktobe Regional State University, 34, pr. A. Moldagulovoy, Aktobe, 030000, Kazakhstan.

United States, as well as a decisive role in creating the American Presidents' summer retreat residence — Rapidan Camp. The destiny of such an outstanding woman, according to the author, needs more detailed and objective research.

Keywords: Lou Henry Hoover, thirty-first “first lady”, personality factor, U.S. history.

Введение

Личностный фактор в истории — тема очень сложная, масштабная и невероятно многогранная. Выдающиеся исторические личности на века становятся примерами для последующих поколений, их жизнь и деятельность вызывает неподдельный интерес — как у специалистов, так и у простых любителей истории... Роль личности в истории — тема крайне интересная в контексте любого исследования, а если личность имеет непосредственное отношение к истории США — это становится интереснее вдвойне. В этой стране биографиями выдающихся лидеров — от политиков и полководцев до спортсменов, актеров, музыкантов — заполнены даже не отдельные полки, а целые стеллажи в крупных книжных магазинах типа «Barnes and Noble». Одна из популярнейших тем в Голливуде — так называемые «байопики» — жизнеописания ярких, неординарных личностей; им посвящены также многочисленные (зачастую объединенные в тематические циклы) документальные фильмы. Безусловно, именно выдающиеся личности в ключевые, переломные моменты развития своей страны, региона способны существенно повлиять как в позитивном, так и в негативном плане на происходящие в обществе политические и социально-экономические процессы, притормозить или придать ускорение динамике его развития. Это находит свое выражение и в исторической терминологии, когда за понятиями «петровская эпоха», «наполеоновские войны», «столыпинские реформы», «гитлеровская Германия», «политика голлизма» или «франкистский режим» незримо встают образы вполне конкретных исторических деятелей, ставших символами современной им эпохи.

Но как бы ни были важны термины и понятия, на наш взгляд, самое интересное в истории — это сами личности, непосредственным образом ее, эту самую историю, в меру своих сил и талантов творящие. Исторически сложилось таким образом, что подавляющее большинство выдающихся политиков — мужчины, а их жены, как правило, обречены быть на втором плане, в тени своих супругов. Может быть, именно поэтому нам даже просто визуально трудно представить, к примеру, жен Джорджа Вашингтона, Шарля де Голля, Уинстона Черчилля, Нельсона Манделы или Махатмы Ганди... Мало-

заметными выглядели жены и советских руководителей (конечно же, за исключением Надежды Константиновны Крупской и Раисы Максимовны Горбачевой), и восточных авторитарных правителей, и американских президентов — за редкими исключениями.

Итак, если мы даже внешне не можем представить «вторых половинок» выдающихся лидеров, то что же в таком случае мы знаем об их воспитании, уровне образованности, хобби, вкусах, привычках, особенностях менталитета? Практически ничего. И это «белое пятно» в исторической науке, особенно применительно к личностному фактору в истории человеческой цивилизации, выглядит довольно неприглядно и подлежит, по нашему мнению, скорейшему исправлению.

В мировой политике можно вспомнить множество крупных политических деятелей и очень мало — лидерских семейных тандемов, в которых «прекрасные половинки» дополняют и даже обогащают того или иного выдающегося правителя.

К счастью, основной сюжет нашей статьи как раз об этом достаточно редком случае в современной истории. Тридцать первый президент США Герберт Гувер (1929–1933) и его супруга — Первая леди страны Лу Генри Гувер — действительно были командой в самом лучшем смысле этого слова. Как метко заметил Тимоти Вэлч, экс-директор Гуверовской президентской библиотеки и музея, день их свадьбы стал началом «одного из самых выдающихся партнерств в американской истории» [1, p. 2].

Чета Гуверов на протяжении почти 45 лет совместной жизни была творческим дуэтом, в котором каждый из супругов способствовал развитию в партнере самых ярких сторон личности, присущих ему изначально умений и талантов.

Но если даже такой семейный тандем и имел место в истории той или иной страны (или эпохи), о выдающемся государственном муже все равно написано или рассказано во много раз больше, чем о его, возможно, не менее выдающейся «второй половине». Не кажется ли вам, уважаемый читатель, что это как минимум несправедливо?

Вот и автору этих строк показалось несправедливым, что о 31-м президенте США Герберте Гувере, выдающемся гуманистари, талантливом финансисте и знаменитом горном инженере, написаны десятки книг (одних научных монографий более 40), статей и биографических очерков, а о его жене Лу Генри Гувер, невероятно сильной духом, талантливой, творческой женщине, одной из самых ярких представительниц своего поколения, всего несколько работ [2–5], которые можно сосчитать на пальцах одной руки?

Безусловно, одной публикацией полностью исправить эту несправедливую ситуацию абсолютно невозможно, но, как говорится, любая дорога начинается с первого шага. Итак, что мы знаем о Лу Генри Гувер?

Выбор жизненного пути

Луиза Генри родилась в городе Ватерлоо, штат Айова, 29 марта 1874 г., в семье банкира Чарльза Делано Генри и домохозяйки Флоренс В. Генри. Впоследствии семья неоднократно переезжала, пока не обосновалась в Калифорнии. Здесь, в городе Монтерей, Лу (ни домашние, ни она сама никогда не называли ее полным именем Луиза) окончила в 1891 г. местную среднюю школу, а затем продолжила обучение в колледжах Лос-Анджелеса и Сан-Хосе. Окончив San Jose Normal School в мае 1893 года, Лу Генри получила квалификацию педагога и, поработав немного ассистентом кассира в банке у отца, затем стала трудиться по специальности — в качестве учителя начальных классов в Монтерее, обучая третьеклассников. Ей пришлось около года совмещать эти два столь различных вида деятельности [5, p. 10].

Начав работать по специальности, будущая Первая леди быстро осознала, что педагогика не является ее призванием. Все чаще в разговорах с родителями она пыталась обосновать свой новый выбор. «Я люблю полевые исследования, — говорила она, — и хочу знать, как создан этот мир, — вот то, что я собираюсь изучать в геологии» [6, p. 18]. Исследователи отмечают, что в то время направлять дочерей для обучения в университет по-прежнему считалось «несколько нетрадиционным», но семья Лу Генри была достаточно прогрессивной, и желанию девушки никто не стал препятствовать [7, p. 65].

Обучение в Стэнфордском университете было бесплатным, что делало его весьма привлекательным для потенциальных студентов и их родителей, да и расстояние от Монтерея до Пало Альто составляло чуть менее 90 миль (около 140 км) и не выглядело непреодолимым препятствием.

Осенью 1894 года Лу Генри была принята на геологический факультет Стэнфордского университета и вскоре познакомилась со своим будущим мужем — студентом четвертого курса Гербертом Гувером. Они поженились 10 февраля 1899 г. в Монтерее, Калифорния, и на следующий день вместе отправились в Китай — на новое место работы Г.Гувера. В 1903 г. появился на свет их первенец, Герберт-младший, а в 1907 г. — второй сын, Аллан. Чета Гуверов счастливо прожила в браке почти 45 лет — вплоть до смерти Лу Генри Гувер от инфаркта 7 января 1944 г.

Благотворительная деятельность, титулы и достижения в период инженерной карьеры четы Гуверов

Даже краткое перечисление заслуг и достижений Лу Генри Гувер говорит о ней как о личности безусловно яркой, творческой и разносторонней. Говоря о ней как о важной составляющей творческого семейного тандема, хочется привести несколько примеров.

Так, на рубеже 1910-х годов миссис Гувер, затратив немало времени и усилий, помогла своему супругу перевести знаменитую книгу средневекового мыслителя Агриколы «De Re Metallica» («О горном деле и металлургии»), изданную на латыни в 1556 г. Исследуя библиотечные фонды Британского музея, Лу Генри Гувер обнаружила этот древний фолиант и, раздобыв копию, принялась переводить его на английский язык [5, p.20].

Книгу Агриколы Гувер называл «первой попыткой систематизировать в одном печатном издании все известные в то время знания в области горнорудного дела, металлургии и промышленной химии», отмечая, что эта книга в течение двух веков являлась определяющим трудом как в теоретическом, так и в практическом плане [8, p.117]. Этот знаменитый труд (иногда называемый «the Bible of Mining» — «Библией горного дела») так и не был полностью переведен на английский язык, несмотря на предпринимавшиеся прежде попытки, видимо, потому, что здесь требовалось как знание латыни, так и хорошая техническая подготовка потенциального переводчика. Сам Гувер был не очень «подкован» в латыни, а вот его супруга, миссис Гувер, полностью соответствовала этой сложнейшей задаче.

В 1907 г. супруги решили объединить усилия и совместно взялись за перевод творения Агриколы. Ряд терминов в книге был из немецкого, французского и итальянского языков, что также добавляло трудностей, хотя миссис Гувер неплохо знала первый и более-менее — второй.

При помощи стэнфордского специалиста в области античных языков, д-ра Фэйрклоу, Лу Генри Гувер подготовила «скелет» переводимого текста, а Герберту пришлось создать — причем, как отмечает Уилл Ирвин, «во всех домах, в которых он проживал», небольшие химические лаборатории — для проведения этого своеобразного «научно-детективного исследования» [7, p.119]. «Детективным» он был назван исследователем, видимо, потому, что за три с половиной столетия некоторые из процессов, описываемых в данной работе, были давно забыты, а значения многих технических и научных терминов при этом сильно изменились. В результате «переводчикам» постоян-

но приходилось «разгадывать ребусы» и искать ответы на многочисленные загадки. Тем не менее этот тяжелый труд был успешно завершен совместными усилиями супругов в 1912 г., спустя пять лет после его начала. Книга была издана тиражом в 3000 экземпляров, половина из которых отправлена в подарок известным инженерам, а также различным специализированным институтам и учебным заведениям. Чета Гуверов впоследствии гордилась этим событием как одним из своих важнейших жизненных достижений.

Проявлением благородства и сострадания к нуждающимся в помощи является благотворительная деятельность. Герберт Гувер известен как один из выдающихся гуманистов своего времени. Еще будучи молодым специалистом, он отправлял деньги нуждающимся родственникам и знакомым. Для Гуверов, безусловно, подобная практика была по-настоящему семейным делом. К примеру, еще в 1901 г. Лу Генри Гувер в письме отцу попросила его оказать ей помощь в создании «небольшого образовательного фонда» для тех студентов, которым «немного не хватает средств» для завершения образования.

Незадолго до этого она оказала помощь одной из кузин Герберта, оказавшейся в подобной ситуации, и эта «разовая акция» (каковых в последующие годы будут еще сотни и тысячи помимо регулярных пожертвований по линии Армии Спасения и Красного Креста) подтолкнула миссис Гувер к действиям по созданию фонда [5, р. 17]. Неудивительно, что в последующие годы с подобными просьбами к Лу Генри Гувер обращались самые неожиданные личности: так, архивисты Гуверовской президентской библиотеки и музея показывали автору этих строк обращенное к супруге Г. Гувера письмо от российской эмигрантки Брешковской (от 1922 г.), в котором она просит оказать финансовую помощь двум сыновьям А. Ф. Керенского, обучающимся в Англии, в размере восьми тысяч долларов...

В годы Первой мировой войны Лу Генри Гувер активно участвовала во всех благотворительных проектах своего супруга. Так, в начале августа 1914 г. Г. Гувер возглавил Комитет американцев, проживающих в Лондоне, для оказания помощи путешествующим американцам (позднее изменивший название на «Американский комитет помощи» — American Relief Committee), которому предстояло отныне работать с беженцами — американскими гражданами, оказавшимися к началу войны в Европе и нуждающимися в возвращении домой.

Буквально на следующий день миссис Гувер организовала и фактически возглавила исполнительный комитет новой благотворительной организации — Общества американских женщин в Лондоне (the Society of American Women in London), а также Комитет помо-

щи (полное название — Resident American Women's Relief Committee) оказавшимся в бедственном положении американским женщинам и детям. Таким образом, Лу Генри Гувер и возглавляемый ею Женский комитет взяли на себя заботу о женщинах и детях, путешествующих по Европе без мужского сопровождения. Отметим плодотворность деятельности миссис Гувер: находившиеся под ее руководством две благотворительные организации только в августе и сентябре 1914 г. оказали финансовую помощь и, что также немаловажно, моральную поддержку примерно 1200 женщинам, а к началу 1916 г. помогли вернуться домой более чем 26 000 американским женщинам и детям [5, р. 23]. В целом же, на наш взгляд, можно смело утверждать, что именно события лета — осени 1914 г. позволили Лу Генри Гувер полнее раскрыться в личностном плане.

Если до этого она могла проявить себя только в качестве жены и матери, то теперь стала по-настоящему публичной фигурой и оставалась таковой на протяжении всех последующих 30 лет. Не забывая, по-видимому, и о своей приобретенной в Стэнфорде специальности, она со временем организовала в Нью-Йорке «Инженерный женский клуб» (The Engineering Woman's Club) [9, р. 70] — согласитесь, нечто очень необычное по меркам той все еще «сугубо мужской» эпохи.

Первая мировая война и 1920-е годы

В начале осени 1914 г. Герберт Гувер организовал и возглавил Комиссию Помощи Бельгии (КПБ), за годы войны спасшую от голода около 10 миллионов жителей оккупированной германской армией небольшой европейской страны. За океаном, в США, в это же время активную деятельность по сбору благотворительных пожертвований для бельгийцев развернула Лу Генри Гувер. Используя сан-францисский офис своего супруга в качестве своеобразного «штаба» по организации благотворительной деятельности среди калифорнийцев, она добилась значительных успехов — в частности, местный порт стал одним из пунктов отправки продовольствия в голодающую Европу. Ее политика сбора благотворительных пожертвований была весьма успешной благодаря пропаганде принципа ежемесячных субсидий, т.е. превращения нерегулярных, разовых акций в бесперебойно действующую систему. Во многом именно благодаря публичным выступлениям миссис Гувер, отмечают исследователи, жители одного только Сан-Франциско пожертвовали более 100 000 долларов в фонд КПБ.

Кроме того, в годы Первой мировой войны миссис Гувер играла активную роль во влиятельной благотворительной организации

«American Women's War Relief Fond» («Американский женский фонд помощи жертвам войны»). Также под ее патронажем находился большой 200-местный госпиталь Красного Креста, в котором производились сложные операции для раненых британских солдат и офицеров [5, p. 24–25].

Когда в 1917 г. США вступили в войну и Герберт Гувер был призван президентом Вудро Вильсоном встать во главе чрезвычайного органа — Продовольственной администрации (US Food Administration), Лу Генри немедленно возглавила ее Женский комитет (Women's Committee).

Продолжая приводить примеры семейных проектов четы Гуверов, нельзя не отметить особое отношение как 31-го президента США, так и миссис Гувер к детям. Герберт Гувер, человек с трудным сиротским детством, уделял огромное внимание, оказывая материальную и моральную поддержку, разного рода детским и подростковым организациям, в том числе бойскаутам. Неудивительно, что миссис Гувер сыграла огромную роль в становлении и развитии «Организации герлскаутов Америки» [10]. Начав принимать участие в работе этой общественной организации в 1917 г., она долгие годы была ее президентом (1922–1925) и вице-президентом (1921–1922, 1925–1929), а также главой знаменитого Вашингтонского отряда № 8 [11].

Также в 1920-е годы Лу Генри Гувер возглавляла Федерацию женских клубов (The General Federation of Women's Clubs) страны. 11 апреля 1924 г., отмечая ее заслуги в этом качестве, популярный и влиятельный американский журнал «Тайм» поместил портрет миссис Гувер на обложку своего очередного выпуска.

Продолжая перечисление титулов и достижений Лу Генри Гувер, отметим, что в этот же период она являлась вице-президентом Национальной любительской атлетической ассоциации (National Amateur Athletic Association), а затем — президентом ее женского отделения (Women's Division).

Роль Первой леди в создании загородной резиденции американских президентов

И наконец, выделим роль Лу Генри Гувер в одном необычном проекте — создании загородной резиденции американских президентов, известной как «Кэмп Рапидан» (Camp Rapidan, Virginia). На рубеже 1920–1930-х годов, когда Герберт Гувер был хозяином Белого дома, миссис Гувер, заботясь о здоровье своего супруга-президента, купила неподалеку от столицы, в местечке Кэмп Рапидан, штат

Вирджиния, 163 акра земли и обустроила эту территорию в качестве места отдыха.

Увидев, что у местных ребятишек нет своей школы, она пожертвовала необходимую сумму на ее возведение, а также на постройку коттеджей для будущих учителей. Впоследствии Кэмп Рапидан был передан семейством Гуверов в дар американскому правительству и теперь является местом загородного отдыха для президентов США. Кстати, и Стэнфордскую резиденцию четы Гуверов, построенную по проекту миссис Гувер, эта прекрасная в своем бескорыстии семья безвозмездно передала в дар своей альма-матер — теперь Гуверовский дом является «переходным жилищем» ректоров знаменитого Стэнфордского университета.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы еще раз отметить тот факт, что выдающиеся достижения 31-го президента США Герберта Гувера в инженерно-предпринимательской карьере, благотворительной сфере и политической деятельности, скорее всего, были бы невозможны без того крепкого семейно-творческого тандема, который сложился у четы Гуверов в конце XIX в. и оказывал благотворное действие на протяжении всей их долгой, почти 45-летней супружеской жизни. Уровень образования, интеллект, творческие способности, бескорыстие и доброта Лу Генри Гувер позволили ей занять достойное место в ряду наиболее выдающихся женщин своего поколения.

Конечно же, в кратком очерке трудно дать полную картину того, каким замечательным человеком была тридцать первая Первая леди США, но надеемся, что в скором будущем появится возможность рассказать об этой выдающейся женщине гораздо подробнее... Такие личности, как Лу Генри Гувер, украшают наш мир, и светлая память о них должна передаваться последующим поколениям.

Литература/References

1. Walch T. *Introduction. Uncommon Americans: The Lives and Legacies of Herbert and Lou Henry Hoover*. Ed. by T. Walch. Westport, Connecticut, Praeger Publishers, 2003.
2. Colbert N. A. *Lou Henry Hoover: The Duty to Serve*. Morgan Reynolds Incorporated, 1998.
3. Lou H. *Hoover: Essays on a Busy Life*. Ed. by Dale C. Mayer. High Plains Publishing Company, Inc., 1994.

4. Pryor H. B. *Lou Henry Hoover: Gallant First Lady*. New York, Dodd, Mead and Co, 1969.
5. Young N. B. *Lou Henry Hoover: Activist First Lady*. Lawrence, Kansas, University Press of Kansas, 2004.
6. Wilson J. H. *Herbert Hoover: Forgotten Progressive*. Long Grove, Illinois, Waveland Press, Inc., 1992.
7. Irwin W. *Herbert Hoover: A Reminiscent Biography*. New York, Grosset and Dunlap Publishers, 1928.
8. Hoover H. C. *Memoirs*. Vol. 1. Years of Adventure: 1874–1920. New York, the Macmillan Company, 1951.
9. Burner D. *Herbert Hoover: A Public Life*. Newtown, American Political Biography Press, 2005.
10. Kennedy S. E. Pioneer Girl: Lou Henry Hoover and the Girl Scouts. Uncommon Americans: The Lives and Legacies of Herbert and Lou Henry Hoover. Ed. by T. Walch. Westport, Praeger Publishers, 2003. P. 79–89.
11. Lou H. *Hoover: A Biographical Sketch*. Available at: <http://www.hoover.archives.gov/education/louhenrybio.html> (accessed: 28.05.2018).

УДК 327

АМЕРИКАНСКАЯ АКАДЕМИЯ В ЭПОХУ ДОНАЛЬДА ТРАМПА*

А. И. Кубышкин

В статье рассматриваются основные аспекты политики администрации Д. Трампа в области высшего образования в США. Отмечается, что основные мероприятия направлены на изменение структуры финансирования университетов, усиление коммерциализации, поддержку элитарных учебных заведений и ограничение притока иностранных студентов.

Ключевые слова: администрация Д. Трампа, высшее образование в США, финансирование и государственная поддержка вузов, политическая конкуренция, проблемы содержания и качества образования.

Кубышкин Александр Иванович — д-р ист. наук, проф. кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Kubyshekin Aleksandr — PhD (History), Professor, Department of Theory and Methodology for Teaching Arts and Humanities, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке по гранту РНФ (Проект 18-18-00233).

A. Kubyshkin

The article analyses the main trends D. Trump's administration policy according U.S. higher education system. Author observes the problems of financial support from the federal authorities toward universities and colleges, the increasing of commercialization of the programmes of education, political competition and situation with foreign students body.

Keywords: D. Trump's administration, higher education in US, financial policy in the field, political competition, foreign students in U.S. colleges and universities.

Система высшего образования в США — это огромный комплекс, имеющий большое значение для подготовки специалистов, предоставления возможности получения общего и профессионального образования и являющийся мощным резервуаром идей и инновационных технологий. К этому можно добавить, что американские университеты и колледжи играют также роль социальных лифтов для десятков миллионов американцев, гарантируя или во всяком случае предоставляя возможности для значительного улучшения их социального и экономического положения.

По словам журналистки «Вашингтон Пост» Кэтрин Рэмпелл, «экспорт образования составляет примерно столько же, сколько общий экспорт сои, угля и природного газа вместе взятых».

Высшее образование в США — высокодоходная отрасль национальной экономики. Так, в 2017 г. сектор высшего образования внес чистый профицит в размере около \$34 млрд на текущий счет США [1].

По данным на 2018 г., в Соединенных Штатах насчитывалось более 3000 заведений высшего образования. Сюда входят также около 1,5 тыс. двухгодичных колледжей (community colleges), а также 1600 четырехгодичных университетов и колледжей, дающих образование на уровне программ бакалавриата [9].

Национальным достоянием и предметом гордости американцев являются прежде всего 312 национальных университета, многие из которых входят в первые строчки международных рейтингов, а шесть (Гарвард, Принстон, Йель, Стэнфорд, Колумбийский университет и Массачусетский технологический университет) — в десятку лучших университетов мира. Среди американских так называемых *flagship universities* (ведущих университетов США), осуществляющих подготовку по всем трем уровням (бакалавриат, магистратура и аспирантура), 191 общественный и 114 частных.

За ними следуют 233 престижных и дорогих гуманитарных колледжа (Colleges of Liberal Arts), среди них 213 частные и только 20 общественные.

Однако основную массу студентов принимают 656 региональных университетов и 322 региональных колледжа. Кроме этого необходимо упомянуть и 80 колледжей и университетов, в которых преимущественно учатся афроамериканцы (основаны до принятия Акта о гражданских правах 1964 г.) [9].

Добавим, что в США учится в три раза больше иностранных студентов, чем американцев, обучающихся за границей, что объясняется несомненной привлекательностью американского высшего образования, особенно на уровне профессиональной подготовки (магистратура и аспирантура).

Более 350 университетов и колледжей в США активно применяют дистанционное обучение, получившее в последние годы широкое распространение, хотя этот способ обучения породил немало вопросов прежде всего к качеству образования.

Приход к власти республиканской администрации во главе с Д. Трампом спровоцировал серьезную озабоченность в американском академическом и образовательном сообществе. Эта озабоченность была вызвана в том числе и изначально неопределенными планами самого Д. Трампа относительно перспектив развития высшего образования в стране, его слабыми связями с интеллектуальным и академическим сообществом, а также резкими разногласиями с демократами относительно роли общественного образования. В то же время категорично говорить о полном отсутствии планов реформирования образования в избирательной программе Д. Трампа все же не приходится.

В своих предвыборных выступлениях, интервью и заявлениях в «Твиттере» кандидат в президенты обещал серьезно скорректировать образовательные реформы, внедренные администрациями Б.Клинтона и особенно Б.Обамы, в частности отменить федеральный образовательный стандарт Common Core (Единый комплекс государственных образовательных стандартов). Эта проблема обсуждается в США уже не один год. Стандарт критикуется примерно за то же, за что и в России критикуют ЕГЭ: предполагает одно, а тестируют другое.

Прозвучало и обещание распустить Министерство образования. Так, Д. Трамп заявил: «Многие считают, что от министерства образования необходимо избавиться. Пора это сделать... Все эти программы вроде Common Core, No Child Left Behind (Ни одного отстающего ребенка) и Race to the Top (Гонка за первенство) — все они отбирают у родителей и у школьных комитетов право принимать решение. Министры, внедряющие эти программы, думают только об идеологиче-

ской обработке, а не об образовании наших детей. Их деятельность совершенно не вписывается в американскую модель управления» [3].

Республиканский кандидат предложил отменить и государственные кредитные программы на образование, утверждая, что «студенческие программы — одна из немногих вещей, с которых государство не должно получать прибыль. Но оно ее получает» [3].

Традиционно высшее и профессиональное образование в США исключительно платное. Тем не менее во времена образовательных реформ Б. Клинтона в стране активно реализовывались государственные программы по выдаче кредитов на образование, особенно для представителей национальных меньшинств. Только в 2013 г., как утверждал Д. Трамп, в ходе исполнения этих программ государство получило более 41 млрд долларов прибыли. Трамп же в своей программе предложил отдать кредиты под ответственность местных банков, что позволит перенести расходы и контроль над образованием на муниципальный и региональный уровни. Эта мера, по его словам, будет способствовать и улучшению качества среднего и высшего образования, поскольку США оказались на 26-м месте в мире по уровню образования, и в этом смысле США превратились в страну третьего мира.

Идеи Д. Трампа, таким образом, были формально направлены на то, чтобы поднять Америку на новый уровень образования. Тем не менее они вызвали достаточно жесткую полемику, и прежде всего среди политических соперников Д. Трампа из демократической партии.

Во время предвыборной кампании 2016 г., как известно, большинство членов университетского сообщества открыто поддерживали кандидатуру Х. Клинтон или Б. Сандерса. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные публикации в периодике и массмедиа. Был опубликован даже специальный выпуск журнала «Хроники высшего образования», целиком посвященный критическому анализу предполагаемой политики будущей администрации в области образования [4].

Озабоченность академического сообщества уже после того, как Д. Трамп стал президентом, предметно выразил президент Университета Южной Калифорнии Макс Никиас в своем интервью CNBS (Национальной компании кабельного вещания) в феврале 2018 г.: «В условиях нынешней неопределенности, мы, как частный исследовательский университет, озабочены слишком большим участием правительства в регулировании деятельности университетов» [5].

М. Никиас также выразил опасения, что иммиграционная политика администрации Трампа приведет к значительному сокращению иностранных студентов в университетах США и к утрате завоеван-

ных позиций на международном рынке образовательных услуг. Опасения эти понятны, если учитывать, что Университет Южной Калифорнии, расположенный в Лос-Анджелесе, насчитывает 38 000 студентов, из которых 23 % — студенты-иностранцы [5].

В американской прессе много писалось и о слабом интересе лично Д. Трампа к проблемам высшего образования в США, что объяснялось характером академической карьеры самого президента. Дональд Трамп учился в 1964–1968 гг. в университете Фордхема (Нью-Йорк), где изучал экономику, однако своим любимым предметом считал логику. Затем он продолжил учебу в бизнес-школе Уортон (Университет Пенсильвании, Филадельфия), где главным образом интересовался делоперской деятельностью. В итоге Д. Трамп закончил обучение, получив степень бакалавра экономики.

В своей книге «Искусство заключать сделки» Д. Трамп откровенно писал о своем слабом интересе к изучению наук, но подчеркивал, что посещал занятия исключительно из соображений престижности образования в Уортоне [2]. Характерно, что дети Трампа — Дональд Трамп-младший и Иванка Трамп — также окончили бизнес-школу в Уортоне.

Как отмечает журналист Джек Скриплинг, в университете Д. Трамп почти не интересовался какой-либо общественной деятельностью и не принимал участия в студенческом движении середины 1960-х. Этот факт контрастирует с позицией его соперника в борьбе за президентское кресло Х. Клинтон, которая в свое время была известной активисткой в престижном женском колледже Уэлсли и выступала с критикой политики США в области гражданских прав и в отношении войны в Юго-Восточной Азии [4].

Популярный в США журналист и правозащитник Эмиль Гильермо напомнил американским избирателям и о сомнительной сделке, заключенной частным бизнес-университетом Д. Трампа несколько лет назад (Трампу приписывали отмывание 25 млн долл.), а также о личной финансовой зависимости от Трампа Бетси Де Вос, назначенной президентом министром образования [7].

Понимая, что академическое сообщество весьма критически относится к его кандидатуре как внесистемного политика, Д. Трамп в предвыборных выступлениях в целом весьма осторожно обозначал приоритеты политики своей будущей администрации относительно назревших реформ в деятельности университетов и колледжей. Тем не менее некоторые основные элементы политики будущей администрации наметились в реализации следующих мероприятий:

во-первых, это меры по изменению финансирования деятельности общественных (public) университетов и колледжей и, соответствен-

но, расширению поддержки частных университетов путем резкого увеличения фондов их развития (эндаумент);

во-вторых, провозглашение курса на общее сокращение роли государства в деятельности университетов;

в-третьих, отход от курса на поддержание принципов академической свободы в том смысле, как ее понимают сторонники демократов и либералов, и сужение зон распространения принципов политической корректности и так называемой «позитивной дискриминации» («Affirmative Actions») в университетах;

наконец, в-четвертых, начавшееся внедрение нового иммиграционного законодательства с одновременным стремлением сохранить лидирующие позиции американских университетов на международном образовательном рынке.

Эти предварительные инициативы вызвали оживленную дискуссию в средствах массовой информации и в университетских кругах США.

Уже в первые месяцы президентства Д. Трампа стало очевидно, что его администрация взяла достаточно определенный курс на осуществление ряда долгосрочных мер, направленных на дальнейшую приватизацию и коммерциализацию национальной системы высшего образования. К этим мероприятиям на данный момент можно отнести:

- значительное увеличение финансовых ресурсов для привлечения студентов в частные университеты и колледжи;
- заметное сокращение гуманитарных программ подготовки, прежде всего в общественных колледжах и университетах, больше внимания стало уделяться технологическим программам;
- расширение системы предоставления грантов Пелла и одновременно сокращение бюджета Министерства образования на 1,8 млрд долл. (2018);
- сокращение государственной поддержки на выделение студенческих займов;
- сокращение приема студентов в общественные колледжи и создание более благоприятных условий для поступления студентов в частные учебные заведения.

Одним из наиболее острых вопросов в выработке образовательной политики администрации Д. Трампа стал вопрос о методике погашения студенческих займов после завершения образования. Планы по погашению студенческих долгов регулярно предлагаются каждой новой администрацией США. Так, Джордж Буш-мл. предлагал вы-

плачивать 15 % от получаемого дохода в течение 25 лет после окончания университета, а Б. Обама — 10 % от получаемого дохода в течение 20 лет. Дональд Трамп выбрал промежуточный вариант — выплата 12,5 % от получаемого дохода в течение 15 лет.

Интересно, что стремление Д. Трампа внести существенные изменения в систему высшего образования связаны с общей политикой республиканцев в отношении неояльной к ним академической среды. Согласно данным журнала «Форбс» (2017), 58 % сторонников Республиканской партии в целом негативно оценивают влияние американской университетской системы на формирование имиджа страны, в то время как среди демократов число критиков не превышает 19 %. Позитивно оценивают состояние высшего образования в США лишь 36 % республиканцев и 72 % сторонников Демократической партии [8].

И тем не менее авторитет высшего образования среди простых американцев по-прежнему остается высоким: 94 % граждан твердо уверены, что диплом колледжа является одной из важнейших целей в их жизни, 73 % убеждены, что высшее образование обеспечивает более привлекательную работу, а 80 % полагают, что окончание колледжа меняет их жизнь в целом к лучшему [6].

Таким образом, можно утверждать, что программа реформ администрации Д. Трампа в области высшего образования еще не сформирована в полной мере. Однако уже провозглашенные инициативы говорят о значительном сокращении возможностей получения высшего образования для представителей среднего класса и малоимущих американцев и, таким образом, об усилении элитарного и сегрегированного характера образования.

В перспективе можно говорить о серьезном ослаблении внимания со стороны федеральных властей к преподаванию гуманитарных дисциплин, об усилении технократического и корпоративного подходов к содержанию высшего образования.

Своеобразным индикатором перемен в высшем образовании США в эпоху Д. Трампа служат данные о численности иностранных студентов в американских университетах и колледжах. До 2016 г. число иностранных студентов, обучающихся в США, росло быстрыми темпами и превысило 650 тыс. человек, но в 2016 г. оно сократилось примерно на 3 % и на 6,6 % в 2017 г. Предварительные отчеты показывают, что в 2018 г. число иностранных студентов в США сократилось еще на 7 % [4]. Эта тенденция, очевидно, связана не только с ужесточением иммиграционного законодательства, затруднившим, в частности, поступление в американские колледжи студентов из Азии и Латинской Америки, но и с тем обстоятельством, что другие страны также

осознали важность создания у себя университетов мирового уровня и прилагают немалые усилия для привлечения иностранных студентов и повышения академической привлекательности.

Американские университеты и колледжи по-прежнему считаются интеллектуальными бастионами Демократической партии и в своем большинстве остаются в оппозиции к внутренней и внешней политике администрации и лично Д. Трампа. Характерно, что в университетах некоторых штатов (Калифорнии, Южной Каролины) в настоящее время предпринимаются попытки внедрить в учебные программы курсы по углубленному изучению принципов «нового республиканства» с упором на обоснование теории американской исключительности в интерпретации Д. Трампа. Американская академическая пресса постоянно критикует не только министра образования Б. Де Вос, но и сына президента, Д. Трампа-младшего, за их попытки расширить масштабы религиозного обучения в общественных колледжах и таким образом ограничить академическую свободу — краеугольный камень американской университетской системы.

Впрочем, эти усилия особой поддержкой академического сообщества не пользуются. В студенческих аудиториях критика политики президента звучит достаточно громко. В середине президентского срока Д. Трампа становится очевидным, что его политика в отношении высшей школы смещается на задний план. Безусловно, сам Д. Трамп понимает важность голосов обитателей университетских кампусов на предстоящих выборах. Поэтому следует ожидать новых шагов его администрации в отношении укрепления позиций президента в этом влиятельном сегменте американского общества.

Американский университет как особая институциональная парадигма находится в перманентном кризисе, т. е. в непрерывном поиске путей для своего обновления.

По своей социальной природе американский университет — система демократических институций, но одновременно его структуры консервативно сдерживают то, что может нанести ущерб принципам универсализма, без которых университетское образование немислимо.

Литература

1. Д. Трамп и высшее образование. URL: <https://versia.ru/politika-dejstvuyushhej-administracii-donalda-trampa-podryvaet-sferu-vysshego-obrazovaniya-ssha> (дата обращения: 28.01.2019)

2. Трамп Д. (при участии Т.Шварца). Искусство заключать сделки. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фарбер, 2013. С. 46.

3. Что хотел сделать с образованием США Дональд Трамп. URL: <https://pedsovet.org/beta/article/cto-hotel-sdelat-s-obrazovaniem-ssa-donald-tramp>. (дата обращения: 28.01.2019).
4. Donald Trump and Higher Ed. URL: <https://www.chronicle.com/specialreport/Donald-TrumpHigher-Ed/40?cid=RCPACKAGE> (дата обращения: 05.06.2018).
5. USC's Nikias: U. S. must keep skilled international graduates. URL: <https://www.cbc.com/video/2018/02/21/4:06 AM ET Wed, 21 Feb 2018 | 02:01> (дата обращения: 03.06.2018).
6. Danielle Douglas-Gabriel Trump and DeVos plan to reshape higher education finance Here's what it might mean for you. URL: https://www.washingtonpost.com/people/danielle-douglas/?noredirect=on&utm_term=.6dd4df0d7dce (дата обращения: 03.06.2018).
7. *Guillermo E.* Take the long view on affirmative action, race, and the Supreme Court. July 9, 2018. C.2:59 PM/ URL: <http://www.aaldef.org/blog/> (дата обращения: 02.06.2018).
8. Lumina Foundation // Gallup Poll 2013. URL: https://news.gallup.com/topic/gallup_lumina.aspx (дата обращения: 03.06.2018).
9. U. S. News & World Report. The Best Colleges. 2019 edition. Washington, DC, 2018.

References

1. D.Trump and Higher Education. Available at: <https://versia.ru/politika-dejstvuyushhej-administracii-donalda-trampa-podryvaet-sferu-vysshego-obrazovaniya-ssha> (accessed: 28.01.2019). (In Russian)
2. Trump D. (with T.Shvarts). *The art of the deal*. M., Mann, Ivanov, Ferber Publ., 2013. P. 46. (In Russian)
3. What Donald Trump wanted to do with the United States Education. Available at: <https://pedsovet.org/beta/article/cto-hotel-sdelat-s-obrazovaniem-ssa-donald-tramp> (accessed: 28.01.2019). (In Russian)
4. Donald Trump and Higher Ed. Available at: <https://www.chronicle.com/special-report/Donald-TrumpHigher-Ed/40?cid=RCPACKAGE> (accessed: on June 5, 2018).
5. USC's Nikias: U. S. must keep skilled international graduates. Available at: <https://www.cbc.com/video/2018/02/21/4:06 AM ET Wed, 2018, 21 February | 02:01> (accessed: 03.05.2018).
6. Danielle Douglas-Gabriel Trump and DeVos plan to reshape higher education finance. Here's what it might mean for you. Available at: https://www.washingtonpost.com/people/danielle-douglas/?noredirect=on&utm_term=.6dd4df0d7dce (accessed: 05.05.2018).
7. Guillermo E. Take the long view on affirmative action, race, and the Supreme Court. Available at: <http://www.aaldef.org/blog/> (accessed: 02.05.2018).
8. Lumina Foundation. Gallup Poll 2013. Available at: https://news.gallup.com/topic/gallup_lumina.aspx (accessed: 03.05.2018).
9. U. S. News & World Report. The Best Colleges. 2019 edition. Washington, DC, 2018.

Раздел III

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327

RUSSIAN AND U. S. APPROACHES TOWARD THE CRISIS IN VENEZUELA

K. Konovalova

The purpose of this work was to conduct a concise analysis and comparison of the approaches of Russia and the United States toward the state crisis in today's Venezuela, which has been unfolding since 2014. The study is based on the comparative method; its innovativeness is in the problem statement. It is shown that, although the official positions and discourses of Russia and the USA regarding the events in Venezuela are opposite, the process of their formation faces quite similar difficulties. These difficulties relate to the insufficient consideration of the high dynamics of the crisis, the complexity of the ideological and political landscape of the Bolivarian Venezuela, the specifics of the impact of the crisis on the realities of the Latin American region. The author proceeds from the assumption that the attention of Russia and the United States to the Venezuelan problems is due to its high importance for their Latin American strategy in principle.

Keywords: Russia, USA, Venezuela, crisis, Chavism, Nicolás Maduro.

It has been often stated during the last time by both mass media and analysts that Russia's back to Latin America after its massive geopolitical surrender in 1990's poses acute problems for the USA [1]. In generic sense that's not exactly true, to my mind.

Russia appears back in Latin America as its concept of "the Washington's backyard" is eroding itself and different external actors are getting into its geopolitical framework, be they traditional ones, such as European countries, or new, such as China. Against this background, Russia only seems a single case within the wider trend.

At the same time there is actually one issue concerning, on the one hand, Russian — U.S. interaction, and, on the other hand, today's geopolitical

Konovalova Kseniya — Master student, School of International Relations, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

status of Latin America different from the mode it has normally had after the cold war ending. The complex state crisis in the Bolivarian Republic of Venezuela seems to be such issue.

The Venezuelan crisis has been developing since 2014. It encompasses many dimensions — political (the democracy and legitimacy of all three branches of power collapsed), legal-institutional (national checks-and-balances system paralyzed) and social-economic (terrible poverty and deficit rates, chaotic and massive migration exodus seeming to herald a humanitarian catastrophe [2]) ones, as well as two levels — internal and external.

Thus, both Russia and the USA stay powerful external factors to the crisis in Venezuela, whilst it becomes a point of a direct potential collision of their interests in Latin America.

Indeed, substantively Russia and the USA look at the Venezuelan crisis oppositely. The U.S. insists on Nicholas Maduro's regime demise and even states that military option to resolve the Venezuelan problem is on the table [3]. Russia in its turn considers the Maduro's government to be legal and friendly and denounces every external interference with the Venezuelan situation. When Donald Trump made it clear about the military option for Venezuelan scenario, Maduro claimed the country has Russia (and also China) as the ally to rely on [4], and that might be seen as at least informational pretext to speculate over Russian — U.S. potential rivalry in Venezuela.

But what is interesting, Russian and American approaches to the crisis coincide in several important traits. I've elaborated several criteria that let me draw such a conclusion. Taking into account all the complexity of the Venezuelan crisis, these criteria can be as follows:

1. “transformational flexibility” (namely, the external player's ability to detect the scenarios for the crisis evolution and respond quickly to it guaranteeing its interests safe),
2. “security against the risks of *partisation* of relations” (i. e. changes in the way an external player positions itself and is perceived by others — from the status of *external partner / antagonist* of *Venezuela as a nation-state* to the status of *engaged sympathizer / critic* of its *internal ideological traditions and political matrix*),
3. “sensitivity to the regional context” (ability to take into account correctly all the regional circumstances while shaping their approaches toward the crisis).

To put it briefly, both the USA and Russia, while providing realization of their own interests against the background of the Venezuelan scenario, act, firstly, rather reactively, secondly, with the ideologized and inertial views and, thirdly, with insufficient adaptability to the regional context.

First, both Russia and the United States, being aware of the great importance that Venezuela has for their Latin American strategy (in the case of today's Russia it is still being formed), practically have done very little to ensure themselves that their dialogue with this nation (not a single regime) wouldn't be deteriorated or blocked because of any internal turbulence. Russia trusted in Chavists too much, and could not build any reliable dialogue with anyone except them, neither the elite nor counter-elite. As a result Russia has not only narrow practical problems (such as the decision of the Venezuelan parliament controlled by opposition, to demonstratively annul the PDVSA deal with Rosneft in 2017 as unconstitutional [5]), but also more systemic ones as Russia has begun to be perceived as an ally and patron of the Maduro regime [6], whose destructive nature is obvious to many important actors in the region who by the way seem to be concerned of Russian involvement in Venezuelan scenario. Brazil, one of the strategic partners of Russia, seems to be a good example. As the Russian political scientist Yelena Pavlova notes, even leftist and supposedly sympathetic to Russia Dilma Rousseff once used a disturbing metaphor, assessing power options for resolving the crisis: "Venezuela is not Ukraine", so "there are no reasons to intervene" [7, p. 400]. Pro-West Jair Bolsonaro's administration directly has introduced into the problematic field of Latin American international politics the vision of Russia's destructive influence on Venezuelan processes [8]. The United States, that at the times of Obama, developed a wide-ranging and long-term effective strategy to restart the dialogue with another citadel of leftism — Cuba, have never paid enough constructive attention to Venezuela [9]. Already Obama, whose administration has embarked on several embarrassing and unsuccessful attempts to establish a dialogue with Chavez and Maduro, ended by simply declaring Venezuela a threat to U.S. national security [10]. And this despite the fact that according to opinion polls, the rate of positive attitude to the United States has traditionally been quite high in Venezuela at the public level (even in 2017 the image of the USA reported by Venezuelans was better than in Argentina, Chile or Mexico) [11].

To that respect, one important circumstance usually not taken into account by both the United States and Russia is the large fragmentation and ideological diversity of the political class in Venezuela [12]. There, to be a Chavist does not necessarily mean to support Maduro, or to advocate for the restoration of the rule of law and democracy does not equal to be traditional liberal. As Russia and the US, positioning themselves towards crisis, have fallen into a trap of ideologization, they have smaller room for maneuver themselves. Maduro hoped so much for more pragmatic relations between Venezuela and the U.S. to start as realist Trump had stepped in. As it is known,

he relied on the anti-sanctions lobby in the U.S. businessmen working for energy sector and even CITGO company (subsidiary of PDVSA) donated money for Trump's inaugural festivities, but nothing helped [13, pp. 19–20]. As Chavists saw that new administration still looks at them in a liberal-interventionist style, they turned even more hostile toward the US. As for Russia, it is just now starting to hold on principles (peaceful and legal internal conflict settlement, for example) rather than specific people and their views (opposition, which launched the “color revolution” scenario), as we can observe, for example, from the change in the official rhetoric of the Russian Ministry for foreign affairs over the last year.

Thirdly, both powers still have to update their vision of the Bolivarian project as a model of self-identification of the Latin America in today's global world. Russia has to understand that Venezuela under Maduro, as Spanish researcher Sandra Zapata puts it, isolated reputationally and institutionally [14], is not capable of constructing Latin America in ideological and identical spheres. At the same time, the United States has to take into account that the Bolivarian project remains powerful as such, because it is a paradigm capable of internal articulation. Its core ideas, such as the peripheral realism, alterglobalizm, on the one hand, and the emphasis on sovereignty and diversification of external relations, on the other, make Bolivarianism actually relevant for many modern political elites in Latin America, in spite of what they think about Venezuelan political model specifically.

Finally, it would be necessary to stress that while being a one-nation problem, today's Venezuelan crisis serves as a kind of “indicator” of the hard and soft power capabilities of both the USA and Russia in the Latin American region. In the case of Russia, for example, it shows how the military-political component of Russian-Latin American strategic partnerships, which there are many, inevitably remains limited and secondary. Thus, for example, Russia supplies weaponry to Latin American nations and organizes joint military exercises with them, but it would never risk a conflict with the USA because of her military presence in Latin America. While from the very beginning Hugo Chavez, as shown by Venezuelan historian Victor Mijares, had inserted Russia into his big strategy, that sought to resist the U.S. hegemony, as a mighty counterbalance to the USA [15, pp. 201–231], it is impossible for Russia, from the point of her strategic interests, to let Venezuela become, as some radical Chavists put it, the second Cuba in times of the missile crisis [13, p.24]. In this sense, it is indicative that although recently there have been assumptions about Venezuela as a convenient point for projecting Russian military power on Latin America in the global information space [16], Russian top officials publicly deny the idea of the possible construction of a military base there [17].

For the United States, Venezuelan case appears as a dilemma for Trump's team: whether to continue neglecting the importance of the U. S. leadership by values and image in Western hemisphere (as it's been doing elsewhere in the world now) or try to revive PanAmerican project as a geopolitical management tool. The fact that even Trump's team, highly skeptical about integration, is working hard to move the Venezuelan problem deeper into regional multilateral bodies such as the OAS [18] or Lima Group clearly indicates that the second option still remains more appropriate.

References

1. Ellis E. R. The New Russian Engagement with Latin America. Strategic Studies Institute, 2015. Available at: <http://ssi.armywarcollege.edu/pdffiles/pub1275.pdf> (accessed: 24.04.2018).
2. Venezuela: UN agency warns of humanitarian 'catastrophe'. DW. 13.03.2018. Available at: <http://www.dw.com/en/venezuela-un-agency-warns-of-humanitarian-catastrophe/a-42950654> (accessed: 18.04.2018).
3. Fabian J., Greenwood M. Trump does not rule out military action in Venezuela. *The Hill*. 08.11.2017. Available at: <http://thehill.com/homenews/administration/346265-trump-does-not-rule-out-military-action-in-venezuela> (accessed: 26.02.2018).
4. Maduro ante amenaza de EEUU: Rusia y China son nuestros amigos. *HispanTV*. 22.07.2017. Available at: <https://www.hispantv.com/noticias/venezuela/348202/maduro-ayuda-china-rusia-india-sanciones-eeuu> (accessed: 23.07.2017). (In Russian)
5. Rajbman N., Petlevoj V. The Parliament of Venezuela cancelled the deal of increasing Rosneft share in Petromonagas up to 40 %. *Vedomosti*. 10.02.2017. Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/02/10/677096-venesueli-nichtozhnoi-rosnefti> (accessed: 10.02.2017).
6. Wike R., Stokes B., Poushter J., Fetterolf J. The tarnished American brand. Pew Research Center. 26.06.2017. Available at: <http://www.pewglobal.org/2017/06/26/tarnished-american-brand/> (accessed: 08.07. 2017).
7. Sanchez A. W., Figueroa B. Russia & Venezuela: From Allies to Patronage? *International Policy Digest*. 23.09.2017. Available at: <https://intpolicydigest.org/2017/09/23/russia-venezuela-allies-patronage/> (accessed: 10.04.2018).
8. Bolsonaro diz que relação da Rússia com Venezuela preocupa e não descarta base dos EUA no país. Available at: <https://extra.globo.com/noticias/brasil/bolsonaro-diz-que-relacao-da-russia-com-venezuela-preocupa-nao-descarta-base-dos-eua-no-pais-23344855.html> (accessed: 02.02.2019).
9. Grenier I. The complex dynamic between Cuba, Venezuela and the Americas. Available at: <https://www.opencanada.org/features/the-complex-dynamic-between-cuba-venezuela-and-the-americas/> (accessed: 19.04 2018).
10. The USA declared Venezuela a threat to the national security. *Inosmi*. 11.03.2015. Available at: <https://inosmi.ru/world/20150311/226782328.html> (accessed: 08.05.2015). (In Russian)

11. Mijares V. Soft Balancing the Titans: Venezuelan Foreign-Policy Strategy Toward the United States, China, and Russia. *Latin American Policy*, 2017, vol. 8, no. 2, pp. 201–231.

12. Romero-Castillo E. *Venezuela: ¿quién es quién en la oposición?* DW. 09.08.2017. Available at: <http://www.dw.com/es/venezuela-qui%C3%A9n-es-qui%C3%A9n-en-la-oposici%C3%B3n/g-40021998> (accessed: 10.05. 2018).

13. Colmenares A. Las relaciones de Venezuela con Estados Unidos en la era de Trump. *Foreign Affairs Latinoamérica*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 17–24.

14. Zapata S.M. *ALBA en el turbulento escenario venezolano*. Available at: <https://www.politicaexterior.com/latinoamerica-analisis/la-iniciativa-alba-en-el-turbulento-escenario-venezolano/> (accessed: 02.02.2019).

15. Pavlova E. A Russian Challenge to Multipolarity? The Prospects for Political Cooperation between Russia and Latin America. *Problems of Post-Communism*, 2018, vol. 65, issue 6, pp. 394–408.

16. Martel F. *Russia Announces Military Base in Venezuela*. Available at: <https://www.breitbart.com/latin-america/2018/12/18/russia-announces-military-base-in-venezuela/> (accessed: 31.01.2019). (In Russian)

17. The Russian Ambassador denied reports of negotiations on the creation of a military base in Venezuela. *RIA Novosti*, 26.12.2018. Available at: <https://ria.ru/20181226/1548719988.html> (accessed: 31.01.2019). (In Russian)

18. EEUU quiere mantener el tema de Venezuela en la OEA pese a falta de consenso. *El Nuevo Diario*. 30.04.2018. Available at: <https://www.elnuevodiario.com.ni/internacionales/462622-eeuu-oea-tesis-venezuela/> (accessed: 09.05.2018).

УДК 327

АМЕРИКАНО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

Е. А. Шур

В статье рассматривается роль американо-индийских отношений для России. Индия исторически является значимым партнером для России. Укрепление отношений между Соединенными Штатами и Республикой Индия вызывает крайнее недовольство Москвы, так как несет с собой вызовы российским экономическим и стратегическим интересам как в регионе, так и на международной арене. Отдельное беспокойство вызывают попытки Вашингтона вытеснить Россию с рынка вооружений и сжиженного природного газа. Вместе с тем необходимо отметить, что американо-

Шур Елизавета Александровна — аспирант кафедры американских исследований СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9.

Shur Elizaveta — PhD student, American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

индийские отношения представляют не только угрозы, но и возможности для России. Москва играет на разногласиях между Нью-Дели и Вашингтоном. В частности, вступление Индии в Шанхайскую организацию сотрудничества является ударом по альянсу США и Индии, а также по американскому влиянию в регионе. Россия также активно использует пакистанский фактор в противовес американо-индийскому сближению.

Ключевые слова: американо-индийские отношения, внешнеполитическая стратегия Барака Обамы, интересы России, внешняя политика России, российско-индийские отношения.

U. S.-INDIAN RELATIONS: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES FOR RUSSIA

E. Shur

India has historically been a significant partner for Russia. The strengthening relations between the United States and the Republic of India causes Moscow's strong displeasure, as it presents challenges to Russian economic and strategic interests both in the region and at the international level. Washington's attempts to force Russia out of the arms trade and of liquefied natural gas market are of particular concern. At the same time, it should be noted that US-Indian relations represent not only threats, but also opportunities for Russia. Moscow plays the card of the contradictions between New Delhi and Washington. In particular, India's accession to Shanghai Cooperation Organization is a crack-down on the US-India alliance, as well as on American influence in the region. Russia is also actively using the Pakistani factor as a counterbalance to the US-Indian rapprochement.

Keywords: U. S.-Indian relations, the B. H. Obama foreign policy, Russian interests, Russian foreign policy, Russian-Indian relations.

Введение

На протяжении десятилетий Индия была ключевым союзником СССР. В эпоху холодной войны активно развивались отношения двух стран, Советский Союз оказывал значительную военную и экономическую помощь республике. Отдельно стоит заметить, что советско-индийская дружба во многом процветала благодаря тому, что советское руководство признало суверенитет Индии над Кашмиром. Это повлекло закономерное отчуждение между СССР и Пакистаном, которое еще больше углубилось во время советского присутствия в Афганистане из-за помощи пакистанских властей афганским моджахедам. Обострение отношений между Китаем и СССР также было одним из факторов, способствовавших укреплению советско-индийских связей. Однако после падения «железного занавеса» геополитическая ситуация кардинально изменилась, нивелировался антагонизм между СССР и Китаем, а также между СССР и Пакистаном. В 90-е годы Россия тяготела больше к выстраиванию диалога со стра-

нами Запада и со временем стала дистанцироваться от стратегического союза с Индией. Сегодня Москва стремится вернуть утраченные позиции. Однако сближение Индии и США в значительной степени осложняет российско-индийские отношения.

Индия между Россией и США

При Дж. Буше-мл. произошел радикальный прорыв в американо-индийских отношениях, они вышли на новый уровень. Следующий президент США Барак Обама стремился продолжить политику своего предшественника в отношении этой страны. В рамках внешнеполитического поворота в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона Обама на посту президента уделял особое внимание сотрудничеству с Нью-Дели [3, р. 2]. Администрация Барака Обамы даже ввела термин «Индо-Тихоокеанский регион», который показывал возрастающее значение Индии во внешней политике США. Тем не менее до 2014 г. отношения между двумя странами были прохладными. Например, Индия отказалась осудить присоединение Крыма к России и резко осудила арест индийского дипломата в Нью-Йорке. Настороженное отношение Нью-Дели к действиям администрации Обамы объясняется тем, что во время предвыборной кампании Барак Обама заявлял о своем стремлении урегулировать Кашмирский конфликт с учетом интересов повстанцев [2]. Кроме того, он осудил тесные личные, финансовые и политические связи своего соперника Хиллари Клинтон с Индией. Речь шла о роли индийской диаспоры. Особое беспокойство у руководства Индии вызывали также попытки Вашингтона наладить диалог с Пекином. Это обусловлено тем, что Индию и Китай связывают давние территориальные споры, которые уже приводили к нескольким вооруженным конфликтам [1]. Даже прочные экономические связи двух стран не могут погасить затянувшийся конфликт. Еще больше обостряет антагонизм Индии и КНР тибетский вопрос и наращивание китайской военной мощи. Именно поэтому Республика Индия крайне враждебно относится к любым попыткам великих держав укрепить связи с Поднебесной. Схожую реакцию вызывает конструктивный диалог между Москвой и Пекином, который в последние годы плодотворно развивается.

Американо-индийские отношения при Бараке Обаме характеризовались не только падениями, но и взлетами. Уже 2010 г. были запущены совместный *Стратегический диалог*, а также *Экономическое и финансовое партнерство* двух стран. Обама поддерживал стремление Нью-Дели занять место постоянного члена Совета Безопасности

ООН¹. Новый этап в развитии американо-индийских отношений связан с вступлением в должность премьер-министра Нарендра Моды. Обама и Муде удалось заложить прочную основу для развития американо-индийских отношений. Россия с опасением смотрит на индийский крен американской внешней политики. В ответ на активное укрепление сотрудничества Вашингтона и Нью-Дели Москва взяла курс на сближение с Исламабадом. При этом хорошим поводом для усиления военно-политических контактов между двумя странами служит проблема безопасности в Афганистане. В 2016 г. Пакистан и Россия провели совместные военные учения. В 2015 г. было достигнуто соглашение между правительствами о строительстве газопровода из Карачи в Лахор. Таким образом, Россия стремится продемонстрировать свою способность расширить влияние в регионе без помощи бывшего союзника — Индии.

Приход в Белый дом Дональда Трампа вызывал серьезные опасения политического истеблишмента Индии относительно дальнейшего развития американо-индийских отношений. Политика нового президента повлекла за собой неоднозначную реакцию индийского руководства [6]. Дальнейшему укреплению сотрудничества двух демократий в значительной степени способствовало охлаждение отношений между Пакистаном и США в ответ на заявления Трампа о двуличности Исламабада. По мнению Трампа, Пакистан, с одной стороны, принимает американскую финансовую помощь, а с другой — не выполняет взятые на себя обещания по контртерроризму². Трамп также приостановил финансирование программ помощи в сфере безопасности для Пакистана. Такие действия президента США в полной мере согласуются с попытками Индии дипломатически изолировать Пакистан. Это показывает, что Вашингтон стал разделять индийскую позицию, согласно которой Исламабад, давний противник Нью-Дели, покровительствует террористическим организациям в регионе. Россия традиционно является ключевым игроком на Среднем Востоке и крайне заинтересована в сохранении статус-кво и региональной стабильности, которая напрямую влияет на внутреннюю безопасность России, особенно в республиках с преобладанием мусульманского населения. Именно поэтому неудивительно, что на фоне ослож-

¹ U. S.-India Relations 1947–2015. Timeline // Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/timeline/us-india-relations> (дата обращения: 10.02.2019).

² Trump is Playing a Dangerous Game With Pakistan // Bloomberg. 12.01.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-11/trump-is-playing-a-dangerous-game-with-pakistan> (дата обращения: 10.02.2019).

нения американо-пакистанских отношений Россия стала придавать сотрудничеству с Пакистаном еще большее значение.

Вместе с тем позиция новой президентской администрации по ряду вопросов вызывает недовольство Нью-Дели. Особое негодование руководства Индии связано с введением пошлины на сталь и алюминий. Высказывания Трампа об индийской тарифной политике и необходимости снижения торгового дефицита между странами обострили американо-индийские отношения. Ужесточение требований к получению визы H-1B IT-специалистами из Индии для работы в США также осложнили диалог между Моди и Трампом.

Еще одним камнем преткновения является решение Трампа ввести санкции против Ирана. Такие действия негативно влияют на индийские экономические интересы, так как Индия планирует участвовать в развитии иранского порта Чабахар и строительстве железной дороги Чабахар-Захедан. Данная магистраль станет транспортным коридором между Афганистаном и Индией в обход Пакистана. Это позволит снизить транспортные расходы Индии примерно на треть [5]. Россия разделяет позицию Индии по санкциям против Ирана, так как они подрывают экономические связи Тегерана и Москвы, а также из-за непростых отношений с США. Поддержка Москвы способствовала вступлению Индии в Шанхайскую организацию сотрудничества. Это помогло Моди и Путину приостановить нарастающий разрыв между странами. Однако одновременно с Индией в организацию вступил и Пакистан, тем самым Россия получила сразу два козыря. Во-первых, привлечение Нью-Дели и Исламабада в ШОС ослабляет американское влияние в регионе, к которому ревностно относится Россия. Во-вторых, участие Пакистана в организации показывает США и Индии, что возрастающее партнерство Пакистана и России является достойным ответом на американо-индийский альянс.

Важное значение придается также американо-индийскому военно-стратегическому сотрудничеству. Проводятся масштабные военные учения вооруженных сил двух стран. В стратегических документах и доктринах США за Индией прочно закрепился статус основного американского партнера в сфере обороны (*major defense partner*). Кроме того, США заключили с Индией оборонное соглашение на поставку 22 американских боевых беспилотников *Guardian* на сумму \$2 млрд в июне 2017 года³. Договор о поставках вооружений направлен, с одной стороны, на подтверждение прочных двухсторонних свя-

³ US approves sale of 22 Guardian drones to India // The Hindu. 23.06.2017. URL: <http://www.thehindu.com/news/international/us-approves-sale-of-22-guardian-drones-to-india/article19131563.ece> (дата обращения: 10.02.2019).

зей в сфере безопасности, а с другой — на конкуренцию с российским военно-промышленным комплексом. Тесные военные связи США и Индии несут с собой вызовы для России, так как именно военно-оборонное сотрудничество является движущей силой российско-индийских отношений [4].

Еще одна болевая точка для России — конкуренция с США за поставки сжиженного природного газа на индийский рынок. Индия является ведущим импортером СПГ наряду с Китаем и именно поэтому представляет значительный интерес как для российских, так и для американских энергетических компаний. В 2012 г. «Газпром» заключил соглашение с индийской компанией «Gail» о поставках 2,3 млн т СПГ ежегодно. Однако спустя три года индийская сторона потребовала сократить объемы поставок и снизить цену. В итоге сторонам удалось договориться об изменении стоимости и объема газа⁴. После начала российских поставок в Индию в январе 2018 г. Вашингтон также договорился с Нью-Дели об экспорте 3,5 млн т СПГ в год⁵.

Необходимо отметить, что одной из важнейших задач Трампа является снижение торгового дисбаланса с Индией за счет поставок сжиженного газа. Вытеснение российских поставщиков СПГ с индийского рынка затрагивает не только экономические интересы США, но и политические аспекты. На сегодняшний момент активно развивается именно политическая составляющая российско-индийских отношений, тогда как экономические связи пока отстают. Примером служит небольшой товарооборот. В 2016 г. этот показатель составил около \$8 млрд долл. В этом плане США обладают неоспоримым преимуществом по сравнению с Россией — их товарооборот с Индией достиг 114,8 млрд долл. в 2016 г.⁶ Фактически российско-индийские отношения строятся на политическом и военно-техническом сотрудничестве. В 2017 г. компания «Роснефть» приобрела второй по величине нефтеперерабатывающий завод в Индии «Essar Oil». Сделка стала крупнейшей как для Индии, так и для российского бизнеса за рубежом. Однако по объему инвестиций российские компании все-таки уступают американским. Россия активно соперничает

⁴ «Газпром» начнет поставки СПГ индийской Gail в 2018 году // ТАСС. 16.01.2018. URL: <http://tass.ru/tek/4877273> (дата обращения: 08.02.2019).

⁵ Trump administration reaffirms value of U. S.-India energy partnerships // Bloomberg. 24.04.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-05-14/the-130-year-old-bankruptcy-that-created-a-5-billion-oil-giant> (дата обращения: 09.02.2019).

⁶ U. S.-India Bilateral Trade and Investment. Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia/india> (дата обращения: 10.09.2018).

с США в индийской атомной энергетике и на рынке вооружений. Тем не менее недавно наметился рост индийских инвестиций в добывающую и обрабатывающую отрасли Сибири и Дальнего Востока. Это обусловлено растущими потребностями Индии в энергоносителях. Отдельно стоит выделить, что ориентация России в сторону Китая болезненно воспринимается руководством Индии и США в контексте индийско-китайского антагонизма и американо-китайского противостояния. Это способно привести к дальнейшему сближению Нью-Дели с Вашингтоном.

Заключение

Таким образом, Индия входит в зону российских и американских стратегических интересов. Американо-индийские отношения при Дональде Трампе стали логическим продолжением курса, взятого предыдущей президентской администрацией. Что касается тех вызовов, которые несет с собой развитие отношений США и Индии, то следует выделить геополитические и экономические риски для России.

Литература

1. *Самойленко П. Ю.* Территориальные споры в Азиатско-Тихоокеанском регионе на современном этапе: основные тенденции и национальные интересы России // Аналитика Российского института стратегических исследований. URL: <http://riss.ru/analytics/18242/> (дата обращения: 10.02.2019).
2. *Bhattacharyya A.* How US-India ties came to flourish under Obama term // Hindustan Times. 15.01.2017. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/how-us-india-ties-came-to-flourish-under-obama-term/story-VH6DwTQlzpwwgVRSPIfLON.html> (дата обращения: 09.02.2019).
3. *Campbell K., Andrews B.* Explaining the U.S. 'Pivot' to Asia. London: Chatham House, 2013. P.5.
4. *Rajagopalan R. P.* What's Next for the India-Russia Strategic Partnership? A closer look at the trajectory of an important relationship // The Diplomat. 16.06.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/06/whats-next-for-the-india-russia-strategic-partnership/> (дата обращения: 10.02.2019).
5. *Ramachandran S.* India Doubles Down on Chabahr Gambit // The Diplomat. 14.01.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/01/india-doubles-down-on-chabahr-gambit/> (дата обращения: 10.02.2019).
6. *Trivedi A., Pande A.* Feet About Trump's America // Foreign Policy. 30.08.2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/08/30/india-is-getting-cold-feet-about-trumps-america/> (дата обращения: 10.02.2019).

References

1. Samojlenko P. Yu. Territorial disputes in Asia-Pacific region at the present time: the main trends and national interests of Russia. *Analitika Rossiiskogo Instituta Strategicheskikh Issledovaniy*. Available at: <http://riss.ru/analitics/18242/> (accessed: 10.02.2019). (In Russian)
2. Bhattacharyya A. How U.S. — India ties came to flourish under Obama term. *Hindustan Times*, 15.01.2017. Available at: <https://www.hindustantimes.com/world-news/how-us-india-ties-came-to-flourish-under-obama-term/story-VH-6DwTQlzpvgvRSPBfLON.html> (accessed: 09.02.2019).
3. Campbell K., Andrews B. *Explaining the U.S. 'Pivot' to Asia*. Chatham House, London, August 2013. 5 p.
4. Rajagopalan R. P. What's Next for the India-Russia Strategic Partnership? A closer look at the trajectory of an important relationship. *The Diplomat*, 16.06.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/06/whats-next-for-the-india-russia-strategic-partnership/> (accessed: 10.02.2019).
5. Ramachandran S. India Doubles Down on Chabahar Gambit. *The Diplomat*, 14.01.2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/01/india-doubles-down-on-chabahar-gambit/> (accessed: 10.02.2019).
6. Trivedi A., Pande A. Feet About Trump's America. *Foreign Policy*, 30.08.2018. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/08/30/india-is-getting-cold-feet-about-trumps-america/> (accessed: 10.02.2019).

УДК 327

ПРОБЛЕМА КОНКУРЕНЦИИ РОССИИ И США НА РЫНКЕ ВООРУЖЕНИЙ ВЬЕТНАМА*

Н. В. Федоров

Целью статьи является определение особенностей соперничества между Россией и США на рынке вооружений Вьетнама. В настоящее время Вьетнам уделяет значительное внимание своей военной модернизации (во многом — под влиянием ситуации в Южно-Китайском море). Россия является ведущим партнером Вьетнама в сфе-

Федоров Николай Викторович — канд. ист. наук, доцент кафедры американских исследований СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Fedorov Nikolai — PhD (History), Associate Professor, American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Фактор Вьетнама в политике России в Азиатско-Тихоокеанском регионе» № 17-07-50013-ОГН.

ре оборонного сотрудничества. В то же время Вьетнам стремится диверсифицировать свою политику по импорту вооружений и развивает взаимодействие в этой области с другими странами, включая Соединенные Штаты. Доля США на рынке вооружений Вьетнама пока относительно невелика, но Вашингтон активно развивает военное сотрудничество с Ханоем. США также стараются укрепить свои позиции во Вьетнаме в других областях. При этом США демонстрируют свою поддержку Вьетнаму в конфликте в Южно-Китайском море. Кроме того, Соединенные Штаты в условиях напряженных отношений с Россией заинтересованы в вытеснении Москвы с рынка вооружений Вьетнама по политическим причинам. Таким образом, политика США может представлять серьезный потенциальный вызов для оборонного взаимодействия России и Вьетнама.

Ключевые слова: Вьетнам, российско-вьетнамские отношения, американо-вьетнамские отношения, Южно-Китайское море, военное сотрудничество

THE PROBLEM OF COMPETITION OF RUSSIA AND THE U. S. AT THE ARMS MARKET OF VIETNAM

N. Fedorov

The aim of the article is to define special features of the rivalry between Russia and the U.S. at the Vietnam's arms market. Nowadays Vietnam pays significant attention to its military modernization (mostly — under the influence of the situation in the South China Sea). Russia is a key partner of Vietnam in the sphere of defense cooperation. At the same time Vietnam tries to diversify its policy of arms import and develops interaction in this field with other countries, including the United States. The share of the U.S. at the Vietnam's arms market is still relatively low, but Washington is actively developing military cooperation with Hanoi. The U.S. also tries to strengthen its positions in Vietnam in other fields. Herewith the U.S. is demonstrating its support for Vietnam in the South China Sea conflict. Besides, the United States under the conditions of tensions with Russia is interested in expelling of Moscow from the Vietnam's arms market because of political reasons. So the U.S. policy might represent a serious potential challenge for defense interaction of Russia with Vietnam.

Keywords: Vietnam, Russia — Vietnam relations, U.S. — Vietnam relations, South China Sea, military cooperation.

Во время холодной войны Вьетнам был ареной противостояния между СССР и США. Сейчас также можно говорить о соперничестве между Россией и Соединенными Штатами во Вьетнаме, но уже в новых условиях. Россия старается сохранить свои позиции во Вьетнаме и развивать сотрудничество с Ханоем. США, в свою очередь, хотят расширить влияние во Вьетнаме (в том числе и для создания противовеса Китаю). Соперничество между Россией и США затрагивает и сферу военно-технического сотрудничества.

СССР был одним из основных партнеров Ханоя в области оборонного сотрудничества в годы холодной войны. После 1991 г. Россия и Вьетнам продолжили взаимодействие в этой сфере, но уже на коммерческих условиях. С начала XXI века Ханой стал расширять за-

купки вооружений у России ввиду обострения конфликта в Южно-Китайском море. Вьетнам, в частности, заказывал у России боевые самолеты, зенитно-ракетные комплексы, ракетные комплексы береговой обороны, фрегаты и боевые катера [1, с. 497–498]. В 2009 г. Россия и Вьетнам подписали соглашение о постройке шести дизель-электрических подводных лодок проекта 636 — крупнейший оборонный контракт в новейшей истории двусторонних отношений. К началу 2017 г. все подводные лодки были переданы вьетнамской стороне [2]. Среди последних значимых событий в области военно-технического сотрудничества можно назвать приобретение Ханоем 64 танков Т-90С/СК в 2017 г. [3]. Как импортер российского оружия Вьетнам входит в группу так называемых «эксклюзивных партнеров» (наряду с КНР и Индией), «у которых Россия занимает первое место по поставкам практически всей номенклатуры вооружений и военной техники» [4, с. 162]. При этом доля России на рынке вооружений Вьетнама в 2011–2014 гг. составляла 97 % [5, с. 118]. Кроме того, российско-вьетнамское военное сотрудничество не ограничивается только поставкой вооружений. К примеру, Москва продала Вьетнаму лицензию на постройку ракетных катеров [6] и осуществляет совместную с Ханоем разработку противокорабельной ракеты [7]. Таким образом, военно-техническое сотрудничество России и Вьетнама имеет комплексный характер и касается широкого круга вопросов.

Что касается США, то Вашингтон является относительно новым игроком на рынке вооружений в современном Вьетнаме. После падения правительства в Сайгоне в 1975 г. США установили эмбарго на поставки оружия для Вьетнама и не поддерживали отношений с официальным Ханоем. Дипломатические отношения между Соединенными Штатами и Социалистической Республикой Вьетнам были восстановлены только в 1995 г. Во второй половине 1990-х годов состоялись первые контакты на уровне оборонных ведомств. В 2000-е годы США стали укреплять взаимодействие с Вьетнамом в сфере безопасности (во многом в условиях обострения американо-китайских противоречий). В 2007 г. были разрешены разовые поставки нелетального военного снаряжения из США во Вьетнам. В 2008 г. состоялся первый стратегический диалог между США и Вьетнамом (посвященный преимущественно «невоенным» проблемам безопасности). На следующих подобных встречах круг вопросов расширился. В октябре 2014 г. эмбарго на поставки летального оружия было частично снято для вооружений, связанных с обеспечением морской безопасности. В мае 2016 г. Соединенные Штаты полностью сняли эмбарго [8, с. 135]. Впрочем, президент США Б. Обама указал на обусловленность поставок

вооружений для Вьетнама соблюдением властями СРВ прав и свобод человека [9]. Таким образом, можно говорить о том, что Вашингтон оставил за собой право в случае определенных обстоятельств фактически возобновить эмбарго. Вьетнам долгое время добивался отмены эмбарго и стремился приобрести, в частности, радарные установки, патрульные катера для береговой охраны и самолеты морской разведки [10, с. 113]. Еще в 2015 г. была согласована поставка для СРВ шести быстроходных патрульных катеров. В мае 2017 г. эти катера были переданы вьетнамской береговой охране [11]. В марте 2018 г. Вьетнам получил еще шесть катеров данного типа [12]. Поставка катеров была оплачена министерством обороны США в рамках специальной программы военной помощи Вьетнаму. Кроме того, американская сторона организовала обучение экипажей для этих катеров. В мае 2017 г. Вьетнам получил патрульный корабль «Моргентау» (класса «Гамильтон») — старый корабль береговой охраны США, выведенный из ее состава. Соединенные Штаты планируют передать Вьетнаму еще два корабля этого типа. Корабли передаются бесплатно в рамках специальной программы утилизации устаревшей техники, но Вьетнам должен заплатить за их ремонт и переоборудование [13].

Можно ли говорить о конкуренции России и США на рынке вооружений Вьетнама? В настоящее время объемы поставок военной техники из США значительно меньше, чем из России, и американское вооружение представлено пока катерами и устаревшими патрульными кораблями. Российское оружие и боевая техника составляют основу арсенала вьетнамских вооруженных сил, и у двух стран есть большой опыт сотрудничества в военной области. Переход на американские стандарты вооружений потребует от Ханоя огромных расходов, с чем согласны как российские [14, с. 167], так и вьетнамские [15] эксперты. С другой стороны, Вьетнам стремится к диверсификации оборонного сотрудничества и расширяет круг своих партнеров в этой сфере [1, с. 503–504]. Играют свою роль и политические обстоятельства. Россия продает оружие не только Вьетнаму, но и Китаю, что часто вызывает недовольство в СРВ [16, с. 28]. США, в свою очередь, рассматриваются Вьетнамом как сила, способная сдерживать Пекин в Южно-Китайском море [14, с. 163]. Кроме того, Россия старается подчеркнуть, что продажи оружия для Вьетнама не направлены против третьей стороны [17, с. 59], тогда как США демонстративно заявляют о поддержке Ханоя и организуют программы военной помощи. Весьма показательной стала статья бывшего вьетнамского посла в Соединенных Штатах под заголовком «Россия только продает оружие, а США могут помочь Вьетнаму» [8, с. 137]. Расширение аме-

рикано-вьетнамского оборонного взаимодействия проходит в контексте укрепления связей между Вашингтоном и Ханоем во многих сферах. По словам российского исследователя М. С. Зеленковой, «современные отношения Вьетнама и США находятся на беспрецедентно высоком уровне и имеют большие шансы для долгосрочного развития, подкрепленного интенсификацией вьетнамо-американских контактов на всех уровнях» [18, с. 51–52]. Накануне визита Б. Обамы в СРВ в мае 2016 г. в ряде вьетнамских СМИ началась информационная кампания с критикой вооружений российского производства и российско-вьетнамского оборонного сотрудничества [8, с. 136–137]. По некоторым данным, США уже обсуждают с Вьетнамом вопросы расширения закупок американских вооружений и отказа Ханоя от российского оружия [19].

Россия пока занимает более сильные позиции на оборонном рынке Вьетнама, чем Соединенные Штаты. Однако у Вашингтона появляется все больше инструментов для изменения ситуации в свою пользу. Конкуренция России и США в сфере военно-технического сотрудничества с СРВ во многом определяется широким контекстом внешней политики Вьетнама и всей ситуации в АТР. Российское присутствие на оружейном рынке Вьетнама может оказаться под влиянием как обострения конфронтации между Россией и США, так и дальнейшего сближения между Москвой и Пекином. Военная сфера считается одной из основ российской политики в отношении Социалистической Республики Вьетнам. Но в текущих условиях России необходимо подумать о переменах в своей стратегии и поиске новых точек опоры во Вьетнаме, если она хочет сохранить свои позиции в области военно-технического сотрудничества с Ханоем.

Литература

1. Федоров Н. В. Российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество: вызовы и возможности для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Международные отношения». 2017. Т. 17, № 3. С. 496–507.
2. Россия поставила Вьетнаму все обещанные подводные лодки «Варшавянка» // РИА Новости. 2017. 28 февраля. URL: https://ria.ru/defense_safety/20170228/1488920904.html (дата обращения: 29.04.2018).
3. Россия начала поставки танков Т-90С во Вьетнам // Интерфакс. 2017. 7 ноября. URL: <http://www.interfax.ru/world/586352> (дата обращения: 23.04.2018).
4. Губин А. В. Военное измерение политического процесса Восточной Азии: вызовы для России // Россия в АТР: роль, интересы и приоритеты

обеспечения региональной безопасности и ускоренного экономического развития / науч. ред. С. В. Севастьянов; под общ. ред. А. Б. Волынчука. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 152–172.

5. Мазырин В. М. Экономические отношения России и Вьетнама в первой половине 2010-х годов: ведущие тенденции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 24. С. 105–128.

6. Тебин П. Под боком у дракона // Независимое военное обозрение. 2012. 20 апреля. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2012-04-20/14_dragon.html (дата обращения: 19.04.2018).

7. Губин А. Союз медведя и дракона. О российско-вьетнамском ВТС // Российский совет по международным делам. 2014. 14 апреля. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/31780/> (дата обращения: 22.04.2018).

8. Теханович А. И. Военное сотрудничество СРВ и США с 2010 по 2015 гг. в контексте геополитической ситуации в регионе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 37. С. 132–140.

9. Троицкий М. Снятие эмбарго США с Вьетнама — чуть больше, чем просто видимость // Российский совет по международным делам. 2016. 24 мая. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/snyatie-embargo-ssha-s-vietnama-chut-bolshe-chem-vidimost/?sphrase_id=12556910 (дата обращения: 29.04.2018).

10. Локшин Г. М. Обострение кризиса в Южно-Китайском море в 2014 г. // Вьетнамские исследования. 2015. № 5. С. 96–118.

11. Vietnam Receives Six U.S. Metal Shark Patrol Boats // Defenseworld.net, 23.05.2017. URL: http://www.defenseworld.net/news/19366/Vietnam_Receives_Six_US_Metal_Shark_Patrol_Boats.WvH45H--n3g (дата обращения: 14.04.2018).

12. Metal Shark Delivers Another Round of Patrol Boats to the Vietnam Coast Guard // METAL SHARK, 12.04.2018. URL: <http://www.metalsharkboats.com/april-12-2018-metal-shark-delivers-another-round-of-patrol-boats-to-the-vietnam-coast-guard/> (дата обращения: 24.04.2018).

13. Американский патрульный корабль Sherman будет передан Вьетнаму // Блог ВМРД Центра анализа стратегий и технологий. 2018. 30 января. URL: https://bmpd.livejournal.com/3070235.html?utm_referrer=https%3F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 14.04.2018).

14. Цветов А. П. Вьетнамо-американское сближение в 2014 — начале 2015 г.: тенденции, мотивы и ограничения // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 26. С. 156–173.

15. “Instability Increases Arms Sales”: Will U.S. Weapons Return to Vietnam? // Sputnik International, 15.11.2017. URL: <https://sputniknews.com/asia/201711151059122535-us-weapons-sale-to-vietnam/> (дата обращения: 24.04.2018).

16. Российско-китайские отношения на современном этапе. К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 5–43.

17. Локшин Г. М. Политическое сотрудничество России и Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 25. С. 55–63.

18. Зеленкова М. С. Политика «мягкой силы» США во Вьетнаме // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 2 (41). С. 40–54.

19. США пытаются убедить Вьетнам отказаться от закупок российского оружия // Военное обозрение. 2018. 8 февраля. URL: <https://topwar.ru/135636-ssha-putayutsya-ubedit-vietnam-otkazatsya-ot-zakupok-rossiyskogo-oruzhiya.html> (дата обращения: 25.04.2018).

References

1. Fedorov N. V. Russian-Vietnamese Military-Technical Cooperation: Challenges and Opportunities for Russia. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 496–507. (In Russian)

2. Russia has transferred to Vietnam all Promised Varshavyanka-type Submarines. *RIA Novosti*, 28.02.2017. Available at: https://ria.ru/defense_safety/20170228/1488920904.html (accessed: 29.04.2018). (In Russian)

3. Russia Began the Transfer of Tanks T-90S to Vietnam. *Interfaks*, 07.11.2017. Available at: <http://www.interfax.ru/world/586352> (accessed: 23.04.2018). (In Russian)

4. Gubin A. V. Military Measurement of Political Process of East Asia: Challenges for Russia. *Rossia v ATR: rol', interesy i priority obespicheniia regional'noi bezopasnosti i uskorenno ekonomicheskogo razvitiia*. Eds S. V. Cevast'yanov, A. B. Volynchuk. Vladivostok, Far Eastern Federal University Press, 2016, pp. 152–172. (In Russian)

5. Mazyrin V. M. Economic relations of Russia and Vietnam in the first half of the 2010s: Leading Trends. *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2014, no. 24, pp. 105–128. (In Russian)

6. Tebin P. Near the Side of a Dragon. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 20.04.2012. Available at: http://nvo.ng.ru/forces/2012-04-20/14_dragon.html (accessed: 19.04.2018). (In Russian)

7. Gubin A. The Alliance of a Bear and a Dragon. On Russian-Vietnamese Military-Technical Cooperation. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 14.04.2014. Available at: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/31780/> (accessed: 22.04.2018). (In Russian)

8. Tekhanovich A. I. Military Cooperation of the SRV and the USA from 2010 to 2015 in the Context of Geopolitical Situation in the Region. *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2017, no. 37, pp. 132–140. (In Russian)

9. Troitskii M. Lifting the U.S. Embargo from Vietnam — Little More, than a Simple Illusion. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 24.05.2016. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/snyatie-embargo-ssha-s-vetnama-chut-bolshe-chem-vidimost/?sphrase_id=12556910 (accessed: 29.04.2018). (In Russian)

10. Lokshin G. M. The Escalation of the Crisis in the South China Sea in 2014. *V'etnamskie issledovaniia*, 2015, no. 5, pp. 96–118. (In Russian)

11. Vietnam Receives Six U.S. Metal Shark Patrol Boats. *Defenseworld. net*, 23.05.2017. Available at: http://www.defenseworld.net/news/19366/Vietnam_Receives_Six_US_Metal_Shark_Patrol_Boats.WvH45H--n3g (accessed: 14.04.2018).
12. Metal Shark Delivers Another Round of Patrol Boats to the Vietnam Coast Guard // *METAL SHARK*, 12.04.2018. Available at: <http://www.metalsarkboats.com/april-12-2018-metal-shark-delivers-another-round-of-patrol-boats-to-the-vietnam-coast-guard/> (accessed: 24.04.2018).
13. American Patrol Ship Sherman will be transferred to Vietnam. *Blog BMPD Tsentra analiza strategii i tekhnologii*, 30.01.2018. Available at: https://bmpd.livejournal.com/3070235.html?utm_referrer=https:%2F%2Fzen.yandex.com (accessed: 14.04.2018). (In Russian)
14. Tsvetov A. P. Vietnam — U.S. Rapprochement in 2014 — beginning of 2015: trends, motives and obstacles. *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2015, no. 26, pp. 156–173. (In Russian)
15. “Instability Increases Arms Sales”: Will U.S. Weapons Return to Vietnam? *Sputnik International*, 15.11.2017. Available at: <https://sputniknews.com/asia/201711151059122535-us-weapons-sale-to-vietnam/> (accessed: 24.04.2018).
16. Russian-Chinese Relations in the Contemporary Period: For the 15th year of the Conclusion of the Treaty on Good Neighborhood, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the PRC. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2016, no. 4, pp. 5–43. (In Russian)
17. Lokshin G. M. Political Cooperation of Russia and Vietnam. *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2014, no. 25, pp. 55–63. (In Russian)
18. Zelenkova M. S. The U.S. Soft Power Policy in Vietnam. *Problemy natsional'noi strategii*, 2017, no. 2 (41), pp. 40–54. (In Russian)
19. The U.S. Tries to Convince Vietnam to Refuse from the Purchase of Russian Arms. *Voennoe obozrenie*, 08.02.2018. Available at: <https://topwar.ru/135636-sshapytayutsya-ubedit-vetnam-otkazatsya-ot-zakupok-rossiyskogo-oruzhiya.html> (accessed: 25.04.2018). (In Russian)

RUSSIA — U. S. INVOLVEMENT IN CASPIAN SEA REGION: CHALLENGES AND PROSPECTS

Shweta Kumari

This article focuses on the geopolitical importance of Caspian Sea region and throws significant light on the Russian and U.S. involvement in the region. The strategic location combined with enormous hydrocarbon deposits has made the region a geopolitical hotspot. Russian involvement in the region dates back to centuries but after the Soviet disintegration, U.S. have emerged as a competing player in the region. Russia wants to utilize the energy resources and Soviet infrastructural legacy; along with it Russia also focuses to provide regional security to the Caspian Sea region. However, USA is interested in securing and diversifying the energy of the West, but at the same time it also wants to minimize the Russian's influence in the region. The Cooperation of U.S. and Russia in the region can be very lucrative. This article explain how and at what extent Russia and USA participation is creating competitive environment and significant role to secure the hydrocarbon supply.

Keywords: Geopolitics, Energy Resources, pipelines, New Great Game, Zero Sum Game.

Caspian Sea region acquire an important critical geopolitical hub in the heart of the Eurasian landmass. Traditionally being at the crossroads of empire, trade routes and cultures, this region successfully features its significance in the past as well as in contemporary times on the regional and global platform. The Caspian Sea divides Europe from Asia and Caucasus region from Central Asia. The region has been the bone of contention between great powers in the past such as Greeks and Persians, Chinese and Arabs, Russians and Turks, and all of the above and modern Iran [1]. The region's geostrategic location, presence of enormous hydrocarbon resources and ethnic diversity makes the region vital in present day geopolitics.

Before the disintegration of USSR, the Caspian Sea was divided between Russia and Iran but after Soviet disintegration three newly independent countries namely Azerbaijan, Turkmenistan and Kazakhstan shared the Caspian Sea. These countries have different perspective on the development of Caspian Sea region hydrocarbon resources. Each country has its own allies whom they favored for energy trade. The region ethnicity also plays a key role in determining the present geopolitical situation of the region. According to Bruce R Kuniholm, the emergence of Turkic speaking republics in Transcaucasia and Central Asia will likely led to the transformation of the Great Game. The United States, Russia, regional states, inter-

Kumari Shweta — PhD, Research scholar, Centre for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, New Mehrauli Road, 110067, India.

national business corporations, and oil companies will be the players of the game [2]. The amalgamation of several regional players and global powers in the region has given rise to the New Great Game. There are several players in the geopolitics of Caspian Sea region but the role of USA and Russia is prominent. The global superpowers have different approaches and strategy in the region. They are sometimes in conflicts with each other but at the same time their cooperation has been proved to be lucrative to the Caspian Sea region.

Russian involvement in the Caspian Sea region in 1990's

Russia's historical, cultural and political influence in the Caspian Sea region dates back to centuries. In Soviet period the Caspian littoral states except Iran was under Soviet Union and totally dependent upon Russia. But after the Soviet disintegration, Russia's economic condition deteriorated and it was not capable of delivering economic benefits to the Newly Independent States. In 1990's under the presidentship of Boris Yelstin, Russian policy toward Caspian region was based on three sets of interests [3].

The first Russian objective was to provide security to the newly independent states of the Caspian Sea region. The security concern emerged because of its southern flank those are Caucasus and Central Asia [3]. Russia considers Caspian littoral States and Central Asian States to be its soft underbelly and any security issues in the region can hamper its own security. The planned NATO expansion to Ukraine and Georgia, NATO troops in Afghanistan and U.S bases in Central Asia created a strong sense of vulnerability for Russia [4]. The 1990's witnessed the advent of 'Great Game' and great power rhetoric focused on 'power vacuum' theory in Russia's 'near abroad'. This strengthened the Russian perception that it needs to reassert its great power status in region. It increased its hold over the former republics by bringing them in a tight security set up and denies outside powers a foothold in the region particularly in the north Caucasus [5]. The geographical location of the Caspian Sea acts as a buffer zone for Russia. Any security issue in the region will affect Russia severely. So, it takes important measures to check the security of the region.

The second objective was the economic objective that dealt with the hydrocarbon development of the Caspian Sea region [3]. The huge hydrocarbon resources of the Caspian Sea region plays great role in the economic development of Russia. Oil plays a crucial role in the geopolitical competition in Eurasia [6, p.59-66]. Russia wanted to actively participate in the energy export market and to generate income from exporting hydrocarbon resources.

Third Russian objective was to preserve its influence in an ever more diversified geopolitical environment that includes United States of America, several European Union countries, Turkey, China and South Asian States. Russia does not want to lose its geopolitical advantage in the region. So, it actively took part in the economic, political and security matters of the Caspian Sea region to reassert its superior position. These were the important objectives of Russia in the Caspian Sea in 1990's just after the soviet disintegration [3].

The period after the Soviet disintegration was not marked by exceptional development of the Caspian Sea. There were several reasons for slow development which included lack of consensus on foreign policy priorities among Russian political elites. In the energy sector also, the failure was because of wrong policy choices of the government. Another major problem was the Domestic battles for privatization of Russia's energy sector and poor international standing which was accompanied by capital insufficiency. In spite of several problems Russia was actively seeking developments project and got stake in the construction of the Caspian Pipeline Consortium (CPC) [3].

Go-ahead Russian approach in 2000's

The Russian influence in the Caspian Sea took a major turn when Vladimir Putin became the president. Putin announced the creation of a special presidential representative for Caspian affairs. The region was discussed by the Russian Security Council. The new Russian foreign policy concept mentioned the Caspian basin and, in July a joint company composed of LUKoil, Gazprom, and Yukos was created to develop Caspian Sea resources [7]. In 2000's Russia was able to get more economic benefits and cooperated more with other Caspian littoral states to explore and produce the hydrocarbon resources of the Caspian Sea. The new policies were economically driven and non-confrontational. Active diplomatic efforts were undertaken to solve regional issues, which comprise of high level summits with leaders of all the Caspian States, as well as active shuttle diplomacy by the Russian presidential envoy [3]. Russia pursued the Caspian littoral states to use its soviet era pipeline for transiting Caspian oil to European markets and express concern over the building of Trans-Caspian pipelines. Putin was able to achieve its goal as the northern route is still significant and the proposed Trans-Caspian pipeline is still on a halt [8]. There are lots of environmental concerns over the construction of the proposed pipeline. So, Still Russia plays a great role in the energy supply of Caspian Sea region to the world markets.

Present Russian objectives in the Caspian Sea Region

The Russian involvement in the Caspian Sea region has several objectives:

Strategic benefits — Russia see the region as strategically important. Mackinder in his heartland theory explains the importance of the region which also incorporates the Caspian Sea region. Russia through Caspian region can directly connect with the Caspian littoral states and can built cooperative bilateral and multilateral relations.

Economic objective — Russia wants to utilize hydrocarbon resources of the region as the country gets hard currency by exporting its energy resources. At the same time it wants to utilize its soviet era pipeline to transport hydrocarbon resources of the Caspian region to the European markets.

Security concerns — Russia wants secure neighborhood for its own internal peace and stability. In this process it has to take active measures to control Islamic fundamentalism and terrorism in its surroundings. The Caucasus is severely affected by insurgency. Chechen war and war of Dagestan has given security concern to the country. At the same time it does not want Caspian littoral states to be affected by the ISIS (Islamic State of Iraq and Syria) and Taliban movement. Russia is actively seeking and doing its best to keep the region secure.

Maintain its influence over the region — Russia had full control over the region in Soviet period. So, somehow it sees the region as its sphere of influence and wants exclusion of all the international actors [9, p. 353–367]. It wants to control the advancements made by U.S.A and works hard to maintain its influence in the region.

To control the Drug trafficking — Russia is actively preventing the supply of drugs from Afghanistan. According to 2006 International Narcotics Control Strategy Report released by the U. S. State Department all Caspian states continue to serve as major transit countries for drugs originating from Afghanistan [10].

So, these are the few objectives of Russia in the Caspian Sea region. Russia has actively pursued and still pursuing its objectives in the region to develop the region.

Involvement of USA in the Caspian Sea Region

The U.S. involvement in the Caspian Sea region is post cold war phenomenon. U.S. see the region as geopolitically important. Hydrocarbon resources are also one of the major factors which led the active U.S. participation in the region. Another important U.S. objective is to prevent Russian influence in

the region [11, p. 239–251]. It detests single dominance in the heartland and keeps a strong check on Russia. Security concerns are also one of the major U.S. ambitions in the region. The terror attack of 11 September 2001 gave legitimate way to U.S. to set military bases in the countries of Central Asia [12, p. 37–42] and through which it can keep eye on the Caspian Sea. The region is politically unstable and wars in Afghanistan and Syria has compelled active U.S. participation in the Caspian Sea Region.

Energy security is pivotal to the American domestic and foreign policy. All the presidents and their policies in the past and present have energy security as focal issue. The Bill Clinton administration has two major objectives in the Caspian region. First objective was to access the hydrocarbon resources of the Caspian Sea region and second was to prevent Russian influence in the region [11, p. 37–42]. In January 2001, G. W Bush took the presidency and his inner cabinet circle was composed of individuals experienced in the energy sector and mainly focused on the oil and geopolitics [13, p. 26–46]. According to him U.S. is addicted to oil from politically unstable regions of the world. He emphasized on the supply diversification rather than only depending upon Persian Gulf [14, p. 183–206]. Barack Obama was also of the same opinion as his predecessor regarding the energy supply and security. Throughout the post-Cold War era, U.S. have focused on the energy diversification [14, p. 183–206]. It wants non-OPEC oil supply for itself as the oil shocks in 1970's have created a deep sense of energy insecurity in the country. For this Caspian oil can play a major role in supplying energy to the country. The country's active and direct involvement in the Caspian Sea region was with the Contract of the Century. Several U.S. companies like Amoco, Unocol and Penzoil dominated the contract [15].

Pipeline politics in the Caspian Sea region: Conflict between Russia and US

The pipelines are major tool for both the countries to have strong geopolitical influence over the region. Each country has its own preferred route. Russia preferred northern pipeline route which was constructed in the Soviet era. The northern route comprise of Baku- Novorossiysk and Baku- Supsa pipeline. Baku-Supsa was constructed after Soviet disintegration. The extensive pipeline network has helped Russia to exert substantial influence on the Caspian energy sector [16]. Russia's interest is focused on controlling the Caspian hydrocarbons to improve its own bargaining position with western oil investors [17, p. 57] and to use its Soviet era and new pipelines. Another Russian aim is to minimize outside influence in the Caspian Sea region.

U.S. have always supported the East-West pipeline route. BTC that is Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline is the pipeline that runs through three countries that are Azerbaijan, Georgia and Turkey and takes Caspian hydrocarbon to the European and U.S. markets. The U.S. government enthusiastically supported the pipeline. The pipeline has several implications. The pipeline bypasses Russia and lowers its influence in the region [18, p. 68–70]. At the same time BTC allowed the Caspian littoral States to diversify its energy market and get non transit Russian routes [19]. The Caspian littoral States thought that Western governments will provide assistance to them and at the same time it can lower Russia's influence. Washington's intellectual and political superstructure was hired to express and promote these new oil and perceived political interests in the region [20, p. 120].

The tussle between U.S. and Russia regarding the pipeline routes are geopolitically driven and are in national interest of each country. They sought for the transit route which is economical viable for them and generate maximum profit. Somehow, both the countries have equal share of profits and loss in the pipeline politics in the Caspian Sea region.

Reasons for conflict between Russia and USA

The conflict between both the global powers in the Caspian Sea region is not monumental. But several incidences in the past have proved that both have tried to lower each other influence in the region. This can occasionally create tussle between them but not fully fledged war. The Caspian Sea geopolitical location and availability of hydrocarbon resources are pivotal to the development of both the countries. The domination over the region will enable both the powers to control the vast Eurasian region. The competition to control the region can develop friction between them. Another concern is regarding the pipeline routes. At one point of time was the reason for discord between them. Both the Countries try to lower each other influence but are not in direct conflict with each other in the Caspian Sea region.

The ambiguous legal status of the Caspian Sea as a lake or sea has given concern in dividing the hydrocarbon resources and Sea bed of the waterbody. The disputes among the Caspian littoral states over the ownership of the oil and natural gas field in the Caspian Sea has given rise to the military activity, arm race and naval flotillas. The conflict can magnify and can drag U.S. and Russia [6, p. 62] which can be a problem. As far as conflict is concerned both the countries sought to seek diplomatic measures rather than to wage a war. The conflict in the region can be triumph over through bilateral and multilateral agreements.

Russia-US cooperation in the Caspian Sea Region

The cooperation between Russia and U.S. will bring tremendous development in the Caspian Sea region. Russia's long historical, cultural, ethnic ties and geographical proximity helps the Country to have greater influence in the region. At the same time modernization and technological advancements of U.S. had influence these Caspian littoral states to follow their footsteps. There are several platforms in which both the countries can cooperate and bring development in the region. Energy sector development, combating terrorism in Afghanistan, insurgency in the Caucasus region, drug trafficking are the major concern which has to be addressed.

The energy development in the region is crucial to the development as it will promote supply diversification in the world energy market. Both the countries in the past have cooperated to develop energy projects, exploration, transport and development of the hydrocarbon fields. Several Russian and American oil and gas firms have worked together in the construction development projects. Russia oil and natural gas firms were not able to get maximum utilization of the Caspian region hydrocarbon resources, for which they needed western technology [21]. At the same time Russia has given its pipeline to release early oil [22] to western oil firms to European markets before the opening of BTC. Energy development in the Newly Independent Countries (NIC) will give them foreign exchange through which they can develop their economy. Their cooperation will bring development in the energy sector and give benefits to newly independent countries. USA and Russia are actively engaged in combating radical Islam and ISIS to penetrate in the Caspian littoral states. Drug trafficking is another problem which can be addressed by their cooperation. These are the problem when combated together will give stable and secure Caspian region. These are some of the areas in which they can cooperate. The cooperation of both the global powers will bring development, prosperity and peace in the Caspian Sea region.

Conclusion

Caspian Sea region because of its geopolitical significance and hydrocarbon deposits draw attention of Russia since many centuries while U.S. dynamically involved since 20th century. USA and Russia have differences regarding the development of the region as a result they are playing as most dominant competitor to secure hydrocarbon resources and they seek to minimize each other influence in the region. Despite of their competitive strategy they have cooperated to develop the continuous supply of hydro-

carbon resources which reduces the dependency from Persian Gulf and Red Sea region. The global powers of the world are not only concentrating on hydrocarbon resources of this region but also have taken stringent measures to combat terrorism in the neighboring Afghanistan, to control the spread of radical Islam and drugs trafficking. It also secures the positive cooperation with Caspian littoral countries which provides peaceful infrastructure for newly independent countries to generate foreign exchange from exporting hydrocarbon resources.

References

1. Goldwy D.L., Olcott M.B., Nanay J., Stauffer T.R., Freeman Jr.C. W. The Caspian region and the New Great Powers. *Middle East Policy Council*, 2000, vol. VII (4). Available at: <http://www.mepc.org/journal/caspian-region-and-new-great-powers> (accessed: 02.06.2018).
2. Kuniholm B.R. The Geopolitics of the Caspian Basin. *Middle East Journal*, 2000, vol. 54 (4), pp. 546–571.
3. Antonenko O. Russia's policy in the Caspian Sea region: reconciling economic and security agendas. *The Caspian politics, energy and security*. Ed. by Shirin Akiner. London and New York, Routledge Curzon publications Taylor and Francis Group, 2004. P.221–238.
4. Patnaik A. *Central Asia Geopolitics, security and stability*. Routledge Curzon publications Taylor and Francis Group. Kolkata, 2016.
5. Asopa S.K. The Caspian Great Game: Geopolitics of oil and Natural Gas. *Contemporary Central Asia*, 2001, vol. V (3), pp. 1–30.
6. Nourzhanov K. Caspian oil: geopolitical dreams and real issues. *Australian Journal of International Affairs*, 2006, vol. 60 (1), pp. 59–66.
7. Saivetz C. Putin's Caspian Policy, Harvard Kennedy School. *Belfer Centre for Science and International affairs*, 2000, 30 September. Available at: <https://www.belfercenter.org/publication/putins-caspian-policy> (accessed: 09.06.2018).
8. Kazantsev A. Russian Policy in Central Asia and the Caspian Sea Region. *Europe-Asia Studies*, 2008, vol. 60 (6), pp. 1073–1088.
9. Croissant M.P. U.S interest in the Caspian Sea Basin. *Comparative Strategy*, 1997, vol. 16, pp. 353–367.
10. Sadrina K. Security in the Caspian Sea Region: Challenges and Opportunities in a Globalized World. *GCSP Policy Brief* no. 9, 2006, 28 September, pp. 1–14. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/26528/Brief-9.pdf> (accessed: 14.06.2018).
11. Page C. U.S. involvement in the business and politics of the Caspian Sea Region. *The Caspian politics, energy and security*. Ed. by Shirin Akiner. London and New York, Routledge Curzon publications Taylor and Francis Group, 2004, pp. 239–251.
12. Deshpande S. US — Russian Rivalry in Central Asia. *Contemporary Central Asia*, 2010, vol. XIV (3), pp. 37–42.
13. İşeri E. (2009) The U.S. Grand Strategy and the Eurasian Heartland in the Twenty-First Century. *Geopolitics*, 2009, vol. 14(1), pp. 26–46.

14. Raphael S., Stokes D. U.S. oil strategy in the Caspian Basin: Hegemony through interdependence. *International Relations*, 2014, vol. 28 (2), pp. 183–206.
15. Marriott J and Paluello M. M. *The oil road: journeys from the Caspian Sea to the city of London*. Verso Publication. London, Brooklyn, New York, 2012.
16. Babali T. *Caspian Energy Diplomacy Since the End of the Cold-War*. PhD. 2006, May. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Tuncay_Babali/publication/280008589_Caspian_Energy_Diplomacy_since_the_end_of_the_Cold-War/links/55a3775008aea517405cedbe/Caspian-Energy-Diplomacy-since-the-end-of-the-Cold-War.pdf (accessed: 03.06.2018).
17. Yazdani E. Competition over the Caspian Oil routes: Oilers and Gamers perspective. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. Spring and summer 2006, vol. 5 (1 & 2), pp. 51–62.
18. John R. Pipeline Politics. *The Caspian politics, energy and security*. Ed. by Shirin Akiner. London and New York, Routledge Curzon publications Taylor and Francis Group, 2004, pp. 68–78.
19. Hill F. Pipelines in the Caspian Catalyst or cure-all? *Georgetown Journal of International Affairs*. Winter/spring 2004, vol. 17. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/20040301.pdf> (accessed: 15.06.2018).
20. Manning R & Jaffe A. The myth of the Caspian 'great game': the real geopolitics of energy. *Survival*, 1998, vol. 40 (4), pp. 112–129.
21. Thomas T. L. Russian National Interests and the Caspian Sea. *Foreign Military Studies Office. Fort Leavenworth. KS*, 2000. Available at: <https://fas.org/nuke/guide/russia/agency/fmso-caspian.htm> (accessed: 02.06.2018).
22. Chow E. C., Hendrix L. E. Central Asia's Pipelines: Field of Dreams and Reality. *Nbr Special Report 23*, 2010. Available at: <http://csis.org/files/publication/1009-Echow-Lhendra-centralAsia.pdf> (accessed: 18.01.2016).

Раздел IV

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

УДК 327

OPPOSING APPROACHES TO CYBERSECURITY: THREATS TO ARMS CONTROL

E. Skvortsova

The article is devoted to the consideration and comparison of approaches to ensuring cybersecurity, among which are the military and civilian approaches, as well as the soft and tough approaches. Adherence to different approaches leads to different definitions of security threats and choice of how to respond to them as demonstrated by the example of the NATO and the EU, as well as the USA and Russia. Despite the mutual influence of the military and civilian approaches and the attempt to connect them, the militarization of cybersecurity discourse is observed, which manifests itself in the desire of states to develop not only defensive cyber potential, but also offensive. Collision with new types of threats led to the creation of the NATO's system of specialized mechanisms of operational and strategic importance, as well as the coordination of a position on treating the cyber attack as a military attack requiring military response. As a key component of the counter-cyber threat strategy, deterrence based on the uncertainty of the response to the cyber attack was identified. Given the differentiation between soft and hard approaches to cybersecurity, as well as the lack of a coordinated legal regulation, such mechanisms pose a threat to the emergence of a center of power that will develop its own vision of information security and act unilaterally in accordance with it. Attempt to use uncertainty strategy to cyber environment and differentiation between soft and hard cybersecurity approaches lead to a shattering of existing arms control regimes. Using the example of chemical weapons, the author dismantles that the threats posed by a soft approach to cybersecurity are even more dangerous for international stability. The author comes to the conclusion that measures need to be taken to avoid a fragmented understanding of cyber threats, that is possible when considering soft and hard approaches to cybersecurity as a whole. There is an obvious need to carefully develop "rules" of military actions in cyberspace, to agree on a common understanding of terminology, levels, means of protection and threats to information.

Keywords: cybersecurity, militarization of the cyberspace, cyber threats, the NATO, the EU, arms control.

Skvortsova Ekaterina — PhD student, Theory and History of International Relations Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

The protection of cyberspace is one of the most discussed topics in the field of security. States strive to ensure the stability and prosperity of their communities and implement policies to build an information society. However, scientific and technological progress brings along with the opportunities for development capabilities for destabilization. Dependence and consequently the vulnerability of government bodies, military structures, the economy and the social sphere of public life is becoming higher with the continuing development of information and communication technologies.

The global computer network Internet was developed in the late 1960's–1970's in the USA. It did not have clear rules for user interaction and developed within a subculture consisting of technical specialists. In the 1990's there was a rapid commercialization of the Internet. Search engines, websites, social networks, etc. had been created. Then the Internet appeared in other countries. An anarchistic beginning, laid in the implementation of the Internet project, determined a number of distinctive features of cyberspace. Thus, the network is decentralized and gives many opportunities for self-regulation. The dynamics of the Internet has a high rate of qualitative changes: technologies development outstrips the pace of legislation framing. The Internet gained quickly high social and economic importance, while the need for legal regulation was appeared later, and it stays still on the initial phase. Also, cyberspace does not have national borders, which raises the question of the jurisdiction under which these or other relationships and violations are fallen.

The regulation of relations in cyberspace is decentralized, the punishment for offenders is also decentralized. As a result of punishment of the violator in virtual space, his exclusion from communication occurs, while the threat of deviant behavior of this violator in the real world is not ruled out. Cyberspace can limit user behavior. In other words, the problem is not solved and can cause aggressive behavior in reality. The creator of virtual reality is the person himself, and it is person who pawns the values in it. And while cyberspace becomes a virtual reflection of physical reality, negative forms of human activity penetrate also into it [5, p. 125].

States are developing cyber security strategies. However, each country prioritizes national policy according to its vision of threats to national security. The way in which states assess these threats is the basis for approaches to enhancing cyber security. It is possible to define 'civic' and 'military' approaches to cyber security on this level.

One of the most dangerous trends in the cyberspace development is the militarization of the Internet. Experts of the Center for Cyber Defense of NATO are confident that the information space can become a "parallel battlefield" in future conflicts and believe that carrying out a cyber attack in its

pure form is unlikely and will most likely accompany military actions in the real world. The Russian side also believes that aggression in cyberspace will be used to enhance the effect of traditional operations involving the use of conventional offensive weapons [8, p. 110].

However, the information impact factor can not be underestimated. In conditions of military actions the seizure of the information infrastructure becomes the main objective. Cybersecurity is important both in terms of maintaining control over its infrastructure or establishing control over the enemy's infrastructure, and in terms of countering disinformation, maintaining confidentiality, integrity and accessibility of information.

In the NATO Strategic Concept, adopted in Lisbon in 2010, information attacks are considered the most dangerous challenges and threats to security and the stable development of Alliance members after the proliferation of weapons of mass destruction and terrorism. For the first time, the issues of ensuring cyber security were considered in NATO at the summit in Prague in 2002. Then the Alliance expressed its willingness to strengthen the capacity to counter information attacks. As the main aggressors in cyberspace, NATO considers the Russian Federation, China and Iran. So, Russia is credited with cyber attacks in Estonia in 2007, similar attacks against Lithuania and Georgia in 2008, interference in elections in a number of countries and the list continues to expand.

In a short time NATO created the system of specialized operational and strategic mechanisms that was a response to the rapid development of technology and the emergence of new security threats in connection with their application. In the absence of concerted legal regulation and a common understanding of cybersecurity threats at the international level, such mechanisms pose a threat to the emergence of a center of power that will develop its vision of information security and act unilaterally in accordance with it. In the face of such systemic cyberspace architecture problems as the difficulty of user identification, finding jurisdiction and using decentralized systems to countries outside the NATO, it will be difficult to protect citizens of their country. One-sided interpretation of the "rules of the game" in cyberspace is accompanied by strong and aggressive actions in the real world, which manifests itself in the same detention of Russian citizens on the territory of the third countries without notification to Russia. The threats proceeded from the virtual space do not give a clear understanding of the violator of the state information sovereignty, which means that the distinction between cyber crime and information aggression from the side of another state is eliminated.

Over the years, NATO has been discussing the prospects and reasonability of applying Article 5 of the North Atlantic Treaty on Collective

Defense with respect to confronting cyber threats [13]. In 2010 NATO came to the conclusion that cyber attack should be equated with an armed attack, which justifies a counterforce retaliation by military means. The difficulty of identifying the real customer of cyber attacks did not allow NATO unambiguously to take these actions under the provisions of Article 5 during the Lisbon Summit of 2010 and the Chicago Summit of 2012 [10]. The Ukrainian crisis, which caused the discontent of the Eastern European countries with the existing security guarantees, including in the field of cyber security, pushed NATO to take more decisive actions. The Wales Summit in 2014 confirmed that the Alliance could respond to the cyber attack with military means. At the same time, it has been made a proviso that the scale of such a response will depend on cyber attack's level of effects and the assessment of its scale to the level of military attack [3, pp. 17–18].

Non-transparency of the decision-making principles in the field of countering threats in cyberspace testifies to the lack of a comprehensive understanding of cyber threats and gives broad opportunities for interpretation of each individual situation in accordance with the interests of the alliance. In NATO the situation is explained by the tactics of “uncertainty”, in the conditions of which the potential aggressor will not know about the scale of the cyber attack, which will follow NATO's response. At the same time, it does not reveal what is meant by this response: the use of conventional weapons or joint efforts on cyber defense of member states in cyberspace.

The agreed approach of NATO is an attempt to contain the enemy in cyberspace. At the same time the transfer of confrontation to cyberspace jeopardizes existing weapons containment mechanisms. The depersonalization of the enemy and disorientation in cyberspace make the confrontation of states more aggressive. Aggressiveness of the virtual environment has a serious impact on the behavioral attitudes of people in the real world. In a case of using hostilities in response to a cyber attack it is unlikely to apply the principle of proportionality of responses in ensuring cyber security [1, pp. 20, 85].

The EU and NATO are considering the issue of enhancing cyber security as a strategic threat. At the same time international organizations adhere to different approaches, which at this time are considered complementary to each other [12, pp. 3–10]. While NATO focuses on security and the protection of cyberspace, the EU is considering a wide range of non-military issues such as freedom on the Internet and the Internet governance, the protection of personal data of users etc.

Cooperation between the EU and NATO in the field of cyber security has a mutual impact on the perception of threats in the cyberspace and

means of enhancing cyber security, thereby transforming each other's approaches. The study and consideration of military threats in cyberspace is logical for NATO as for a military-political organization. But at the same time, there are serious gradual shifts towards adopting a military approach to enhancing cyber security in the EU countries. If talk about the war in cyberspace at a given stage of the technologies, state strategies and tactics development is prematurely, the militarization of the cybersecurity discourse is already a reality that lays a solid foundation for one of the most dangerous trends in the development of cyberspace — the militarization of the Internet.

Although NATO and the EU have expressed collective recognition of cyber security as a strategic priority, not all of their members see cybersecurity as a priority for national security. A different understanding of cybersecurity threats in the EU also reduces the ability to ensure the security of its members. The consideration of cyber security issues is still fragmented and occurs within national borders. The European Center for Combating Hybrid Threats created in Finland in 2017 in Europe and is closely cooperating with the EU and NATO, can solve this problem in prospect [14]. Undoubtedly, the work of this Center will help to eradicate fragmentation in the understanding of the cybersecurity threats by NATO and EU members, develop a common approach, but should this process occur at the cost of militarizing the discourse of cybersecurity, adopting a military approach to ensuring it and creating an enemy image in the face of Russia?

The NATO Cooperative Cyber Defense Centre of Excellence is another mechanism that facilitates the development of a common understanding of cybersecurity. The center's goal is research work, however, the list of reports shows that it's not just about science and analytics, it's about developing potential doctrinal principles in the field of cybersecurity [15]. According to the center's position, the spread of disinformation, attacks on the information infrastructure, and other types of attacks using modern technologies are hostile actions aimed at destabilizing the state without a formal declaration of war. Russia is also called the main threat.

The difference in the approaches of the United States and Russia to ensuring security and perceiving threats are the basis for the contradictions upon cyber security issues. For Russia the issue of protection of the state and society from harmful information content is of primary importance, while the U. S. approach primarily includes ensuring the security of the information infrastructure from unauthorized access, preventing violations of integrity, confidentiality and accessibility of information. the problem of protecting the state, society and the individual from harmful content has been considered in the USA only since 2010 [7].

Poland is one of the states that is ready to develop not only defensive potential in the field of cyberspace but also expresses the commitment to develop offensive potential. Warsaw has militarized the discourse of cybersecurity. It manifests itself in more accurate definitions of protected objects and in the formation of the protection of these objects as national priorities. The state also identifies threats to cybersecurity as a danger to the smooth functioning of the state; it clearly distinguishes internal and external sources of cyber threats and trains specialists in cryptography and cyber analysis¹. Against the background of the U.S. signing of an agreement on cooperation in the field of cyber security with Estonia, Latvia and Lithuania, which also adhere to a militarized discourse of cyber security, it is interesting that Washington does not hurry to sign any agreements with Poland in this field. This is probably due to the fact that the U.S. does not openly support the policy of building offensive potential in cyberspace.

Based on the military approach to cybersecurity, cyberspace is viewed as a battlefield alongside land, sea, air and space [4, p.128]. There is no doubt about the need for developing defense capabilities in cyberspace. Some countries have established appropriate structures in the armed forces and are conducting researches on the development of “cyber weapons”, thereby creating the resources to contain potential adversaries. However, the line between deterring the enemy and offensive actions is very thin, and strongly depends on the political will of the states. Also, one must take into account that defense and attack in the information space have existed for a long time, if we are talking about cryptography.

The military approach includes threats of soft and rigid character hereinafter referred to as soft and rigid approaches because defense and attack are regarded as different sides of the same coin.

The transmission of information in an encrypted way, the interception of the ciphertext and the actions for deciphering the code, the counteraction of misinformation and deliberate disinformation of the enemy are all elements of a soft approach to cybersecurity. The intention to violate the accessibility, integrity and confidentiality of information is a rigid approach, which can also be applied to threats of disinformation. All of this is a single holistic state policy to protect the information. The information capturing and the disinformation cannot be regarded otherwise than offensive actions. The same is with the disabling of the information structure of the alleged enemy. If we consider these directions separately, the creation of vulnerabilities for the information infrastructure can be regarded

¹ Cryptanalysis is the study of analyzing information systems in order to study the hidden aspects of the systems, to decrypt the information.

as an attack, and the creation of technical capacity for these purposes as an offensive capacity building. However, if we adhere to the vision of these processes as a whole, then the disabling of the information structure is a response to the disinformation of the enemy and the dissemination of unwanted content. Threats of a soft character are latent and permanent, while disabling or interfering in the functioning of the information infrastructure is harsh and explicit actions. Countries that consider the intervention and disruption of the information infrastructure as a violation of the functioning of the state and the attack on it, for their part, carry out attacks of a soft nature — spread disinformation, which is also capable of provoking anti-state processes in another state and putting its functioning or regime under the threat, or a significant deterioration in the image of countries. Such character of actions in the information space should also be regarded as an attack on states, undermining its foundations.

Issues of offensive and defensive nature can be carried out by states with the involvement of “mercenaries” — single hackers, individual experts and hacker groups. In the context of decentralization of the information space, technical features and legal unresolved issues of relationships in cyberspace it is difficult to draw a clear line between cyber crime, cyber terrorism and aggression on the states. On the one hand, it gives opportunities for developing their potential to criminal groups and increases the unpredictability of the actions of the involved perpetrators, and such interaction creates threats in their person from within for the state. The involvement of listed actors also increases threats to the state from outside. Because of the difficulty in identifying the real customers of the “attack” and establishing the real motives of the violators, the affected state projects the blame for the information attack on the state the person of which is a culprit. The persons involved in the tasks of “attacking” are also in a vulnerable position, since if they are disclosed, they will be treated as criminals and the state is unlikely to support them, based on the task of not increasing the damage to the country from disclosure. In this regard, it should be noted that representatives of a rigid approach to ensuring cybersecurity are in a more vulnerable position compared with representatives of a soft approach. Disinformation can be carried out openly, including by authorities. The qualitative misinformation is that it does not look like propaganda [6, p.84]. We can observe the close interweaving of disinformation with political events, while “staging” often has several “acts”, and the more “acts”, the more effective the disinformation, and, accordingly, the closer the attainment of the goals set by the state-misinformers.

If we consider the Skripal case and the situation in Syria, we’ll see an attempt to worsen the image of Russia in the international arena. Informa-

tion messages containing allegations of the use of the nervously paralytic substance “Novichok” by Moscow caused a massive expulsion of Russian diplomats from a number of countries, with some states making a decision even before appealing to the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons (OPCW). While the information confrontation on this incident continues, events in Syria are developing in parallel. The staging of the use of poisonous substances in the city of the Duma in East Guta, in spite of the veto of the Russian Federation in the UN Security Council, caused the US, British and French missile strikes on Syrian government targets. According to the statements of the countries that committed the attack and violated the sovereignty of Syria, these facilities were used to create chemical weapons. Would it be possible to violate the norms of international law by Washington, London and Paris without rocking Moscow’s positions in the international arena? Russia is accused of using chemical weapons, violating the Convention on the Prohibition of Chemical Weapons, and after the attack on the Duma in supplying of chemical weapons to Syria. That is, Russia is represented as a violator of international law, thus justifying the violation of its norms on its part.

This situation is a clear example of how the information war in cyberspace can create a clear vulnerability to arms control regimes and create high risks of international instability.

Whether the open information space could become a unifying beginning is a controversial issue, but today the face is that cyberspace has become a zone of division and confrontation between NATO and Russia. The anarchic nature of the Internet space introduces an imbalance in real life, and it is difficult to say whether it is sufficient to reach an international understanding on the issue of legal regulation of relations in cyberspace, or the problem can only be solved by redrawing cyberspace with the help of program code. Scientific and technological progress created the opportunity for a struggle for domination in the new space with the aim of obtaining new “trophies”. If earlier the main value was economic resources, now it is information. The question is whether the international community will have time to agree on the “rules of action” of a military nature in cyberspace, whether the use of military action in the real world can be avoided in response to cyber attack and what effect the need to ensure cybersecurity on the military strategy and tactics of states [2, p. 4]?

Cyber attacks are the current stage of the revolution in military affairs. The threats of cyberspace of a rigid nature, that is the seizure or disruption of information infrastructure activities are particularly relevant for high-tech states, they are the targets of threats. Cyber systems that support the military-economic activities of states create serious vulnerabilities for

them. At the same time, when implementing a soft approach, that is the implementation of information misinformation, there are high risks for both the individual state and international stability in general. Given the serious consequences that are possible in the implementation of disinformation, the issue of legal support and the recognition of the legitimacy of the attack on the information infrastructure for the purpose of disrupting its functioning becomes especially urgent.

There is an obvious need for careful elaboration of “rules” of military actions in cyberspace, agreeing on a common understanding of terminology, including the concepts of “attacks” and “aggression”, levels, means of protection and threats of information, and specification of the interconnection between soft and rigid approaches to cybersecurity. It is premature to talk about the war in cyberspace in its current understanding, but the opposition of states, the spread of political influence will always be observed, even in conditions of peaceful coexistence of states.

Differences in the approaches of countries to ensuring cybersecurity impede the strengthening of trust between countries and contribute to a lack of understanding and escalation of tension. The militarization of the cybersecurity discourse with the subsequent build-up of offensive cyber potential jeopardizes achievements in the field of arms control and is capable of leading to an arms race.

The new developments of scientific and technological progress have caused the need for arms control. Arms control despite being one of the most important military and political categories still does not have a single interpretation. But it doesn't matter how we define it — in terms of control, limitation, arms reduction or disarmament [9, p. 8], today the problem of arms control does not lose its relevance for ensuring strategic stability and international security. In recent years arms control has been subject to a crisis. Serious problems in this sphere pose a threat to the elaborated international legal norms and mechanisms that are poorly adapted to respond effectively to new challenges and threats of international security. Many of the existing arms control agreements were signed during the Cold War era and came into force when it seemed that the ideological confrontation along with the factors that stimulated the arms race had disappeared [11, p. 129]. However, the geopolitical factors that continued to exist all this time and which are becoming more acute these days, as well as the rapid development of scientific and technological progress and the growing complexity of the interrelationships between man and technology, place in question the effectiveness of arms control as the instrument for deterrent of arms race and conflict prevention. The events in the Duma are a vivid example of how information technologies can become a means for violating norms

and principles of international law. In this regard the revision of existing treaties and the strengthening of arms control regimes become even more important and significant.

Thus, in order to stop undermining achievements in arms control, erosion of the international order and preserving peace, it is important to develop effective mechanisms of checks and balances in cyberspace that will strengthen confidence-building measures in this area and prevent misunderstanding and escalation of tensions both in cyberspace and generally on the international arena.

References

1. Caton J.L. Distinguishing acts of war in cyberspace: assessment criteria, policy considerations and response implications. *Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press*, 2014, pp. 1–102.
2. Demidov O. U.S. Cyber Command: Lessons for Russia. *Indeks bezopasnosti*, 2013, vol. 19, no. 3 (106), pp. 119–123. (In Russian)
3. Goździewicz W. et al. *NATO Road to Cyber security*. The Kosciuszko Institute, 2016, pp. 5–77.
4. Grzelak M., Liedel K. Bezpieczeństwo w cyberprzestrzeni. Zagrożenia i wyzwania dla Polski — zarys problem. *Bezpieczeństwo narodowe*, 2012, no. 22, s. 128.
5. Grzelak M., Liedel K. Pozamilitarne aspekty bezpieczeństwa. Bezpieczeństwo w cyberprzestrzeni. Zagrożenia i wyzwania dla Polski — zarys problem. *Bezpieczeństwo narodowe*, 2012, no. 22, s. 125–140.
6. If you want peace, win the rebellion and the war. The creative legacy of E. J. Messner. *Rossiiskii voennyi sbornik*, 2005, no. 21, p. 485. (In Russian)
7. Karasev P.A. U.S. information security strategy in the XXI century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 12: Politicheskie nauki*, 2013, no. 2, pp. 89–102.
8. Kazakovcev A. V. NATO and Cybersecurity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria 4: Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye ot-nosheniia*, 2012, no. 2, pp. 109–114. (In Russian)
9. Arms Control: history, status, prospects. Ed. by A. I. Antonov. Moscow: *Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia* (ROSSPJeN); PIR-Centr Publ., 2012. (In Russian)
10. Limn ell J. The reality of cyberwar — current concepts and future trends. *The European Cybersecurity Journal*, 2015, no. 1, pp. 39–45.
11. Mjasnikov E. Arms Control: the present problem. *Indeks bezopasnosti*, 2015, vol. 21, no. 1 (112), pp. 129–132. (In Russian)
12. Pernik P. Improving Cyber Security: NATO and the EU. International Centre for Defence Studies. September, 2014. Available at: https://icds.ee/wp-content/uploads/2010/02/Piret_Pernik_-_Improving_Cyber_Security.pdf (accessed: 17.05.2018).
13. Revskii A. Cybersecurity is the new approach for collective cyberdefense. *Evropeiskaia kiberbezopasnost': sobytiia, ocenki, prognozy*, 2014, no. 35, pp. 12–15. (In Russian)

14. *The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats*. Available at: <https://www.hybridcoe.fi/> (accessed: 17.05.2018).

15. *The NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence*. Available at: <https://ccdcoe.org/publication-library.html> (accessed: 17.05. 2018).

УДК 327

RUSSIA — U. S. FIGHT AGAINST INTERNATIONAL TERRORISM IN THE MIDDLE EAST: A CASE STUDY OF ISIS

Shalini Balaiah

The Islamic State of Iraq and Syria (ISIS) also known as the Islamic State has gained prominence in the last few years after the escalation of the Syrian conflict in 2011. With the rise in ISIS, the Middle East has become the centre of international arena. ISIS poses a direct threat to international safety and security and is regarded as one of the most lethal and radical organizations among the Jihadists terrorists groups. United States began its military operations against the Islamic State in 2014 and in 2015 Russia decided to military intervene in the Syrian conflict and assisted the Syrian Assad regime in its fight against ISIS. Given the threat of ISIS to the international security, Russia has been assisting in the fight against ISIS and in countering international terrorism. The fight against the threat of Islamic State has been carried out by many states but Russia has been playing a more important role in combating ISIS and has been pursuing only one specific goal in Syria that is to counter international terrorism. The focus of this article will be to explore Russia and United States' role in its fight against international terrorism in the Middle East with special emphasis on ISIS. The article will also examine the reasons to understand as to why Russia decided to militarily intervene and assist the Syrian Assad regime in its fight against Islamic State/ISIS. The paper sheds light on the military operations undertaken by both Russia and United States in countering the threat of ISIS.

Keywords: Russia, United States, Islamic State, international Terrorism, Middle East.

The Islamic State formerly known as the Islamic State of Iraq and Levant/Syria (ISIL/ISIS) is a transnational Sunni Islamist insurgent and terrorist group. The emergence of the Islamic State made the Middle East one of the centers of international arena. Being a terrorist organization, the Islamic State gained its notoriety through territorial gains and occupation of territories in Syria and Iraq. The Islamic State gained a respective image with its harsh treatment and tortures of religious minorities in Syria and Iraq. This terrorist group was also responsible for the destruction of some of the region's unique cultural heritage. Over the last few years, the Islamic State has attracted thousands of youth from different countries including the West who voluntarily joined this terrorist organization [1]. This brings

Balaiah Shalini — PhD, Assistant Professor, School of Business Studies and Social Sciences, Christ (Deemed to be university), Bangalore, Karnataka, 560076, India.

U.S. to the question as to how and when did the ISIS appear? Zuhdi Jasser has stated that the ISIS did not start as a “multinational heavily armed force known today for its extreme violent jihadist terror. ISIS began as a cluster of radicals who around 1999 were on the fringes of the jihadist movement”. ISIS jihadism began to expand by 2003 when the other radical terror groups such as Al Qaeda were wreaking havoc on the international stage as the wars in Afghanistan and Iraq unfolded [2].

What were the major causes for the emergence of the ISIS? One of them was the US-led military intervention in Iraq against the Saddam regime. The overthrow of the Saddam regime in Iraq created a vacuum of authority which further offered a fertile “breeding ground” for the terror groups like Al Qaeda to thrive. What were the circumstances for the emergence and growth of the Islamist terror groups? Jacob L. Shapiro observed that it was “the Sunni Islamist insurgency against the United States after the failure of the political reconstruction which gave rise to the terror groups like Al Qaeda in Iraq which would eventually become the Islamic State”. He further adds that even if the physical caliphate were destroyed, the Islamic State’s ideology will persist in a region that is ripe for recruitment [3].

The next important question is what are the key reasons for the emergence of the most deathful terrorist organization that is the Islamic State? The Islamic State is the product of societal exclusion and economic deprivation. The two main causes are the Iraq’s economic decline, which is partly from the historic American domination, sanctions, intervention and proxy war, and the conditions of the Iraqi state after the American intervention in 2003. The war had not only led to the destruction of the Saddam regime and Iraqi institutions but also resulted in the “influx of personnel and foreign capital” which had huge implications for subsequent state–society relations. The perception of the state as an exclusive gateway to security, services and self-determination was hugely exacerbated by the policies following the U.S. occupation. In its place a new elite of former Iraqi exiles appeared which was led by the former Iraqi Prime Minister Maliki who homogenized power which further aggravated and increased the rage among the marginalized communities in Iraq. It is against this backdrop that the Sunni insurgency led by Islamic State emerged. Iraq which after years of U.S. invasion has been facing the erosion of the society and the lack of dialogue gave path to violence which became the “defacto language of power” [4].

The aforementioned factors constituted the emergence and growth of the Islamic State. The Islamic State soon became one of the most radical terrorist groups and started attracting youth from all over the world to join the faction. What made it more appealing to the youth from all over the world to join the terrorist group was its “ideology”. In 2014, the Islamic leader Abu Bakr

Baghdadi announced the change of the name to “Islamic State”. By doing so, the Islamic State sought to establish a universal Islamic Caliphate. By 2014, the IS was considered the most deathful and radical terrorist organization among the Jihadi terrorist groups. Between 2014 and 2017, the IS claimed its responsibility for several terrorist attacks in Middle East and abroad. This brings U.S. to the next question: what made this terrorist organization so appealing to the youth all over the world to join the faction? In this regard, it has been observed that there were the following specific factors that may have facilitated the group’s growth and appeal in different regions:

Conflicts based on ethnic, sectarian and/or political disputes;

Foreign fighter recruitment and travel networks related to such conflicts;

The weakness of state security forces and the availability of arms;

Limited international counterterrorism and intelligence cooperation.

Armed groups and individuals to whom the Islamic States specific ideology appeals or for whom affiliation with the Islamic State offers potential material advantages [5].

The Islamic State gradually became a global threat. The last few years have seen a rapid increase in the number of people joining the Islamic State. What made it a global phenomenon, was the “influx of foreign global jihadi fighters”. Thus, the terrorist organization has become a “hotbed for disenfranchised Muslims and youth to join”. The following section will analyze the specific threats from the Islamic State faced by Russia and US. This paper will also study Russian and American efforts in combating and eliminating Islamic State specifically in the Middle East.

The Islamic State threat in Russia

Historically, Russia has been suffering from instances of religious terrorism in the Caucasian region. Islamic State’s activities and influence can extend to South Caucasus and Central Asia thus making it an important reason for Russia to combat terrorism and the influence of ISIS in the region. Russia also has its concerns about the increasing influence of ISIS on the Russian Muslims. In this regard, Russia has been developing cooperation with its Central Asian neighbors Kazakhstan, Azerbaijan and Georgia and also has been taking various steps in monitoring the number of people who had gone to Syria and have returned to Russia. Moscow is also concerned about its citizens fighting in Syria against the Assad regime and has arrested those were suspected of fighting on the side of the armed opposition in Syria. In 2014, the local militants of the armed opposition in the North Caucasus pledged their allegiance to the leader of the Islamic State, Abu Bakr Bagh-

dadi. The same year the Islamic State declared that it was ready to start “a war in Chechnya and even liberate Chechnya and the entire Caucasus”. There were also numerous unconfirmed reports about the Islamic State fighters who were returning back to Russia due to the internal squabbles of the Islamic State. Russia feared that these developments might have resulted in an alarming situation in Chechnya and Caucasian region where the issue of terrorism and militancy was still a big concern for Russia [6].

The important question here is why the militants from Chechnya and Caucasus are joining the ISIS? As Mark Kramer has remarked, observing the reasons behind the militants from Caucasus, Chechnya and Central Asia joining the ISIS, “The Islamist fighters from the Caucasus and Central Asia view both Syria and Iraq as key battlegrounds in the larger struggle to establish an Islamic caliphate in the Caucasus and surrounding regions to reassert Sunni hegemony over the Shia dominated governments in these two countries. Thus a convergence of local and international considerations combined with the online and direct extortions of militant Islamic figures have motivated jihadists from the Caucasus and Central Asia to become frontline fighters in Syria and Iraq” [7].

There have been numerous reports of people from Chechnya and North Caucasus joining the Islamic State in the fight against the Assad regime. In June 2015, the Islamic State announced that the Caucasus Emirate had sworn allegiance and accepted it as a subordinate partner. So what are the implications of the Chechen association with the Islamic State? The impact of the involvement of the Chechen fighters in the Islamic State might create destabilization in Chechnya — and that is one of the most important concerns for Russia. Moscow considers the return of these fighters as a threat to the stability of the region. Over the past few years, the Chechen region has been stable but this stability was achieved with a great cost. Therefore Russia is interested in maintaining stability in the North Caucasus and is potentially endangered by the new destabilizing transnational links created through the Syrian crisis and Iraq war in the form of the Islamic State [8].

In the initial stages of the Islamic State, Russia viewed the terrorist group as one of the many terrorist organizations in Syria who were fighting against the Syrian regime. However, when the leaders of the Islamic State declared their intention to start a “war in Chechnya” and liberate Chechnya and North Caucasus, Russia was concerned by these new developments. This led to reassessment of Russia’s policy regarding the Islamic State. In September 2015, Moscow declared ISIS its “main foe” and decided to militarily intervene in Syria to fight against the Islamist terror group. It has been argued by many scholars that Russia might have exaggerated the threat of Islamic State and there was no imminent threat to its territorial integrity

and home security. They have argued that Russia's military intervention in Syria was her response to the western sanctions imposed on Russia after her involvement to the Ukraine conflict. It has been argued that Russia was using its influence in Middle East, especially in Syria [9]. However, it has been observed that Russia's concerns about the potential domestic repercussions of the ISIS were the major motives in its approach towards the ISIS which is discussed in the following section.

Russia's efforts in its fight against the Islamic State

In 2014, Russia supported the UN Security Council Resolutions adopted on 15 August 2014 and on 24 September 2014 on foreign militants and terrorist threats to international peace and security [10]. Russia also supported the UNSC Resolution adopted on 12 February 2015, which targeted the sources of financing of the Islamic State. The resolution which was supported by most of the countries urged the global community to cooperate to impair, isolate and incapacitate the terrorist threats and condemn those buying oil from the groups. The resolution also banned all trade in antiquities from Iraq and Syria calling all the states to end ransom payments [11].

Russia began its military intervention in Syria on September 30, 2015 and the military campaign was viewed as a major military and political event with significant regional and global consequences considering this was Russia's first openly conducted full scale military operation abroad. There were concerns about Russia risking a long term military entanglement in the Syrian conflict with the possibility of her involvement in the ground operations in Syria. The military campaign was intended to establish Russia's projection of military strength beyond its borders [12]. Russian military campaign consisted mainly of offensive airstrikes targeting Islamic State and various rebel groups. The military campaign which was launched at the behest of the Bashar Assad regime also helped the latter to gain control of the regions which were previously held by the rebels. The main objective of the Russian military intervention in Syria has been to "counter international terrorism in Syria". Russian Foreign Ministry's spokeswoman Maria Zakharova stated that Russia was "pursuing only one specific goal in Syria that is to fight against international terrorism and has determined to achieve its goal". In March 2016, the Russian President Vladimir Putin withdrew Russian troops from Syria and declared that the Russian military campaign's objectives had been achieved and completed since the start of the military campaign in 2015 [13].

Since 2015, there have been two coalitions fighting against the threat of ISIS. One coalition was led by Russia while the other was led by the

United States and its allies. Despite official withdrawal of its troops, Russia continued its fight against international terrorism in Syria. In this regard, on April 26, 2017, Russian Foreign Minister Sergei Lavrov stated that Russia “continues working to rally the international community in the fight against terrorism and has submitted a draft resolution to combat the terrorist ideology to the UNSC. Russia has urged for the introduction of a comprehensive trade and economic embargo on ISIS controlled territories in keeping with Article 41 of the UN charter with sanctions to be imposed on embargo violators” [14].

In January 2018, the Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation Alexander Aksenok claimed that one of the major achievements of the year 2017 has been the overwhelming defeat and elimination of the ISIS as “a quasi-public terrorist entity” which was controlling territories of Iraq and Syria. Russia played a very important and decisive role in the counter terrorism campaign against the ISIS [15]. Russian Foreign Minister Sergei Lavrov stated that though the threat of ISIS had been eliminated, there still existed threats from other jihadi terror groups particularly the Jabhat al Nusra. He also added that the establishment of the Astana talks, which Russia had launched along with Turkey and Iran, has resulted in de-escalation of zones and decrease in violence in Syria [16]. Through its military campaign launched at the request of the Assad regime, Russia has succeeded in breakthrough elimination of ISIS in Iraq and Syria.

The United States and the Islamic State

The United States does not face direct threats from the ISIS unlike other countries in Europe, especially those neighboring Syria, who face spillover refugees, border violence and large scale infiltration of extremist and jihadist elements. However, this does not mean that the ISIS does not pose any threats to the United States’ security. So what are these threats?

First of all, it’s the possibility of returning home of the Americans who have had links with the ISIS and who could launch attacks in the homeland. Washington fears the “lone actors” influenced by the radical jihadism, who would carry out terror attacks on the American soil. Another important reason for the American concerns about the Islamic State threat and the major factor for its fight against the ISIS is that the U.S. is concerned about the impact of the growth of Islamic State to its regional interests and regional stability in the Middle East region — particularly with its regional allies such as Israel, Turkey and Jordan who are facing radicalism in the region [17]. United States began its military operations against the ISIS in 2014.

In September 2014, the U.S. President Barak Obama announced the creation of a “Coalition to Degrade and Defeat Islamic State”. The five stated goals of the coalition were the following: to provide military support for local coalition partners; to strike at the flow of foreign combatants arriving in Iraq and Syria; “to halt the Islamic State’s sources of financing; to deal with the humanitarian crisis in the region; to expose the true nature of the Islamic State and damage its propaganda capabilities” [18]. On 28 August 2014, the U.S. President Obama noting the threat of ISIS stated that “ISIL poses an immediate threat to the people of Iraq and to the people throughout the region. And that’s why our military action in Iraq has to be part of a broader, comprehensive strategy to protect our people and to support our partners who are taking the fight to ISIL”. He added further that “rooting out a cancer like ISIL will not be quick or easy but I’m confident that we can and we will be working closely with our allies and our partners” [19]. In its efforts to combat the ISIS/Islamic State the United States has formulated a three pillar strategy which is outlined by Thomas Juneau as following:

The first aims to stop the expansion of Islamic State and weaken it.

The second pillar calls for training and equipping local partners who will assume responsibility for militarily defeating Islamic State (IS). United States wants to refrain from sending troops and avoid long term entanglement.

The third pillar recognizes that Islamic State is a symptom and not a cause of the broken politics in Iraq and Syria. United States intends to find a long term political solution and viable peace process in Syria [20].

Following the terrorist attacks in Paris in November 2015, for which the Islamic State claimed responsibility, the U.S. CIA Director John Brennan publicly declared that the “Islamic State as having embraced an external operations agenda that it is now implementing with lethal effect” and in February 2016, the U.S. intelligence community described the Islamic State as “preeminent terrorist threat worldwide”. A spate of terrorist attacks in the Western countries followed which the IS has claimed responsibility for. The IS has also claimed responsibility for terror attacks in Tunisia, Turkey, Egypt, Paris, Brussels and the destruction of Russian Metrojet airliner departing from Sinai.

On December 17, 2015, the UNSC unanimously adopted the Resolution 2253 which was drafted by Russia and the United States on “combating the ISIS and other terrorist organizations and expanding measures to suppress the financing of terrorism”. The draft was supported by 68 member states. The resolution outlined a set of measures designed to expose and curb illegal funding channels to the Islamic State in Iraq and the Levant and affiliated groups and also to improve the relevant UN monitoring and sanctions mechanisms” [21]. The Obama administration in its fight against the Islamic

State led a “multilateral coalition” which aimed at complete eradication and destruction of Islamic State and also at reducing the “geographic and political space, manpower and financial resources which is available to it”. The strategy used by Obama administration consisted of a number of “lines of effort” which included collaborating with its European and Arab allies, engaging in direct military action, support for Iraqi and Syrian partner forces and, most importantly, gathering information and sharing and controlling the flow of foreign fighters, as well as disrupting the Islamic State’s finances and eliminating its leaders. From 2016 to 2017, U.S. along with its coalition forces used “combat aircraft, unmanned aerial vehicles and sea launched cruise missiles to conduct strikes against Islamic State targets in Iraq and Syria”, the U. S. military strikes have supported the defensive and offensive military operations conducted by the Iraqi military and the Kurdish forces. In order to weaken the IS control over the Syrian territory the U.S. also supports the local forces to recapture Mosul, Iraq and Raqqah, Syria [22].

Conclusion

In last seven years the Syrian conflict has turned into a humanitarian catastrophe resulting in great instability in the Middle East region. One of the most important regional implications has been the emergence and growth of radical jihadist groups, most importantly the ISIS. During these years Russia has been playing a very important and decisive role in its fight against the ISIS. The military campaign led by both Russia and United States have resulted in regaining of territories in Iraq and Syria which were previously held by ISIS. Despite their rivalry in other issues, in combating the ISIS Russia and the United States has been working in parallel. In 2018, the ISIS threat in Iraq and Syria was eliminated, but this does not mean that all radical jihadi terror groups have been destroyed. The existence of Jabhat al Nusra remains a concern at present. The elimination of the ISIS raised an important question what was to come next? The ideology of “jihad” will not disappear with the elimination and destruction of the “Caliphate”. The sociopolitical situation which has led to the creation of ISIS also remains unchanged. The ISIS was created out of “power vacuum” after the overthrow of the Saddam regime in Iraq and the Syrian conflict led to its increasing growth. With the failure to establish state structures and the internal conflicts still preserving in the region, the radical jihadism and violent extremism might thrive further. The need of the hour is to make a collective effort to resolve the Syrian conflict and eliminate the root causes of the problems which result in extreme violence and radical jihadism.

References

1. Souleimanov E. A., Petrylova K. Russia's Policy toward the Islamic State. *Middle East Policy Council*, 2015, vol. 22, no. 3, pp. 66–78.
2. Jasser Z. *Radical Islam: We must talk more than ISIS*, Strategic Culture Foundation, 2017. Available at: <https://www.strategic-culture.org/pview/2017/08/23/radical-islam-we-must-talk-about-more-than-isis.html> (accessed: 04.03.2018).
3. Zaidi A. The Islamic State and the Global Great Game. *Open Democracy*, 2014. Available at: <https://www.opendemocracy.net/arab-aw>
4. Blanchard C. M., Humud C. E. The Islamic State and U.S. Policy. *Congress Research Service Report*, 2017, vol. 7 (500), pp. 1–35.
5. Vatchagaev M. Popularity of Islamic State Soars in Russia and Post-Soviet Space. *Eurasia Daily Monitor*, 2015, vol. 12, no. 115. Available at: <https://jamestown.org/program/popularity-of-islamic-sate-soars-in-russia-and-post-soviet-space> (accessed: 23.08.2016).
6. Kramer M. The Return of Islamic State Fighters: The Impact on the Caucasus and Central Asia. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 2015, vol. 381. Available at: <http://www.ponarseurasia.org/memo/return-islamic-state-fighters-impact-caucasus-and-central-asia> (accessed: 07.03.2016).
7. Stepanova E. The Islamic State as a security problem for Russia: The Nature and Scale of the Threat. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 2015, no. 393, pp. 1–6.
8. Souleimanov E. A., Petrylova K. Russia's Policy toward the Islamic State. *Middle East Policy Council*, 2015, vol. 22, no. 3, pp. 66–78.
9. United Nations Security Council. Threats to international peace and security caused by terrorist acts. 2014. S/RES/2170(2014) adopted on August 15, 2014. Available at: <http://unscr.com/en/resolutions/doc/2170> (accessed: 11.05.2015); United Nations Security Council S/RES/2178 adopted on September 24, 2014. Available at: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2178.pdf (accessed: 11.05.2015).
10. United Nations Security Council S/RES/2199 adopted on February 12, 2015. Available at: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2199.pdf (accessed: 11.04.2015).
11. Minasyan S. Russia's Syrian Campaign: Strategic Gambit or Regional Zugswang? *Russia in Global Affairs*. 2016. Policy Memo No. 423. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Russias-Syrian-Campaign-Strategic-Gambit-or-Regional-Zugswang-1808> (accessed: 08.11.2016).
12. Fight against International Terrorism Russia's only goal in Syria. *Sputnik International*. Moscow, 2016, September 30. Available at: <https://sputniknews.com/politics/201609301045859414-russia-syria-goal/> (accessed: 08.03.2017).
13. Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks at the Sixth Moscow Conference on International Security. Moscow, 2017, April 26. Available at: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2737799 (accessed: 19.07.2017).
14. Aksemenok A. Comment of the Year: The Middle East-Syria. *Russian International Affairs Council*, 2018. Available at: <http://russiancouncil.ru/en/analytics->

and-comments/comments/comment-of-the-year-the-middle-east-syria/ (accessed: 02.02.2018).

15. Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to questions at a meeting with the finalists of the leaders of Russia contest Russian Diplomatic Leadership in Today's World. Sochi, 2018, February 7. Available at: http://www.mid.ru/en/posledniye_dobavleniye/-/asset_publisher/MCZ7HQUMdqBY/content/id/3060472 (accessed: 23.03.2018).

16. Juneau T. Containing the Islamic State. *Middle East Policy Council*, 2015, vol.22, no. 3. Available at: <https://mepc.org/containing-islamic-state> (accessed: 02.03.2016).

17. Eran O., Barak A. The United States vs. the Islamic State. "The Islamic state: How viable is it?" Ed. by Y.Schweitzer and O.Einav. The Institute for National Security Studies, 2016. Available at: <http://www.inss.org.il/publication/the-islamic-state-how-viable-is-it/> (accessed: 29.11.2017).

18. Obama White House. Statement by the President. 2014, August 28. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/08/28/statement-president-0> (accessed: 11.04.2015).

19. Juneau T. Containing the Islamic State. *Middle East Policy Council*, 2015, vol.22, no. 3. Available at: <https://mepc.org/containing-islamic-state> (accessed: 02.03.2016).

20. Foreign Minister Sergey Lavrov's speech at the Security Council following the adoption of the resolution in support of the Vienna process in New York. 2015, December 18. Available at: http://www.mid.ru/en/vistupleniya_ministra//asset_publisher/MCZ7HQUMdqBY/content/id/1990596 (accessed: 19.04.2016).

21. Blanchard C. M., Humud C. E. The Islamic State and U.S. Policy. *Congress Research Service Report*, 2017, vol. 7 (500), pp. 1–35.

УДК 327

POLICY TO COMBAT CROSS-BORDER DRUG TRAFFICKING IN THE UNITED STATES AND RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

M. Shestopalov

The author briefly examines the current problem of cross-border drug trafficking in the United States and Russia, and outlines the main components of the policy of the studied countries to counter drug trafficking. Having reviewed the main approaches to solving the problem, the author concludes that, despite the enormous efforts of law enforcement agencies in the United States, real success in combating the drug business has not been

Shestopalov Mikhail — Master student, School of Interantional Relations, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

achieved, which is not possible for Russia, which has significantly fewer resources to combat drug trafficking. Thus, the key in the fight against drug trafficking should lie in rethinking the problem and finding new approaches, in the fight against poverty and the creation of stable institutions.

Keywords: USA, Russia, Mexico, Colombia, drug trafficking, Latin America, drug cartels, fight against drug trafficking, Afghanistan, Central Asia.

It is quite obvious that today the problem of drug addiction has become a worldwide threat to humanity, and all states are forced to fight this problem in one way or another. Addiction destroys the lives of millions of people around the world. The UN estimates that at present the number of drug addicts exceeds 250 million people. But the drug trafficking is more frightening. This illegal business involves hundreds of thousands of people around the world, it presupposes the application of violence, it is a source of corruption of civil servants, also it forces people to engage in illegal activities against their will, children including.

By the UN definition, “Drug trafficking is a global illicit trade involving the cultivation, manufacture, distribution and sale of substances which are subject to drug prohibition laws”. Accordingly, drug trafficking as a process includes the following components:

Production of the “base” of the drug. This includes the production of so-called precursors, components required in the production of drugs. When it comes to the production of herbal drugs, it is often done by ordinary farmers who do have very few options in the face of poverty.

Production of a ready-to-distribute drug. Most often carried out in places other than those where the “base” is made.

Delivery to the drug distribution points. Usually this implies overcoming dozens of state borders. This point is often associated with most of all violence and influence on corruption in transit countries.

Spread of drugs among local suppliers. This point is increasingly associated with cybercrime, namely the drug trade through the deep web using crypto currency.

Money laundering. Banks and loans secured by “dirty” money are often used. We can take a look on a recent scandal with the HSBC, which was suspected in money laundering for the Mexican cartel “Sinaloa”.

The main sources of drugs are the following regions: “Golden crescent” — Afghanistan, Iran, and Pakistan; “Golden triangle” — Thailand, Laos, and Myanmar; “Andean triangle” — Colombia, Peru, Bolivia. Both Russia and the United States have to deal with the drug challenge from these regions. And let’s take a look on how these two states are fighting with drug trafficking with a focus on boarder security issue.

The very problem of drug trafficking and drug trafficking began to bother the governments of the Western hemisphere in the XIX century, so, the first legislative act in the United States, prohibiting the illegal Smoking of opium, was adopted in 1875 in Chicago, and then throughout the country. In those days, the drug business involved Chinese migrants who organized opium dens in American cities, where representatives of respectable segments of the U.S. population often went. However, despite the adoption of the law, the number of drug addicts in the United States grew due to the fact that many substances, today called drugs, were released on prescription. This was followed by the introduction of special licenses designed to limit the release of drugs for people not undergoing treatment. Federally, the production and sale of cocaine and opiates was banned in 1914 by the Harrison drug act, but in 1919 the production of these drugs for medical purposes was allowed. With regard to the ban on the use of marijuana, the production and distribution of cannabis began to be banned since the 1920's in the States bordering Mexico, and a Federal ban was imposed in 1938.

The most desperate times starts at 80's, when two notorious Colombian cartels have appeared. They are Cali cartel and Medellin cartel with infamous Pablo Escobar as its leader. After these cartels were shut down, with brothers-founders of Cali cartel in prison, and Pablo Escobar in a grave, new threat have taken place: paramilitary groups who were far more disintegrated and consist of formers combatants of Colombian civil war and formers cartels members. In the beginning of XXI century the focus of criminal power was shifted to Mexico and a vast number of new powerful cartels raised, for the present time the most notorious ones are Sinaloa Cartel, "The Jalisco New Generation" cartel, "Los Zetas". Initially, the bulk of cocaine was shipped by private aircraft in transit through the Caribbean islands. However, due to the activities of the FBI and the U.S. Department of National Security for the suppression of illegal flights, the drug traffic in the United States almost completely began to run through the land corridors of Central America and Mexico. The dawn of the first major drug cartels in Mexico is connected with this. It should also be noted that intermediary organizations from Central America, such as MS-13 and Barrio-18, are becoming increasingly important. Also worth noting are drug cartels from Venezuela, Brazil, Argentina, which also play a significant role in the supply of precursors and finished drugs: opiates and synthetic drugs. In addition, they are responsible for part of the transportation routes to Europe and the United States.

It seems important to highlight some features of modern drug cartels:

The tendency to fragmentation. Among specialists there is no clear understanding of the reason for the breakup of large cartels into independent organizations. It may be that the authorities are increasing pressure on the

drug cartels, which does not allow centralized structures to exist for a long time, as happened in Colombia in the 1990's and 2000's. Or the point is to enhance the combat capability of each individual cell, which eventually turns into an autonomous organization in the organization. Anyway, an increase in the number of actors in the future will only lead to new conflicts and bloodshed.

Combat capacity. The history of the cartel's opposition shows that all the actors of the drug business one way or another switched to a model with the creation of "combat wings", organizations specially armed and prepared for combat on equal terms with a professional army. In addition, the main contingent in such organizations are not street mob, but professional soldiers who left military service in favor of mercenarism.

A wide range of criminal activities. Indeed, there are hardly any criminal organizations in modern times that rely only on the production and transit of drugs. The modern portfolio of the Mexican cartel includes racketeering, kidnapping, extortion, illegal mining, various theft, human trafficking, and so on. The only difference is that in some cartels, for example, in the Sinaloa cartel, drug income prevails over other articles, because top management believes that for several reasons, income through predatory crimes (with English predatory crimes) harms the organization.

Terrorism as a tactic. Back in the 80's and 90's, mass killings and full-fledged battles with the police and army were hardly characteristic of cartels, whose main income was drug trafficking. However, today, with the increased fighting capacity of the cartels, we can increasingly see in the media information about new massacres with dozens and hundreds of victims. Cartels themselves actively use such means of propaganda and intimidation, such as leaflets with lists of people who will be killed in the future, and video clips with executions.

Ideology. The existence of a strict ideology is not characteristic of all cartels, but rather for those who in their business actively cooperate with unofficial self-defense forces. The ideology of cartels such as the Knights Templar and CJNG is a mixture of calls for self-defense, religious morality and nationalism.

The widespread use of corruption as a tactic to combat a competitor. It is not a secret that some cartels, as quite influential organizations, have been leaking into the Mexican branches of government for decades. The Sinaloa cartel was the most successful in this, actively using the police and army in the war against other cartels.

Decentralization. Modern cartels should not be perceived as monolithic structures with a clear hierarchy, but rather as a federation of many organizations in order to maximize their income and minimize costs. Thus, it is

not uncommon for organizations to separate from cartels and join others, or create their own.

The activities of the American authorities in combating drug trafficking, which has been sent to the country, can be divided into three areas: combating smuggling at the border, combating drug trafficking at transit points, combating drug trafficking in producing countries.

The fight against drug trafficking at the border is carried out both through interaction with the Mexican border guards, and by its own forces — DEA, the police, the FBI carry out their operations to catch and intercept smuggling. It should be acknowledged that in recent years the load on these agencies has only increased due to the crisis of refugees from Central America, which does not have the best effect on the effectiveness of border measures. The problem lies in the fact that drug dealers every year come up with new ways of smuggling drugs, to which the authorities simply do not have time to adapt. For example, drug smugglers use clothing impregnated with cocaine. By this sophisticated method, drug traffickers can smuggle a drug with losing only 20 % of original amount. Another simple way is to use extra small shipments, that can be hardly detected.

The fight against drug trafficking in transit points differs from other ways of combating cross-border drug trafficking in that operations are carried out in the form of targeted attacks on drug storage sites in transit countries such as Guatemala, El Salvador, Belize and Honduras. This line of fighting has a relatively high efficiency, which can be assessed in the amount of drugs seized at relatively low cost to conduct such operations. Moreover, such operations do not increase the degree of social tension in the countries where they are carried out.

The fight against drug trafficking in drug production sites is expressed in full-scale military operations to eradicate production in drug producing countries. Examples of such operations are U.S. actions in Colombia under the Plan Colombia, as well as the company in Afghanistan. The results of both companies were very modest: with billions of dollars spent on combating drug production and a relative reduction in coca or poppy cultivation, in the end, the amount of drugs produced, as well as drug addiction in the US, did not change significantly. The main reason why such costly operations have made no noticeable difference can be explained as a “balloon” effect. Basically, when you push from one side, main amount of air just moved to the place with less pressure. That is what happened in Colombia, while U.S. forces in cooperation with Colombian government were striking Colombian drug-traffickers and eradicating Colombian coca plantation, main amount of coca production just moved to Peru. This is typical for the types of drugs as well, for example, drug traffickers can move

from one type of drug to another, depending on the “market conditions”. For example, in Mexico, the production of synthetic drugs is dynamically developing and the production of marijuana is declining. The reason for this is the legalization of marijuana in some states, as well as the rapid development of cannabis production in the United States.

As for Russia, the situation with drug trafficking is as follows: the main drug threat is heroin, which is produced in Afghanistan, Myanmar and the Lao People’s Democratic Republic. The main routes of heroin delivery to Europe are Balkan and Northern. The Balkan route goes through the Islamic Republic of Iran, Turkey, Greece, Bulgaria and further through South-Eastern Europe towards Western Europe, the annual volume of which is about \$20 bln. The Northern route passes mainly through Tajikistan and Kyrgyzstan (as well as Uzbekistan or Turkmenistan) to Kazakhstan and the Russian Federation. The annual volume of this market is estimated at \$13 bln. The main reasons for this situation are the relative transparency of borders, low qualification and high corruption of local authorities and law enforcement agencies.

In this way, the main reasons for Russia’s vulnerability to Asian drug trafficking are the following:

The dynamic growth of drug production in Northern Afghanistan, on the territory directly bordering the Central Asian States.

Degradation of law enforcement organizations in Central Asia: deep corruption and involvement of law enforcement agencies in drug trafficking.

The tightening of Russia’s migration policy has led to impoverishment of Central Asian citizens who were engaged in labor migration, which in turn has led to their marginalization and involvement in the drug business.

Weak and undeveloped Russia-Kazakhstan borders.

Russia, in its turn, responds to the challenge of the drug threat by strengthening cooperation with interested partners. Thus, since 2012, the program of training Afghan police officers in the higher education institutions of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation has been implemented free of charge, and since 2002, it provides logistical support to the armed forces of Afghanistan by supplying airfield equipment, communication systems, as well as weapons used in anti-drug units. Deliveries of arms to Tajikistan are carried out, cooperation of competent authorities of the Russian Federation and the countries of Central Asia is conducted.

Also, the concept of the state anti-drug policy of the Russian Federation includes measures to strengthen the borders:

Strengthening of border and customs control of cargo arriving via the transport communication channels.

Improving the system of personal registration of foreign citizens and stateless persons crossing the state border of the Russian Federation.

Improving the arrangement and protection of the state border of the Russian Federation, primarily on the main areas of drug trafficking.

Thereby, it is possible to single out two main directions for enhancing the external security of the Russian Federation in the area of the problem of cross-border drug trafficking: improving the quality of cooperation with foreign partners, and strengthening borders. As we can see, Russia still has a long way to go to ensure an adequate level of security in drug trafficking. But if we slightly take a look behind on American experience, it is pretty obvious that even if Russia would have same drug enforcement capability, which probably the best in a world, it will be still not enough to put an end the problem of drug trafficking in our region.

Taking into account the example of the United States, it should be noted that solving such a complex international problem as drug trafficking requires deep rethinking and different approaches. The relatively new trend in the western hemisphere is also noteworthy. More and more countries are abandoning tough policies towards drug trafficking, in the name of maintaining security in their countries. It is about the decriminalization of certain types of drugs on the one hand, and switching attention to the fight against corruption and the development of state institutions on the other. The new president of Mexico, a country severely affected by the so-called drug war, declared in his election speeches that “it is absolutely necessary to fight drug cartels, but even the most notorious drug lord is only a boy compared to a corrupt official”. Also, much attention is paid to rehabilitation centers and the promotion of a healthy lifestyle.

To conclude, looking at the problem of cross-border drug trafficking in the U.S. and Russia, it becomes obvious that drug trafficking is a symptom but not an illness itself. So, the true illness is the total poverty. This is why drug trafficking can't be defeated for a long. It will reproduce itself until poor farmer or street boy will choose illegal business for survival issues and chance to break through the poverty than legal ways.

References

1. Barentsev A. Afghan Heroin Flow Channeled to Russia. *Strategic Culture Foundation*, 24.05.2010. Available at: <https://www.globalresearch.ca/afghan-heroin-flow-channeled-to-russia/19314> (accessed: 17.04.2018).
2. Global overview of drug demand and supply. World Drug Report 2018. *United Nations Office on Drugs and Crimes*. Available at: https://www.unodc.org/wdr2018/prelaunch/WDR18_Booklet_2_GLOBAL.pdf (accessed: 19.04.2018).

3. McDermott S. D., Power J. D. Drug smuggling using clothing impregnated with cocaine. *Journal of Forensic Sciences*, 2005, vol. 50, no. 6, pp. 1423–1425. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/16382839> (accessed: 17.04.2018).

4. McDermott J. 4 Reasons Why Peru Became World's Top Cocaine Producer. *InSight Crime*, 25.12.2013. Available at: <https://www.insightcrime.org/news/analysis/why-peru-top-cocaine-producer/> (accessed: 17.04.2018).

5. Police officers from Afghanistan completed training in VIPK of the Ministry of internal Affairs of Russia. Official web site of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 30.11.2015. Available at: <https://мвд.рф/news/item/6844493> (accessed: 16.04.2018).

УДК 327

RUSSIA-AMERICA COOPERATION ON COUNTER-TERRORISM

Nomita Toppo

Russia and America have always maintained diplomatic relations. Their relationship greatly deteriorated due to Ukrainian crisis, Russia's annexation of Crimea and the Syrian civil war. Despite tensions between both the countries, Russia and America are still willing to cooperate and work together on international issues like terrorism. Counterterrorism cooperation between both the countries was never so strong because of a fundamental conceptual gap about the nature of the terrorist threat. For US, threat comes from foreign radicals (like Al Qaeda, ISIS), determined to undermine the institutions of American society, whereas in Russia, terrorist threat is linked to separatism. This article tries to point out the common grounds of cooperation between America-Russia focusing on countering terrorism. Further it focuses on counter terrorism measures and programmes initiated by both the countries to fight terrorism. This article also attempts to bring out the factors responsible for the setback of America-Russia cooperation on countering terrorism. Although Russia has been suspended from any practical cooperation from NATO in 2014, previously NATO and Russia have made significant progress in developing cooperation in fighting terrorism within the framework of NATO-Russian Council (NRC). Both America and Russia have a vested interest in preventing the growth of terrorist groups and terrorist activities. In today's age of technology, regional terrorist groups are increasingly capable and willing to expand their operations outside their home territory. Terrorists groups originating in the northern Caucuses has always been a issue for Russian interest, but, due to IS's ability to attract radicals to travel and fight on its behalf in Iraq and Syria, terrorist activity in the northern Caucuses now also affects American interests. Therefore, both U.S. and Russia have an interest in disrupting terrorism and building resilience wherever possible. Further, this article would discuss the nature of terrorism faced by both the countries and how terrorist groups and activities are not confined to a particular region but has become a global phenomena in this era.

Keywords: Counter-terrorism, Cooperation, Federal Law, Insurgency, ISIS Challenge, Russia, Terrorism, the United States.

Toppo Nomita — PhD, Research scholar, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, New Mehraouli Road, 110067, India.

Defining Terrorism

Defining terrorism in the contemporary time is a challenge. Different scholars have given diverse definitions of terrorism. Many experts have a vague idea of what terrorism is but lack a more precise and apt explanatory definition of the term. There is no unanimity among scholars on what kind of violence constitutes an act of terrorism. Any definition of terrorism involves much debate. Until now there has been no universally accepted definition of terrorism.

According to Bruce Hoffman, “Terrorism has political aims and motives, violence or threat of violence, seeking far-reaching psychological repercussions beyond immediate targets, organization/individuals influenced by ideological or example of some terrorist movement-perpetrated by a non-state entity” [1].

In 1998, the Federal Law “On the Fight Against Terrorism” was enacted in the Russian Federation, which provided a broad definition of terrorism as “violence or the threat of violence against individuals or organizations and also destruction (damaging) of or threat to destroy (damage) property and other material objects, such as threatening to cause loss of life, significant damage to property, or other socially dangerous consequences and are implemented with a view to violating public security, intimidating the population, or influencing the adoption of decisions advantageous to terrorists by organs of power, or satisfying their unlawful material and (or) other interests; attempts on the lives of statesmen or public safety, figures perpetrated with a view to ending their state or other political activity or out of revenge for such activity; attacks on representatives of foreign states or staffers of international organizations enjoying international protection and also on the official premises or vehicles of persons enjoying international protection if these actions are committed with a view to provoking war or complicating international relations” [2].

In 2006, this Federal Law was replaced with the Law “On Counteraction Against Terrorism” where the legislator defined the concept of terrorism more briefly: “Terrorism shall mean the ideology of violence and the practice of influencing the adoption of a decision by public authorities, local self-government bodies, or international organizations connected with frightening the population and other forms of unlawful violent actions”.

As a response to the 9/11 terrorist act, the United Nations General Assembly attempted to formulate a comprehensive general definition of terrorism is as follows:

Any person commits an offense within the meaning of this convention, if that person, by any means, unlawfully and intentionally causes:

- (a) Death or serious bodily injury to any person or
- (b) Serious damage to public or private property, including a place of public use, a state or government facility, a public transportation system, an infrastructure facility or the environment; or
- (c) Damage to property, places, facilities or systems referred to in paragraph 1 (b) of this article, resulting or likely to result in major economic loss, when the purpose of the conduct, by its nature or context, is to intimidate a population, or to compel a government or an international organisation to do or abstain from doing any act [3].

Hence, it is difficult to attain all-inclusive definition of terrorism. As Yasser Arafat notably said in a 1974 speech before the United Nations, “One man’s terrorist is another man’s freedom fighter”.

Nature of Terrorism in Russia and the USA

After 2014, Russia-US relationship greatly deteriorated due to the Ukrainian crisis and the Syrian war. After the terrorist attack of 9/11, Putin decided to side with the U. S. and join anti-terrorist coalition to fight against global terrorism. Putin was the first foreign leader to express sympathy and condemn the attack [4]. The U.S. and Russia had joined their hands together to fight terrorism but counterterrorism cooperation has never been as strong between both countries as many had hoped after 9/11. According to Graham and Saradzhyan, it was due to a fundamental conceptual gap about the nature of the terrorist threat. For the US, the threat comes from foreign radicals (like Al Qaeda and the ISIS) determined to undermine the institutions of American society, whereas in Russia, the terrorist threat is linked to separatism and insurgency [5].

The threats posed to Russia and the United States by violent extremism and terrorism differ in type, scale, drivers, and radicalization paths. For the first quarter of a century after the end of the Cold War, Russia had been more systematically and heavily affected by terrorism at home than was the United States. This is primarily because the separatist insurgencies in the North Caucasus have employed terrorism as one of their main tactics.

The ISIS as an ideology and a catalyst for violent Islamist extremism has posed a domestic and foreign policy challenge to the United States and Russia. Both countries share concerns about transnational two-way flows of militants. Russia is more heavily and directly affected by this: as of September 2015, only 21 US citizens had joined the ISIS and Jabhat an-Nusrah in Syria and Iraq (43 more Americans planned this or tried, but failed). For reasons ranging from lack of geographical proximity to the generally lower degree of radicalization of American Muslims, the U.S. numbers are tiny

compared to the 2,900 militants from Russia who fought in Syria and Iraq at the end of 2015 [6].

For the United States, the ISIS challenge is a combination of the Iraq quagmire, broader Middle Eastern dilemma, and concerns over ISIS influence and propaganda encouraging home-grown violent extremism. Regarding Iraq, the ISIS has been seriously undermining its stabilization at the time when the country has been struggling with the aftermath of the U.S. intervention, bad governance, and sectarianism. Regarding the broader Middle East, the ISIS has been fuelling pan-regional destabilization, catalysing regional rivalries, impeding a solution to the Syrian crisis, and spawn imitator groups.

Both American and Russian antiterrorism strategies are heavily militarized and dominated by the “war on terror” paradigm. The context for these strategies, however, differed radically. Russia waged domestic counterinsurgency campaigns in the North Caucasus while the United States led overseas security involvements ranging from military interventions to counterinsurgency operations in failed and weak, states such as Afghanistan and Iraq. Consequently, Russia’s main antiterrorism “solution” — even if costly and incomplete — has been domestic reliance on traditionalist ethno-religious forces inside Chechnya as a hedge against, and a more manageable alternative to, transnationalized violent Salafist jihadism.

Counter-Terrorism Cooperation

Counter-terrorism policy includes the practice, military tactics, techniques and strategy that government, military, law enforcement and intelligence agencies use to fight terrorism. Counter-terrorism strategies also attempts to counter financing of terrorism. In case terrorism arises due to border insurgency, counter-terrorism may use counter-insurgency measures to curb it.

Vladimir Putin became the Russian president in 2000, and his central idea for Russian-U.S. cooperation was coordination on anti-terrorism policy. Chechnya was an important element for Putin. Even before the 9/11 event, Putin has repeatedly warned the United States of the connection between Russia’s Chechen insurgency and fighting international terrorism but the U.S. has never paid attention. U.S.-Russia counter-terrorism initiatives have been hampered by “the problematic legacy of the cold war and the lack of a post-cold war security system competent of incorporating revised attitudes and meeting new international challenges, for instance may it be Kosovo conflict in 1999, the military operation in Iraq (2003), the Russia-Georgia crisis (2008), NATO’s operations in Libya (2011) and in the Ukraine crisis” [7].

The tragic events of 9/11 marked a turning point in the deteriorating U.S.-Russia relations particularly in combating terrorism. Russia's reaction to the 9/11 terrorist attacks on the U.S. was quick and constructive. President Putin was the first foreign leader to call President Bush to express his condolences and offer help. On request of Washington, he cancelled a few ongoing military exercises and ordered Russian armed forces to terminate their standard operation responses to U.S. nuclear forces' heightened state of alert [8]. Putin delineated Moscow's support to the U.S. military campaign in Afghanistan — "Operation Enduring Freedom" in terms of intelligence sharing, opening of Russian airspace for U.S. planes carrying humanitarian aid, help in search-and-rescue operations in Afghanistan, enhanced military assistance to the anti-Taliban Northern Alliance and implicit endorsement for the offer made by former Soviet Central Asian States of logistical support to the U.S. military [9].

The attack of 9/11 gave Putin an opportunity to substantiate the Second Chechen War as part of the "Global War on Terror" and it was a justification of his stand on the global nature of terrorism, of which Chechnya was only a manifestation. He advocated for a intensive global effort to tackle the threat caused by international terrorism.

In May 2002, President Bush and President Putin signed the treaty of Moscow. This treaty considerably lowered the levels of operationally deployed warheads to between 1,700 and 2,200 [10]. They offered a combined condemnation of all terrorist attacks, and pledged to achieve a negotiated settlement to the Israeli-Palestinian conflict. The Russian-U.S. Working Group on Fighting Terrorism was an important mechanism which was formed in 2002. This group considers issues related to counter terrorist, nuclear and WMD threats. It also undertakes coordinating actions in blocking the means of financial support of terrorism and combating against illegal drugs trafficking, which has been the major source of income of terrorist financing.

The increasing cooperation on anti-terrorism between the two countries resulted in greater understanding between the two powers. However, tension erupted over the U.S. plan of invasion in Iraq under the pretence of accusation of the Saddam regime possessing weapons of mass destruction (WMD). Russia insisted on peaceful resolution of the Iraq dispute and along with France and Germany, it strongly opposed the U.S. plan to attack Iraq without the UN Security Council sanction. It condemned the unilateral action of the U.S. invasion in Iraq in March 2003 supported by Britain.

Despite these disagreements, the USA and Russia continued to cooperate on anti-terrorism issues. In March and October 2004, the U.S.-Russia Counter Terrorism Group met fostering cooperative operational contacts between

various U.S. agencies and their counter parts in Russia. In December 2004, Chiefs of FBI and FSB signed a comprehensive memorandum of cooperation on counterterrorism, according to which both the countries would timely share the terrorist threat information. They also decided to expand their cooperation to include information on WMD. After the terrorist bombing of two Russian civil aircrafts in August 2004, Russia also cooperated with the Transportation Security Agency to raise airport security. However, Russians expressed their criticism regarding lack of reciprocity in the information sharing. Isakova mentions that Russia had provided vital intelligence data on Afghanistan to United States; while the CIA was providing their Russian counterparts just basic data and accountability of known facts. The Russian side was disappointed with such disproportionate cooperation.

In February 2006, the USA designated three Russian organizations as terrorist bodies on the demand of Russia. They were the Special Purpose Islamic Regiment, which carried out Dubrovka Theatre attack (2002), the Riyadus-Salikhin Recon-naissance and Sabotage Battalion of Chechen Martyrs which carried out Beslan School Attack (2004) and the Islamic International Peacekeeping Brigade (IIPB), which operates in North Caucasus and whose Arab leaders are the main channel for Islamic funding of the Chechen Guerrillas.

In January 2009, Barack Obama was inaugurated as the president of the USA. In July 2009, he visited Moscow; he had meetings with President Medvedev and Prime Minister Putin. Speaking at the New School of Economics Obama told that, "America wants a strong, peaceful and prosperous Russia. This belief is rooted in our respect for the Russian people, and a shared history between our nations that goes beyond competition" [11]. In March 2010, the United States and Russia reached an agreement to reduce their accumulation of nuclear weapons. On April 8, 2010 the new nuclear arms reduction treaty, which was called the New START was signed by President Obama and President Medvedev. This agreement reduced the number of long-range nuclear weapons held by each country to around 1,500 from 1,700–2,200 set by the Moscow Treaty of 2002 [12]. The 1991 Strategic Arms Reduction Treaty which expired in December 2009 was replaced by the New START.

In March 2012, Vladimir Putin was re-elected as the President of Russia for the third term. In September 2013, the United States and Russia made an agreement that placed Syria's chemical weapons under international control with successive annihilation. It was enshrined in the UNSC Resolution 2118 at its 7038th meeting on 27 September 2013 [13]. In July 2014, the U.S.government officially accused Russia of having breached the 1987 Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty by testing a banned medium-range ground-launched cruise missile (probably R-500, a modification of

Iskander) [14]. The U.S. were also concerned by the test-firing in 2014 of the Russian RS-26 Rubezh Intercontinental Ballistic Missile which was capable of evading the existing anti-ballistic missile defenses. In June 2015, the U.S. State Department reported that Russia has failed to correct the violation of the I.N.F. Treaty [15]. Since then the Russia-US relation have been deteriorating with every passing day. The Russia's annexation of Crimea in March 2014 added more fuel to the fire. Due to the Ukraine crisis, the relations between Russia and the U.S. are at their worst since the end of the Cold War.

In November 2016, Donald Trump was elected as the president of the USA. Putin and Trump met at G-20 summit in Hamburg, Germany in July 2017. Trump confronted Putin about tampering the 2016 US elections, but Putin denied Russia's involvement. Apart from this, both leaders discussed counterterrorism, cybercrimes, Syria, Ukraine, etc. As a result, both countries even announced a ceasefire in southern Syria. In December 2017, the CIA informed Russia about terrorists who were planning the explosion in St. Petersburg [16]. The attackers intended to detonate usually overcrowded sites including the Kazan Cathedral. Vladimir Putin expressed his gratitude to the CIA, and the Russian FSB agents found explosives and weapons and the suspects were taken into custody. The U.S. missile strike on Syria in April 2018 led to a dramatic rift between the two countries. Russia condemned U.S. for its actions against Syria. After the attack the Kremlin decided to suspend the 2015 memorandum of understanding on the air operations. Under the agreement, the two countries have traded information about flights by US-led coalition targeting the Islamic State and Russian planes functioning in Syria in support of the Assad government. The Defense Ministry reported that Moscow was taking this action, because it regarded the U.S. strike on Syria "as a grave violation of the memorandum." President Putin believed that "the American strikes against Syria are an aggression against a sovereign government in violations of the norms of international law, and under a far-fetched pretext".

Conclusion

To conclude we can say that although at present the relations between Russia and America are at their lowest, certain steps could be taken by the governments to improve them. At the moment, the ISIS remains a major problem for all parties involved in Syria and Iraq. If possible, the U.S. and Russia should coordinate air strikes against the ISIS to prevent collisions and aerial accidents while also maximizing the air strikes' effectiveness. Establishing a joint task force explicitly to target designated extremist groups with agreed-upon rules of engagement could more effectively disrupt those

groups. Coordination would require the selective sharing of intelligence related to the ISIS and groups like Jabhat Fateh al-Sham, which would build trust and increase the efficiency of both countries' air campaigns.

Cooperation between Russia and the U.S. will be prolific for both countries. Even slight changes in their relations influence the whole world. During the last war in Afghanistan, their cooperation brought positive results not only to themselves but also to the international community. In co-operation both countries can successfully deal with any terrorist organization like the ISIS, as both of them are technologically advanced and economically strong.

Thus, cooperation between the United States and Russia will be fruitful for both countries and the world community. They can use their technology, intelligence and armed forces in countering terrorism. Moreover, cooperation between the U.S. and Russia can bring positive changes in general struggle against terrorism and attain a peaceful global order.

References

1. Hoffman B. *Inside Terrorism*. New York, Colombia University Press, 1998, pp. 14–20.
2. Kuznetsov A., Kuznetsov V.M. The Legal Definition of Terrorism in the United States and Russia. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 28, no. 1, pp. 132–133.
3. United Nations. Measures to eliminate international terrorism. *Report of the Sixth Committee*. Available at: <http://www.un.org/law/cod/terroris.htm> (accessed: 01.06. 2018).
4. Misra A. *Security in New Russia*. New Delhi, Kalpaz Publications, 2006.
5. Graham T., Saradzhyan S. ISIS Worst Nightmare: The U.S. and Russia Teaming Up On Terrorism. Available at: <http://nationalinterest.org/feature/isis-worst-nightmare-the-us-russia-teaming-terrorism-12216?page=2> (accessed: 01.06.2018).
6. Stepanova E. How and Why the United States and Russia Can Cooperate on Terrorism, 2016. Available at: <http://www.ponarseurasia.org/memo/how-and-why-united-states-and-russia-can-cooperate-terrorism> (accessed: 05.06.2018).
7. Rozin I. Russia Direct releases a new monthly report on U.S.-Russian counter-terrorism collaboration, 2014. Available at: https://www.rbth.com/news/2014/09/04/russia_direct_releases_a_new_monthly_report_on_us-russian_counter-terror_39563.html (accessed: 05.06.2018).
8. Antonenko O. Putin's Gamble. *Survival*, 2001, vol. 43, no. 4, p. 50.
9. Tsyarkin M. Russia's Military and Operation Enduring Freedom. *Strategic Insights*, 2002, vol. 1, no. 1. Available at: <https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/11389/russia.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 05.06.2018).
10. The Treaty of Moscow. July 2002. Available at: <http://www.nti.org/analysis/articles/treaty-moscow/> (accessed: 05.06.2018).
11. Obama: U.S.wants strong, peaceful Russia, 2009. Available at: <http://edition.cnn.com/2009/POLITICS/07/07/obama.moscow/index.html> (accessed: 10.06.2018).

12. Woolf A. The New START Treaty: Central Limits and Key Provisions, 2018. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41219.pdf> (accessed: 10.06.2018).
13. Security Council Requires Scheduled Destruction of Syria's Chemical Weapons, Unanimously Adopting Resolution 2118. Available at: <https://www.un.org/press/en/2013/sc11135.doc.htm> (accessed: 11.06.2018).
14. The Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty at a Glance. Available at: <https://www.armscontrol.org/factsheets/INFtreaty> (accessed: 11.06.2018).
15. Tennis M. U. S.-Russian Arms Control At Risk: An Assessment and Path Forward. Available at: <https://www.armscontrol.org/policy-white-papers/2018-01/us-russian-arms-control-risk-assessment-path-forward> (accessed: 11.06.2018).
16. Kramer A. C. I. A. Helped Thwart Terrorist Attack in Russia, Kremlin Says. *The New York Times*, 2017, December 17. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/12/17/world/europe/putin-trump-cia-terrorism.html> (accessed: 11.06.2018).

УДК 327

CHANGING FACE OF RUSSIA-US RELATIONS IN THE XXI CENTURY

Sania Makna

The history of Russia — U.S. relations started since 1776 which took many turning points. During the Cold war era, association and cooperation between the both countries touched the low bottom. The break-up of Soviet Union ended the Cold War era and established U.S. as a major global player in the world. The dissolution of USSR not only changed U.S. — Russia relation but also changed world scenario as new power blocs emerged and the world turned from politically bi-polar to multi-polar. From 1991–1999, during President Yeltsin's era relations between the two states were warm and moderate. The relations got strained since 1999 after various crises such as invasion of Iraq, Ukrainian crisis, Russia's annexation of Crimea in 2014, Rose revolution in Georgia. U.S. efforts to gain access to Central Asian oil and gas hiked the hostility between two powers as Russia considered them potentially hostile encroachment to Russia's geographic and domestic sphere of influence. The recent Syrian crisis further worsened the U.S. — Russian relations due to their ideological differences in handling the crisis. Presently, new challenges have emerged in the world such as terrorism, climate change, border security issues, cyber security, internal conflicts, which can pose threat to any country in the world; therefore, cooperation is the only solution to such growing global challenges. Russia and U.S. differences had various serious consequences in the history of world politics, thus, their cooperation can be of great benefits to the global issues as their relation is quiet influential for the world politics.

Keywords: Ukrainian crisis, Georgia war, Cyber security, terrorism, climate change.

Makna Sania — PhD, Research scholar, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, New Mehraouli Road, 110067, India.

Introduction

Until 20th century, relations between Russia and the USA had been mostly quite moderate, warm, friendly and productive. There was no form of containment; the U.S. didn't interfere in the Russian politics. Relations between the two powers deteriorated some two decades after with the establishment of communist regime. The history of Russia — U.S. relation, started in late 18th century and since that time their relation has witnessed many turning points. During the Cold War era, association and cooperation between both the countries touched the low bottom. The collapse of the Soviet Union, and the end of the Cold War era established the U.S. as a major global player in the world. The dissolution of the USSR had not only changed the pattern of the U.S.-Russia relations but also changed the world balance of power as new power blocs emerged and the world turned from politically bipolar to multipolar. In the 1990's, during Boris Yeltsin's presidency, the relations between two countries were warm and moderate. They got strained after 1999 due to various crises such as the invasion of Iraq, Ukrainian crisis, Russia's annexation of Crimea in 2014, Rose revolution in Georgia. The U.S. efforts to gain access to the Central Asian oil and gas led to certain tensions between two powers as Russia considered these efforts as potential hostile encroachment to Russia's geographic and domestic sphere of influence. The recent Syrian crisis further worsened the U.S.-Russian relations due to their ideological differences in handling the Syrian crisis. Presently, new challenges have emerged in the world such as terrorism, climate change, border security issues, internal conflicts, which can pose threat to any country in the world; therefore, cooperation is the only solution to such growing global challenges. Differences between Russia and the USA had various serious consequences in the history of world politics, thus, their cooperation can be of great benefits to the global issues as their relations influence the world politics greatly.

Russia — U.S. relations before 21st century

Historical evolution of relations between Russia and the United States goes back to 18th century when Russia was an absolutist monarchy under the rule of Catherine II and the U.S. was just a loose cluster of 13 colonies under King George III of Britain. At that time, Russia and the USA were hardly known to each other, had no physical connections as they were geographically distant [1]. America was in revolt against Britain for her freedom, whereby, she needed some strong ally to counter Britain, France and Spain. Russia, at that time was a great enough power to counter these three

empires. The revolution in America against the British rule laid the basis for the Russia — U. S. cooperation against British naval expansion. Russia supported America for freedom of the seas and the sea trade. She also sought to create balance of power in Europe [2]. Another incident reflecting the friendship and commerce between both countries was Alaska Agreement during the rule of Alexander II. Russia sold Alaska to America in 1867 due to various reasons, such as her weakened position after the Crimean war, increasing losses of profits of the Russian-American Company established by both countries to have hold in the Pacific and financial burden for maintaining its presence there, the need to counter the British expansion towards Alaska, etc. Similarly, America wanted to expand its hold in the Pacific in order to foster the Asian trade and confine the British presence in the region [2]. Thus, bilateral relations during this period were based on national and political interests of both countries and had cooperative nature. The national interests of both countries led them to cooperation so that balance of power can be maintained.

The Russian Revolution of 1917 marked the end of the tsarist period and brought drastic changes in the Russian administration. The relations between Russia and America in this era shifted from national interest-based to ideology-based. Until 1933, the U.S. did not accept Russia as an independent and powerful actor of international relations due to its Socialist and communist ideology, whereas America itself adopted Capitalist ideology and propagated freedom of individuals and democratic values. The division between the capitalist and socialist ideology led bilateral relations into mistrust and conflict. The ideological war between the two countries resulted in the Cold War and later in the disintegration of the Soviet Union. The relations became so cold that even the public opinion of both nations turned against each other [3]. During the 19th century, relations between Russia and the USA were determined by the national interests but by 20th century, ideology became the main conflict zone where Russia and America had created fissure in their diplomatic relations. Moreover, with the rapid industrial development, the United States became economically strong and shaped her interests in a broader perspective. The shift in the American interests led this country to seek new partners to achieve more economic and political interests' enhanced drift among Russian-American relations during the Cold War period. In order to maintain power in the international arena both countries had been constantly raising their military and nuclear expenditures rather than improving their relations.

Russia and U. S. in the 21st century

The end of the Cold War resulted in dissolution of Soviet Union and emergence of a unipolar world. The collapse of the Soviet Union in 1991 made the U. S. a major and the only power in the international sphere. America considered herself a hegemonic power who won over communism. According to America, with the dissolution of Soviet Union, the United States has won the Cold War and developed a new world order with the only existing power i. e. America [4]. The Soviet breakup arose various questions among the policy makers and political elites of Russia and the United States regarding the new political set up of Russia. Immediately after Soviet breakup, the U. S. moved ahead to create new political and economic structures based on the ideas of western democracy in Russia. Russia had different perception of the course of its development after the collapse of the USSR. According to Russia, the Cold War ended on mutual agreement because Russia didn't want any further tensions. It also considered herself a winner of the Cold War as it ended peacefully [5]. Thus, the end of the Cold War has never stopped neither the internal tensions between Russia and America, nor the problem of status quo and ego. Russia has never accepted the United States as the only world power and considered the world to be multi-polar and herself — an independent power.

During 1990's, Russia had been witnessing extremely hard times. She wanted to maintain its independence in the world, but had to cooperate with the United States. President Putin also cooperated with the U. S. in combating terrorist activities in Afghanistan. He also tried to build partnership with America before and after 9/11 attack on World Trade Centre. He hoped for a positive partnership which would include Russia into Western-centric community and the decisionmaking process. For this purpose, the NATO-Russia Council was established where Russia became an informal member of NATO. It provided her the decision-making power on the majority of issues related to collective defense moving from NATO to the NRC [6]. However, the Bush administration failed to cooperate with Russia due to its hegemonic and unilateral approach that was earlier reflected in Yugoslavian crisis and intervention in Iraq where Russia was not consulted and neglected in the decision-making process. This made President Putin develop harsh policy against the U. S. as Russia could not tolerate the NATO expansion in its sphere of influence.

The tensions among both countries further accentuated when the U. S. tried to promote Ukraine and Georgia membership in NATO. The expansion of NATO to these regions meant entering Russia's sphere and breaking earlier agreements between Clinton and Yeltsin. These developments eventually led

to the Ukrainian crisis of 2014 which was considered the major setback in the Russia-US relations. Ukraine is strategically of huge importance to Russia; its accession to NATO will be a direct threat to Russia's political, economic and military security. The southern and eastern parts of Ukraine have Russian-speaking population which traditionally supports pro-Russian candidates at any level of power [7]. The Ukrainian crisis of 2013, when Ukraine population in Kiev rose against the regime of President Viktor Yanukovich for not entering the EU-Ukraine association agreement which could open doors for trade, economy caused a huge unrest in Ukraine. The government took serious measures to shut down the protests. The whole situation was propagated in international media by criticizing the government actions and this situation created concerns for Russia as Ukraine was a bordering nation and had a Russian speaking population [8]. Moreover, Russia had its naval military base in the Black Sea (the city of Sevastopol is the only ice-free port of Russia which is a transport corridor to Europe, Baltic and Middle East); therefore, any intervention in Ukraine will affect its security. The U. S. tried to extend its support to Ukraine through NATO and helped Ukraine in creating pro-western democratic government. The coming of a pro-western government posed a threat to Russian military and naval bases as well as it will pose threat to its transport corridor to Europe, the Baltic States and the Middle East. Political unrest in Ukraine led to the war in the Eastern Ukraine, separatist movement emerged demanding independence from Ukraine. All such incidents led to the annexation of Crimea and Sevastopol in 2014 by Russia through the referendum, where the population of Crimea voted in favor of uniting with Russia [9].

The Ukrainian Crisis and annexation of Crimea is defined by some scholars as Russia's aggressive response to the West. The promotion of Western democracy in Ukraine or other former Soviet countries is a challenge to Russia's authority and security interests. President Putin has described it many times as a serious threat to Russia's security. Russia has historical claims for the Crimea as it was annexed by Russia in 1783 and is considered a historical part of the country [10].

Similarly, the U.S. promoted color revolutions in other former Soviet states such as Georgia and Kyrgyzstan to establish political systems based on Western democratic principles. The U. S. has always been trying to extend its role in the post-Soviet space through NATO expansion towards traditional spheres of Russia's influence. Russia's main concern is to stop the U. S. from this breaking into its sphere of influence. Russia has deployed its military forces in Ukraine and Georgia to keep check on any internal disturbance to Russian population of the region. The Russian army also supports separatist movements in Ukraine [11].

Another factor which further worsened the U.S.-Russia relations is the Syrian crisis. It also has ideological context as Russia supports the Assad government in Syria to make Syrian civil war stable, whereas U.S. supports individual freedom, democracy in Syria against the Assad regime. President Putin simply wants to have stable relations with post-Soviet states to maintain its economic, military and political strength. Therefore, Russia cannot afford NATO and EU's expansion in nearby regions or allied countries. Syria was a good ally of Russia during Soviet time and presently Russia has its naval base and port Tartus in Syria. So for Russia, Syria is of strategic importance to build relations with Middle East region to develop its economy [12].

Thus, the series of incidents in the post-Soviet space indicates that Russia-US relations lack trust and cooperation; both blame each other for one or the other thing and see each other's activities as threats to their security. According to political and military establishment in Washington, Russia is seen as a threat to the U.S. security, mentioned in the National Security Strategy (NSS) and National Defense Strategy (NDS) recent publication.

The NSS visualize Russia as a 'revisionist power'. On the other hand, NDS considers the USA as 'strategic competitor' of Kremlin. Both consider Moscow as a challenge to the U.S. Western-led, rules-based international order and Russia's warfare policies as aiming at disrupting the Western democracies. Their sources report that Russia was not afraid to take military action when it felt challenged or perceived a potential geopolitical loss — such as in Georgia, Ukraine and Syria. The U.S. claims that Russia tried to destroy democracies through the use of social media in other countries and consider west as her permanent enemy. It also blames Russia for hacking the U.S. elections [13].

The United States has recently tried to pose economic sanctions on Russia, whereby seven top officials, 17 oligarchs, 12 companies were under sanctions. The sanctions had deep effect on the economy and ruble value of Russia due to the pressure exerted on bonds and Russia's currency. Alexander Shoshin, the chairman of the Russian business association RSPB warned that if this remained and occurred constantly, then this was going to be 'economic warfare'. Not only targeted individuals and their companies are the ones suffering from the latest U.S. sanctions; other corporations and banks are under the same pressure. For example, the stock losses are hitting Sberbank, Russia's largest bank. Meanwhile, the government has claimed that the situation is under control and promised financial assistance to the victims [14]. The USA took these measures against Russia for its backing of Syrian government's alleged use of chemical weapons and poisoning of former British double agent Sergei Skripal. The proposed sanctions follow

U. S.-led airstrikes against Syria's chemical weapons capability, and President Trump said that it would be a lesson for Assad and Moscow [15].

The recent sanctions have been mostly imposed on Putin's close associates to counter Putin indirectly. For instance, a large number of senior officials and oligarchs who are close to Vladimir Putin were first to face sanctions. The sanctions were imposed the week after more than 20 western countries expelled over 150 Russian diplomats after the Skripal affair. Russia denies this allegation and Putin is taking these things seriously which one can see in further drift between U. S. — Russia relations in the future. President Putin is not going to forgive the U. S. these accusations[16]. Thus, it is observed that if USA would continue this kind of approach towards Russia, their relations are going to relegate further instead of improving. President Trump has invited President Putin to the U. S. but it is yet to be seen how fruitful this meeting could be.

Conclusion

The relations between Russia and the U.S. until the 20th century were based on national interests and were moderate, commercial, and warm according to the needs of the time. With the passage of time, as America's economy grew with rapid industrialization, her interests grew and shifted towards many new players. This became the beginning of drift between Russia — U. S. relations as America desired to create its hegemony everywhere in the world by imposing its values in other states. The Russian revolution of 1917 and evolution of the Soviet Union posed a direct challenge to the U. S. ideology of capitalism and Western democracy. The 20th century witnessed a severe ideological war between capitalism and communism, between Russia and America. This was the Cold War. The Cold war was the main cause of the Soviet disintegration in 1991 as most of the expenses were spent on defensive purposes which led the Russian economy collapse. The end of the Cold War and the collapse of the Soviet Union did not cool the tensions in the U. S.-Russia relations; rather they got worsened. The end of the Cold War is something beyond status quo, ideological war, balance of power; it is now more about the mutual lack of trust and the U. S. hegemony which it doesn't want to lose.

Nowadays the world is facing many global challenges such as terrorism, environmental problems, energy crisis, nuclear issues, etc. which are to be dealt in cooperation and by peaceful measures. Being the global powers of the world Russia and the U. S. can play major role in building policies fruitful to the world as even today any tension in their relations become the hotspot of media, scholars, people, policy makers. Thus, they influ-

ence the world politics greatly; therefore both of them should unite to face the global challenges so that we can move towards better and progressive world. This can only be achieved if the U.S. supports Russia in building its economy and trade. The U.S. should curtail it from entering into Russia's regional sphere of influence as it poses challenge to Russia's security and Soviet legacy. Russia wants to revive its economy with building up relations with its neighbors and former Soviet republics; instead of deepening the division the U.S. could provide Russia and its neighbors financial support to build their economy together with Russia. Russia only wants cooperation on an equal footing with the West and seeks respect for its legitimate security concerns from the West.

Therefore, the West should look more optimistically towards Russia. Both countries should employ skilled policy makers and arrange meetings to enhance faithful relations with each other. They can also promote student exchange programs, people to people exchange through tourism, social media etc, so that public opinion can also be modified and in turn it will reflect in political relationships. Being permanent members of the United Nations, these countries' decisions influence major political events, thus, their cooperation matters a lot to the world. The tensions between Russia and the U.S. had created chaos in the world politics; if their tensions can create such effects, imagine what positive and fruitful results their friendship could bring to the world!

References

1. Minkova K. V., Polinova U. A. The image of Russia in the American society, XVIII–XIX c. pp. 305–311. *Europe, Russia, Asia: Cooperation, Contradictions, Conflicts. Proceedings of International Conference, 20–21 April, 2017*. Ed. by I. Erlikson et al. Rus. Ed. Ryazan, Ryazan State University, 2017. (In Russian)
2. Ziegler C. Russian-American Relations: From Tsarism to Putin. *International Politics*, 2014, vol. 51, no. 6, pp. 675–685. DOI: 10.1057/ip.2014.32
3. Minkova K. V. Cooperation with the Soviet Union in the U.S. public opinion, 1941–1947. *Foreign Policy Interests of Russia: History and Contemporary period: Proceedings of the V International Conference*, pp. 121–128. Ed. by A. I. Skvoznikov. Samara, Samara Humanitarian Academy, 2018. 290 p.
4. Wallender C. Russian — U.S. Relations in the Post Cold War World. *PO-NARS Policy Memo 70*, 1999. Available at: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pm_0070.pdf. pp. 2–5. (accessed: 01.12.2019).
5. Suslov S. *The Russian Perception of the Post-Cold War Era and Relations with the West*. Harriman Institute, Columbia University, 2016, pp. 2–7. Available at: https://www.sant.ox.ac.uk/sites/default/files/university-consortium/files/suslov_harriman_lecture_on_post-cold_war_era.pdf (accessed 1.12.2019).

6. Sauer T. The origins of the Ukraine Crisis and the need for collective Security between Russia and the West. *Global policy*, 2017, vol. 8, issue 1, pp. 82–91. DOI: 10.1111/1758-5899.12374

7. Klotz M. Russia and the Ukrainian Crisis: A Multiperspective Analysis of Russian Behaviour, by taking into account NATO's and EU's enlargement. *Croatian International Relations Review*, 2017, XXIII (80), pp. 259–287. DOI 10.1515/cirr-2017-0028

8. Anthony R. The Ukrainian Crisis; A Disputed Past and Present. *Policy Brief*, May 2014, pp. 4–8. Available at: https://iop.harvard.edu/sites/default/files_new/research-policy-papers/NatsecUkraine2014.pdf (accessed: 01.12.2019).

9. Bebler A. The Russian — Ukrainian Conflict Over Crimea. *Romanian Journal of European Affairs*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 35–54.

10. Trenin D. The Ukrainian Crisis and the Resumption of Great Power Rivalry, Carnegie Moscow Center, 2014. Available at: https://carnegieendowment.org/files/ukraine_great_power_rivalry2014.pdf (accessed: 1.12.2019).

11. Pallin C.V., Westerlund F. *Russia's War in Georgia: Lessons and Consequences, Small Wars and Insurgencies*, 2009, vol. 20, no. 2, pp. 400–424. DOI: 10.1080/09592310902975539

12. How the Syria Strikes affect the U.S. — Russia Relations. *NPR*. 2018. Available at: <http://www.npr.org/2018/04/15/602605292/how-the-syria-strikes-affect-us-russia-relations> (accessed: 12.06.2018).

13. Mathieu B. The U.S. — Russia Relationship is likely to deteriorate further in 2018. *Chatham House*, 2018. Available at: <http://www.Chathamhouse.org/expert/comment/us-russia-relationship-likely-to-deteriorate-further-2018> (accessed: 14.06.2018).

14. Russia Suffering under New Sanctions. *Deutsche Welle*, 2018, April 10. Available at: <http://www.dw.com/en/russia-suffering-under-new-us-sanctions/a-43331320> (accessed: 30.05.2018).

15. Baker P. Trump to Impose New Sanctions on Russia over Support for Syria. *The New York Times*, 2018, April 15. Available at: <http://www.nytimes.com/2018/04/15/US/politics/trump-russia-sanctions-syria.html> (accessed: 02.06. 2018).

16. Krishnadev C. American Sanctions are getting closer to Putin. *The Atlantic*, 2018, April 6. Available at: <http://www.theatlantic.com/internationalarchive/2018/04/russia-sanctions/557411> (accessed: 05.06.2018).

Раздел V

РОССИЯ И США ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 327

МЕКСИКА: ВЫЗОВ СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ?

Б. А. Ширяев

При анализе трендов государственного развития и межстрановых отношений современными исследователями часто не учитывается культурно-цивилизационный фактор. На протяжении всей своей истории Мексика испытывала на себе политическое, экономическое и военное давление со стороны Соединенных Штатов. Однако сейчас ситуация меняется. Демографические тенденции в самой Мексике, а в особенности существенная миграция мексиканского населения в США способны бросить вызов Вашингтону. Пытаясь заглянуть в отдаленное будущее, автор статьи предсказывает не только изменения в соотношении сил этих двух гигантов Западного полушария, но и возможные проблемы сепаратизма в Соединенных Штатах, обусловленные притоком мексиканского населения.

Ключевые слова: США, Мексика, миграция, культура, цивилизация, сепаратизм.

IS MEXICO A CHALLENGE FOR THE USA?

B. Shiriaev

When analyzing trends in state development and international relations, modern researchers often do not take into account the cultural and civilizational factor. Throughout its history, Mexico has experienced political, economic and military pressure from the United States. But now the situation is changing. Demographic trends in Mexico itself, and in particular the substantial migration of the Mexican population to the United States and its uneven distribution over the territory of the latter, can challenge Washington. Trying to look into the distant future, the author predicts not only the changes in the balance of power of these two giants of the Western Hemisphere, but even possible problems of separatism in the United States, caused by the influx of Mexican population.

Keywords: USA, Mexico, migration, culture, civilization, separatism.

Ширяев Борис Анатольевич — д-р ист. наук, проф. кафедры американских исследований СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Shiriaev Boris — PhD (History), Professor, American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Бедная Мексика! Как она далеко от Бога
и как близко от Соединенных Штатов!

П. Диас, президент Мексики (1884–1911)

Известный американский дипломат Г. Киссинджер как-то заметил, что Европа всегда жила в страхе по соседству с агрессивной Россией. Иное дело США, соседям которых не было необходимости опасаться сильного, но доброжелательного соседа. Г. Киссинджер — выпускник Гарвардского университета, но почему-то он имеет смутное представление об истории или лукавит. Впрочем, и то и другое свойственно многим американским дипломатам и политикам.

Историческая же реальность такова. США дважды пытались аннексировать Канаду: первый раз во время войны за независимость, второй — во время англо-американской войны 1812 г., которую США начали с явным намерением присоединить канадские территории. Несмотря на провал этих двух силовых попыток, США сумели в последующем интегрировать Канаду в свое экономическое, культурное и политическое поле.

Еще до появления Мексики как государства в политических кругах Америки вынашивались обширные планы в отношении ее территории. В первые годы независимости в США активно обсуждались проекты создания обширной Американской атлантической империи, которая должна была простираться «от ледяных пустынь Ньюфаундленда до тропических лесов Гватемалы». По замыслу адептов этого проекта Америка должна была представлять собой гигантскую торговую империю, огромной дугой охватывающую Восточное побережье США и побережье Мексиканского залива.

Однако в США победила другая точка зрения, сторонники которой видели будущее страны в экспансии на Дикий Запад. Одной из жертв этой экспансии стала Мексика, от которой Соединенные Штаты Америки отторгли 70 % территории — нынешние юго-западные штаты. Затем имела место военная интервенция, прямое вмешательство США в гражданскую войну в Мексике в 1916 г. В 1930-е годы Соединенные Штаты Америки активно стремились сместить президента Мексики Карденаса, который вознамерился проводить политику национализации нефтяных недр. И только начавшаяся Вторая мировая война положила конец этим попыткам.

В конце XX — начале XXI в. мы наблюдаем иную картину: начинает активно подниматься своеобразная волна давления Мексики на Соединенные Штаты. Страны поменялись местами, и теперь уже Мексика представляет серьезный вызов для США. Речь идет, конечно, не

о каком-то экономическом или политическом давлении; этот вызов носит культурно-цивилизационный характер, которому не способны противостоять ни военная мощь, ни экономический потенциал.

В наше время широкое распространение получили различные прогностические концепции, авторы которых пытаются заглянуть в ближайшее и отдаленное будущее. В этих концепциях анализируются темпы экономического роста, объемы ВВП, военная мощь, формы правления, природные ресурсы, уровень развития современных технологий и т. д. На периферии этих анализов остаются не то что незамечаемые, но находящиеся как-то в тени и, вероятно, самые существенные явления, имеющие отношение к будущему, — это этнокультурные и цивилизационные процессы, набирающие силу в наиболее важных для мировой стабильности регионах.

В свое время грозный Рим, имея могучие многочисленные легионы, высокие по тем временам технологии, совершенную политическую и государственную организацию, не мог противостоять, казалось бы, слабо вооруженному и плохо организованному давлению со стороны варварских племен, которые были носителями иной цивилизации. Главная причина состояла в том, что Римская цивилизация на последних стадиях своего существования была поражена неизлечимыми внутренними недугами. Среди них самые разрушительные — падение общественной морали и нежелание когда-то гордых римлян быть воинами и сражаться во имя идеалов великой империи. Они все больше перекладывали тяготы военной службы на плечи наемников из числа варваров, селившихся на границах империи и сыгравших в конечном итоге в ее судьбе роковую роль.

Конечно, любые аналогии всегда хромают. Но нечто подобное мы можем наблюдать и в современном мире. Одним из таких регионов, в котором с большой вероятностью следует ожидать серьезных цивилизационных потрясений, может стать Северная Америка, и стержнем грядущих перемен является мексиканский фактор.

Увлечшись реализацией Большой стратегии (Grand strategy) в борьбе с вымышленными врагами и погоней за химерами мировой гегемонии, Америка «просмотрела» реальную опасность, которая находится рядом, под боком, и которая представляет серьезный вызов англосаксонской исключительности. Самая большая угроза со стороны Мексики — это культурно-цивилизационный фактор. На территории США формируется не просто пространство с другим этносом, но другая цивилизационная общность, которая не приемлет духовной атмосферы современной Америки. Речь идет о процессах и явлениях, не только ставших привычной моральной нормой, но об-

ретающих силу закона в Соединенных Штатах. Эти явления противоречат христианским нормам и канонам христианской религии, и для большинства мексиканцев, воспитанных в католических традициях, они являются враждебными и неприемлемыми.

Речь идет прежде всего о семейных ценностях. В англосаксонской Америке семья как институт находится в состоянии упадка, семейные ценности стремительно деградируют. Дело не только в моральной деградации. Однополые браки, набирающие популярность, мораль «семья без детей» (child-free family) — это удар по воспроизводству англосаксонского социума. Нет сомнения, что Америка стоит перед лицом морально-нравственного и цивилизационного раскола, и в этой гипотетически грядущей, но вполне реальной ситуации Мексика сыграет очень важную, если не решающую роль.

Мексика будет «поглощать» Соединенные Штаты вследствие следующих факторов:

Демографический фактор. Хотя Соединенные Штаты сегодня являются единственной из высокоразвитых стран, где наблюдается рост населения, этот рост происходит за счет притока мигрантов. Следует ожидать, что этот приток постепенно будет ослабевать, но потребность в рабочей силе его стимулирует. Мексика — одна из тех стран, где стремительно и стабильно растет население. В 1950 г. в этой стране насчитывалось 27 млн жителей, в начале XXI в. — уже 110 млн. Для избыточной рабочей силы и избыточного населения Мексики есть один выход — эмиграция в США.

Неконтролируемый приток мигрантов из Мексики порождает время от времени в США острые дебаты. Однако эти дебаты не сопровождаются реальными действиями, ибо потребность в дешевой, бесправной рабочей силе в Соединенных Штатах Америки постоянно растет. Неконтролируемая нелегальная миграция выгодна значительным секторам американского бизнеса, так как мексиканцы используются на тяжелой низкооплачиваемой работе, которую не хотят выполнять «коренные» американцы. Похожая ситуация имела место примерно триста лет тому назад, когда в погоне за высокой прибылью американцы стали ввозить массы рабов из Африки. Последствия этого процесса хорошо известны.

В силу различия культур, менталитета, религиозных традиций мексиканские общины не интегрируются в американское общество. Они становятся все более обособленной частью страны со своими правилами, нормами и законами.

Мексиканская община все более усиливает политическое влияние в стране. Регионы с преобладающим мексиканским населением будут

выбирать своих представителей в Конгресс, законодательные собрания штатов, и эти представители будут отстаивать интересы не штатов или округов, а прежде всего мексиканского населения.

Увеличение влияния и рост мексиканской диаспоры, расширение территории ее обитания ставят под угрозу территориальную целостность Соединенных Штатов.

Мы являемся свидетелями жестокой иронии истории, которая время от времени любит беспощадно пошутить. Многие десятилетия Соединенные Штаты Америки стремились поглотить Мексику, и теперь мы наблюдаем обратный процесс: Мексика постепенно начинает поглощать обширные регионы Соединенных Штатов.

По всем имеющимся прогнозам, мексиканская диаспора в США будет расти стремительно. В отличие от других групп иммигрантов, мексиканцы не отделены от своей родины расстояниями и океанами. Перебравшись в США, они сохраняют тесные экономические, социальные и семейные связи со своей родиной, что ведет к формированию специфического этнокультурного региона, способного оказать существенное влияние на будущее страны.

Уже сегодня государственная граница между Мексикой и США не соответствует этнической границе. Последняя стремительно смещается к северу, и американские пограничные территории фактически превращаются в северные окраины Мексики. Сформировалась обширная зона от Калифорнии до Мексиканского залива, внутри которой число мексиканцев колеблется от 15 до 100%. И в культурном, и в социальном, и в эмоциональном отношениях многие участки этого обширного региона рассматриваются населением как мексиканская территория. Тем более что все эти территории входили когда-то в состав Мексики, и живущие на них переселенцы с юга считают себя не эмигрантами, а мексиканцами, живущими на территории, находящейся сегодня в пределах Соединенных Штатов. К тому же северная граница рассматривается этими переселенцами как незаконная и насильственно навязанная более сильным соседом.

Если жители упомянутых регионов будут рассматривать эти территории как оккупированные чужой страной, то вполне вероятно зарождение движения за воссоединение отторгнутых некогда территорий, что может привести к возникновению сепаратистских настроений. Если мексиканцы будут рассматривать себя как другую нацию, живущую на территории США, это делает возможным создание Мексиканской партии (Partido mexicano). Развитие ситуации в подобном направлении неизбежно приведет к росту антимексиканских настроений в США и, соответственно, антиамериканским настроениям

в Мексике, к радикализации политического климата по обе стороны границы.

Как предполагают многие аналитики, английский язык и англосаксонские протестантские традиции через несколько десятилетий не будут доминировать на значительной части территории страны. Вполне возможно, что в Соединенных Штатах утвердится этнокультурный дуализм. Можно предположить несколько вариантов развития ситуации. В США сформируется обособленная этническая общность, и Америка получит или свой Квебек, или свою Каталонию. Движение мексиканцев за автономию может привести к повторению Косовского варианта, т. е. образованию государства Новая Мексика на юго-западе Соединенных Штатов. Или же в случае крайнего обострения настроений по обе стороны границы на юго-западе США возникнет движение за воссоединение этих территорий с Мексикой, т. е. движение реванша за поражение в американо-мексиканской войне.

Независимо от развития событий по тому или иному сценарию можно со значительной долей уверенности утверждать, что Соединенные Штаты Америки столкнутся с угрозой цивилизационной идентичности и территориальной целостности. Более того, следует принимать во внимание и рост экономического потенциала Мексики. Уже сегодня Мексика занимает пятнадцатое место в мире по уровню ВВП, и есть основания считать, что в ближайшие десятилетия страна займет по этим показателям место в десятке самых развитых государств. Многие эксперты соглашаются в том, что к середине XXI в. Мексика будет самой сильной экономической державой в Латинской Америке. При поддержке других стран Латинской Америки она может бросить вызов американскому доминированию в Северной Америке, что, безусловно, приведет к серьезному перераспределению влияния между глобальными центрами силы.

Учитывая процессы взаимоотношений между Мексикой и Соединенными Штатами, мы должны уделять самое пристальное внимание цивилизационным процессам, набирающим силу в стратегически важных регионах земного шара. Северная Америка, безусловно, относится к числу таких регионов. Возможные цивилизационные повороты в судьбах Северной Америки окажут свое воздействие на ситуацию в других стратегически значимых для глобального равновесия регионах, таких как Европа, Ближний Восток, Дальний Восток. Следует ожидать также, что в этих регионах могут произойти серьезные изменения этноцивилизационных ландшафтов.

Мексиканский фактор, вполне вероятно, может послужить толчком для начала мощных тектонических процессов на североамери-

канском континенте. Вырисовываются следующие контуры возможных конфигураций: на юго-западе Соединенных Штатов Америки сформируется новое государственное образование (Новая Мексика); вполне возможно, что северо-восток Соединенных Штатов будет заселен выходцами из Восточной Азии и Океании, что создаст условия для автономизации этого региона; англосаксонская Америка обоснуется на Среднем Западе, который, скорее всего, будет стремиться отгородиться от чуждых цивилизационных влияний.

Безусловно, следует принимать во внимание то, что исторический процесс развивается под воздействием целого ряда непредвиденных случайностей. Наметившиеся сегодня тенденции не обязательно становятся реальностью, однако эти тенденции не следует игнорировать.

Если дать волю футурологическим фантазиям, то можно представить следующую картину: последний президент США с англосаксонскими корнями горестно восклицает: «Бедная Америка! Как она далеко от Бога и как она близко от Мексики!»

УДК 327

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕЗИДЕНТА БАРАКА ОБАМЫ: ЧТО УЦЕЛЕЛО ПОСЛЕ КОНТРРЕФОРМ ТРАМПА?

И. А. Цветков

В статье рассмотрены первые итоги борьбы президента Д. Трампа с политическим наследием своего предшественника на этом посту — Б. Обамы. Отмечается, что, несмотря на массивное наступление по всем фронтам и закрытие множества начатых Обамой проектов, Трампу не удалось полностью нивелировать результаты правления президента-демократа. Более того, в результате такого подхода новой администрации несомненные достижения Обамы стали только лучше заметны, а его популярность в американском обществе выросла. И во многих зарубежных странах период президентства Обамы также теперь оценивается как весьма позитивная эпоха, к политическим практикам которой стоило бы вернуться. И внутри США, и в глобальном масштабе левоцентристский подход Б. Обамы имеет очень хорошие политические перспективы.

Ключевые слова: внутренняя политика США, внешняя политика США, президентство Обамы, президентство Трампа, глобализация.

Цветков Иван Александрович — канд. ист. наук, доц. кафедры американских исследований СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9.

Tsvetkov Ivan — PhD (History), Associate Professor, American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

POLITICAL LEGACY OF PRESIDENT B. OBAMA: WHAT SURVIVED AFTER D. TRUMP'S CONTERREFORMS?

I. Tsvetkov

The article discusses the first results of attacks by President D. Trump on the political legacy of his predecessor, B. Obama. It is noted that despite the massive offensive on all fronts and the closure of the many projects begun by Obama, Trump did not fully succeed in his attempts. Moreover, because of this approach of the new administration, Obama's undoubted achievements only became more visible, and his popularity in American society grew. Moreover, in many foreign countries, the period of the Obama presidency is now estimated as a very positive era, something that must be studied and recreated sometimes in the future. Both within the United States and globally, B. Obama's center-left approach has very good political prospects.

Keywords: U.S. politics, Foreign Policy of the U. S., Obama's presidency, Trump's presidency, globalisation.

Через полтора года после ухода Барака Обамы с поста президента США его наследие напоминает дымящиеся руины: все важнейшие проекты, на реализацию которых были потрачены огромные усилия, не просто закрыты новой администрацией Дональда Трампа, но и целенаправленно замещаются альтернативными проектами диаметрально противоположной направленности. Во внешней политике это, прежде всего, выход США из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), отказ от соблюдения Парижского соглашения по климату, разрыв ядерной сделки с Ираном, отказ от нормализации американо-кубинских отношений, переход к жесткому внешнеторговому протекционизму. Внутри страны Трамп предпринял мощную атаку на созданную Обамой систему здравоохранения (Obamacare), превратил Верховный суд в оплот реакционного консерватизма, склоняется к политике нулевой толерантности по отношению к нелегальным мигрантам, ведет непрестанную борьбу с либеральными медиа. Пожалуй, никто из президентов США не был столь радикален в отрицании наследия своего предшественника, как Трамп. Создается впечатление, что для нынешнего главы Белого дома Барак Обама — это не просто объект для критики, а основной источник вдохновения при формировании политической повестки по принципу отрицания [1].

Вместе с тем, несмотря на внешний успех стратегии Трампа по искоренению политического наследия Обамы, говорить о том, что президентство Обамы завершилось полным провалом, явно преждевременно. Рейтинги бывшего президента внутри США постоянно растут. Его комментарии в социальных сетях бьют все рекорды по количеству лайков и репостов. Хотя именно Трамп превратил Twitter

в повседневный политический инструмент и весь мир пристально следит за знаменитыми «утренними твитами» американского президента, Обама и через полтора года после завершения президентских полномочий в два раза обгоняет Трампа по числу подписчиков в этой социальной сети (103 млн против 53 у Трампа) (сравните [2] и [3]). Последнее рождественское поздравление Обамы-президента в декабре 2016 г. ретвитнули 100 тысяч раз, а такое же его поздравление в 2017 г. — уже 250 тысяч раз! [4]. Очевидно, что популярность Обамы как политика набирает обороты, и совершенно неудивительно, что в последнее время стали появляться сообщения о его возможном участии в будущих избирательных кампаниях в том или ином качестве [5]. Конечно же, если бы американцы и впрямь считали Обаму не справившимся со своими президентскими обязанностями, они вряд ли проявляли бы к его персоне такой повышенный интерес.

Справедливости ради надо отметить, что у отставных президентов США рейтинг растет почти всегда — даже Джордж Буш-мл., деятельность которого одобряли в момент ухода из Белого дома всего 19% американцев, сегодня уже не оценивается столь однозначно негативно. Но в случае с Обамой речь идет не только о персональном рейтинге, каком-то личностном отношении, но и о политической идеологии, которую он олицетворяет. Американский либерализм, потерпевший на выборах 2016 г. сокрушительное поражение, конечно же, не собирается сдаваться и сходить с исторической арены. То, что это поражение случилось в условиях, когда Обама уже не мог баллотироваться на следующий срок, указывает на политическую слабость нынешних лидеров Демократической партии и позволяет самому Обаме избежать большей части политической ответственности за произошедшее. Если что-то и подвергается критике внутри американского либерального сообщества, это не наследие Обамы как таковое, а ошибки, допущенные в процессе его сохранения и дальнейшего развития. Консервативный разворот Трампа рассматривается как помеха на магистральном пути развития Соединенных Штатов: помеха обидная, причиняющая значительный ущерб, но не несущая в себе экзистенциальной угрозы. Пройдет немного времени, говорят американские либералы, и все вернется на круги своя.

Возвращение либералов к власти, которое некоторые ожидают уже по итогам промежуточных выборов в Конгресс в 2018 г., а другие отодвигают на несколько более отдаленный, но вполне просматриваемый горизонт, будет если не буквально, то символически «возвращением Обамы». Вряд ли кто-то из американских либеральных политиков сможет в ближайшее десятилетие составить конкуренцию

бывшему президенту по харизме, широте взглядов и радикальности политической повестки. Берни Сандерс, чья звезда ярко сверкнула на небосклоне избирательной кампании 2016 г., набрал политические очки на фоне негативного рейтинга Хиллари Клинтон — в качестве ее антипода. Его перспективы как политика, представляющего большинство избирателей Демократической партии, серьезно ограничены сложившейся репутацией «революционера», борца с капиталистической системой. Даже для радикально настроенных американских либералов многие лозунги, выдвигаемые Сандерсом, представляются выходящими за пределы допустимого. Обама же, наоборот, олицетворяет «передний край» современного либерализма и в ходе президентства сумел доказать практическую осуществимость отстаиваемых идей.

Конечно, по большей части сформированные Обамой контуры либерального глобального и внутриамериканского политического порядка оказались чрезвычайно хрупкими и стали рассыпаться под ударами трампистского реванша. Однако сам факт их существования, пусть недолгое время и в урезанном виде, уже дорогого стоит. Мы теперь знаем, что о новых принципах международного экономического сотрудничества *можно* договориться (это показала история с ТТП), что отношения США с Кубой и Ираном *могут* быть нормализованы, что всеобщий охват граждан США медицинской страховкой — *это не утопия*, и так далее. Реализованные в годы администрации Обамы проекты задали направление борьбы на ближайшие десятилетия, определили политическую повестку. Ничто, кроме идеологического неприятия со стороны политических оппонентов, не указывает на порочность и неадекватность предложенных Обамой мер — хотя бы по той причине, что все эти новации существовали всего лишь на протяжении нескольких лет и не успели доказать ни своей эффективности, ни несостоятельности.

Возможно, одним из наиболее явных политических провалов Обамы оказалась политика «перезагрузки» в отношениях с Россией. Попытка ликвидировать накопившуюся за предшествующее десятилетие напряженность потерпела в 2009–2012 гг. такой же крах, как и многие другие попытки разрядки в отношениях с Москвой, предпринимавшиеся руководством США с середины 1950-х годов. Однако означает ли это, что нормализация российско-американских отношений табуирована в США раз и навсегда? Конечно же, нет. Более того, именно в период президентства Обамы в отношениях двух стран наступила новая эра, которая, с одной стороны, несет в себе мощный конфликтный потенциал, а с другой — создает еще один мотив для

диалога, делает этот диалог неизбежным. Речь идет о деятельности хакеров, вмешательстве в выборы и в целом использовании новых информационных технологий в международных отношениях.

То, что при первом приближении представляется совершенно неприемлемым и разрушающим устои, в перспективе может оказаться неизбежной реальностью. Когда в период «арабской весны» 2011–2012 гг. сотрудники администрации Обамы занимались открытой поддержкой и стимулированием протестного движения в арабских странах посредством активной работы в социальных сетях, они не считали это неприемлемым вмешательством во внутренние дела: свобода, согласно либеральной идеологии, не признает государственных границ. Обама и его тогдашний госсекретарь Хиллари Клинтон были совершенно убеждены, что государственный суверенитет не распространяется на образ мыслей граждан Туниса, Ливии или Египта и воздействие на этот образ мыслей через Интернет не может монополизироваться каким-либо правительством. Хотя руководство арабских и многих других стран, включая Россию, считало и считает иначе, сформулированная и реализованная на практике администрацией Обамы идея Интернета как *пространства свободы* явно не исчезнет из политической повестки в ближайшие годы, будет проходить через различные фазы отторжения и частичного принятия.

Вмешательство России в избирательную кампанию США в 2016 г., отдельные эпизоды которого (такие как деятельность телеканала RT или размещение политической рекламы в Facebook) можно считать, в принципе, доказанными, по сути представляло собой все то же использование Интернета как пространства свободы. Волна возмущения, поднявшаяся в США по данному поводу, выглядит всего лишь зеркальным отражением того негодования, которое вызывала активность США в области стимулирования «цветных революций» у российских элит и значительной части российского общества. Примечательно, что и в том, и в другом случае речь шла не только об открытых методах воздействия, но и о секретных «информационных войнах»: США подозревали в тайной подготовке и информационной поддержке протестных активистов, Россию — в хакерских атаках. Степень доказанности тайных операций, которая так волнует сегодня умы, в действительности не имеет принципиального значения. Гораздо важнее то, что политикам в США, России и других странах теперь не удастся обойтись без разработки каких-то правил игры в новой информационной реальности. И без ссылок на опыт, накопленный за годы администрации Обамы, не удастся обойтись никому из участников данной дискуссии, включая Дональда Трампа.

Еще одним важным вкладом президента Обамы в развитие международных отношений следует признать его глобальные проекты, не вполне реализованные в силу ряда объективных обстоятельств, но совершенно новаторские по своей природе. Конечно, апелляция к глобальным проблемам, разговоры о необходимости сплочения перед лицом изменений климата, исчерпаемости энергоресурсов, перенаселения, бедности, международного терроризма и т. д. давно стали классической мантрой для мировых политических лидеров, само по себе повторение этих идей вряд ли могло кого-то удивить. Однако в исполнении Обамы навязшие в зубах лозунги приобретали новый смысл в силу нескольких обстоятельств.

Тот факт, что Барак Обама стал *первым чернокожим президентом США*, наделил его огромным кредитом доверия со стороны миллиардов жителей Азии и Африки, которые в 2009 г. увидели в американском лидере человека, отстаивающего в том числе и их интересы — интересы людей «незападного» мира. Речь Обамы в Каире 4 июня 2009 г. зародила надежду на преодоление раскола между мусульманами и христианами, на быстрое урегулирование разнообразных региональных конфликтов, и уже одна лишь готовность президента США выступить в роли глобального миротворца обеспечила ему присуждение Нобелевской премии.

Естественно, практическая реализация заявленных целей оказалась далека от идеала. Вместе с тем атмосфера первых месяцев президентства Обамы показала, что человечество ждет лидера, способного взять на себя ответственность за решение не только сугубо национальных, но и глобальных проблем. Обама стал первым президентом США со времен Вудро Вильсона, для которого глобальная повестка в отдельные моменты действительно становилась политическим приоритетом. Кульминацией этого политического акцента стало Парижское соглашение по предотвращению климатических изменений 2015 г., которое вряд ли состоялось бы без самого активного участия президента США.

Неоизоляционизм Трампа, его намерение «сделать Америку снова великой», возможно, выглядят совершенно естественно на фоне несоответствия ожиданий и практических результатов глобального лидерства Обамы. Однако глобальное сообщество, международное общественное мнение, смотрящее через головы своих национальных лидеров (часто имеющих неоднозначную репутацию) никуда не делись. Политический потенциал *Homo Globalis* в перспективе будет только расти (если только Трампу и другим консервативным деятелям не удастся загнать мир в новый пещерный век). Постепенно до-

стижения Обамы в сфере решения глобальных проблем будут переоценены, на их базе станет осуществляться движение вперед, так же как во второй половине XX в. международное развитие шло на базе вильсоновских идей, первоначально потерпевших полный крах. Опора на глобальное политическое сообщество неизбежно станет мощным ресурсом для новых лидеров, и те из них, кто научится использовать его потенциал, приобретут существенное конкурентное преимущество перед коллегами, ограниченными рамками защиты национальных суверенитетов.

Совершенно не случайно, что скандал с иностранным вмешательством в выборы президента США пришелся именно на период администрации «глобалиста» Обамы. В определенном смысле это вмешательство было неизбежной реакцией на попытки руководства США играть новую глобальную роль: действие рождает противодействие.

Программа американских неоконсерваторов, реализуемая в годы администрации Джорджа Буша-младшего, имела силовой, военно-политический акцент. В условиях абсолютного доминирования США в данной сфере вашингтонское руководство могло не опасаться встречных атак: угроза терроризма подавлялась беспрецедентными мерами в области внутренней безопасности, а недовольство стратегических оппонентов, таких как Россия или Китай, компенсировалось сдержанностью США в посягательстве на зоны их жизненных интересов. США использовали военную силу лишь против стран, которые по определению не могли оказать им достойного сопротивления.

При Обаме все поменялось: невоенное, а в чем-то даже антивоенное глобальное лидерство, постулированное демократической администрацией, распространялось на весь мир, и зоны жизненных интересов России и Китая, такие как Украина или Южно-Китайское море, стали приоритетными направлениями американской политики. Такое не военное, а идеологическое посягательство на зоны неформального суверенного контроля выглядело гораздо опаснее ближневосточных кампаний Джорджа Буша-мл. или даже прямой силовой атаки, так как Москва и Пекин не могли противопоставить ему традиционный и надежный инструмент — ядерное сдерживание. В данной ситуации поиск новых инструментов влияния на поведение американского руководства со стороны России, Китая и других оппонентов США на мировой арене становился политически неизбежным.

Иностранное вмешательство в выборы трактуется сегодня как нечто совершенно непозволительное. Политические лидеры, тайно или явно допустившие такое прегрешение, подвергаются всеобщему осуждению. Однако события периода президентства Обамы указали

на внутреннее противоречие подобных оценок. Если руководство некой страны берет на себя ответственность за судьбы всего человечества, почему это человечество не имеет права как-то влиять на выборы упомянутого руководства? А может быть, надо говорить даже не о влиянии, а о прямом участии? В начале президентства Обама назвал себя глобальным лидером — в конце получил скандал вокруг иностранного вмешательства в выборы. Представляется, что эти события имеют между собой логическую связь.

Подводя итоги нашего небольшого исследования, еще раз назовем несколько причин, которые не позволяют считать консервативный разворот Трампа фатальным для политического наследия Барака Обамы.

Во-первых, этот разворот в значительной степени реактивен, он базируется не на продуманной позитивной программе действий, а на отрицании проектов, реализованных в предшествующую либеральную эпоху. Как всякая контрреформа в либеральной стране, каковой США являются в силу цивилизационной идентичности, политика Трампа обречена на пересмотр в кратко- или среднесрочной перспективе.

Во-вторых, Барак Обама выделяется среди других либеральных президентов США последних десятилетий широтой политической повестки и смелостью в реализации своих замыслов. Когда либеральные силы снова встанут у руля США, они будут ориентироваться не на наследие Джимми Картера или Билла Клинтона, а на наследие Обамы.

В-третьих, действия Обамы в период президентства затронули целый ряд чувствительных струн во внутренней политике США и международных отношениях. Новая межрасовая напряженность в США, гендерные проблемы, энергетическая безопасность, регулирование Интернета, пределы глобального лидерства в условиях новой волны озабоченности национальным суверенитетом — все эти сюжеты либо возникли, либо вышли на передний план из-за политических решений, принятых Обамой.

Таким образом, можно утверждать, что первый чернокожий президент США уже оставил значимый след в истории, и действия Трампа, направленные на разворот корабля американской политики, лишь подчеркивают значимость достижений Обамы. Следуя гегелевской диалектике, вслед за обамовским тезисом и трамповским антитезисом следует ожидать некоего синтеза. Президент США, которого изберут после Трампа, просто неизбежно должен будет стать живым воплощением нового витка американской политической спирали. По-

сле двух радикальных эпох, либеральной и консервативной, Америке нужно будет успокоиться и набраться сил: конечно, если это позволят сделать ее международные оппоненты.

Литература/References

1. Bacon P. Is Trump Delivering On His Promises to Reverse Obama's Policies? *ABC News*, 2018. Available at: <https://fivethirtyeight.com/features/is-trump-delivering-on-his-promises-to-reverse-obamas-policies/> (accessed: 02.06.2018).
2. Barack Obama. Dad, husband, President, citizen. Available at: <https://twitter.com/BarackObama> (accessed: 02.06.2018).
3. Donald J. Trump. 45th President of the United States of America. Available at: <https://twitter.com/realDonaldTrump> (accessed: 02.06.2018).
4. President Obama. 25 Dec 2016. Available at: <https://twitter.com/POTUS44/status/813059340013895680> (accessed: 03.06.2018); Barack Obama. 25 Dec 2017. Available at: <https://twitter.com/BarackObama/status/945324527520804866> (accessed: 03.06.2018).
5. Nguyen T. Barack Obama Is Quietly Getting into the 2020 Race. *Vanity Fair*, 2018. Available at: <https://www.vanityfair.com/news/2018/06/obama-2020-presidential-election-role> (accessed: 03.06.2018).

УДК 327

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ Д. ТРАМПА (2017–2018)

Н. А. Цветкова, И. В. Федорова

В статье исследуется влияние администрации Д. Трампа на развитие публичной дипломатии США в 2017–2018 гг. Применяя критический и исторический подходы и опираясь на документальный анализ, авторы выявили, что администрация Д. Трампа намеревалась сократить финансирование публичной дипломатии в исследуемый период. Авторы приходят к следующим выводам. Во-первых, существует противо-

Цветкова Наталья Александровна — д-р ист. наук, проф. кафедры американских исследований СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9.

Федорова Изабелла Владимировна — аспирантка кафедры американских исследований СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9.

Tsvetkova Natalia — PhD (History), Professor, American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Fedorova Izabella — PhD student, American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

речие между Конгрессом США и администрацией президента по вопросу объема финансирования проектов публичной дипломатии, причем позиция Конгресса оказалась доминирующей по вопросу поддержания объема финансирования на уровне, заданном администрацией Б. Обамы. Во-вторых, кадровая политика является наиболее подверженной влиянию Д. Трампа. Аппарат управления публичной дипломатией до сих пор не укомплектован кадрами, что тормозит развитие проектов. В-третьих, российский вопрос занимает приоритетное место в развитии публичной дипломатии США на фоне эскалации информационного противостояния с Россией: создаются новые программы и разрабатываются новые методы влияния на русскоговорящее население.

Ключевые слова: публичная дипломатия, США, Д. Трамп, информационное противостояние, пропаганда.

CONTINUITY AND NEW TRENDS IN THE PUBLIC DIPLOMACY OF DONALD TRUMP ADMINISTRATION (2017–2018)

N. Tsvetkova, I. Fedorova

The article examines the impact of the Trump Administration on the development of the U.S. public diplomacy in the period of 2017–2018. Critical and historical approaches combined with the documentary analysis applied in the paper illustrate the Trump Administration's neglect of the public diplomacy. The authors come to the following conclusions. Firstly, despite the existing contradiction between the U.S. Congress and the White House regarding the funding for public diplomacy projects, the budget has been fixed at the level set by the Obama Administration due to the firm position of the U.S. Congress. Secondly, the personnel policy is considered to be the most susceptible to the influence of D. Trump. The lack of management hampers the development of the public diplomacy projects. Finally, so called Russian problem has a specific influence on the development of the U.S. public diplomacy in terms of information confrontation with Russia. Notably, new programs are being created and new methods of influencing the Russian-speaking population are being developed.

Keywords: public diplomacy, the USA, the Trump administration, information warfare, propaganda.

Публичная дипломатия как инструмент внешней политики США охватывает ряд проектов в области распространения информации, образования, культуры и цифровой дипломатии. В настоящее время информационные программы, пропаганда и цифровая дипломатия (интернет-дипломатия) являются основными направлениями развития и получают наибольшее финансирование из бюджета США. Предшествующая демократическая администрация Барака Обамы оставила Дональду Трампу различные незаконченные проекты в области публичной дипломатии, среди которых можно выделить информационную войну против России и Китая, а также против пропаганды терроризма в социальных сетях.

Однако президент и его бывший госсекретарь Р. Тиллерсон не рассматривали публичную дипломатию как важный внешнеполитиче-

ский инструмент. Звучали намерения о сокращении финансирования отделов Государственного департамента, Совета управляющих международным вещанием и других ведомств, реализующих программы публичной дипломатии [1]. Президент Трамп не назначал нового главу публичной дипломатии до декабря 2017 г., а также не проявил инициативы в области обновления кадров аппарата зарубежного вещания, что традиционно осуществлялось каждым избранным президентом. В экспертном сообществе сформировалось устойчивое мнение о непременном сокращении программ публичной дипломатии [2]. Однако Конгресс США, несмотря на мнение президента, поддержал уровень финансирования программ публичной дипломатии, заданного администрацией Б. Обамы. В марте 2017 г. законопроект о дополнительном финансировании программ публичной дипломатии был подписан президентом Д. Трампом [3].

Активная позиция Д. Трампа в социальных сетях оказала влияние на кадровую политику в данной сфере. Одним из наиболее значимых примеров можно обозначить ситуацию, сложившуюся вокруг отставки госсекретаря Р. Тиллерсона. Первый официально назначенный глава публичной дипломатии С. Гольдштейн разметил на платформе «Twitter» запись о том, что Р. Тиллерсон не знал о причинах своей отставки. В тот же день С. Гольдштейн был уволен, так как информация противоречила официальной позиции Д. Трампа. Ведомства, реализующие программы, вновь остались без координирующего звена. На текущий момент исполняющей обязанности главы публичной дипломатии является уже известная в России Х. Нойерт, официальный медиапредставитель Госдепартамента США.

Имеющийся корпус документов свидетельствует о том, что новый госсекретарь М. Помпео, в отличие от своего предшественника, признает роль публичной дипломатии как важного внешнеполитического инструмента. Основной целью публичной дипломатии на текущий момент является создание лояльной прослойки граждан зарубежных стран, которая готова поддержать Вашингтон по важным политическим вопросам [4]. Подобные заявления звучали в период администрации Дж. Буша-мл., который начал проект по продвижению демократии в странах Ближнего Востока в 2002 г. [5].

Следующим шагом публичной дипломатии Д. Трампа необходимо отметить его подход в отношении информационной войны против пропаганды экстремизма в социальных сетях. Администрация Б. Обамы создала особый *Центр глобального вовлечения* в Госдепартаменте, который занимался контрпропагандой против твитов и постов различных террористических организаций. Президент Обама

привлек значительные человеческие и технические ресурсы для ведения войны: были задействованы частные блогеры, создана специальная интернет-платформа «Rise Your Voice» в Ираке, а такие гиганты, как «Twitter» и «Facebook», занимались уничтожением враждебной информации по просьбе правительства США. Это значительно улучшило ситуацию в социальных сетях, а Конгресс постоянно увеличивал расходы на данный Центр. Более того, уже перед своим уходом президент Барак Обама расширил функции Центра, которые теперь заключаются в осуществлении пропаганды в социальных сетях против России. Закон по противодействию зарубежной пропаганде и дезинформации (Countering Foreign Propaganda and Disinformation Act), принятый в декабре 2016 г., обозначил цель работы Центра как противодействие государственной пропаганде зарубежных стран до 2024 г. [6; 7]. Но произошло непредвиденное событие. В рамках бюджета Центру было дополнительно выделено 80 млн долл. из бюджета Министерства обороны США, доступных через специальный запрос государственного секретаря. Однако данная сумма так и не была запрошена Р. Тиллерсоном в 2017 г., что привело к росту волны критики правительства США в СМИ [8]. Только под давлением общественности соглашение о трансфере 40 млн долл. было подписано в феврале 2018 г. [9].

Покидая пост президента, Барак Обама согласился на реформу механизма международного вещания США, которую долгое время проталкивали республиканцы в палате представителей. Данная реформа и подписанный закон возвращали положение о подчинении международной информационной политики США целям внешней политики, исключенное Конгрессом в 1994 г. Подобная ревизия была обусловлена, как следует из документов, российской пропагандой, которая «переигрывала» американские каналы международного вещания. Реформа придала новый импульс модернизации таких полузабытых каналов, как «Голос Америки» или «Свободная Европа», предоставляла новое финансирование для развития цифрового телевидения на территории России и стран Восточной Европы в виде известного интернет-канала «Настоящее время».

Вступление на пост президента Д. Трампа стало вызовом для аппарата международного вещания США, поскольку его администрация пыталась уменьшить финансирование всех информационных программ. В 2016 г. Совет управляющих по вопросам вещания, который руководит всеми теле- и радиоканалами США, запрашивал у Конгресса на свою деятельность 777,9 млн долл., а Конгресс выделил больше — 786,6 млн долл. В начале 2017 г. администрация Д. Трампа

запросила на 8,4% меньше (685 млн долл.) для всех каналов международного вещания на 2018 г. В феврале 2018 г. Конгрессу был направлен еще один президентский запрос на 2019 г., согласно которому сумма, выделяемая на международное вещание, составила 666,1 млн долл., что означало очередное уменьшение финансирования на 24 млн долл. по сравнению с предыдущим годом. Однако Конгресс не согласился с президентом и финансирование международного вещания осталось на прежнем уровне — более 780 млн долл. [10, с. 3; 11, с. 1; 12, с. 493; 13, с. 3]. В итоге сформировалось устойчивое противоречие между администрацией и Конгрессом, так как Белый дом до сих пор не рассматривает зарубежное вещание как важный внешнеполитический инструмент, а Конгресс, наоборот, выделяет на данную сферу все больше и больше средств.

Эксперты международного вещания, которые разрабатывают планы и занимаются реализацией проектов, намерены запросить у Конгресса США расширение бюджета для реализации пропаганды через традиционные спутниковые каналы и социальные сети на территории России, Северной Кореи, Китая, Ирана и Кубы [14]. Появление в списке приоритетных государств Северной Кореи свидетельствует о значительных сдвигах в сторону открытости данного государства для американских СМИ и отражает приоритет администрации Д. Трампа по оказанию влияния на ситуацию на Корейском полуострове [14].

Возвращение Крымского полуострова в состав Российской Федерации обратило внимание Конгресса США на политику Москвы в области пропаганды и публичной дипломатии. Это событие было обозначено в Конгрессе как «самый удивительный блицкриг информационной войны, который мы когда-либо видели» [15]. Вашингтон был поставлен перед фактом, что значительная часть населения на Украине и в Крыму, оставшаяся на несколько десятилетий в зоне ограниченного покрытия трансляцией американского телевидения, была быстро выведена из-под западного влияния. Американский истеблишмент признал, что с окончанием холодной войны Вашингтон, расценив свое положение как полную победу, не предпринимал должных усилий для поддержания и наращивания присутствия в русскоязычном информационном поле [16].

Конгресс США по настоящее время систематически проводит слушания по российской проблематике, информационным войнам и возможному ответу Вашингтона. Как правило, в ходе слушаний система зарубежного вещания России отождествляется с механизмом распространения пропаганды, а методы, используемые Кремлем, еще в 2015 г. были обозначены как *weaponization of information* —

использование информации для «провоцирования отрицательных эмоций, что потенциально ведет к ненависти, подстрекательству и, в конечном счете, к оправданию насилия». Кроме этого в том же году были озвучены данные, согласно которым 90 % всего русскоязычного новостного и развлекательного контента, а также спортивных трансляций распространялось по всем странам мира из Москвы. Механизм российской информационной деятельности был оценен в 1,4 млрд долл., а аудитория составляла 600 млн граждан в 130 странах на 30 языках [15].

В итоге были разработаны такие новые подходы публичной дипломатии США, как увеличение американского присутствия в медиазонах «замороженных конфликтов» (*frozen conflicts*) России, распространение цифрового самиздата, формирование самостийных (народных) журналистов и создание нового телевидения — «Настоящее время» («*Current Time*») [10, с. 3].

Деятельность интернет-телевидения «Настоящее время» является наиболее значимым инструментом расширения влияния США в России и на постсоветском пространстве. Канал охватывает аудиторию в 15 странах, а трансляции осуществляются посредством 70 дистрибьютеров и 40 филиалов [11, с. 47]. В начале 2018 г. вещание велось через «77 распределительных сетей и 47 станций в России и 30 других странах, включая Балтийский регион, Украину, Молдавию, Грузию, Армению и Центральную Азию» [17]. По оценкам экспертов, за 2017 год аудитория канала в сети «ВКонтакте» утроилась; количество подписчиков сети «Youtube» выросло с 35 тыс. до 220 тыс. человек; общее количество подписчиков на всех платформах составило около 1 млн человек, а общее количество просмотров видеоконтента канала держится на отметке 400 млн [17].

Наиболее эффективной нишей для развития зарубежного вещания США была признана модель освещения событий в режиме реального времени, и сегодня создается платформа «*America First-Coverage Desk*» (Американское бюро первичного освещения событий), в рамках которой предполагается освещение крупных событий российско-американских отношений экспертами из США с синхронным переводом на русский язык. Ширится освещение жизни маленьких американских городов и районов, расположенных вдали от крупных мегаполисов в программе «*Off the Highway*» («В стороне от скоростных магистралей»). Идет создание сериала «*Road Trip: America's melting pot*» («Автомобильное путешествие: американский плавающий котел») в популярном формате *travel-cooking show*, в рамках которого корреспондент посещает значимые для американской культуры места

и в процессе приготовления еды обсуждает ценности и различные проблемы, стоящие перед американским обществом, с американцами, имеющими русские корни. И наконец, реализуются проекты по развенчиванию фактов пропаганды через сайт «Polygraf.info» и его русскоязычную версию «Фактограф» [11, с.22]. Другими словами, пропагандирование ценностей США и ответ на российскую информационную деятельность осуществляется сегодня посредством демонстрации развлекательных программ о США для русскоязычного населения.

В заключение отметим, что позиция президента Д. Трампа по таким вопросам публичной дипломатии, как сокращение финансирования проектов и их числа, не оказала влияния на развитие публичной дипломатии. Конгресс США поддержал мнение экспертов о необходимости наращивания новой информационной политики для расширения охвата русскоязычного населения. Однако президент оказывает значительное влияние на кадровый состав аппарата публичной дипломатии, что приводит к его сокращению и, как следствие, к торможению реализации многих проектов.

Литература/References

1. Harris G. A Shift From 'Soft Power' Diplomacy in Cuts to the State Dept. *New York Times*, 2017, March 16. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/03/16/us/politics/trump-budget-cuts-state-department.html> (accessed: 22.04.2018).
2. Public Diplomacy Challenges for the Trump Administration. *The Heritage Foundation*. Available at: <https://www.heritage.org/conservatism/event/public-diplomacy-challenges-the-trump-administration> (accessed: 24.04.2018).
3. Public Law 115–141. Consolidate Act, 2018. *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/1625/titles> (accessed: 24.04.2018).
4. Remarks for Foreign Affairs Day. *Acting Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs remarks*. Available at: <https://www.state.gov/r/remarks/2018/282039.htm> (accessed: 6.05.2018).
5. Tsvetkova N. A. U.S. Educational Policy in Middle East: A History and Current Trends. *The Issues of Education*, 2009, no. 1, pp. 272–290.
6. Countering Foreign Propaganda and Disinformation Act of 2016. *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/5181> (accessed: 10.05.2018).
7. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2943/text> (accessed: 10.05.2018).
8. Toosi N. Tillerson Spurns \$80 Million to Counter ISIS, Russian Propaganda. Available at: <https://www.politico.com/story/2017/08/02/tillerson-isis-russia-propaganda-241218> (accessed: 11.05.2018).

9. State-Defense Cooperation on Global Engagement Center Programs and Creation of the Information Access Fund to Counter State-Sponsored Disinformation. *Department of State. Office of the Spokesperson*. Available at: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/02/278851.htm> (accessed: 11.05.2018).

10. Fiscal Year 2017 Congressional Budget Request. *Broadcasting Board of Governors*. Available at: <https://www.bbg.gov/wp-content/media/2011/12/FY-2017-Budget-Submission.pdf> (accessed: 19.05.2018).

11. Congressional Budget Justification 2019. *Broadcasting Board of Governors*. Available at: https://www.bbg.gov/wp-content/media/2018/02/BBGBudget_FY19_CBJ_2-7-18_Final.pdf (accessed: 19.05.2018).

12. H.R. 1625 — Consolidated Appropriations Act, 2018. *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/1625> (accessed: 21.05.2018).

13. Congressional Budget Justification 2018. *Broadcasting Board of Governors*. Available at: https://www.bbg.gov/wp-content/media/2017/05/FY2018Budget_CBJ_0523-17.pdf (accessed: 19.05.2018).

14. U.S.Government's Media Agency Targets Russian Disinformation and Iranian Censorship. *Broadcasting Board of Governors*. Available at: <https://www.bbg.gov/2018/03/16/u-s-governments-media-agency-targets-russian-disinformation-iranian-censorship-bbg-forefront-national-security-strategy-implementation/> (accessed: 21.05.2018).

15. Hearing at the Senate Foreign Relations Subcommittee on Europe and Regional Security Cooperation On "Putin's Invasion of Ukraine and the Propaganda that Threatens Europe". *U.S.Senate Committee on Foreign Relations*. Available at: <https://www.foreign.senate.gov/hearings/putins-invasion-of-ukraine-and-the-propaganda-that-threatens-europe-110315p> (accessed: 24.05.2018).

16. Stengel R. Interview with CNN's Christiane Amanpour. *Department of State. Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs Remarks*. Available at: <https://2009-2017.state.gov/r/remarks/225528.htm> (accessed: 24.05.2018).

17. At one-year mark, Current Time leads with innovation and growth. *Broadcasting Board of Governors*. Available at: <https://www.bbg.gov/2018/02/07/one-year-mark-current-time-leads-innovation-growth/> (accessed: 25.05.2018).

THE IDEOLOGICAL CONCEPTIONS OF THE USA AND RUSSIA IN FORMING THE WORLD ORDER: NEOLIBERAL GLOBALIZATION VS. EURASIAN INTEGRATION

Maria Okun

The main trend of constructing the world order of modernity, what is well known, is globalization. The ideological foundation of globalization is neoliberalism, often these concepts are even identified, and also sometimes come down to the definition of “globalized neoliberalism”. The United States is considered to be the “distributor” of neoliberalism and the beneficiary of globalization, therefore the former is also called “hegemonic neoliberalism”, while the structure of the world order is characterized by unipolarity. Meanwhile, the position of this ideological basis is extremely unstable today. Not only that neoliberalism in itself, being an “impoverished” version of liberalism concentrating on market “philosophy” and its extrapolation to all spheres of human life and society, cannot fulfill the functions of a full-fledged ideology, its influence weakened significantly after the global economic crisis, which became the marker of the “failure of the neoliberal-universalistic scientific theory”. The latter fact actualized the search for a new philosophy corresponding to modern realities. In addition, countries that oppose globalization are interested in this search. Because a stable cohesive unification of such countries on the basis of an ideological concept alternative to neoliberalism will mean turning them from objects of globalization, controlled by the hegemon, into its active subjects, as well as reconstructing the world order from unipolar to multipolar. Such an ideological concept with the greatest success considered to be today is escalated by Russia philosophy of Eurasianism. This concept determines the connection between Europe and Asia, geographical, economic, cultural and historical, with Russia as a central link, and integrates social democracy, originally European, and traditionalist-conservative fundamentalism, which has great influence in Asian countries.

Keywords: the world order, ideological foundation, globalization, integration, neoliberalism, Eurasianism

Neoliberalism

The main trend of building the world order of modernity, what is well known, is globalization. The ideological foundation of globalization is neoliberalism, often these concepts are even identified, and sometimes are reduced to the definition of “globalized neoliberalism”. Why globalism and neoliberalism are sometimes identified is in much because globalism as an ideology highlights the liberalization and global integration of markets, and this indeed is a core concept of neo-liberalism. The “distributor” of neo-liberalism and the beneficiary of globalization are the United States, so neoliberalism is still called “hegemonic neoliberalism”, and the structure of the world order is wherein characterized by unipolarity.

Okun Maria — PhD student, Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky pr., Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation.

Meanwhile, the positions of this ideological basis today are extremely unstable. The global economic crisis of the late 2000's is often "cited" as the evidence of discrepancy between neoliberalism and realities of time. Neoliberalism is unable to offer an answer to the pressing problems of contemporary politics too, experienced both by citizens of contemporary established liberal democracies and those living in other, more authoritarian, forms of political rule. In the broadest sense, those problems are ones of social solidarity, political community, culture and nation. To the difficulties which neoliberal ideas encounter in dealing with crucial problems of modern politics also points the fact that both in those areas of the world where liberalism is dominant, and those where it has yet to achieve such a status, liberal ideas are challenged by a variety of counter-ideologies and movements [1].

The main reason of the situation just depicted is the fact that what passes for liberalism today is only a limited and impoverished form of the ambitious philosophy of its predecessors.

Liberalism in all its historic forms had self-determination, self-development and self-realization of individuals as its highest values and main goals. The freedom valued by liberals was classically valued as a means to an end, the unfolding of individuals' capacities and the revelation of their faculty of autonomy and self-determination. Through individuals' exposure to different ways of life, even if this made them uncomfortable or unsettled, they would be able to 'compare and contrast', to choose for themselves that form of life which best suited them, subject only to the constraint that this would not impinge on the same liberty of others to follow whatever scheme of living they found most congenial. Thus, a society tolerant of diversity, indeed welcoming diversity, is a base for development, since it was only through the confrontation (peaceful and tolerant) between different ways of life that progress could be achieved. Comparison of plurality of ways of living leads to the evolution of society towards better forms of life, always open to change and revision. Liberalism as a political ideology thus rests on the aspiration to a constantly improving society; it is thus a doctrine or an ideology of social and political construction. This is thus the core of liberalism and the differences between the various, historically being evolved, members of the liberal family (classical, self-developmental and "new" liberalism) are best understood as differences concerning the means to realize that goal of a free society of rational self-determining individuals (respectively, minimization of state interference, minimization of social conformism (de Tocqueville's famous 'tyranny of the majority') and social or welfare state).

Neoliberalism originated as a counter-movement to the collectivist trends in liberal democracies, and indeed to that what were seen as some of

the interventionist variants within liberalism itself, as exemplified by new liberals like Hobhouse and Hobson [2, p. 67–83]. Contemporary liberalism is rather a pale shadow of the constructivist aspirations of earlier liberal thinkers. In the shape of thinkers like John Gray, it repudiates a rationalist view of the good society in favour of what Gray calls “modus vivendi” liberalism [3, p. 105]. This latter form of liberalism repudiates any idea of a good society based on the power of reason, and advocates the toleration of different ways of living, none of which can be deemed or valued as superior to any other. This modus vivendi liberalism is comparable to the “political liberalism” expounded by Rawls. Rawls’ idea is that there can only be agreement (what he calls an “overlapping consensus”) on constitutional procedures, not on any deeper or broader set of ideals, given the irrefutable fact of plurality and diversity of beliefs in contemporary society [4]. In Hayek’s form of market liberalism, what is welcomed is the spontaneous order of the market, a “catallaxy”, to use his term, in which the free working of the market produces its own order which is not the result of any consciously intended decision by a single individual or group of individuals [5, p. 108–109]. In this spontaneous order outcomes emerge as the result of millions of small individual decisions — hence the aggregate outcome is an unpredictable one for which no-one is responsible. Part of the liberal mentality has always been scepticism about final truths in politics, a stress on the fallibility of human reason. Social constructivism is seen as dangerous, since it can lead to excess power wielded by individuals in their attempt to impose one model of the good life. Neoliberal view on tasks and functions of a state owes much to Hayek too. The latter is seen as, at least potentially, a naturally evolving market system — what Hayek calls “an increasingly complex order of spontaneous and voluntary cooperation” [6, p. 32]. The state is necessary to secure the free workings of this voluntary order, but the state is both a guarantee and a threat: it protects private property and market exchange, but is permanently inclined to go beyond the limits of protecting the market order. Thus the state in the neo-liberal order of things has to be a minimal state, and is viewed with suspicion as a necessary evil, not as an instrument of equality and civilizing or humanizing the market.

The main characteristic of neoliberalism is that it sees the paradigm of human interaction as lying in contractual or market relations, and wishes to extend such relations to as many fields of social activity as possible [7]; wherein individual is seen as a consumer. In its dominant form, liberalism now is much more an ideology in the Marxist sense of reflecting and justifying the relations of a market society; questions of the transformation of present-day society and of search of ideas actual for that purpose are made marginal to the agenda of contemporary politics.

Such “philosophy” is non-viable in the modern society both in economic and political senses. It has nothing that would be possible to offer in response to more and more often appearing market failures. It is unable to address itself to the question of solidarity or community between citizens, so actual in the modern fragmented society, whether on a national or a global level; on the contrary, it facilitates disintegration between citizens.

On a global level a serious restriction for neoliberalism is universalism. Neoliberal ideals of free market, free competition and so on are performed as natural and non-alternative ways of every social development. All economic reforms in countries of the former socialist camp and the third world were conducted in accordance with the same prescriptions of the International Monetary Fund (IMF) which in a large extent were built on neoliberal ideologemes. According to the majority of analysts, the neoliberal recipes of the IMF have not brought expected success to the economies of 90 % of those countries [8].

The crisis of neoliberalism actualized the search for a new philosophy, corresponding to modern realities. Besides, countries that oppose globalization are interested in this search. Because a stable cohesive union of such countries on the basis of an ideological concept alternative to neoliberalism would mean turning them from the objects of globalization governed by the hegemon into its active subjects, as well as the reorganization of the world order from unipolar to multipolar. Such an ideological concept today seems with the greatest success to be the philosophy of Eurasianism escalated by Russia.

Eurasianism

Eurasianism is profoundly related to a civilization approach to world politics. According to this approach, large territories are essential actors in the process of creating of the architecture of world order. According to Huntington [9, p.22–49] “the growth of civilization-consciousness is enhanced by the dual role of the West”. The efforts of the West to promote its values of democracy as universal values in order to advance its military and economic interests engender countering responses from other civilizations. So, integration communities which are being constructed nowadays can be considered as formation or re-establishment of civilizations. We are observing the process of consolidation of Eurasia and as it passes from stage to stage each next one of which is stronger than previous.

The term “Eurasian civilization” (with Russia as its core) has a long history since the nineteenth century. Classical Eurasianism emerged in the beginning of the 20th century after the October Revolution. The Eurasian

concept remained alive in a modified form through the precursor of neo-Eurasianism, Lev Gumilev, up to the second half of the 20th century. The discussion about Eurasian civilization occurred again in the 1990's.

Eurasianism determines the connection between Europe and Asia, geographic, economic and cultural-historical, with Russia as a central link. The concept of Eurasian civilization highlights that Russia has got its prospective way only if it cooperates with some Asian and European countries. Numerous cultural configurations are formed around this centre. Eurasia in the narrow sense of the word is largely freely configurable — geographically, ethnically, culturally and politically. Its conceptual core is definitely Russia; its peripheral layers can vary depending on the vested interests.

Eurasianism argues that Russia represents a distinctive civilizational pattern [10, p. 71]. Eurasian civilization encompasses European cultural elements and also rests on Asian cultural elements. Among the elements of Eurasian civilization there are community, as well as conservatism and loyalty to the authorities and traditions. Besides, it integrates social democracy, primordially European, and traditionalist-conservative fundamentalism that has great influence in Asian countries. Eurasian civilization initially has been growing as a space of cultural plurality. It gives Eurasian civilization good perspectives for development.

Moreover, what about the Eurasian Economic Union (EAEU), many experts consider it to be a model of a new Eurasian civilizational type embodied in cooperation and states' sovereignty. According to the Eurasian Economic Union's documents Eurasia was formed as a space of mutual development and multipolarity [11]. Eurasian civilization project rejects unipolarity and promote multipolarity, therefore it has become a platform for cooperation of different nations, cultures and states.

However, currently Eurasia is often regarded as a civilization led by Russia to challenge American and European (Western) dominance [12]. In this vein, Eurasian integration is most often seen through the prism of Russian foreign policy strategy, with notions of empire and hegemony widely used to characterize it as expansionist, post-imperialist and even "de-colonialist" [13]. And Aleksandr G. Dugin is seen as a spiritual precursor of that neo-imperial, elitist discourse. From this perspective, the EAEU is viewed as a purely Russian geopolitical project, a "political platform for economic integration", aimed at re-establishing the country's position in the multipolar world "as a major power" [14, p. 155].

Nevertheless, from the perspectives of some other western authors, Eurasian regionalism is not a product of Russian hegemonic ambitions but a "tendency for states to form regional groupings" in order to receive protection from the negative impacts of globalization by institutionalizing relationships

[15]. Russian-led Eurasian integration aims at developing a regime in which uncertainty, transaction costs and market failures will be minimized. Some Russian authors consider the EAEU as potentially beneficial for all parties [16]. Regionalism is seen as a process parallel and rival to globalization. It is suggested that the world has entered a new phase of political and economic development, where the main actors are not states but “global regions” [17, p. 166]. Presently numerous multinational enterprises (MNE) run their international marketing activities on a regional basis by grouping together neighboring countries with relatively homogenous historical, cultural, linguistic and economic conditions. This is thereby contrasted with a regional marketing concept based on a global perspective [18, c. 119–126]. Thus, vitality, actuality and further perceptiveness of the Eurasian integration project and its ideology of Eurasianism are definitely confirmed by natural economic, un-politic trends throughout the whole world.

References

1. Schwarzmantel J.J. *Ideology and Politics*. SAGE Publications, 2009.
2. Turner R. S. The “rebirth of liberalism”: the origins of neo-liberal ideology. *Journal of Political Ideologies*, 2007, no. 12 (1).
3. Gray J. *Two Faces of Liberalism*. Cambridge, Polity Publ., 2000.
4. Rawls J. *Political Liberalism*. US, Columbia University Press, 2005.
5. Hayek F. *Law, Legislation, and Liberty*: in 2 vols, vol. 2. University of Chicago Press, 1978.
6. Hayek F. *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*. London, Routledge, 1988.
7. Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford, Oxford University Press, 2005.
8. Tuzikov A. R. Ideology in a Theoretical Dimension: between the Past and the Future. Moscow, Soc.-gumanitar. znaniia, 2005.
9. Huntington S. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 1993, vol. 72, no. 3.
10. Grier P. T. The Russian Idea and the West. Ed. by R. Bova. *Russia and Western Civilization: Cultural and Historical Encounters*. London, New York, Routledge, 2015.
11. Treaty on the Eurasian Economic Union. 2014. Available at: http://www.un.org/en/ga/sixth/70/docs/treaty_on_eeu.pdf (accessed: 02.04.2018).
12. Laruelle M. *Russian Eurasianism. An Ideology of Empire*. Washington, Woodrow Wilson Press, John Hopkins University Press, 2012.
13. Van Herpen M. *Putin's Wars: The Rise of Russia's New Imperialism*. Maryland, Rowman & Littlefield Publishers, 2014.
14. Trenin D. Post-Imperium. *Carnegie Endowment for International Peace*. Washington, D. C., 2011.
15. Dragneva R., Wolczuk K. *Eurasian Economic Integration: Law Policy and Politics*. Edward Elgar Publishing Ltd., 2013.

16. Podberezkin A. I., Borishpolets K. P., Podberezkina O. A. *Eurasia and Russia*. Moscow, MGIMO Publ., 2013.
17. Vasilieva N., Lagutina M. To the Issues of the Eurasian Union Creation: Theoretical Aspect. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2011, no. 10.
18. Hoffman E. Eurasia between Cultural Studies and Marketing. *Journal of Eurasian Studies*, 2010, no. 1.

УДК 327

THE STATUS AND FUTURE RUSSIAN DEFENSE INDUSTRIES CAPABILITIES UNDER THE SANCTIONS OF THE U. S. AND EU

Wang Peiran

Arms export is import to maintain the defense industrial capability. The implications of economic sanctions on the defense industrial capabilities are the central question in this paper. Based on the imbedded logic of economic sanctions, the author examines the changing landscape of Russian arms export, attaching the importance of the main customers as the third party of economic sanctions, analyze the effectiveness of economic sanctions against Russian defense industries since the 2014, launched by the U. S. and EU. Without strong link with the European and U. S. counterparties, it is hardly to make impacts on Russian defense industries through the interdependent approach. The traditional business linking with Russia is influenced by the European and American arms corporations. In conclusion, in the predictable, the function of European-American economic sanctions is signaling, however, the domestic, governmental-oriented transformation in Russian defense industries should be considered.

Keywords: economic sanctions, Russian defense industry, EU-Russia relations, U. S. — Russia Relations, arms export.

Since the end of the Cold War, the economic sanctions, as the coercive measure, rather than military force to achieve international political objectives have increasingly chosen by the US, EU and UN.

The defense industry is at the heart of Russian political system and central to its global aspirations. The U. S. and EU have maintaining the sanctions imposed against Russian defense industry. The basic logic of sanctions is pain inflicted by sanctions on the target states will cause pressure their government into making the changes demanded by the sanctioning body. To present, there is no any signal to show Kremlin to change its stance. Meanwhile, Russia has maintained the second largest exporter of international

Peiran Wang — Doctoral Fellow, the Faculty of Law & Criminology, Vrije Universiteit, 4C319, Belgium, Brussels, Pleinlaan 2, 1050.

arms market. According to the coercive, constraining and signaling nature of economic sanctions, the author assumes the roles of targeted sanctions imposed against the Russian defense industry are constraining and signaling [1].

The assumption is that the sanctions refer to disrupting the arms export/import of the target, which is an important variable affecting the survival and development of the defense industry. Hence, the analysis framework based on the two pillars and inherent linking between arms transfer and defense industry, the other is the effectiveness mechanism of economic sanctions and its evaluation.

1. Theoretical Framework

1.1. The Implications of Arms Exports on Defense Industry

Defense industry is the basis of national security capability. Under globalization, world-wide markets, large transnational corporations, intense competition, together with the globalization of finance and investment and the emergence of global labor markets, defense companies are seeking markets throughout the world and suppliers from overseas countries able to provide skills and components at least-cost. Transnational defense companies can achieve economies of scale and scope from supplying world markets rather than a small national market and they locate their various research and production activities in nations where costs are lowest. Arms industries have the economic characteristics of global industries, but traditionally, they have relied on their home market and sales to their national armed forces.

Since the end of the Cold War, there are two trends in the international defense industry: the first, increasing costly R&D makes it important to spread such high fixed costs over a large output. Meanwhile, the falling defense budget means a nation cannot support large-scale procurement. Under the double pressures constituted by increasing R&D and falling national procurement, export is a stronger economic incentive for defense industry and nation. Arms exports help achieve national security and foreign policy goals, which provide significant economic benefits as well, particularly for the workers and communities where production is located. Any state is difficult/impossible to be a sole supplier of all technologies. It is easier for the demand side to find an alternative supplier. Therefore, globalizing defense industries are increasingly facilitating defense technology transfers in practice. On the geopolitical dimension, arms export is an effective method of power projection abroad, for example, Russian arms transfers to Syria. Within the supply-demand of the international defense market, the variables

contribute to demand side are expectant military threat, military planning, national income, foreign exchange supply (import), substitutes for supply, power and creditability of alliance.

As classical imperfect-market economy, the globalizing trends in international arms market, have been in favor of demander. Focusing on the export-oriented character of defense industry in target, limiting the arms exports is an effective measure to enhance its cost of behavior. The author assumes the following measures should be adopted:

- the external dependence of defense industrial capabilities in the target, including the customers distribution;
- the evaluation of substitution in industrial capabilities;
- the external market of target's defense industry.

1.2. The Effectiveness of Economic Sanctions and its evaluation

The variables affecting the outcome of sanctions include international organization, the international assistance to the target, the cost imposed on the target, commercial relations between sender and target, the relative ratio of GNP between sender and target, the economic and political status of target, the type of sanctions, and the cost of sender [2]. The above-mentioned variables demonstrate the asymmetric interdependence relations between the sender and target. According to the interdependence theory of international political economics, there includes two dimensions: sensitivity and vulnerability. Sensitivity the degree to which states are sensitive to changes taking place in another state. Vulnerability refers to the distribution of costs incurred as states react to such changes. To improve the successful sanctions should concentrate the sensitivity and vulnerability within of target economy.

Under globalization circumstance, the economic connections are imbalance among the stakeholders. If the weak economic linking between sender and target, the imposed cost is limited, meanwhile, there is the intensified economic linking between the target and third party, the sender should apply extraterritorial jurisdiction to the third party. In addition, under the pressure of sanctions, the target autonomously seeks the measures to decrease the dependence, for example, looking for the substitution for external supply, enhancing the industrial capabilities. The failed EU arms embargoes against China resulted from Russian arms sales to China.

According to the traditional perspective, the aim of sanctions is to change the behavior of targets. Hence, there is a dichotomic view towards the assessment of sanctions, if target do or do not do what has been demanded. As a tool of foreign policy, sanctions include multi-goals, James Barber thought

about the primacy, secondary and tertiary objectives of sanctions, and held the list of possible objectives: the primacy is relating to the protection of the weak against the strong, the reduction of the influence of ruling elites, societal support for the imposition of the measures, the symbolic value of fighting against certain ideologies and the deterrence of similar actions by other actors; the secondary are relating to the sender's status, behavior and expectations; the tertiary are 'concerned with broader international considerations, relating either to the structure and operation of the international system as a whole to those parts of it which are regarded as important by the imposing states' [3]. According to how to measure sanctions successfully or not, there are five categories of objectives: compliance, subversion, deterrence, international symbolism and domestic symbolism [4].

The ongoing EU Restrictive Measures against Russia since 2014

There are several legal instruments which enable the EU to implement autonomous sanctions — Common Positions and Joint Actions at the Union level, and Regulations at the Community level. Common Positions are adopted under ex Article 15 of the TEU (now Article 29 TEU), requiring unanimity from EU member states in the Council. If a Common Position provides for a reduction or interruption of economic relations with a third country, i. e. introduces economic and/or financial sanctions, implementation at the Community level is governed by ex Article 301 (now Article 215 of the Treaty on the Functioning of the European Union; TFEU) and, where financial restrictions are concerned, ex Article 60 of the Treaty Establishing the European Community (TEC; now Article 75 TFEU) applies. In these cases, the Commission is required to make a proposal for a Council Regulation which the Council can adopt by qualified majority.

The EU has begun imposing sanctions since March 2014, comprise five areas: individual, political, diplomatic, sectoral and Crimea & Donbas — related, implementation of the Minsk agreements. In this paper, the author focuses on the sectoral area. The institutional framework of EU sanctions regime against Russian defense industry includes Council Decision 2014/512/CFSP, 2014/659/CFSP, 2014/872/CFSP, Council Decision (CFSP) 2015/1764, Council Decision (CFSP) 2016/1071, Council Regulation (EU) No. 833/2014, Council Regulation (EU) No 960/2014, Council Regulation (EU) No 1290/2014, Council Regulation (EU) 2015/1797, which are covering the following content:

- embargo on arms and related materiel;

- embargo on dual-use goods and technology, if intended for military use or for a military end-user — ban on imports of arms and related materiel;
- (arms and related materiel related) ban on provision of certain services;
- (dual-use goods and technology related) ban on provision of certain services;
- controls on provision of certain related services;
- prohibition of procurement from Russia of arms and related materiel;
- ban on the supply of dual-use goods and technology to certain persons, entities and bodies [5].

On December 15, 2016, the European Council, assessed the implementation of the Minsk agreements and paved the way for a Council decision to extend the sanctions for the next 6 months, until 31 July 2017. These restrictive measures were:

- To limit access to EU primary and secondary capital markets three major Russian energy and three defense companies;
- To impose an export and import ban on trade in arms;
- To establish an export ban for dual-use goods for military use or military end users in Russia.

According to the above-mentioned, the EU shows a clear signal in response to Russian fundamentally unacceptable behavior. The constraining means above all that economic losses registered by Russia are expected to constrain the escalating military action, possibly stopping Russia from using force more intensively or in broader areas. The coercive is certain of fail to large extend. “The theme of returning Crimea will not be discussed... Russia does not discuss its territorial integrity with foreign partners,” Kremlin spokesman Dmitry Peskov told a conference call with reporters [6]. In the predictable future, the EU’s restrictive measures will attach more importance on the restraining function of sanctions against Moscow, refraining from the possible further aggression against its neighbors.

Russian Arms Export and Its Implications on Defense Industrial Transformation

The reviews on arms sales should examine what are exports, who are the customers and competitors and what are mode of sales. Missiles and aircraft continue to provide a significant portion of Russia’s arms exports,

less so naval systems [7]. Since 2000, Russia's customers have diversified, expanding from China and India to north Africa, Latin America and middle east, as such Algeria, Venezuela and Saudi Arab. On the modes of sales, Russia adopts the transfer of major weapons systems and defense technology, counter-trade, offsets, debt-swapping as well as licensing agreements.

Russia has been the second largest producer and exporter of arms after the United States. According to the data of SIPRI, "Russia's arms exports were 14 % higher in 2004–2008 than in 1999–2003. Around 71 % of Russian arms were exported to the Asia–Pacific region for 2004–2008, with deliveries of advanced combat aircraft and naval vessels to China and India accounting for a considerable share. At the same time, deliveries to Africa and Latin America have increased by around 200 % and 900 %, respectively. The majority of these transfers went to Algeria and Venezuela. Russian exports of major weapons increased by 4.7 % between 2007–11 and 2012–16. While deliveries in 2016 were higher than in 2014 and 2015, the volume remained substantially below the peak years 2011–13 and were more in line with the levels seen in 2007–10" [8]. Since late 2014, the sharp fall in oil prices and the persistent price slump have had a significant impact on spending in several oil-exporting countries, some of them are the customers of Russian defense industry, Algeria and Venezuela.

The combined sales of the 11 Russian companies ranked in the Top 100 reached \$30.1 bln in 2015, an increase of 6.2 % compared to 2014. However, all of the Russian companies in the SIPRI Top 100 for 2015 are ranked lower than they were in 2014 — even when 10 out of 11 saw an increase in sales. The lower rankings are mostly attributable to the fall of the Russian ruble during 2015.

Russian arms sales to China, including the transfer of major weapons systems and defense technology as well as licensing agreements, from 1992 to 2006, Chinese military equipment procured from Russia totaled approximately \$26 bln, according to some estimates [9]. The sudden decline in Russian arms exports delivered to China in 2006–2007 began a new phase, characterized by diminished Chinese imports of complete Russian platforms and more modest levels of engagement. Chinese counterpart has been focused on absorbing and integrating into its force structure the significant weapon systems previously obtained from Russia, and there has been tension between Russia and China over China's apparent practice of reverse engineering and copying major combat systems obtained from Russia, in violation of their licensed production agreements. In the late of 2015, Russia's sale of 24 Su-35 fighters and four to six battalions of S-400 SAM systems to China, however, the trend in Russia arms exports to China has not been changed.

To present, China continued to depend on Russia advanced defense technology, as aircraft components. China's arms import from Russia have become more selective, which may reflect the PLA's ability to absorb more sophisticated capabilities. In 2008, Russia signed an intellectual property protection agreement with China at their annual Intergovernmental Joint Commission on Military Technology Cooperation meeting. This document would not lead to cheaper Chinese versions of Russian systems appearing in the global arms market. HQ-9 SAM, Chinese version of S-300 SAM systems, competed for Turkey's air-defense bid.

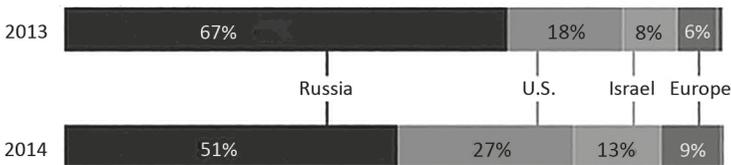
India is the world's largest defense importer, accounting for 15 percent of all global imports over the past five years. India has been the traditional customers for Russian arms exports that began in the 1960's; in the first decade of the 21st century, India needed new equipment from Russia to modernize its armed forces in view of ongoing arms imports by traditional enemy Pakistan and persistent suspicion of neighbor China. For Moscow, the arms deal with India is more important than ever, for its economy is struggling under the weight of foreign sanctions and the global drop in oil price. In the 2014, there is a turning point that the dominance of Russian defense manufacturers in the Indian arms has been broken. European and U.S. counterparts expanded their presences in Indian defense market.

At the Goa summit of BRICS, Russia and India signed a major arms deal about S-400 SAM, Admiral Grigorovich Class frigate, Yasen-class submarine, a joint venture of helicopters, and lease agreement of inactive Akula-class nuclear submarine, which show that although India has sought to diversify its suppliers for military equipment, it will continue to have a strong relationship with Russia in this field, particularly when it comes to hardware that it cannot receive from other suppliers. Moscow and New Delhi have agreed to co-develop a fifth-generation fighter (FGFA) based

SOURCES OF INDIA'S ARMS IMPORTS

India, the world's largest weapon importer, bought 15 percent of all exported weapons sold globally over the last five years.

A comparison of the percentage of weapons imported into India, by country, for the years 2013 and 2014:

Source: SIPRI

Copyright Stratfor 2016 www.stratfor.com

on the Russian PAK FA programme, which in turn is based on the Sukhoi T-50 prototype. Under the terms of this joint venture, HAL will work with Sukhoi to develop a two-seater version of the T-50, including R&D and the procurement of 250 aircraft. Russia and India would also set up a joint marketing company to export this fighter.

The similarities happen in the other Russian customers. Russia lost the assault rifle bid from Vietnam People's Army in 2011. Israel Weapon Industries (IWI) has begun to produce Galil assault rifles to "gradually replace" the AK-47s currently used by the VPA [10]. Vietnam's relations with the United States have witnessed dramatic improvements in the recent past. Washington lifted the embargo on the sale of lethal military equipment to Vietnam during President Barack Obama's visit to Hanoi this year. Vietnam will be looking to purchase high-end defense equipment from the United States in near future. Similarly, with the U.S. completely lifting sanctions, Myanmar will be looking for diversified military relationships with Western countries.

Russia inherited the largest and most productive share of the former Soviet military-industrial complex. To present, defense industry is significant to domestic stability and economic transformation in Russia. Defense industry accounts for a significant share of employment, which is responsible for over 3% of total employment, and around one-third of employment in manufacturing, with defense-industrial research and development (R&D) and production occupying a dominant place in many cities and regions [11]. Russia's economy has been in a downward spiral for years because of falling oil prices and Western sanctions. Defense industry has been regarded as the driver of national economy transformation by the policy-making communities in Moscow. In June 2016, Deputy Prime Minister Dmitri Rogozin, responsible for the development of Russia's defense industry, announced that by 2020, the country's military-industrial complex would become the driver of the Russian economy [12]. As of the end of 2013, the high-technology industry generated around 4% of the GVA of the total GDP of Russia, according to the preliminary forecast estimates, in 2014–2016, Russian high-tech sector will grow to 9–10% per year, in which government defense order, was a determining factor on the development of the high-technology production sector and in particular of the military industrial complex [13].

Moscow is stepping up its own military modernization efforts, as one of strategic options to reverse the negative changes to Russia's export market. "The domestic market will be the main priority for Russian defense industry" at least through 2019 [14]. According to Defense Minister Army General Sergei Shoigu, "Over the past six months, more than 750 new weapon

systems and military equipment have arrived for the troops while 380 pieces of military hardware have been repaired and about 7,000 military hardware items have undergone maintenance,” The share of modern armament and military hardware in constant alert units and formations has reached 58 % since the beginning of 2017 [15]. In fact, the domestic demand for new and better equipment is straining its supply capacity, which is also affecting foreign sales.

Russia’s military expenditure became increasingly noteworthy as it rose in the 2000s. The new state armament program (gosudarsvennaya programma vooruzhenii, GPV) 2011–2020 was the main impetus of the rise in the defense budget for 2012–2014, which doubled the yearly procurement budget of the Ministry of Defense 2011–2013, and planned high levels for subsequent years resulting in arms procurement at 2 % of GDP by 2014. The military objective behind this cost increase is that by 2020, 70 % of the Armed Forces’ arms were to be modern. In 2013, Russia was the third largest country in terms of military spending in the world, with annual expenditure of USD 88 bln and a sizable share of GDP — of 4.4 % [16]. With the intrinsic systemic problems of Russian economy, characterized with the hybrid of the inefficient state-owned industrial complex and overt state intervention, “anti-market, anti-entrepreneurial” with high business and personal taxes to “maintain state control over every” sector of society, Russia’s economy has been in a downward spiral for years — not just because of falling oil prices and Western sanctions. The declining national economy could not support the military expenditures.

Russia’s military spending in 2015 was \$66.4 bln, up 7.5 % from 2014, and up 91 % compared with 2006. In reaction to further falls in the price of oil, the planned defense budget for 2016 is about 9 % lower in real terms than spending in 2015. Russia’s military spending in 2016 was \$69.2 bln, an increase of 5.9 % over 2015 and 87 % compared with 2007. Spending in 2016 was 5.3 per cent of GDP — the highest proportion. However, late in 2016 actual spending was pushed substantially higher by a decision to make a one-off payment of roughly \$11.8 bln in government debt to Russian arms producers. Without this debt repayment, Russia’s military spending would have decreased by 12 %. Russia will reduce defense spending in the next three years to 2.7–2.8 % of GDP, President Vladimir Putin said [17]. Hence, it is a conclusion will be reached that Russia has higher-possibilities to maintain its status in the international arms sales.

Since the collapse of Soviet Union, there has been an intrinsic system-integration challenge and problems of coordination between Russia defense industries and their many subcontractors in the former Soviet republics also continue to hamper production. Ukraine was left with

about 30 percent of the Soviet defense industry on its territory, including about 750 factories and 140 scientific and technical institutions when Soviet Union dissolution in 1991. Russia's military depends on Motor Sich in the southeastern Ukrainian city of Zaporizhia for helicopter engines and on the Russian company Antonov's plant in Kyiv for transport planes. Most importantly, the Russian army relies on the Southern Machine Building Plant Association, known as Yuzhmash, in the southeastern Ukrainian city of Dnipropetrovsk, which designs, manufactures, and services rockets and missiles. More than half of the components of Russia's ground-based intercontinental ballistic missiles come from Ukraine. Ukrainian specialists carry out regular inspections of Russia's strategic missiles to certify them for service as well as supplying essential missile components including targeting and control systems for the RS-20 Voevoda missile. The ban of military cooperation with Russia issued by Ukrainian President Petro Poroshenko, would affect 79 Ukrainian and 859 Russian defense firms, however, the cooperation in the production of dual-purpose goods has been excluded, such as helicopter engines [18]. More than half of the components of Russia's ground-based intercontinental ballistic missiles come from Ukraine. Ukrainian specialists carry out regular inspections of Russia's strategic missiles to certify them for service as well as supplying essential missile components including targeting and control systems for the RS-20 Voevoda missile.

Import substitution in Russia's defense economy has been a key policy since mid-2014. Putin has said previously that replacing the components used in the defense industry would require funding and that it would take up to 2½ years to switch to entirely domestic manufacturing [19]. The development of substitution is controversial. Vladimir Kozhin, President Putin's aide for cooperation in defense-related technologies said The Russian defense manufacturing sector has virtually fully rid itself of dependence on the component parts made in Ukraine [20]. The western observer concludes "it is currently planning to produce approximately 50 a year, while it is going to need approximately 3,000 engines for its helicopters in a matter of two or three years", Igor Sutyagin, a research fellow for Russian studies at Royal United Services Institute in London, as far as the engine for combat aircraft and are concerned [21]. However, in 2014–2016, Ukraine had implemented the signed contracts with Russian in 2006–2010. The engines for Russian Yak-130 light attack and trainer aircraft. In other words, Ukraine factories are helping Russia to maintain and develop its combat pilots. Hence, for the future of Russian defense industry, it is critical issue to fix the gap made by Russian-Ukraine breakoff.

Conclusion

Through the analysis of Russian arms sales and its defense industry, those restrictions have halted not only Western military exports (which help fill critical gaps in Russia's defense capabilities) but also commercial high-tech transactions that could have dual-use military applications. There has no strong linking between Russia and European counterpart, hence, the cutoff is no any substantial impacts on Russian defense industry.

The shrinking share of Russian arms market will be positive to the signaling meaning of the EU's sanctions. However, it is the result of international competition, not deriving from the sanctions. The transfers between Russia and the third/fourth parties' defense industries have not influenced by the EU restrictive measures, for example, the establishing Russia-India joint defense enterprises.

However, facing the external pressure and shortening domestic procure, Kremlin has higher possibility to make structural reform of defense industry in the central-planning oriented direction.

References

1. Giumlli F. *Coercing, Constraining and Signalling: Explaining and Understanding International Sanctions after the End of the Cold War*. Colchester, ECPR Press, 2011.
2. Hufbauer G.C. et al. *Economic Sanctions Reconsidered*: 3rd ed., Washington, DC, Peter G. Peterson Institute for International Economics, 2007, pp. 55–57.
3. Barber J. Economic Sanctions as a Policy Instrument. *International Affairs*, 1979, vol. 55, no. 3, pp. 367–384.
4. Lindsay J.M. Trade Sanctions as Policy Instruments: A Re-Examination. *International Studies Quarterly*, 1986, vol. 30, pp. 153–173.
5. European Union: Restrictive Measures (Sanctions) in force. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/cfsp/sanctions/docs/measures_en.pdf (accessed: 07.07.2016).
6. Osborn A. Russia tells White House it will not return Crimea to Ukraine. *Reuters*, 2017, February 15. Available at: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-russia-ukraine-idUSKBN15U0U0> (accessed: 07.07.2016).
7. Theohary C. A. Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 2008–2015. *D.C.: Congressional Research Service*, December 19, 2016, p. 8. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/R44716.pdf> (accessed: 07.07.2016).
8. Fleurant A. et al. *Trends in International Arms Transfers*, 2016, February 2017. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-in-international-arms-transfers-2016.pdf>; Bromley M. et al. *SIPRI Arms Transfers DATA*, 2008, April 2009. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/FS/SIPRIFS0904.pdf> (accessed: 07.07.2016).

9. Meick E. China-Russia Military-to-Military Relations: Moving Toward a Higher Level of Cooperation. Washington D.C.: U. S.-China Economic and Security Review Commission, 2017, March 20. Available at: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China-Russia%20Mil-Mil%20Relations%20Moving%20Toward%20Higher%20Level%20of%20Cooperation.pdf> (accessed: 07.07.2016).
10. Abuza Z., Nhat Anh N. Vietnam's Military Modernization. *The Diplomat*, 2016, October 28. Available at: <http://thediplomat.com/2016/10/vietnams-military-modernization> (accessed: 07.07.2016).
11. Connolly R., Sendstad C. Russia's Role as an Arms Exporter the Strategic and Economic Importance of Arms Exports for Russia. *Chatham House: Russia and Eurasia Program Research Paper*, March 2017. Available at: <https://www.chatham-house.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017-03-20-russia-arms-exporter-connolly-sendstad.pdf> (accessed: 07.07.2016).
12. Russia Expects to Reach \$13-Bln Goal on Military Equipment Sales Abroad. *Sputnik News*, 2016, June 13. Available at: <https://sputniknews.com/military/201606131041240012-russia-military-equipment-export> (accessed: 07.07.2016).
13. Koshovets O. V. Financial Performance and Technological Modernization of Russian Hi-technology Complex and their Role to Boost Economic Growth. *Journal of International Scientific Publications*, 2014, vol. 8. Available at: <https://www.scientific-publications.net/get/1000007/1409340758352379.pdf> (accessed: 07.07.2016).
14. Grady J. As Russian Arms Sales Slow, Moscow Focus Now on Domestic Weapons Modernization. Available at: <https://news.usni.org/2017/04/17/russia-arms-slow-moscow-focus-now-domestic-modernization> (accessed: 07.07.2016).
15. Russian Troops to receive over 750 new weapon systems. *Russian News Agency*, 2017, June 09. Available at: <http://tass.com/defense/950715> (accessed: 07.07.2016).
16. Oxenstierna S. Russia's defense spending and the economic decline. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, no. 1, pp.60–70.
17. Russia to Cut Defense Spending to 2.7–2.8 % of GDP. *Sputnik News*, 2017, June 15. Available at: <https://sputniknews.com/military/201706151054644820-russia-cut-defence-spending> (accessed: 07.07.2016).
18. Ukraine's Poroshenko stops military cooperation with Russia. *Russian News Agency*, 2014, June 17. Available at: <http://tass.com/world/736363> (accessed: 07.07.2016).
19. Reuters: Putin wants Russian defense industry to be self-sufficient. *Reuters*, 2014, May 14. Available at: <http://www.reuters.com/article/us-ukraine-russia-putin-defence-idUSBREA4D0BR20140514> (accessed: 07.07.2016).
20. Russian defense industry rids itself of dependence on Ukrainian components. *Russian News Agency*, 2017, March 24. Available at: <http://tass.com/defense/937195> (accessed: 07.07.2016).
21. Recknagel C. Complex Ties: Russia's Armed Forces Depend on Ukraine's Military Industry. *Radio Free Europe*, 2014, March 28. Available at: <https://www.rferl.org/a/russia-ukraine-military-equipment/25312911.html> (accessed: 07.07.2016).

**THE STRENGTHENING OF EXTREMIST GROUPS
IN THE U. S. THROUGH DISCOURSE, ITS ACCEPTANCE
IN THE EU AND THE AREA OF OPPORTUNITY
FOR RUSSIAN SOFT POWER**

Ivan J. Gonzalez Cedillo

This article analyses the increase of white supremacy in the United States and the European Union after the election of Donald Trump as president of the U.S. in 2016. This increase is linked to the normalization of offensive and extremist discourse used and promoted by D. Trump first as a candidate and then as president of the US. This work includes some examples of the acceptance and rejection of Trump's discourse by European politicians in some European Union countries and how some populist and nationalist leaders try to replicate his discourse to gain political power. The author analyses the possibilities for tools of soft power to present the Russian legal approach to countering extremism like white supremacy and Neo-Nazism to Western societies.

Keywords: extremism, discourse, nationalism, populism, white supremacy.

Globalization has entered a stage of stagnation and fierce criticism in the West, proof of this was the Brexit vote of 2016 and the election of Donald Trump as the president of the U.S. Reactionary negative nationalism has been seen as the answer to a perceived loss of identity and immigration enabled by globalization. With different laws and traditions regarding freedom of speech, the EU and the U.S. societies are failing in the fight against extremism that targets its own citizens and threatens to weaken the State and their identity as defenders of human rights and freedoms of individuals. This research focuses on the strengthening of far-right and alt-right groups and their ideology in the U.S. and how their acceptance in the EU might be growing, thanks to a distorted perception of freedom of speech and tolerance of the intolerant in both subjects of study. The experience of the Russian government in fighting extremism is taken into account for this research as a legal reference to understand of this concept. This research will address the questions: (1) have extremist groups in the U.S. become stronger thanks to the dominant political discourse? (2) can Russian soft power find a niche among Western societies to provide solutions against rising extremism?

Through a historical-political analysis of the period between June 2015 to December 2017 in which different events took place in and out of the US, this research will try to demonstrate the existence of a relation be-

Gonzalez Cedillo J. Ivan — PhD student, American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

tween the strengthening of extremist groups and individuals in the U. S. and the EU and the prevalence of a political discourse that enabled them. The subject of study of this research will be the American presidential administration represented by Donald Trump and the analysis will be divided in two parts, the first one from June 2015 to November 2016 and encompasses the period before his nomination as candidate of the Republican Party, then as the official candidate campaigning before Election Day.

The second part covers Trump's administration after winning the election, before being sworn President on Inauguration Day and after he took charge as President. As President Trump is only the face of his administration and his declarations are not entirely his own but those of the interests he represents, it is understandable names of other actors and positions will be included in this research, like that of Steve Bannon who served as White House Chief Strategist in Trump's administration. Having established this relation, the analysis moves on to understanding how this discourse has been accepted in the EU enabling politicians, groups and individuals that would like to replicate Trump administration's measures in the continent. Finally, the possibilities of Russian soft power to expand in Western societies the Russian approach to countering extremism is explored by analyzing the currently available paths that can be used.

Trump's Extremist Discourse

As a starting point, it is necessary to define extremism and since only one of the three subjects of this study (the US, the EU and the Russian Federation) has a legal definition for extremism, it will be the one used for this work. According to the National Antiterrorism Committee, extremism can be defined as the initiation of social, racial, national or religious discord; the violation of rights, freedoms and legitimate interests of people and citizens depending on their social, racial, national, religious or linguistic affiliation or attitude towards religion, among other characteristics [1]. Discourse is another relevant concept and can be defined as the special way of communication and understanding the world around U. S. or any aspect of it [2, p. 18]. This definition of discourse, does not limit it to the understanding of it as a written or spoke articulation of words but it also includes everything that is said, written, expressed (told or untold), as well as the way people interact with others and the environment. Discourse can also be the lack of interaction with others or with the environment, as this is also a form of expression of disinterest or dislike. Discourse has two sides, the one that is evident or spoken and the one that includes the omissions or the unspoken.

In Trump's discourse from June 2015 to November 2016, he announced his run for the Republican nomination. In June 2015 Trump started a public name calling of who their considered political enemies, a discriminatory and racist attitude towards specific groups, in this case it Mexican immigrants of whom he said: "When Mexico sends its people, they're not sending their best. They're not sending you. They're not sending you. They're sending people that have lots of problems, and they're bringing those problems with us. They're bringing drugs. They're bringing crime. They're rapists. And some, I assume, are good people" [3]. In December 2015, as a candidate, Trump expressed in a statement published by his campaign team the following about Muslims "Donald J. Trump is calling for a total and complete shutdown of Muslims entering the United States until our country's representatives can figure out what the hell is going on..." [4]. In March 2016, Trump said in an interview "I think Islam hates us" and continued by saying "We have to be very vigilant. We have to be very careful. And we can't allow people coming into this country who have this hatred of the United States." [5].

These declarations about Muslims and Islam are especially delicate as Trump made no difference between radical Islamists and Muslims who abide by the law in the U.S. and other countries. This sent an extremely dangerous message to his followers who then reinforced their perception of the *unknown other* (Muslims) by the words of someone who they perceived as an authority (Trump). Additionally, his declaration of March 2016 shows how he impersonates a religion (abstract concept) and gives it attributes proper of thinking individuals (emotions like hate), by saying "Islam hates us". With this, he enabled a response from his followers who instead of hating or being afraid of an abstract concept (Islam by itself), were able to do this on those they perceive are the impersonation of Islam, regardless of whether or not they are Muslims.

The other side of Trump's discourse (the omissions or the unspoken) reflected an association with white (ethnic European Americans) supremacists and racist individuals or groups who found in Trump's spoken discourse similarities to their own. One of the most relevant groups in this section was Breitbart, a news site dedicated to write and publish news targeting ethnic minorities, Islam and Muslims, women and feminism from a white supremacist and nationalist perspective. Steve Bannon, who served as chairman of this site, joined the Trump campaign in August 2016 and became Senior Counselor to the President when Trump won the presidency and was let go one year later. Stephen Miller was another figure of relevance in Trump's campaign team and that today serves in his cabinet and is said to be the creator of the travel ban targeting Muslim majority countries.

The second part of this analysis that starts from Inauguration Day on January 20, 2017 to the most recent declarations by President Trump in May 2018 has been marked by an increase in public demonstrations and rallies of openly racist, white supremacist and neo-Nazi groups. This increase seems to be in relation with the FBI statistics on hate crimes committed in 2016 and released in November 2017. These statistics show an increase of close to .05 % in hate crimes compared to 2015, passing from 5,800 crimes to 6,100 in 2016 [6]. The largest motivations were race/ethnicity/ancestry (57.5 %), religion (21 %) and sexual orientation (17.7 %) [7]. The two most targeted groups in the religious biased crimes were Jews (54.2 %) and Muslims (24.8 %). Figures of 2015 positioned Jews and Muslims also as the most targeted religious groups with 52.1 % and 21.9 % respectively, hence attacks against Jews increasing by 2.1 % and 2.9 % against Muslims [8]. Contrasting these numbers with other religious groups in the same period of 2015 — 2016, the increase in anti-Semitism and anti-Islamic attitude is even more evident as anti-Catholic decreased from 4.3 % in 2015 to 4.1 % in 2016, anti-multiple religions from 4.1 % to 3.1 %, anti-Eastern Orthodox from 3.6 % to 1.8 % and anti-Protestant from 3.4 % to 1.3 %, among others.

Numbers of 2017 are yet to be released; however, that year was of especial activity as with a Trump presidency, alt-right activism became aggressive, empowered by the dominant discourse of white supremacy. The “Unite the Right” rally held in Charlottesville, Virginia in August 2017 and organized by white supremacist Jason Kessler was the largest demonstration of this kind in recent years and dragged people from all over the country. During the “Unite the Right” rally, Nazi and Confederate flags were waved on the streets of the city, at the same time some attendees made the Nazi salute and other wore Trump’s campaign hats “Make America Great Again” (MAGA). Additionally, members of the racist group Ku Klux Klan also joined the rally. The “Klan”, as usually known, was thought to have disappeared after the Civil Rights movement, kept a low profile and only became more active after Trump, still a candidate, started talking about giving the country the lost glory back. Though, Trump’s first reaction to the events during the Unite the Right rally, where a counter protester was killed, was to blame violence on both sides (the alt-right and *alt-left*), an official statement was later released by the White House where one of the paragraphs reads “Racism is evil. And those who cause violence in its name are criminals and thugs, including the KKK, neo-Nazis, white supremacists, and other hate groups that are repugnant to everything we hold dear as Americans” [9]. However, this tougher and clearer declaration may have been the response to critics and accusations by the media and other politicians that Trump’s

first response lacked clarity and a strong condemnation of the far-right and Nazism.

There have been other cases in which, the president has been quick to react to terrorist attacks committed by militants of the Islamic State in the EU but when it comes to attacks that can be classified as terrorism committed in the U.S. by European Americans (*white* Americans) he has been slow to condemn them, if he does at all. This shows a clear position towards what he and his team considered should reach out to the audience and the message they intend to give to maintain their initial discourse on “*Islam hates us*”. The most recent declarations of discriminatory and dehumanizing type the president has given was in the month of June 2018, in which he referred to deported immigrants as animals: “We have people coming into the country, or trying to come in — and we’re stopping a lot of them — but we’re taking people out of the country. You wouldn’t believe how bad these people are. These aren’t people. These are animals. And we’re taking them out of the country at a level and at a rate that’s never happened before” [10].

Trump’s Discourse and the EU

But how has Trump’s presidency discourse been received in the EU? The most common scale to measure the qualitative reception of a discourse among a society is directly asking a sample how much they agree or disagree with it. However, for this research, the resonance of Trump’s message among EU politicians who because of their position, tend to represent the interests of the people, will be considered. Because of historical memory, it is understandable that for European states, fighting and preventing Nazism as well as the uprising of the alt-right is of high interest through the establishment of laws that limit incendiary and offensive speech, unlike in the U.S. where a distorted concept on freedom of speech prevents the state from limiting offenses from individuals directed at other individuals. After the “Unite the Right” rally, Prime minister of the UK Theresa May condemned the events in an unofficial communication via twitter stating “The UK stands with the U.S. against racism, hatred and violence.” and German Chancellor Angela Merkel through a spokesperson expressed it was an “absolutely repulsive” demonstration of “outrageous racism, anti-Semitism and hate in its most despicable form” [11]. President of France Emmanuel Macron expressed via Twitter his position “Alongside those who fight against racism and xenophobia. Our common fight, yesterday as today” [12]. Though the EU is made up of still 28 members, these three leaders of the UK, Germany and France

have been the most critical and vociferous towards the Trump presidency, not only because of the declarations of cutting financing of NATO or Trump's position towards Russia's growing influence in the continent but also because of their own problems with white supremacists and nationalist groups that felt empowered by the current discourse of the White House.

Possibly thanks to more conscious and actual laws on freedom of speech, some of them as a result to preventing the resurgence of Nazism after 1945 as well as a more extended rejection of it among Europeans, the power of the alt-right and Neo-Nazism in the EU has been limited. Nevertheless, a regionalized alt-right has emerged in the UK represented by personalities like Paul Golding and Jayda Fransen of the Britain First movement, founded in 2011 [13]. The slogan of Trump's Inauguration Day was America First, creating yet another ideological bridge between the two transatlantic nativist movements. Britain First shares an extremely similar agenda to Trump's White House, like an anti-immigrant and anti-Islam discourse, the isolation and self-sufficiency of the country in the economics and a Christian identity among others. Marine Le Pen's Front National represents the most French nationalism in politics that targets immigrants, Islam and supranational organizations like the EU and NATO. Marion Marechal Le Pen, niece of Front National leader and former politician, in her words, is a supporter of "America first for the Americans, England first for the English and France first for the French" [14].

Additionally, German politics appeared to have been resistant to the transatlantic nationalist wave until the parliamentary elections of 2017 in which the radical right-wing AfD finished third most voted party and got seats at the Bundestag. There are other examples across the EU of uprising nationalism that mimic Trump's MAGA movement or use a similar slogan, like the Finns Party in Finland or the Party for Freedom in the Netherlands.

Russian soft power and American extremism

Existent Russian soft power is made up of news channels, online and private tv, movies, cultural exhibitions and even the music industry. Among the most known actors are the news channels RT and Sputnik, usually targeted by Western governments and labeled as government propaganda. Since its launch 2005, RT has managed to grow fast and expand in the American continent and the EU. RT has included a strategy of exposing the fails in the international and national American and EU policies; however it has failed to show more of Russia abroad. Its cultural reporting on

the ethnic groups living in Russia is still made from a Russian perspective to a Russian audience. However, for their approach to more masses, news channels are the most suitable means to expand and inform the Russian approach to countering extremism.

Next question is, can these means be used to explain Russia's approach to countering extremism? Unfortunately, some of these news channels are already a target of the U.S. and EU governments and considered by some of their citizens as Russian propaganda, so it is extremely doubtful a direct PR strategy would work. However, a more subtle strategy that includes a historical analysis of the Soviet victory over Nazism, the concept of "Friendship of the Peoples" and the current Russian constitution with its articles on the protection of multinationalism and multi-confessionalism could be well received among some sectors in the American society and it could also serve as tough criticism against the current Trump administration. Additionally, more media content should be produced showing the rich composition of the Russian society that despite the majority being ethnic Russians, they mingle with other ethnic groups in a relative peaceful coexistence. With an already existent negative attitude towards Russian media, it would be very difficult for a government supported PR subtle strategy to show the Russian approach to fighting extremism will grapple among Americans or EU citizens, but not impossible.

Conclusions

Some obstacles will need to be overcome in order to make Russia an attractive example to Americans who feel deceived by the inaction of their government in regards to stopping the resurgence of racism and the emergence of other extremist groups. First, it will be necessary to convince a Cold War era attitude of confrontation in a bipolar world has been abandoned. Second, Westerners should be shown what they lack in their own country which in this case is a convincing discourse against a growing ethnic supremacy and neo-Nazism and strong laws against extremism. Russia's approach should be seen as an option not a solution to American issues with extremism and it should be of interest for the Russian government to serve as such option in fighting extremism in all its shapes, whether it is jihadism, neo-Nazism, fascism, white supremacy, and more, to prevent those movements from setting roots in Russian territory.

Acknowledging whatever works in one society may not work in another because of many factors like history, culture, traditions and more, the success the Russian government has had in keeping neo-Nazism and other ethno-nationalist and supremacist movements at bay could not work in an

American society proud of their understanding of freedom of speech. Nevertheless, this research presents areas of the Russian soft power strategy, the sociological study and extremism of the American society that need to be explored in depth.

References

1. Law on “On countering extremist activity”. Federal law of the Russian Federation. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=14&nd=102079221&intelsearch= (accessed: 05.02.2018). (In Russian)
2. Fillips L., Jorgensen M. *Discourse analysis. Theory and Methodology*. 2nd ed., Khar'kov, Gumanitarnyi Centr Publ., 2008. (In Russian)
3. Donald Trump speech, debates and campaign quotes. *Newsday*, 2016, November 9. Available at: <https://www.newsday.com/news/nation/donald-trump-speech-debates-and-campaign-quotes-1.11206532> (accessed: 05.05.2018).
4. Johnson J. Trump calls for ‘total and complete shutdown of Muslims entering the United States.’ *Washington Post*, 2015, December 7. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/12/07/donald-trump-calls-for-total-and-complete-shutdown-of-muslims-entering-the-united-states/?noredirect=on&utm_term=.40baba73faa3 (accessed: 05.02.2018).
5. Schleifer T. Donald Trump: ‘I think Islam hates us.’ *CNN*, 2016, March 10. Available at: <https://edition.cnn.com/2016/03/09/politics/donald-trump-islam-hates-us/index.html> (accessed: 05.02.2018).
6. Berman M. Hate crimes in the United States increased last year, the FBI says. *Washington Post*, 2017, November 13. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/post-nation/wp/2017/11/13/hate-crimes-in-the-united-states-increased-last-year-the-fbi-says/?utm_term=.6cc23737de77 (accessed: 05.02.2018).
7. 2016 Hate Crime Statistics. FBI: UCR. Available at: <https://ucr.fbi.gov/hate-crime/2016/topic-pages/incidentsandoffenses> (accessed: 05.16.2018).
8. 2015 Hate Crime Statistics. FBI: UCR. Available at: https://ucr.fbi.gov/hate-crime/2015/topic-pages/victims_final (accessed: 05.02.2018).
9. Statement by President Trump. *The White House*, 2017, August 14. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-trump/> (accessed: 05.05.2018).
10. Lind D. Trump on deported immigrants: “They’re not people. They’re animals.” *Vox*, 2018, May 17. Available at: <https://www.vox.com/2018/5/16/17362870/trump-immigrants-animals-ms-13-illegal> (accessed: 05.18.2018).
11. Henley J. ‘We condemn the far right’: Britain and Germany respond to Charlottesville. *The Guardian*, 2017, August 14. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/aug/14/charlottesville-virginia-theresa-may-angela-merkel> (accessed: 05.18.2018).
12. Charlottesville: Macron se dit “aux côtés de ceux qui combattent le racisme”. *L'express*, 2017, August 17. Available at: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/charlottesville-macron-se-dit-aux-cotes-de-ceux-qui-combattent-le-racisme_1935944.html (accessed: 05.18.2018).

13. Britain First Leadership Team. Britain First. Available at: <https://www.britainfirst.org/leadership> (accessed: 05.18.2018).

14. Souiller L. Aux Etats-Unis, Marion Maréchal-Le Pen veut “make France great again”. *Lemonde*, 2018, February 2. Available at: http://www.lemonde.fr/politique/article/2018/02/22/aux-etats-unis-marion-marechal-le-pen-veut-make-france-great-again_5261135_823448.html (accessed: 05.18.2018).

УДК 327

ФАКТОР САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И США ПРИ ПРЕЗИДЕНТСТВЕ Д. ТРАМПА: ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ НА ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР

С. В. Елизаров, С. А. Игнатьев

Настоящая статья посвящена изучению влияния на глобальный мир фактора политико-экономических санкций в российско-американских отношениях при президенте Д. Трампе. Авторы сконцентрировались на политико-правовом аспекте данного влияния в попытке определить объективную роль санкций, механизмы влияния, а также осуществили попытку сформулировать возможные сценарии развития — как позитивные, так и негативные. Авторы пришли к выводу, что фактор санкций в российско-американских отношениях за последние полтора года превратился в действительную угрозу мировому сообществу, поскольку он служит катализатором эрозии существующего международно-правового порядка наравне с разрушением политико-экономической системы международных отношений и гонкой вооружений.

Ключевые слова: российско-американские отношения, санкции, международное право, дипломатия, глобальный мир, гонка вооружений.

Елизаров Савелий Владимирович — магистрант юридического факультета, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43.

Игнатьев Сергей Александрович — магистрант юридического факультета, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43.

Elizarov Savely — master student, Faculty of Law, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (NWIM RANEPА), 57/43, Sredny pr. V.O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation.

Ignatyev Sergey — master student, Faculty of Law, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (NWIM RANEPА), 57/43, Sredny pr. V.O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation.

SANCTIONS IN RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE UNITED STATES UNDER D. TRUMP: POLITICAL AND LEGAL EVALUATION OF GLOBAL IMPACT

S. Elizarov, S. Ignatyev

This article focuses on analysis of sanctions in relations between Russia and the United States under the presidency of Donald Trump and their political and legal evaluation of global impact. The authors attempted to define the importance of sanction-factor for international society and tried to construct both positive and negative scenario cases as well. The authors concluded that current sanctions in relations between Russia and the United States have become a real danger for peace and global security over the last year and a half because they as a catalyst for destruction of existing international institutions and global order through destabilization of international law, world economic system and the nascent arms race.

Keywords: Russian-American relations, sanctions, international law, diplomacy, global world, arms race.

Еще за год до избрания 45-м президентом США в интервью телеканалу «Fox News» в декабре 2015 г. Дональд Трамп заявил: «Я всегда чувствовал, что для победы над терроризмом и восстановления мира, не говоря уже о торговых и иных преимуществах взаимного уважения, США и Россия должны работать вместе» [1]. Намерения нормализовать отношения между двумя державами также многократно озвучивались кандидатом от Республиканской партии на протяжении всей избирательной кампании в осторожных, но все-таки недвусмысленных формулировках.

В контексте мирополитических процессов, осложнившихся событиями на Ближнем Востоке и Украине, особенный интерес в кругах политического истеблишмента и в научно-исследовательской среде проявляется к перспективам российско-американских отношений после президентских выборов в США 2016 г. Катализатором нестабильности в этом межгосударственном диалоге становятся масштабные политико-экономические санкции, а последствия применения взаимных репрессалий все более ощутимо влияют на всю архитектуру международных отношений и глобальный политический климат. Так, в Послании Федеральному Собранию 2018 г. В. Путин, излагая свое видение положения дел в мире, отметил, что на протяжении последних 15 лет осуществляются попытки развязать гонку вооружений, получить в отношении России односторонние преимущества, вводятся незаконные с международно-правовой точки зрения ограничения и санкции [2].

Таким образом, для ученых-международников, дипломатических кругов и политиков является актуальной проблемой оценка изменений во внешнеполитических практиках России и США при президен-

те Д. Трампе, в фокусе которых — влияние односторонних санкций на мировую политику. На наш взгляд, поскольку речь идет о глобальном измерении российско-американских отношений на современном этапе, подобный политико-правовой анализ целесообразно проводить с позиций структурного реализма. Иными словами, рассматривая международную структуру, в которой Россия и США выступают в качестве ключевых элементов, следует ответить на следующие вопросы мировой политической повестки:

1. Влияет ли фактор санкций в российско-американских отношениях на глобальный мир?
2. Каков механизм этого влияния?
3. Каковы возможные сценарии развития — позитивные и негативные?

Однако прежде всего следует разобраться с самим понятием односторонних санкций в терминологическом аппарате современных общественных наук.

В международном публичном праве понятие «санкция» занимает достаточно скромное место, несмотря на многофакторную актуализацию его использования далеко за пределами сообщества ученых-юристов и международников. Отсутствие общепризнанной дефиниции порождает терминологическую неоднозначность понятия и в конечном итоге сказывается на операциональности употребления термина в литературе и в научном дискурсе в целом. Сложность появления общепризнанной формулировки во многом определена исторически, поскольку с начала истории применения санкций, которыми признано наложение в 432 г. до н. э. Афинским морским союзом (Делосской симмахией) на город Мегару (входивший в Пелопоннесский союз) запрета на миграцию беглых афинских рабов и сельскохозяйственного использования приграничных территорий [3, с. 120], рестриктивные меры существенно изменились и складываются в обособленный политико-правовой институт, шире — в международный санкционный режим со своей структурой и правилами, порождающими в условиях развитой глобализации всеобщую взаимозависимость. Функционирование каждого такого института имеет свою логику развития, оказывает существенное влияние на всю архитектуру современных международных отношений.

В контексте нашей темы наиболее интересно доктринальное толкование термина, сформулированное итальянским исследователем Лаурой Форлати Пиккио, в котором под санкциями подразумевается наказание и, вероятно, предупреждение, которое либо предусмотре-

но, либо не запрещено практикой международного права по отношению к неприемлемому поведению государства-нарушителя и служащее целям возмещения [4, с. 56]. Такая трактовка понятия санкций делает термин эвристически более ценным и аппликативным в качестве категориального элемента анализа применения инструментов политического давления и оценки последствий такой практики на глобальный мир.

Говоря о теории односторонних санкций, следует отметить, что в научной литературе представлены три их разновидности: во-первых, это санкции, применяемые отдельными государствами в одностороннем порядке при отсутствии соответствующего решения Совета Безопасности ООН; далее выделяют санкции, применяемые государством в дополнение к санкциям Совета Безопасности ООН; и, наконец, третью группу репрессалий составляют санкции, применяемые отдельным государством во исполнение санкций Совета Безопасности ООН, но с превышением их по объему санкционных режимов [5, с. 71–72]. Характер санкций США в отношении России наиболее четко укладывается в характеристику первой группы.

Анализ массива документационного обеспечения деятельности Администрации Д. Трампа¹, более точно именуемой Исполнительным офисом президента США (Executive Office of the President), состоящим в основном из помощников и советников главы государства, размещен на сайтах Белого дома и Государственного департамента США и, к сожалению, не позволяет сформулировать ни внешнеполитическую доктрину санкционной политики в отношении России, ни даже логику внешнеполитической практики 45-го американского президента и Исполнительного офиса под руководством главы аппарата Белого дома Джона Келли. Обратимся к конкретным примерам.

В середине января 2017 г. Дональд Трамп дал свое первое интервью, в котором новоизбранный американский лидер впервые высказался о готовности рассмотреть варианты по снятию санкций с России в обмен на российско-американский консенсус по вопросу ядерного нераспространения и последующего нового соглашения в данной области межгосударственной интеракции. По этому вопросу между двумя странами было достаточно полное взаимопонимание, выработанное на примере кооперации во время голосования в Совбезе ООН по Иранскому досье в 2006 г. [6, с. 8–10]. Также избранный президент высказал личное одобрение британским властям в отношении

¹ См.: официальный сайт Белого дома. URL: <https://www.whitehouse.gov>; официальный сайт Государственного департамента США; URL: <https://www.state.gov/e/eb/tfs/spi/ukrainerrussia/> (дата обращения: 22.03.2018).

выхода Великобритании из Евросоюза. Более того, Д. Трамп решился откровенно изложить свое видение перспектив крупнейшего военно-политического блока и назвал НАТО «устаревшей организацией» [7].

Однако после инаугурации идейный вектор внешней политики Трампа начал быстро смещаться в противоположную сторону ранее обозначенных приоритетов. Характеризуя этот поворот словами американского медийного истеблишмента, цитирующего бывшего высокопоставленного чиновника Госдепартамента, можно сказать, что основным мотивом такого поведения на международной арене могло стать желание избежать игры в одни ворота, когда «Россия могла получить все, что хочет, не давая взамен совершенно ничего» (*exactly what they wanted in exchange for absolutely nothing*) [8]. Здесь важно понимать, что подобная трактовка была поддержана ведущими новостными акторами и превалировала (во многом благодаря СМИ) в общественном дискурсе.

В таком контексте становится более понятным и решение Трампа в июне того же года о продлении на год санкций в отношении Белоруссии — ключевого союзника России на постсоветском пространстве. При этом американский президент уточнил, что «действия отдельных членов правительства Белоруссии и других людей и проводимая ими политика все еще представляют чрезвычайную угрозу национальной безопасности и внешней политике Соединенных Штатов» [9]. С такой мотивировочной частью согласиться достаточно трудно, да и увидеть саму логику принятия такого решения вне контекста общественного и международного (в первую очередь со стороны лидеров Евросоюза — Великобритании, Франции и Германии) давления будет еще сложнее.

На этом фоне доктринальное обеспечение российской внешней политики и консолидированное мнение отечественного экспертного сообщества выглядят иначе: позиции ключевых российских структур, ответственных за вопросы внешней политики, и подходы отечественного экспертного сообщества наряду с контент-анализом медийного пространства России дают возможность сформулировать понимание санкционного фактора в нашей стране.

Отправной точкой в понимании российской логики развития санкций служит, как это не раз бывало в истории нашего Отечества, мотив справедливости и равенства участников на международной арене и право на государственный суверенитет (суверенность) с другой стороны. Известно, что события зимы-весны 2014 г. в известной степени спровоцировали США на принятие таких мер, как введение экономических санкций, начало которым положил еще Барак Обама, заявив 28 февраля 2014 г. в своей речи в связи с событиями на Укра-

ине: «За это придется заплатить» («There will be costs») [10]. Вопрос в том, придется ли России платить за санкции в одиночку или же подобные меры имеют негативное влияние на всю систему международных отношений и мировую политику?

Механизм трансформации влияния односторонних санкций США в отношении России на развитие мировой экономики и политическую жизнь мирового сообщества, как нам представляется, основан на нарушении упорядоченности самой системы отношений между нациями. В термодинамике есть понятие точки бифуркации. Это довольно схожее явление для того, что в данный момент можно видеть на международной арене. Непоследовательные, односторонние, зачастую противоречащие международной обстановке американские санкции дестабилизируют систему международных отношений экономически и политически, в силу чего эта система вступает в критическое состояние неопределенности.

Начинается эрозия международных институтов, возникают устойчивые процессы в международных организациях и на глобальных переговорных площадках, сам смысл которых, подобно Совету Безопасности ООН, изначально заключался в поиске консенсуса между ведущими мировыми державами. Ярким примером здесь послужат «Большая восьмерка» (ныне опять «Большая семерка»), Парламентская ассамблея Совета Европы, Всемирный банк (в 2014 г. МБРР заморозил принятие решений о новых проектах в нашей стране), Европейский банк реконструкции и развития — работа во всех этих структурах оказалась нарушенной из-за неконструктивного отношения к российской стороне. И это опять же фактор санкций США в российско-американских отношениях.

Таким образом, можно утверждать, что фактор санкций в российско-американских отношениях при президентстве Трампа превратился в один из факторов-угроз мировому сообществу. Подобные негативные тенденции в перспективе могут развиваться по двум наиболее общим сценариям. Во-первых, современный миропорядок может быть нарушен и состояние международной среды будет все больше характеризоваться как хаотическое (со всеми сопутствующими процессами и вытекающими последствиями). Это негативный тренд. Во-вторых, если отрицательные тенденции, связанные с фактором санкций, будут успешно преодолены, возможен выход на качественно новый уровень упорядоченности системы международных отношений. Возможно, с точки зрения теории мирового порядка это будет новая эра в истории международных отношений с соответствующим ей миропорядком. Таков позитивный тренд.

Для развития позитивного сценария важным является отношение мирового сообщества к применению односторонних (с точки зрения международного права юридически сомнительных) международных санкций. Российский исследователь В. М. Корякин отмечает, что санкции будут заслуживать критики в нескольких случаях. Во-первых, если они вводятся государством, не страдавшим от недружественной политики государства-адресата (в случае с санкциями США в отношении России этот тезис полностью применим). Во-вторых, если они приводят к негативным последствиям для третьих государств. В-третьих, если такие санкции носят карательный характер. В-четвертых, когда санкции явно несоразмерны вызвавшему их недружественному жесту. В-пятых, идут вразрез с ключевыми нормами международных отношений. И, наконец, если рестриктивные меры продолжаются, несмотря на прекращение недружественной политики государства-адресата и на начало переговоров [11, с. 146]. Эти критерии весьма применимы для характеристики процессов в российско-американских отношениях в контексте санкционной войны, из чего можно сделать вывод о разворачивании скорее положительно-го сценария, чем негативного.

Наконец, очерчивая перспективы исследования фактора санкций в российско-американских отношениях при президенте Д. Трампе и их влияния на глобальный мир, следует отметить, что для выявления направленности тренда и политического прогнозирования на основе проблемно-целевого критерия в первую очередь полезно обратиться к специализированным докладам профильных структур ООН, исследовать резолюции Совета Безопасности ООН и подвергнуть всестороннему рассмотрению доктринальное обеспечение внешнеполитической деятельности постоянных членов Совета Безопасности ООН — Великобритании, КНР, России, США и Франции в части их стратегического видения формирующегося постбиполярного миропорядка в условиях намечающейся гонки вооружений, эрозии международного режима нераспространения ядерного оружия и связанного с этим северокорейского кризиса (в год 50-летия Договора о нераспространении ядерного оружия), снижения эффективности борьбы мирового сообщества с международным терроризмом и экстремизмом и появления новых очагов нестабильности, поскольку именно этот круг вопросов является проблемным полем влияния фактора санкций в отношениях России и США на современную международную жизнь и будущее мира.

Литература

1. Trump praises Putin compliments, brushes off killing record // FOX News Network, 2015. URL: <http://video.foxnews.com/v/4667161712001/?sp=show-clips> (дата обращения: 16.03.2018).

2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 18.03.2018).

3. Дмитриева Н.И. Экономические санкции как инструмент политического давления // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk_52._oktjabr_2015_g._problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/dmitrieva.pdf (дата обращения: 02.04.2018).

4. Деко Э. Определение традиционных санкций: их объем и характеристики // Международный журнал Красного Креста. 2008. Т. 90. № 870. С. 55–67.

5. Кешнер М.В. Легитимность односторонних санкций в современном международном праве // Международное право и современные теории международных отношений: аспекты сочетаемости / под ред. А. Н. Вылегжанина. М., 2013.

6. Игнатьев С.А. Дипломатия Российской Федерации в области ядерного нераспространения как фактор урегулирования корейской проблемы // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 56–77.

7. Diaz D. Trump suggests he would be open to lifting sanctions on Russia, 2018. URL: <https://edition.cnn.com/2017/01/13/politics/donald-trump-russia-sanctions-taiwan/index.html> (дата обращения: 27.03.2018).

8. Bertrand N. Former officials: Trump seemed prepared to lift Russia sanctions 'in exchange for absolutely nothing' // Business Insider, 2017. URL: <https://www.businessinsider.com/trump-wanted-to-lift-russia-sanctions-days-after-taking-office-2017-6> (дата обращения: 15.04.2018).

9. Трамп продлил санкции против Белоруссии на год // Новости РБК, 2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5940fe019a794737e0bbb91e> (дата обращения: 16.04.2018).

10. "There will be costs" — Text of Barack Obama's statement on Ukraine // The Washington Post, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2014/02/28/there-will-be-costs-text-of-obamas-statement-on-ukraine/?noredirect=on&utm_term=.abd471369e02 (дата обращения: 29.04.2018).

11. Корякин В.М. Односторонние санкции в международных отношениях как элемент технологии «цветных революций» // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 143–147.

References

1. Trump praises Putin compliments, brushes off killing record. FOX News Network, 2015, December 18. Available at: <http://video.foxnews.com/v/4667161712001/?sp=show-clips> (accessed: 16.03.2018).

2. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly 03/01/2018. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (accessed: 18.03.2018). (In Russian)

3. Dmitrieva N.I. Economic sanctions as an instrument of political pressure. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 2015, no. 52. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk__52._oktjabr_2015_g._/problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/dmitrieva.pdf (accessed: 02.04.2018). (In Russian)

4. Deko E. Definition of traditional sanctions: their scope and characteristics. *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta*, 2008, vol. 90, no. 870, pp. 55–67. (In Russian)

5. Keshner M. V. The legitimacy of unilateral sanctions in modern international law. P. 71–84. *Mezhdunarodnoe pravo i sovremennye teorii mezhdunarodnyh otnoshenii: aspekty sochetaemosti*. Ed. by A. N. Vylegzhanin. Moscow, MGIMO Publ., 2013. (In Russian)

6. Ignatyev S. A. Russian diplomacy in the field of nuclear non-proliferation as a factor in resolving the Korean problem. *Rossiiia v global'nom mire: novye vyzovy i vozmozhnosti*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2015, pp. 56–77. (In Russian)

7. Diaz D. Trump suggests he would be open to lifting sanctions on Russia (January 14, 2018). Available at: <https://edition.cnn.com/2017/01/13/politics/donald-trump-russia-sanctions-taiwan/index.html> (accessed: 27.03.2018).

8. Bertrand N. Former officials: Trump seemed prepared to lift Russia sanctions 'in exchange for absolutely nothing'. *Business Insider*, 2017, June 2. Available at: <https://www.businessinsider.com/trump-wanted-to-lift-russia-sanctions-days-after-taking-office-2017-6> (accessed: 15.04.2018).

9. Trump extended sanctions against Belarus for a year. *News RBC*, 2017, June 14. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5940fe019a794737e0bbb91e> (accessed: 16.04.2018). (In Russian)

10. “There will be costs” — Text of Barack Obama’s statement on Ukraine. *The Washington Post*, 2014, February 28. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2014/02/28/there-will-be-costs-text-of-obamas-statement-on-ukraine/?noredirect=on&utm_term=.abd471369e02 (accessed: 29.04.2018).

11. Koryakin V. M. Unilateral sanctions in international relations as an element of the technology of “color revolutions”. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï*, 2016, no. 1 (6), pp. 142–147. (In Russian)

A MISSING LINK: (LACK OF) MUTUAL TRADE AND ITS IMPLICATIONS FOR U. S.-RUSSIAN RELATIONS

Zakhary John Kramer

This article examines the U.S.-Russian trade relationship in the context of international relations theory on trade and peaceful relations. It introduces the argument that while the conventional wisdom on the lack of robust trade relations between the two countries points to the historically poor relations between them as a primary cause, an established body of IR literature indicates that poor relations and conflict are more likely in cases where trade ties are underdeveloped, suggesting the assumptions about cause-and-effect in the U.S.-Russian relationship may be worth a partial reconsideration. The article closes with some discussion of the state of trade such as it is and the potential long-term equilibrium it might reach in circumstances other than the current state of political tensions.

Keywords: the USA — Russia, bilateral trade, International relations, Interdependence, political economy.

International trade between modern Russia and the United States has consistently been conducted on a smaller scale than the size of the two economies would predict. This is an overlooked aspect of the persistence of Cold-War era features of the countries' international relations. For Russia, the Soviet era was characterized by a lack of foreign trade in general (at least outside the COMECON framework), but weak trade ties with the U.S. have persisted despite Russia becoming a relatively trade-oriented, open economy and member of institutions like the World Trade Organization and the International Monetary Fund. A review of the trade data from Harvard University's "Atlas of Economic Complexity" for 2016 (the most recent available year) shows that the U.S. and Russia are both substantially integrated with the two major economic blocs of China and the European Union, but do relatively little trade with each other, with Russian exports to the U.S. accounting for less than 5% of the Russian total and U.S. exports to Russia less than 1% of the American total [1], figures roughly in line with the prevailing historical averages since the beginning of the post-Soviet era.

While political and ideological factors have usually been emphasized as the key drivers of the history of generally tense and unstable U.S.-Russia relations, the lack of robust mutual trade relations may have significantly contributed to this outcome. The lack of developed trade relations has likely played a role in the US's willingness to engage in high-stakes brinkmanship with Russia of late, and in general contributed to what often seems

Kramer Zakhary John — Master student, University of Bologna, 33, Via Zamboni, Bologna, 40126, Italy.

a habitually poor state of relations between the two countries. The essential argument this article aims to advance is that weak trade ties between Russia and the U.S. are not necessarily exclusively an outcome of poor political relations, but perhaps also, partially, a cause of them. And yet the surprising resilience of the trade ties that do exist even during a period of particularly tense relations suggest that there may well be a solid if small foundation to build on over the long-term, which, in theory, should in itself promote better U.S. — Russia relations.

Theoretical Background

Ever since the sharp increase in international trade among the global powers of the day amidst the industrial revolution in the 19th century, political theorists have been interested in the relationship between trade and peaceful relations between nations [2], particularly where these questions pertain to the most powerful states in the international system. Indeed, political economist Karl Polanyi argues that the breakdown in international trade under an overly-restrictive foreign exchange system in the early 20th century was the single most significant factor in the outbreak of World War One among the imperial powers [3]. Examining the causes of the second world war as it was unfolding, the early work of Albert Hirschman opened the modern social-scientific discussion of the relationship between peace, trade and power [4]. Since then a great many prominent scholars have analyzed the relationship between international trade and peaceful international relations, and have generally found that increased levels of trade between two countries contribute to the establishment of peaceful relations, generally explained by the postulate that relations of economic interdependence increase the costs associated with conflict and war for both parties and reduce any potential that might exist for long-term gains [5]. This encourages the maintenance of stable and friendly ties, with certain scholars producing findings that add caveats specifying that only free trade reduces conflict [6] or that dependence must be mutual rather than “asymmetrical” (i. e. one-sided) [7].

The most recent trade data combined with existing theory on the relationship between trade and international relations suggests that a low level of trade between Russia and the U.S. make the economic costs associated with provocative political rhetoric and brinkmanship toward Russia much lower for the U.S. than for most European countries (which are much more economically dependent on Russia). This may also help to explain the relative stability of the EU-Russia relations and the lower level of enthusiasm for the current sanctions regime in Europe relative to the U.S. [8]. In the

absence of robust economic ties that can be manipulated through the imposition of genuinely costly sanctions or tariffs, disputes between the U.S. and Russia have little arena to play out in other than the high political one; it could be argued that the recent reciprocal closure of Russian and U.S. consulates might perhaps have been avoided if there were not simply so few alternatives left in the underdeveloped economic sphere. Interdependence theory may also help to explain the relatively warm relations the United States enjoys with China and Saudi Arabia, countries with which the U.S. arguably has even more fundamental political differences with than it does with Russia, and likewise Russia's history of good relations with liberal western European countries like the Netherlands and Germany.

What Trade does Exist?

Perhaps unsurprisingly, Russia's single most significant export to the United States is refined petroleum oil, accounting for approximately half of the total Russian exports to the U.S. in any given year (fluctuating slightly on the basis of the oil price). Other major export categories were iron, steel, and aluminum products, platinum, radioactive components involved in nuclear energy production, and fertilizers. The USA exports to Russia are composed of aircraft and aircraft parts, automobiles, industrial machinery, and medical equipment and supplies. In total Russia exported about 50% more to the U.S. (\$15 bln) than the U.S. exported to Russia (\$10 bln) in 2016, in line with Russia's aggregate global trade surplus and the US's aggregate global trade deficit.

One salient feature of the Russian export mix to the United States is that virtually none of it falls under any category of consumer goods, i. e., those goods that ordinary people are likely to come into contact with in retail environments and recognize as being from Russia. It has instead been dominated by indiffereniable commodities involved in production processes. While the level of trade between the countries is low, this has perhaps contributed to a public perception in the United States that trade with Russia is even lower than it actually is, or even nonexistent. The historical lack of emphasis on the quality and variety of consumer goods or on the development of internationally-recognizable branding in the Soviet era has likely contributed to Russia's consistently small share in the enormous American consumer goods market, which has been thoroughly penetrated by exports from other countries including China, Japan, South Korea and Germany.

Conversely, Russian consumers may feel themselves quite inundated by American products, notably soft drinks, beer, tobacco products, snack foods, and fast-food restaurants. Yet by and large these products are pro-

duced in Russia under license (or in the case of fast-food restaurants, through franchising agreements), and thus are not aggregated as part of foreign trade between the countries [9]. But between these recognizably American products and the ubiquity of American cars in Russia, American products are undeniably more prominent in Russia than Russian products are in the United States. What this means within the context of interdependence theory is unclear; is a dollar in aluminum exports of the same value in promoting peaceful relations as a dollar's worth of Coca-Cola?

The other salient feature of the data on U.S. — Russian trade is that it has been fairly stable in light of the recent crisis, particularly when the effects of the decline in oil prices and other commodities are taken into consideration. While trade decreased after the U.S. imposition of sanctions on Russia in 2014, it did not collapse, and appears to have more or less stabilized since then. This could be viewed as a sort of test case for interdependence. Despite the most dysfunctional period in U.S. — Russian relations since the Cold War and a clear and deliberate U.S. effort to use its economic leverage to pressure the current government of Russia through sanctions, there are certain commodities and other articles that the USA evidently simply cannot do without, and likewise a variety of imports that Russia is still apparently willing to buy from the USA despite its counter-sanctions regime and current stated policy of import substitution [10]. Optimistically, this could be read as the sign of a kind of weak or emergent interdependence, one not strong enough to constrain political actors but not weak enough to be erased by a period of severely strained relations.

Looking to the Future

If we can look beyond the current political climates in Russia and the U.S. and the contemporary debates about the immediate future of their relations, it might be argued that there are in the long-term some secular trends that suggest that the U.S. and Russia are quite likely to grow increasingly interdependent over time. Viewed as separate civilizations, many might argue that the U.S. and Russia are simply incompatible with one another and the current environment of political tensions and weak economic ties is likely to persist indefinitely. But thinking about U.S. — Russia economic relations in the context of a singular, global civilization, it becomes immediately apparent that there are enormous opportunity costs to maintaining the *status quo*, and that those costs may indeed be growing.

The clearest reason why this is the case is the implication of the relationship between the US's status as the world's second largest economy (and one aiming to consistently grow faster than the developed-world average)

and Russia's status as the world's largest state and its attendant, massive endowment of a wide variety of natural resources. If the United States is to maintain its role as the engine of growth and hub of global financial capital among the wealthy Western countries, it will inevitably require access to greater and ever more varied resources. All things being equal, ruling out one potential provider of those resources inevitably increases the cost of obtaining them from others, and that is likely at least as true with Russia as with any other country. Likewise, if Russia is to continue its modern national project of rapid growth and a continuing a convergence of its living standards with those of the West, much of the necessary capital is likely to come from the sale of its natural resources abroad, and the United States is likely to continue to constitute an enormous market for a wide variety of Russia's resources. In sum, if both of these economies are to grow more rapidly than the global average, the exchange of natural resources and capital between them is likely to intensify over the long-term.

The second factor is a sobering one: the melting of the northern ice cap and the emergence of viable trans-Arctic sea routes. While the overall consequences of this event are likely to be quite devastating, even a partial recession of the ice cap from its current summertime levels would make shipping between Russia and North America substantially more viable and contribute to a general integration of both Russia's and the US's eastern and western coasts through the Northwest Passage/Northern Sea Route (*Severo-Zapadnyi Prochod*). More broadly, the effects of global warming are likely to make the discovery and exploitation of resources in Russia less cost-intensive and more viable over the long-run [11].

Finally, as the world continues its general long-term trend towards increasingly less labor-intensive agriculture and manufacturing, the relative share of services in employment and gross domestic product is likely to continue to increase, and neither Russia or the U.S. appear to be exceptions to this pattern. This development has led to an increasing role for service exports around the globe. With its large, highly educated, urbanized, internet-connected population and low labor costs, Russia is in a favorable position to increase its share of global service exports, particularly in the increasingly dominant field of IT. Likewise, demand for U.S. services in Russia is likely to increase if the Russian economy continues to grow and gradually becomes more liberalized and integrated into the global economy, particularly in those service export sectors led by American firms including financial services and business consulting. The emerging role of service exports represents an opportunity for Russia to move beyond its reliance on primary commodities and heavy industry, and for the United States to retain its position in the global economy in an era where its manufacturing

and other sectors struggle to compete with China and other countries. Service exports are thus likely to play a major role in both countries' futures, as well as the evolution of their economic relations with one another.

Conclusions

The existing body of empirical research suggests that, all else being equal, countries that do more trade with one another are more likely to maintain peaceful international relations with one another. The current environment of sanctions and counter-sanctions dominating the discourse surrounding U.S. — Russia relations risks a tendency towards viewing trade relations as exclusively an outcome of the state of international relations rather than as also being a possible determinant of them. In dollar terms, Russia exports more to the U.S. than it imports, but American consumer goods are more prominent in Russia than Russian primary commodities are in the US, raising interesting questions about whether the nature and visibility of foreign goods has any bearing on the “interdependence” theory of peace through bilateral trade not captured through measures of aggregate trade volumes alone. Russia's trade with the U.S. is not robust, but has not collapsed in recent years despite sanctions, suggesting a certain degree of mutual reliance. While barriers persist to increased levels of U.S. — Russian trade, certain global trends suggest that over the long-term, there is reason to think that the two countries may indeed grow more interdependent, and that that might have a positive, causal effect on maintaining peace between them.

References

1. *Atlas of Economic Complexity*. Center for Economic Development at Harvard University, 2018.
2. Hobson J. A. Free Trade and Foreign Policy. *The Contemporary Review*, 1898, vol. 74, pp. 167–180.
3. Polanyi K. *The Great Transformation*, vol. 2. Boston, Beacon Press, 1944.
4. Hirschman A. O. The Commodity Structure of World Trade. *The Quarterly Journal of Economics*, 1943, vol. 57, no. 4, pp. 565–595.
5. O'Neal J. R., Russett B. Assessing the liberal peace with alternative specifications: Trade still reduces conflict. *Journal of Peace Research*, 1999, vol. 36, no. 4, pp. 423–442.
6. McDonald P. J. Peace through trade or free trade. *Journal of conflict resolution*, 2004, vol. 48, no. 4, pp. 547–572.
7. Barbieri K. Economic interdependence: A path to peace or a source of interstate conflict? *Journal of Peace Research*, 1996, vol. 33, no. 1, pp. 29–49.

8. Zogg B., Beyer A. Time to Ease Sanctions on Russia. *CSS Policy Perspectives*, 2018, vol. 6, no. 4.
9. United Nations. Intellectual Assets: Valuations and Capitalization. *United Nations Economic Commission for Europe*, 2003.
10. Slatvitskaya I. I. et al. The State's Policy On Import Substitution In The Russian Federation: Issues and prospects. *Academy of Strategic Management Journal*, 2017, no. 16, pp.225.
11. Laruelle M. *Russia's Arctic strategies and the future of the Far North*. Routledge, 2015.
12. Service Exports (BoP, Current US). *World Bank Data*, 2018. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.NFSV.CD?locations=US-RU&view=chart> (accessed: 11.08.2018).

УДК 327

MODERN CHALLENGES TO STRATEGIC STABILITY IN CONTEXT OF U. S. — RUSSIA RELATIONS

D. Malyutina

The issue of strategic stability has long been an extremely important and controversial topic for international community. These days it has gained even more attention due to the new wave of uncertainty in the world arena and rising tension between Russia and the United States that possess the biggest stockpiles of nuclear weapons. The article examines the current challenges to strategic stability and its main pillars, providing both root causes of disagreements between the U.S. and Russia over nuclear arms control initiatives and suggesting their possible outcomes for regional and international security. As a conclusion the author states that even though the current uncertainty is likely to be a long-run tendency, there are still ways to prevent nuclear crisis by deideologization of politics and inclusion of third countries into disarmament processes.

Keywords: strategic stability, U.S. — Russia relations, nuclear disarmament, INF Treaty, NEW START treaty.

The issue of strategic stability has long been an extremely important and controversial topic for international community. These days it has gained even more attention due to the new wave of uncertainty in the world arena and rising tension between Russia and the United States that possess the biggest stockpiles of nuclear weapons.

Malyutina Daria — Master student, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya st., Moscow, 10100, Russian Federation.

However, in spite of never ending interest to the issue of strategic stability, the term of the phenomenon itself remains unclear and generally refers to three most important components that traditionally influence the U.S. — Russia relations. First of all, it implies nuclear deterrence and closely relates to the concept of mutual assured destruction, secondly, strategic stability includes balance of offensive and defensive capabilities, finally, the preference of diplomatic approach is also meant by a strategic stability component [1]. Therefore, to cover all the existing components, three pillars of strategic stability can be identified — reduction of strategic offensive weaponry, regulation of intermediate-range nuclear forces and anti-ballistic missile system.

The modern process of strategic offensive reduction is now based on the New Start Treaty of 2010. The goals of the Treaty were claimed to be complied by both sides this year, meeting the requirements of 1550 deployed warheads, 700 deployed ICBMs, SLBMs and Heavy Bombers and 800 deployed and nondeployed delivery systems [2]. However, the future extension of the agreement which must take place in 2021 is now uncertain. Thus, while Russians accuse Americans of non-compliance, pointing out the re-equipment of ballistic missile launchers — Trident 2 and heavy bombers — B52M, the U.S. is not enthusiastic about the prolongation either as according to their view — future disarmament under the conditions of current challenges and threats is not possible and will not bring any good to strategic stability.

Nevertheless, while there is still a chance to agree on the New Start Treaty as there are big groups of supporters of the Treaty both in Russia and the US, the future over the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty (INF Treaty) is much more dramatic as both sides are not satisfied with the level of its compliance and regularly lay charges against each other. Thus, Russia has three major complaints to the US: it cannot accept the allocation of launchers MK-41 of ground antimissile complexes “Aegis Ashore” in Romania, worries about the production and operation of unmanned aerial attack vehicles without juridical regulation of the issue and also the use of “Hera” target missiles for testing the anti-missile systems which have common characteristics with missiles of intermediate range [3]. On the other hand, the U.S. has its own concerns, mainly including the use by Russia the 9M729 system, an extended-range version of the Iskander K, which is a short-range cruise missile that is compliant with the INF Treaty [4].

However, the most important and not regulated issue is the anti-ballistic missile treaty (ABM Treaty) from which the U.S. withdrew in 2002 and now for more than 15 years we live without the regulation of this pillar at all. The given issue remains the greatest stumbling block for the U.S. — Russia rela-

tions in the area of security and strategic stability due to the allocation of parts of the U.S. anti-ballistic missile systems not only within its national borders but also in Europe and some Asian states what is considered by Russians as aggressive actions that threat strategic stability.

The situation was even aggravated by the new U.S. Nuclear Posture Review of the Trump's administration which considers nuclear weaponry as the most important component of the U.S. security and does not imply the reduction of nuclear warheads as part of the NPT Article VI. Apart from that the current Nuclear Posture Review denies the possibility of ratification of the Test Ban Treaty and leaves chances for their resuming, creates more scenarios for using nuclear weaponry and also includes the production of two new types of weapons of low explosives: a light nuclear warhead for ballistic missiles on Trident submarines and a new sea-based cruise missile [5].

In its turn, Russia presented its own vision of current challenges to strategic stability linking it mainly to the new U.S. nuclear concept and switching from doctrinal to practical dimension. Thus, on March 1, 2018 Russian president Vladimir Putin presented new types of weaponry during his address to the Federal Assembly. The presented weaponry included five new Russian projects: ballistic missile "Sarmat", cruise missile with nuclear engine, underwater drone of intercontinental range, hypersonic missile system "Dagger" and missile system "Vanguard". Even though all of these weapons pose a threat to the strategic stability, three of them are of special danger to the international security. Thus, ballistic missile "Sarmat", equipped with a wide range of nuclear and hypersonic ammunition of high explosives and all modern system of overcoming anti-missile complexes; cruise missile with nuclear engine that does not fly on ballistic trajectory; and hypersonic missile system "Dagger" which maneuvers on every part of its trajectory, make all the U.S. anti-missile systems useless. As it was stated by the President and later approved by Russian governmental institutions, the point of inventing and presenting the new types of weaponry was to convince American colleagues to start a dialogue on the ABM Treaty [6]. Nevertheless, neither American establishment nor population got the Russian message and most of them accused Russia of starting a new arms race [7].

However, though nuclear-related issues remain central in terms of strategic stability, the new challenges these days are getting more and more influential and can be as dangerous to the critical infrastructure of states as missiles and nuclear weaponry. One of the greatest challenges of this kind are, obviously, cyberthreats that created the paradox of development meaning that nowadays the more developed the state is, the more vulnerable it is to attacks. Besides, cyberweapons are less expensive and as effective as oth-

er types of weaponry. The problem of attribution is also a great advantage of the cyberweapons which makes it practically impossible to identify the user. Nevertheless, the major danger of this new challenge is that the lack of regulation faced today may lead to strengthening of nongovernmental actors, including terrorist groups, which can become powerful enough to attack critical infrastructure of states at a lower cost.

Overall, the modern challenges to strategic stability in context of the U.S. — Russia relations include four factors. The first and second ones refer to the existing agreements between states, mainly the New Start and the INF Treaties, uncertainty over prolongation of the first and even more worries about the second may have a devastating effect on strategic stability and the world order as it is. Apart from that, the arms race that may become the consequence of the new U.S. Nuclear Posture Review and the Russian new weaponry presentation poses a threat to the international security and without the existing treaties the situation may even get worse. Finally, the advent of new factors, mainly cyberthreats, makes the world order less stable and, what is more, creates a possibility of diffusion of power and strengthening of nongovernmental actors.

Nevertheless, even though the strategic stability now is weaker than ever before, there are still steps that can be taken to prevent nuclear crisis. The hardest step but the most important one is to put an end to the Cold War thinking that, above all, implies an end of not only demonization of each party but also the influence of ideology. Secondly, we need to preserve what we have. It is clear now that under the current conditions no further great progress and regulations can be possible but at least it's necessary to preserve the agreements reached before what, as illustrated by the situation over the Iranian deal, is also considered a hard task. Additionally, it is possible now to agree on terms what is mainly applicable to cyberthreats. Given both the strong necessity to regulate the area and deep crisis of the U.S. — Russia relations, no common ground on at least bilateral agreement between states can be found. However, agreement on terms such as “cybersecurity” and “cyberthreats”, which to date have different definitions in the U.S. and Russia may become a good start. Finally, it is important to include new actors, above all, the EU and China. For example, the EU has already declared its intention to talk to parties about the prolongation of the New Start Treaty, thus, becoming a possible mediator between states.

In conclusion, it is necessary to say that despite all the disputes between parties in both political and economic dimensions, there is still a hope that the new Cold War will never turn into the Hot one and the existing world order will overcome the current challenges and uncertainties, making the world a bit more stable.

References

1. Arbatov A. G., Dvorkin V. Z., Pikaev A.A., Oznobishchev S.K. *Strategic Stability after the Cold War*. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2010, p. 13. (In Russian)
2. Bureau of Arms Control, Verification and Compliance Factsheet INF Treaty: At a Glance. *U.S. Department of State*, 2017, December 8. Available at: <https://www.state.gov/t/avc/rls/2017/276359.htm> (accessed: 10.10.2018).
3. New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. *U.S. Department of State*, 2018, February 22. Available at: <https://www.state.gov/t/avc/newstart/278775.htm> (accessed: 10.10.2018).
4. Nuclear Posture Review. *U.S. Department of Defense*. Available at: <https://www.defense.gov/News/SpecialReports/2018NuclearPostureReview.aspx> (accessed: 10.10.2018).
5. Presidential Address to the Federal Assembly. *Official Internet Resources of the President of Russia*, 2018, March 1. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed: 10.10.2018).
6. The Treaty between the USSR and the U.S. on the Elimination of Their Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles (INF Treaty). *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, 2018, March 1. Available at: http://www.mid.ru/voenno-strategiceskie-problemy/-/asset_publisher/hpkjeev1aY0p/content/id/1138496?p_p_id=101_INSTANCE_hpkjeev1aY0p&_101_INSTANCE_hpkjeev1aY0p_languageId=en_GB (accessed: 10.10.2018).
7. US accuses Russia of violating nuclear weapons treaty after Putin boasts of 'unstoppable' missile. *Independent*, 2018, March 1. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/us-accuses-russia-of-violating-nuclear-weapons-treaty-after-putin-boasts-of-unstoppable-missile-a8235701.htm> (accessed: 10.10.2018).

УДК 327

THE MONROE DOCTRINE: ITS PAST AND PRESENT

O. Makushin

In the modern world, one can observe trends towards a growing polarization of relations between Russia and the United States. In this paper, we would like to touch upon such a basic historical element of American foreign policy as the Monroe Doctrine and its influence on modern world's processes. It is often believed that the Monroe Doctrine was solely defensive in nature, aimed at preserving American identity in the heyday of empires and monarchies of Europe. However, this is only one side of the coin. After all, the Monroe Doctrine was not

Makushin Oskar — student, Institute of History, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

so much protectionist in nature as it was one of the first steps towards the development of the American active approach in foreign affairs. We would like to give a brief evolution of the Monroe Doctrine. We could see if its principles which proclaimed in the message to Congress of the 5th President of the USA James Monroe on December 2, 1823 are used in international relations of the 21st century.

Keywords: Monroe doctrine, diplomacy, Russia, the USA, foreign affairs, strategy.

In the contemporary world we see tendencies to less complex and more facilitated approaches in international affairs. A vast experience of the historical development of nations frequently plays a reduced role in organizing and completing the architecture of the international relations. The world division into area of responsibility and spheres of influence still remains an vital aspect of international politics for some countries. The urgency of the problem is confirmed by promoting ideas of mono-polarity and a one-sided vision of a political world order, which is often unable to provide comprehensive answers to nowadays challenges. Together, these aspects cause particular attention to the development of such institution of the foreign policy thought as a doctrine. Inter alia, the Monroe Doctrine and its place in modern international processes.

The Monroe Doctrine [1] is considered to be the theses expressed in the speech of James Monroe, who was the 5th President of the United States for Congress. The speech was on the 2nd of December in 1823. These theses were formulated with the active participation of the outstanding and talented politician John Quincy Adams, who was U.S. Secretary of State in the time. To present day, ideas from the Monroe Doctrine have a substantial impact to U.S. affairs.

The basic principles reflected in the Monroe Doctrine are usually organized under several units. The principle of the further non-colonization of the Americans by the European powers. According to this principle the United States henceforth view the creation of new colonial possessions by European States on the territory in the Western Hemisphere as an unfriendly act [2].

In addition, the existing European colonies on the American continent were recognized by the Monroe doctrine. However, there is proclaimed the principle of non-interference of European States in American affairs in this document. In particular, if the government of any country in the Western Hemisphere had declared its independence, defended it and been recognized by the United States [3], then interference by the European states into the internal affairs of such country has been regarded by the European States as a threat to its national interests.

The Monroe Doctrine declared the Western Hemisphere as the sphere of interests of the United States of America, ideologically separated the demo-

cratic structure of the United States from the European monarchies and declared the principles of mutual non-interference in American and European politics. However, the doctrine did not fully take into account the interests of the Latin American states, defining the exclusive and leading role of the United States in this region. The essence of the Monroe Doctrine was based the American vision of complex issues of control over the territories, aimed at the development of the north-west coast of North and South America and settlement of the dispute over the control of the Columbia River mouth.

The Western Hemisphere was declared the territory of U.S. strategic interests, and the Monroe Doctrine created a tool to justify the future expansionist foreign policy of the United States in the 19th–20th centuries. While addressing the issue of the Monroe Doctrine, there is importance to consider its development, reflected in the set of amendments and additions adopted to it. We shall focus on a few, in our opinion, the most prominent of them.

The Olney Corollary [4], or the so-called “Olney interpretation”, was announced by U.S. Secretary of State Richard Olney. It was in connection with the border conflict between Venezuela and British Guiana in 1895. The “Olney interpretation” sent by telegram to the American ambassador to London reflected a desire to prevent strengthening territorial positions of the European powers on the American continents. The Note was sent after an attempt by Britain to intervene in the dispute between Venezuela and British Guiana. It stated that the United States, in accordance with the Monroe Doctrine, cannot allow any of the European powers to expand their holdings in America and would traditionally oppose this. As a result of the tough stance of the United States, it was the United States, not the United Kingdom, who acted as an arbitrator in resolving this dispute between countries.

The Roosevelt Amendment is one of the most illustrative additions to the Monroe Doctrine. There was the 26th President of the United States, Theodore Roosevelt, in his message to Congress in 1904, declared the decisive role of the United States in the entire Western Hemisphere. It was announced that the United States now reserves the right to perform the functions of an international police power if this, in accordance with the Monroe Doctrine, affects the interests of the United States.

Now we will give an excerpt from the message of Theodore Roosevelt: “Chronic wrongdoing, or an impotence which results in a general loosing of the ties of civilized society, may in America, as elsewhere, ultimately require intervention by some civilized nation, and at the Western Hemisphere the adherence of the United States to the Monroe Doctrine may force to the United States, however reluctantly, in flagrant cases of such wrongdoing or impotence, to the exercise of an international police power” [5]. However, on

what criteria civilized and uncivilized States were defined, in terms of what criteria and issues “Chronic wrongdoing” was not definitely determined and, of course, cannot be identified. Speaking on the Theodore Roosevelt’s amendment to the Monroe Doctrine, we can say that this amendment demonstrated the interests of not only its time, but was also one of the fundamental documents defining the nature of American foreign policy.

The Doctrine of Monroe Today

In November 2013, the Secretary of State John Kerry in his speech at the Washington headquarters of the Organization of American States officially announced a departure from the Monroe Doctrine. “The era of the Monroe Doctrine is over” [6], according to his minds, relations in the Latin American region that were traditionally built by the United States should not be based on statements of interference in the internal affairs of these States. John Kerry said: “It’s about all of our countries viewing one another as equals, sharing responsibilities, cooperating on security issues, and adhering... to the decisions that we make as partners to advance the values and the interests that we share” [7].

However, is it possible to believe that the United States will move from the principles of the Monroe Doctrine (to the attitude of the Latin American States) to the “new policy of the good neighbor”? And can the States afford in a global strategic plan to abandon claims to regional hegemony in certain areas, declared the sphere of national interests of the United States in not only in the Western, but also the Eastern Hemispheres? In the words of the eminent American historian and researcher of the Cold War J. L. Gaddys, who said that today only few historians are ready to deny that the intention of the United States to dominate the international arena after World War II, it could be seen long before the Soviet Union turned into an enemy States [8]. In the broader sense the principles of the Monroe Doctrine became the basis of the foreign policy of the United States not only in the Western Hemisphere, but also in the whole world. The participation of the United States in the world conflicts of the twentieth century was aimed at preventing the emergence of a regional hegemon in Europe and Asia [7].

The main expression of this goal is that if a capable of challenging their hegemony State appears in the United States` region, and in the future this State will be able to claim interests directly at the borders of the United States and, in general, in the Western Hemisphere. Nevertheless, the Monroe doctrine may also provide a preventive role in the defense of American interests: “So long as states are busy vying for power regionally, they will not have the motivation to mount a serious challenge to the U.S.in its own neighborhood” [7].

In conclusion, we should emphasize that the world was definitely divided into spheres of influence long before the beginning of the Cold War. A separation of the world between U.S. and non-American interests, the eastern and western hemispheres began in 1823, although at that time it was not complete. The Monroe Doctrine politically carried a rather progressive message for its time. However, with all its obvious progressiveness the principles of “non-colonialism” set the certain tone for creating a colonial sphere of influence for the United States itself at the future. This doctrine laid the groundwork for the expansion of the United States in the Western Hemisphere and it provided the basis for substantiating the same policy in other regions of the world.

References

1. The Library of Congress. A Century of Lawmaking for a New Nation. *U.S. Congressional Documents and Debates, 1774–1875*. 18th Congress, 1st Session, pp. 13–15. Available at: <https://memory.loc.gov/cgi-bin/ampage?collid=llac&fileName=041/llac041.db&recNum=4/> (accessed: 15.04.2018).
2. The Monroe Doctrine, Presidential Annual Message to Senate, 2th of December 1823. Ed. by J. D. Richardson. *Compilation of the Messages and Papers of the Presidents*, vol. 2 (1907), 287. Available at: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/monroe.asp/ (accessed: 17.04.2018).
3. The Monroe Doctrine. Yale Law School. Lillian Goldman Law Library. *The Avalon Project, Documents in Law, History and Diplomacy*. Available at: <https://web.archive.org/web/20120108131055/http://eca.state.gov/education/engteaching/pubs/AmLnC/br50.htm/> (accessed: 17.04.2018).
4. George B. Young Intervention Under the Monroe Doctrine: The Olney Corollary. *Political Science Quarterly*, Jun., 1942, vol. 57, no. 2, pp. 247–280. *JSTOR*. Available at: https://www.jstor.org/stable/2143553?seq=1#page_scan_tab_contents/ (accessed: 25.04.2018).
5. Theodore Roosevelt’s Annual Message for 1904; *Presidential Messages, 1791–1861; Records of the U.S. House of Representatives*, Record Group 233; National Archives Building, Washington, DC. Available at: <https://www.docsteach.org/documents/document/roosevelt-corollary-monroe-doctrine/> (accessed: 25.04.2018).
6. Keith Johnson. Kerry Makes It Official: Era of Monroe Doctrine Is Over. *The Wall Street Journal*, 2013, November 18. Available at: <https://blogs.wsj.com/washwire/2013/11/18/kerry-makes-it-official-era-of-monroe-doctrine-is-over/> (accessed: 01.05.2018).
7. Zachary Keck. The U.S. Renounces the Monroe Doctrine? *The Diplomat*, 2013, November 21. Available at: <https://thediplomat.com/2013/11/the-us-renounces-the-monroe-doctrine/> (accessed: 01.05.2018).
8. Gaddis J.L. The Tragedy of Cold War History. *Diplomatic History*, 1993, vol. XVII, no. 1, pp. 3–4. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.1993.tb00156.x/> (accessed: 01.05.2018).

Раздел VI

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

УДК 327

РОЛЬ РОССИИ И США В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ С 2011 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Д. С. Албитова

Статья посвящена кризисам на Корейском полуострове, представляющих собой циклическое явление. В кризисе 2017–2018 гг. большую роль сыграл личностный фактор: президент США Дональд Трамп стал первым американским лидером, который встретился с главой Северной Кореи в рамках паритетного диалога. Кроме того, Штатами был использован ряд новых методов давления на КНДР и ее партнеров, включая санкции, к которым присоединились Китай и Россия. В свою очередь КНР и РФ всеми силами способствовали установлению мирного многостороннего диалога между сторонами, однако их Дорожная карта осталась без должного внимания.

Ключевые слова: США, Российская Федерация, Китай, Корейский полуостров, денуклеаризация, Дональд Трамп, Ким Чен Ын, санкции.

THE ROLE OF THE USA AND RUSSIA IN THE KOREAN PENINSULA CRISIS NEGOTIATIONS: FROM 2011 TO THE PRESENT DAY

D. Albitova

Korean Peninsula Crises are of cyclical nature. The main aim of them is to achieve bilateral negotiations with the USA and to confirm this way the status of a full-fledged nuclear power with a legitimate regime. During the 2017–2018 Crisis was influenced greatly by the personality factor as the U. S. President Donald Trump became the first leader of the United States who have met the head of North Korea within the frameworks of a dialog on an equal basis. Besides, the USA had used new methods of putting pressure on DPRK including sanctions which were joined by Russia and China. At another point Russian Federation and People's Republic of China made a significant investment to establishing a peaceful multilateral dialog, however their Road map was left without due attention.

Албитова Диана Сергеевна — студент факультета международных отношений СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Albitova Diana — student, School of International Relations, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Keywords: the USA, Russian Federation, China, Korean Peninsula, North Korean Crisis, denuclearization, Donald Trump, Kim Jon Un, sanctions.

Кризисные явления на Корейском полуострове берут свое начало с момента разделения Кореи после Второй мировой войны, а затем подписания перемирия в ходе Корейской войны 1950–1953 гг. Официального окончания войны объявлено не было; кроме того, существует ряд других факторов, осложняющих подписание окончательного мирного договора между Северной и Южной Кореей. После внесения Индией на Генеральной ассамблее ООН предложения о прекращении огня на Корейском полуострове правительство Ли Сын Мана отказалось заключать перемирие с Северной Кореей и выступало за продолжение войны, поэтому свою подпись под договором от имени ООН поставил командир американских военных сил генерал М. Кларк. Данная ситуация вызывает разногласия и по сей день: власти Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) требуют заключения мирного договора с участием США на паритетных основах. По мнению представителей Северной Кореи, поскольку под декларацией о перемирии стоит подпись американского генерала, а не представителя Южной Кореи, соответственно, положения и условия мирного договора должны обговариваться со Штатами, а не Республикой Корея (РК) [13]. Идея двустороннего диалога «на равных» с США в обход четырехсторонних переговоров (включающих Республику Корею и КНР) представляется способом повысить международный авторитет КНДР, обозначить легитимность правящего режима и обособленности страны, подчеркнуть равенство между двумя государствами. Такой ход важен и на внутривнутриполитическом уровне: можно повысить авторитет политического лидера и властвующих элит, подчеркнуть особый статус Северной Кореи на мировой арене.

Необходимо обозначить также проблему ядерной программы Северной Кореи. В 2003 г. Соединенными Штатами, Китаем, Россией, Южной Кореей, Японией и КНДР были инициированы шестисторонние переговоры, в ходе которых рассмотрены пути урегулирования кризиса вокруг ядерной программы Северной Кореи. Требования КНДР в обмен на заморозку ядерной программы были достаточно стабильны: подписание с США пакта о ненападении (гарантии безопасности «режима Кимов»), установление дипломатических отношений с США, обеспечение экономического сотрудничества с Японией и Южной Кореей, предоставление КНДР реакторов на легкой воде для энергетических нужд. Однако США требовали полной ликвидации ядерных разработок Северной Кореи. В результате в 2005 г. был

выработан итоговый документ о принципах денуклеаризации, признающий за КНДР право на мирный атом [9]. Российская делегация принимала активное участие во всех этапах переговоров.

Последующие этапы шестисторонних обсуждений не привели к значительным успехам во многом из-за жесткого курса Вашингтона и нежелания Пхеньяна полностью отказаться от ядерного оружия. Большое влияние на отношение КНДР к американским гарантиям безопасности оказало заявление посла Соединенных Штатов в Южной Корее Александра Вершбоу: 10 декабря 2005 г. он заявил, что политический строй в Северной Корее можно назвать «криминальным режимом» [2]. Это было воспринято в КНДР как повод возобновить ядерные разработки ради обеспечения безопасности страны, фактически дезавуировав предыдущие соглашения. Испытания ядерного оружия прошли в Северной Корее в 2006 и 2009 гг., вызвав негативную международную реакцию. Так, в ответ на оба испытания ООН ввела санкции, сначала запретив экспорт в КНДР некоторых видов военной техники и предметов роскоши (в 2009 г. список был расширен), а затем разрешив досмотр северокорейских кораблей и уничтожение любого груза, связанного с ядерной программой Пхеньяна [11].

По всем признакам разрешение проблем Корейского полуострова в 2010 г. зашло в тупик: в КНДР не желали отказываться от гарантий безопасности в виде ядерного оружия, не доверяли предложениям США в ходе шестисторонних переговоров, показавших себя неэффективными, и воспринимали санкции со стороны ООН и Республики Корея как попрание суверенитета Северной Кореи.

Декабрь 2011 г. связан с резкими переменами в политической жизни КНДР: после смерти Ким Чен Ира к власти приходит его сын, молодой лидер Ким Чен Ын. С личностью Ким Чен Ына, получившего западное образование (он учился в Швейцарии) и обладающего очень туманной биографией, связывали большие надежды на масштабные реформы в Северной Корее. В то же время процесс транзита власти вызывал у ряда специалистов опасения по поводу возможности падения «режима Кимов» [6]. Ситуация осложнялась значительным охлаждением отношений между Пхеньяном и Сеулом во время президентства Ли Мен Бака (2008–2013 гг.): внешняя политика Республики Корея в данный период была направлена на усиление взаимодействия с США и преследовала жесткий курс в отношении КНДР. Ситуация была осложнена и вторыми ядерными испытаниями в Северной Корее. Ли Мен Бак значительно сократил помощь Северной Корее, тесно связав успешность развития двусторонних отношений с денуклеари-

зацией Корейского полуострова. Инцидент с потоплением корвета «Чхонан» в 2010 г. резко обострил отношения между Кореями, что привело к отказу Южной Кореи от ранее достигнутых договоренностей (однако в силе оставались Соглашение 1953 г. и Соглашение о взаимном ненападении 1991 г.). В такой атмосфере приход к власти в КНДР молодого лидера вызывал большие надежды, как и президентство более лояльной к режиму Кимов Пак Кын Хе в Южной Корее (2013–2017 гг).

Кризис на Корейском полуострове 2013 г.

Предпосылки нового обострения ситуации на Корейском полуострове сложились в 2012 г., когда КНДР запустила в космос искусственный спутник «Кванмесон-3», и эта акция получила всеобщее осуждение (в том числе со стороны США, России и Китая). ООН ужесточила санкции против Северной Кореи, посчитав, что под видом спутника Пхеньян запустил баллистическую ракету. Это было воспринято северокорейским руководством как нарушение экономического и технологического развития страны. За запуском спутника последовали очередные, третьи ядерные испытания, которые также спровоцировали ужесточение санкций ООН в отношении денежных переводов, поступающих в КНДР из международной финансовой системы [11].

Апрельский кризис 2013 г. привел к тому, что КНДР вышла из Соглашения 1953 г. и мирного договора с Южной Кореей о ненападении. Кроме того, Пхеньян возродил замороженные ядерные реакторы в Йонбене, закрытые по итогам шестисторонних переговоров 2007 г. Особая экономическая зона Кэсон была закрыта, так как Пхеньян вывел 50 000 рабочих из данного промышленного района. Южнокорейские и американские войска были стянуты на границу с КНДР, к ним присоединились и японские эсминцы. Северная Корея пообещала прекратить испытания баллистических ракет, если ее статус ядерной державы не будет оспариваться. К маю 2013 г. ситуация накалилась настолько, что лидер КНДР пошел на смену военного руководства, назначив новым министром обороны генерал-полковника Вооруженных сил КНДР Чжана Чжон Нама [7]. Данный ход был, безусловно, сигналом смягчения политики Северной Кореи и желанием пойти на компромисс. В мае Пхеньян предложил Сеулу подписать мирный договор. Были возобновлены каналы связи с Южной Кореей и вновь открыта промышленная зона Кэсон, однако полномасштабного разрешения проблем не произошло.

Стоит отметить роль США в разрешении данного кризиса: администрация Барака Обамы выбрала привычный путь силового сдерживания путем стягивания военной техники на границу РК и КНДР, проведения военных учений для демонстрации силового превосходства США и Южной Кореи. Тем не менее на пике кризиса госсекретарь Соединенных Штатов Джон Керри заявил о готовности общаться непосредственно с Северной Кореей, если та остановит свою ядерную программу [1]. Таким образом, США не только подчеркнули неизменность своих требований, объявленных еще в ходе шестисторонних переговоров 2006 г., но и заявили о готовности поддерживать паритетный диалог.

Роль России в урегулировании кризиса 2013 г. представляется достаточно небольшой: хотя РФ осудила запуск северокорейского спутника 2012 г. и была вынуждена следовать Резолюциям СБ ООН о санкциях, в 2014 г. она списала значительные долги Северной Корее, а также продолжила выступать против жестких действий в отношении Пхеньяна.

Необходимо упомянуть, что в 2013 г. параллельно с активной внешней политикой в КНДР происходило активное реформирование экономической и социальной сфер, были постепенно введены рыночные механизмы торговли, расширено использование сотовой связи и т. п. Однако Ким Чен Ын напрямую связывает повышение уровня жизни населения и экономические успехи страны с развитием ядерной программы [5].

Северокорейский кризис 2017–2018 гг.

2017 г. ознаменован значительными успехами КНДР в совершенствовании ядерного оружия и повышении ракетного потенциала: было проведено несколько испытаний межконтинентальных баллистических ракет (МБР), создана водородная бомба. Кроме того, Пхеньяну удалось добиться возможности доставки ядерных боеголовок до территории США. Данные события привели к обострению отношений между США, РК и КНДР. Вашингтон и Пхеньян обменялись обещаниями о взаимном уничтожении, а непосредственно лидеры стран — Д. Трамп и Ким Чен Ын — взаимными оскорблениями [4].

Результатом увеличения ядерной и ракетной мощи КНДР стали индивидуальные санкции со стороны США, которые РФ отказалась признать, и санкции Совета Безопасности ООН. Также впервые в истории российско-северокорейских отношений, Москва приняла пакет санкций против Пхеньяна.

Методы разрешения кризиса у Вашингтона и Москвы кардинально различались: пока США стягивали военную технику и контингент в Южную Корею, В.В. Путин в сентябре 2017 г. выступил с предложением дипломатического разрешения проблемы без выдвижения предварительных требований [8]. Была разработана совместная российско-китайская дорожная карта по разрешению кризисной ситуации, однако официального признания она не получила [10]. Новые санкции СБ ООН против КНДР носили жесткий характер: запрещалось выдавать разрешения на работу гражданам Северной Кореи, запрещалась продажа КНДР сжиженного газа, текстиля, ограничена продажа нефти. Вашингтон ввел индивидуальные торговые санкции против Пхеньяна (нарушившая запрет на торговлю с КНДР компания отключалась от финансовой системы Штатов, а ее активы блокировались), запрет на въезд граждан КНДР, на импорт в страну промышленного оборудования и транспортных судов; были значительно сокращены поставки нефти в Северную Корею [3]. Основной целью санкций являлась денуклеаризация Корейского полуострова.

Новизна американских методов состоит в открытом давлении на Россию и Китай, которые были вынуждены ввести вдобавок к санкциям СБ ООН индивидуальные ограничения на поставки в Северную Корею оборудования и сырьевых ресурсов. Таким образом, ужесточение курса США, РФ и КНР в отношении КНДР во многом привело к качественно новому этапу отношений Пхеньяна с Вашингтоном и Сеулом: смягчение политики Северной Кореи отразилось в исторических встречах лидера КНДР Ким Чен Ына с президентом РК Мун Чжэ Ином и президентом США Дональдом Трампом.

Стоит отметить и тот факт, что кризисные явления на Корейском полуострове в последние 13 лет носят циклический характер: КНДР много раз выходила из соглашения о ненападении с РК, атмосфера на Корейском полуострове накалялась буквально каждые три-четыре года (2006, 2009, 2013, 2017 гг.). Кризисные явления соответствуют политике «балансирования на грани», применяемой КНДР для достижения максимальной выгоды в переговорах с США, РК и прочими странами: Пхеньян идет на резкое смягчение своей политики на пике кризиса, когда партнеры обозначают предельно допустимые условия сотрудничества.

Итак, США сыграли ключевую роль в стабилизации ситуации на Корейском полуострове в ходе кризисов 2013 и 2017 гг. Ужесточение санкций в отношении Северной Кореи и давление на ее основных союзников (Россию и Китай) создали крайне неблагоприятное по-

ложение для КНДР, которая пошла на сотрудничество меньше чем через полгода после имплементации всех запретов и ограничений. Нельзя, однако, недооценивать роль личного фактора в данных событиях: Дональд Трамп как несистемный президент поддержал стремления Ким Чен Ына к двустороннему диалогу, который состоялся 12 июня 2019 г. в Сингапуре. Данное историческое событие закончилось подписанием совместного документа, в котором США отказались от проведения военных учений с Южной Кореей и Японией, а КНДР подтвердила денуклеаризацию страны [12].

Что касается России, ее устойчивая позиция в пользу неприменения жестких мер в отношении КНДР к концу 2017 г. изменилась на прямо противоположную. В целом в ходе обоих кризисов РФ выступала за дипломатическое урегулирование ситуации на Корейском полуострове. Во время кризиса 2017–2018 гг. Россия действовала в союзе с Китаем: две страны разработали дорожную карту по стабилизации кризиса, однако их мнение почти не учитывалось в условиях накаляющейся конфронтации между Северной Кореей и США. Таким образом, у России фактически не было возможности внести существенный вклад в урегулирование Северокорейского кризиса.

Литература

1. *Allam H. Kerry: U.S. will talk directly to North Korea if it ends nuclear arms program.* URL: <http://www.mcclatchydc.com/news/nation-world/world/article24748015.html> (дата обращения: 12.06.2018).
2. *Talks Stalled U.S. Envoy Matches Insults of North Korea* // *The New York Times*, 2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/12/15/world/asia/talks-stalled-us-envoy-matches-insults-of-north-korea.html> (дата обращения: 9.06.2018).
3. *Trump issues new sanctions on North Korea and claims China is following* // *The Guardian*, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/21/trump-north-korea-executive-order-china> (дата обращения: 14.06.2018).
4. *Вознесенский В. Е.* Диалог на равных с КНДР как решение проблемы Корейского полуострова // *Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС*. 2018. № 1. С. 68–83.
5. *Дьячков И. В.* Перемены в КНДР: незаметная революция // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2016. Вып. 11. С. 157–160.
6. *Зыков А. А.* КНДР в условиях смены политического руководства // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2012. № 1. С. 17–25.
7. *Кривенко А. М.* Корейский кризис и американо-китайские отношения // *Власть*. 2013. № 11. С. 176–179.
8. *Путин В. В.* БРИКС — к новым горизонтам стратегического партнерства. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55487> (дата обращения: 14.06.2018).

9. РИА Новости. Шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР. URL: <https://ria.ru/spravka/20110824/422914168.html> (дата обращения: 14.06.2018).

10. Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове. URL: <http://www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove> (дата обращения: 12.06.2018).

11. Санкции ООН в отношении КНДР. Досье ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/4837818> (дата обращения: 12.06.2018).

12. ТАСС. «Ким Чен Ын полностью обыграл Трампа»: что мировые СМИ пишут о саммите в Сингапуре. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5287812> (дата обращения: 14.06.2018).

13. Толорая Г. Д. Россия и проблемы Корейского полуострова на современном этапе // Вестник МГИМО. 2014. № 5 (56). С. 82–92.

References

1. Allam H. Kerry: U.S. will talk directly to North Korea if it ends nuclear arms program. Available at: <http://www.mcclatchydc.com/news/nation-world/world/article24748015.html> (accessed: 12.06.2018).

2. D'yachkov I. V. Changes in North Korea: Unnoticed Revolution. *Vestnik Tambov University, Seriya: Human Sciences*, 2016, no. 11, pp. 157–160. (In Russian)

3. Krivenko A. M. Korean Crisis and American — Chinese Relations. *Vlast'*, 2013, no. 11, pp. 176–179. (In Russian)

4. Putin V. V. *BRICS — to the New Horizons of Strategic Partnership*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/55487> (accessed: 14.06.2018). (In Russian)

5. RIA News. Six-party Talks on North Korean Nuclear Program: report. Available at: <https://ria.ru/spravka/20110824/422914168.html> (accessed: 14.06.2018). (In Russian)

6. *Russia and the settlement of the situation on Korean Peninsula*. Available at: <http://www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove> (accessed: 12.06.2018). (In Russian)

7. Talks Stalled, U.S. Envoy Matches Insults of North Korea. *The New York Times*, 2005, December 15. Available at: <https://www.nytimes.com/2005/12/15/world/asia/talks-stalled-us-envoy-matches-insults-of-north-korea.html> (accessed: 9.06.2018).

8. TASS. “Kim Jon Un have fully outgamed Trump”: what the world media sources write about the summit in Singapore. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5287812> (accessed: 14.06.2018). (In Russian)

9. The UN Sanctions Imposed upon North Korea. TASS History Folder. *Dos'e TASS*. Available at: <http://tass.ru/info/4837818> (accessed: 12.06.2018). (In Russian)

10. Toloraya G. D. Russia and the Problems of Korean Peninsula at the present time. *Vestnik MGI MO*, 2014, no. 5 (56), pp. 82–92. (In Russian)

11. Trump issues new sanctions on North Korea and claims China is following. *The Guardian*, 2017, September 21. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/21/trump-north-korea-executive-order-china> (accessed: 14.06.2018).

12. Voznesenskii V. Ye. A Dialogue on an Equal Footing with North Korea as a Solution of the Korean Peninsula Problem. *Vestnik VGUEHS. Territory of New Possibilities*, 2018, no. 1, pp. 68–83. (In Russian)

13. Zykov A. A. North Korea in the Context of Changing Political Leadership. *Ojkumena. Regional Studies*, 2012, no. 1, pp. 17–25. (In Russian)

УДК 327

«ЖЕСТКАЯ СИЛА» США НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ

М. Бабоян

Несмотря на то что Барак Обама считал себя приверженцем делу мира, «жесткая сила» применялась им во внешней политике, что особенно отчетливо проявлялось в смене неугодных Вашингтону режимов в недемократических странах Востока. В статье анализируется отношение Белого дома к применению силы во внешней политике в период президентства Б.Обамы. В качестве примера применения «жесткой силы» рассматривается участие США в Ливийской операции, а для анализа роли военной силы — борьба США с террористической угрозой в лице Исламского государства и вмешательство Соединенных Штатов в Сирийский кризис. Автор показывает, как изменялся внешнеполитический курс Б. Обамы в период двух президентских сроков, и приходит к заключению, что в период первого президентского срока Б. Обама придерживался политики изоляционизма, в период второго — выступал приверженцем глобальной вовлеченности. В заключение автор дает прогноз возможности дальнейшего применения «жесткой силы» во внешней политике США.

Ключевые слова: США, Барак Обама, Ближний Восток, Ливия, Исламское государство, Сирия, гуманитарная интервенция.

US “HARD POWER” IN THE MIDDLE EAST DURING THE ADMINISTRATION OF BARACK OBAMA

M. Baboyan

Despite the fact that Barack Obama considered himself a peacemaker, “hard power” was used by him in foreign policy, especially clearly manifested in the desire to change the regimes that Washington did not like in the undemocratic countries of the East. The article analyzes the attitude of the White House to the use of force in foreign policy during the Obama administration. The U.S. participation in the Libyan crisis, the U.S. campaign against the terrorism- threat posed by the Islamic state, the United States intervention in the Syrian crisis

Бабоян Мария — студент факультета международных отношений СПбГУ, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9.

Baboyan Maria — student, School of International Relations, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

operation are considered as an example of the use of "hard power". The author shows how Obama's foreign policy changed during his presidential terms, and comes to the conclusion that during the first presidential term Barack Obama maintained a policy of isolationism, during the second period maintained a policy of global engagement. In the end, the author predicts the possibility of further use of "hard" power in U.S. foreign policy.

Keywords: the USA, Barack Obama, Middle East, Libya, Islamic State, Syria, humanitarian intervention.

Государства во все времена применяли и до сих пор применяют различные методы для достижения своих целей во внешней политике. Интересно, что ни одно государство в истории Нового времени не использовало «жесткую силу» во внешней политике так же часто, как Соединенные Штаты, и ни одно государство не заявляло при этом так же упорно о своей приверженности делу мира [1, с. 217]. Американский специалист по военной стратегии Дж. Кларк считает военную силу фактором, определяющим поведение государств во внешнем мире: «Разумеется, нации могут оказывать друг на друга морально-политическое, экономическое и иные воздействия, однако поскольку конечным верховным арбитром международных споров является война, то военный фактор приобретает высшую степень значимости во внешнеполитических расчетах» [2, с. 2]. В статье «Пределы американского влияния» Джозеф Най определяет «жесткую силу» как «способность к принуждению, обусловленную военной и экономической мощью страны» [3, с. 552].

С окончанием холодной войны в США утвердился принцип односторонних действий, были провозглашены доктрины упреждающих ударов и гуманитарных интервенций, так что использование военной силы стало необходимым инструментом, обеспечивающим мировое господство страны [1, с. 223]. Кульминацией односторонности стала подготовка США к войне с Ираком, не получившей мандат ООН и вызвавшей полемику и раскол внутри НАТО. В Стратегии национальной безопасности 2002 г. (СНБ) администрации Буша-мл. было закреплено право США на одностороннее применение военной силы, в том числе нанесение превентивных ударов по противнику [4].

Позиция президента Обамы по вопросам внешней и военной политики в первой предвыборной кампании заключалась в призыве уменьшить роль силы, отказаться от применения оружия как главного средства разрешения международных споров. В 2009 г. за «экстраординарные усилия в укреплении международной дипломатии и сотрудничестве между людьми» ему была присуждена Нобелевская премия мира [5]. Стратегия национальной безопасно-

сти 2010 г. определялась экспертами как радикальный разрыв с наследием администрации Дж. Буша-мл., которая руководствовалась стратегией имперского унитаризма и однополярным видением мира. По мнению Б. Обамы, команда Дж. Буша-мл. совершила ряд стратегических ошибок, которые нанесли существенный урон американскому лидерству на международной арене [6]. В СНБ–2010 подчеркивается признание множественности центров силы, поддержка либерально-демократических реформ в государствах мира. Отмечается, что ни одна нация не может в одиночку регулировать вооруженные конфликты, которые происходят в мире. Более того, большой акцент в Стратегии делается на урегулирование проблем дипломатическими средствами. В отличие от Стратегий Дж. Буша-мл., СНБ–2010 акцентирует внимание на особой роли «мягкой силы» для продвижения глобального лидерства США, подчеркивается важность совместных действий государств в рамках международного права [7, с.26]. В СНБ–2015 также подчеркивается, что первоочередной сферой деятельности должна быть дипломатия, а не военная сила: «Применение силы — не единственный инструмент, имеющийся в нашем распоряжении, не главный метод наших действий на международной арене и не самый эффективный способ противодействия вызовам, с которыми мы сталкиваемся» [8]. Впрочем, во взглядах Б. Обамы на методы осуществления внешней политики прослеживаются явные изменения. Если доктрина 2010 г. была воспринята как разрыв с односторонним военным подходом, который пропагандировался в США после терактов 11 сентября 2001 г., то Стратегия национальной безопасности 2015 г. вновь предусматривает возможность одностороннего использования военной силы в случае угрозы гражданам США или их союзникам. Более того, новшеством СНБ–2015 является то, что в ней четко прописана выборность применения силы, о чем президент заявлял уже в своей речи в Вест-Пойнте в 2014 г. Выборность заключается в том, что США будут готовы применять силу и в одностороннем порядке, если возникнут угрозы жизненно важным интересам страны. В других случаях США будут мобилизовывать союзников, чтобы совместно достичь устойчивых результатов. Таким образом, можно проследить трансформацию идей Б. Обамы в период его пребывания на посту президента США. Если в начале первого президентского срока Б. Обама заявлял о необходимости отказаться от ставки на военное превосходство США и критиковал политику Буша-мл., то в период второй администрации он неоднократно заявлял о необходимости сохранения американского военного преимущества.

Сегодня ближневосточное направление является одним из ключевых во внешней политике Вашингтона. С первого дня своего президентства Обама выступал в качестве миротворца и торжественно обещал сделать мир в этом взрывоопасном регионе своим приоритетом. В своей речи в Генеральной Ассамблее ООН в 2013 г. глава Белого дома проинформировал международное сообщество, что видеть Ближний Восток и Северную Африку мирными и процветающими — в интересах США, поэтому они поощряют развитие демократии, соблюдение прав человека и принцип свободного рынка. Кроме того, было сказано, что Вашингтон готов использовать все элементы влияния, включая военную силу, чтобы защитить свои интересы за рубежом. Однако Обама отметил также, что опыт войны в Ираке показал: этих целей вряд ли можно достичь односторонними действиями, так как демократию нельзя просто установить силой, поэтому он призывает международное сообщество к партнерству [9]. Несмотря на то что Б. Обама не раз заявлял о своей приверженности к использованию во внешней политике «мягкой силы» и дипломатии, для достижения своих внешнеполитических целей он не пренебрегал обращениями и к «жесткой силе». Особенно ярко это проявлялось в стремлении сместить неудобные Вашингтону режимы в недемократических странах Востока, в первую очередь — в Ливии и Сирии.

Целями интервенции сил НАТО в Ливию были объявлены установление демократического режима в стране и спасение мирного населения. Однако на деле военная операция привела к увеличению количества жертв, а Ливия превратилась в несостоявшееся государство (failed state) и очаг терроризма. К тому же правящий режим в Ливии был смещен без учета специфики государства. Б. Обама, по сути, продолжил в Ливии практику «гуманитарных интервенций» и «смены режимов», начатую администрацией Буша-мл., с той лишь разницей, что на сей раз Вашингтон предпочел передать основную военную роль своим союзникам по НАТО.

События 2011 г. в Ливии показали, что основным принципом международного права остается принцип силы. Более того, последствия интервенции послужили и важным уроком для стран-членов СБ ООН. Россия и Китай больше не желают поддерживать резолюции, которые могут привести к военным интервенциям с целью смены режимов в других странах арабского мира, что является существенным препятствием для решения главной задачи политики США в Сирии — изоляции режима Б. Асада [10, с. 175].

В отношении сирийского кризиса Обама еще в 2013 г. выступал за военное вмешательство, обвинив сирийские правительственные вой-

ска в применении химического оружия, однако Совет Безопасности ООН, осознав ошибки ливийской кампании, не санкционировал призывы президента США.

С возникновением Исламского государства ситуация в Сирии и на всем Ближнем Востоке значительно ухудшилась, и Б.Обама не исключал применения «жесткой силы» для решения кризисной ситуации. Осознавая тот факт, что возглавляемая США коалиция фактически продемонстрировала неспособность противостоять распространению террористической агрессии в Сирии и Ираке, в феврале 2015 г. Б.Обама направил в Конгресс проект документа, который давал бы ему право применять военную силу против ИГ за рубежом в течение трех лет [11]. Необходимость одобрения Конгрессом применения силы в Сирии была связана с тем, что американские бомбардировки позиций ИГИЛ в Ираке и Сирии длились к тому времени уже около полугода [12, с. 10]. А согласно закону о военных полномочиях 1973 г., американский президент имеет право вести военные действия за пределами США без одобрения Конгресса не более 60 дней [13]. Проект резолюции администрации Обамы «не санкционировал долгосрочные крупномасштабные наземные боевые операции, подобные тем, которые проводили США в Ираке и Афганистане» [14]. Резолюция, по словам Обамы, «предлагала обеспечить гибкость для проведения наземных операций в других, более ограниченных обстоятельствах, таких как спасательные операции, коалиционные операции или использование сил специальных операций для проведения военных действий против руководства ИГИЛ» [14]. В январе 2016 г. министр обороны США Эштон Картер заявил: «Коалиция во главе с США направит сухопутные войска в Сирию и Ирак против Исламского государства» [15]. Однако военная операция США в составе международных коалиций против ИГИЛ при Обаме ограничилась лишь поддержкой союзников силами ВВС и ВМФ США без использования своих военнослужащих для проведения наземных операций.

У Обамы не было четкого плана урегулирования затянувшегося сирийского кризиса, но была задача устранить неудобный США режим Б. Асада, поэтому он стремился использовать кризисную ситуацию для достижения своих целей. Политика США, направленная на передел мира по демократическому образцу, как показывает опыт на Ближнем Востоке, приводит к тяжелым последствиям как для конкретной страны, так и для всего региона.

Подводя итог использованию военной силы во внешней политике США при администрации Барака Обамы, можно сделать вывод, что

во время первого президентского срока Б. Обама склонялся к политике изоляционизма, а во время второго срока глава Белого дома все чаще выступал как поборник глубокой глобальной вовлеченности и американской исключительности. Хотя Обама и пытался выступать в роли миротворца, в Ливии и Сирии он продолжал следовать неоконсервативным ценностям, сохранив в своей политике идею о необходимости распространения универсальных ценностей. Изучению того, что представляют из себя страны Ближнего Востока, уделялось мало внимания. Ставка делалась на максимально эффективные реформы и перемены.

Что касается перспектив использования «жесткой силы», то США и в дальнейшем будут ее использовать. Проблема безопасности для Вашингтона связана с поддержанием демократии, а авторитаризм и диктатура — с развязыванием войн, поэтому для предотвращения войн необходимо ликвидировать диктаторские режимы. Главная цель США — свержение таких режимов и продвижение демократии, для чего они допускают применение силы. Отсюда следует, что Соединенные Штаты будут вмешиваться в дела Ближнего Востока, пока в странах существуют неугодные Америке диктаторские режимы. США решительно отстаивают свое право быть «верховным судьей» на мировой арене. Барак Обама не был согласен с тем, что американские ценности являются «западной экспортной моделью», которая неприемлема для исламского мира, так как считал, что главная задача Соединенных Штатов на международной арене — нести свободу и демократию. Президент США не раз заявлял, что несмотря на то что США будут обвинять «в лицемерии и непоследовательности», они всегда будут участвовать в делах Ближнего Востока. При этом заявления Б. Обамы о том, что США готовы «слышать» исламский мир, «исправлять ошибки и искать общий подход», сделанные в начале его пребывания на посту президента, не были подтверждены на практике в период его второй администрации. Как бы Б. Обама ни старался наполнить американское лидерство новым содержанием, отойти от односторонних действий и силового диктата доктрины Буша, перенести акцент на организацию многостороннего сотрудничества, ему не удалось в полной мере осуществить свои миротворческие идеи.

Литература

1. *Ширяев Б. А.* Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
2. *Давыдов Ю.* Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // *Международные процессы.* 2015. № 1 (40). С. 165–179.

3. Nye J. Limits of American Power // *Political Science Quarterly*. 2002. Vol. 117, no. 4. P. 545–559.
4. National security strategy. Washington, D.C., The White House, 2002. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).
5. Нобелевская премия мира присуждена Бараку Обаме, 2009. URL: <https://lenta.ru/news/2009/10/09/nobelpeace/> (дата обращения: 21.12.2017).
6. Бартенев В. И. «Стратегия национальной безопасности США» 2015 года: от всеобъемлющего к селективному вовлечению и сдерживанию. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2015/01/05_Bartenev.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
7. Коньшиев В. Н., Сергунин А. А. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? // США — Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 1. С. 26.
8. National security strategy 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 03.04.2018).
9. Remarks by the President Address to the United Nations General Assembly, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly> (дата обращения: 17.02.2018).
10. Индик М., Либерталь К., О'Хэнлон М. Оценка внешней политики Обамы // Россия в глобальной политике. 2012. № 3. С. 166–180.
11. Березин А. Запрос Обамы на применение военной силы против ИГ положил начало дебатам в Конгрессе, 2015. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/war-authorization-request-sparks-debate-in-congress/2639384.html> (дата обращения: 25.03.2018).
12. Самуйлов С. М., Панюжев М. М. Борьба США с ИГИЛ и ответ России // США — Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 4. С. 7–12.
13. War Powers Act of 1973. URL: <http://www.digitalhistory.uh.edu/disptextbook.cfm?smtID=3&psid=4064> (дата обращения: 17.02.2018).
14. Letter from the President. Authorization for the Use of United States Armed Forces in connection with the Islamic State of Iraq and the Levant. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/02/11/letter-president-authorization-use-united-states-armed-forces-connection> (дата обращения: 17.02.2018).
15. Ackerman S. U.S. defense chief says ISIS strongholds will be targeted by coalition in 2016, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jan/13/us-defense-secretary-ashton-carter-isis-raqqa-mosul-iraq-syria> (дата обращения: 17.02.2018).

References

1. Shiryaev B. A. *USA foreign policy. Principles, mechanisms, methods*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2006. (In Russian)
2. Davydov Y. The concept of 'hard' and 'soft' power in the theory of international relations. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2015, no. 1 (40), pp. 165–179. (In Russian)

3. Nye J. Limits of American Power. *Political Science Quarterly*, 2002, vol. 117, no. 4, pp. 545–559.
4. *National security strategy*. Washington. D.C., The White House. September, 2002. Available at: <https://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed: 21.02.2018).
6. *National security strategy*. Washington. D.C., The White House. February, 2015. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (accessed: 03.04.2018).
5. Nobel Peace Prize awarded to Barack Obama. 2009, October 9. Available at: <https://lenta.ru/news/2009/10/09/nobelpeace/> (accessed: 21.12.2017). (In Russian)
6. Bartenev V.I. *US National Security Strategy 2015: from comprehensive to selective involvement and deterrence*. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2015/01/05_Bartenev.pdf (accessed: 21.02.2018). (In Russian)
7. Konyshov V.N., Sergunin A.A. National Security Strategy of Barack Obama: old wine in new furs? *SShA-Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2011, no. 1, pp. 23–36. (In Russian)
8. *National security strategy 2015*. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (accessed: 03.04.2018).
9. Remarks by the President Address to the United Nations General Assembly. 2013, September 24. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly> (accessed: 17.02.2018).
10. Indik M., Libertal' K., O'Hanlon M. Evaluation of Obama's Foreign Policy. *Rossia v global'noi politike*, 2012, no. 3, pp. 166–180. (In Russian)
11. Berezin A. *Obama's request for the use of military force against the "ISIS" marked the beginning of the debate in Congress*. 2015, February 12, Available at: <https://www.golos-ameriki.ru/a/war-authorization-request-sparks-debate-in-congress/2639384.html> (accessed: 25.03.2018). (In Russian)
12. Samuylov C.M., Panyushev M.M. The U.S. struggle against ISIS and Russia's response. *SShA-Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2016, no. 4, pp. 7–12. (In Russian)
13. War Powers Act of 1973. Available at: http://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook.cfm?smtID=3&psid=4064 (accessed: 17.02.2018).
14. Letter from the President. Authorization for the Use of United States Armed Forces in connection with the Islamic State of Iraq and the Levant. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/02/11/letter-president-authorization-use-united-states-armed-forces-connection> (accessed: 17.02.2018).
15. Ackerman S. U.S. defense chief says ISIS strongholds will be targeted by coalition in 2016. 2016, January 13. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2016/jan/13/us-defense-secretary-ashton-carter-isis-raqqa-mosul-iraq-syria> (accessed: 17.02.2018).

ВОСПРИЯТИЕ США В АРАБСКОМ МИРЕ (в контексте израильского фактора)

А. В. Бойко

Данная статья определяет влияние Израиля на взаимоотношения между США и арабскими странами и выявляет значение произраильской ориентации в политике США для динамики восприятия США в арабском мире. Двусторонние взаимоотношения между Израилем и США являются важной повесткой внешней политики двух государств уже долгое время. На современном этапе тесные взаимоотношения США с Израилем влияют на сотрудничество Вашингтона со странами арабского мира. Произраильская политика США в ближневосточном регионе в некоторых случаях имеет негативные последствия для создания более крепких и взаимовыгодных отношений с арабскими государствами. Таким образом, при всей важности сотрудничества США и Израиля в регионе Тель-Авив выступает в качестве «неудобного союзника», так как этот фактор периодически вступает в противоречие с другими стратегическими интересами США на Ближнем Востоке. К отрицательным исходам можно отнести проявление усиления антиамериканских настроений и вытеснение США с лидирующих позиций в регионе.

Ключевые слова: США, антиамериканизм, Израиль, Барак Обама, Дональд Трамп.

PERCEPTIONS OF THE USA IN THE ARAB WORLD (in the context of the Israeli factor)

A. Boyko

Bilateral relations between Israel and the United States have been an important agenda of the foreign policy of the two states for a long time. At the present stage, close relations between the United States and Israel affect Washington's cooperation with the countries of the Arab world. U.S. pro-Israel policies in the Middle East region in some cases have negative implications for building stronger and mutually beneficial relations with Arab states. Thus, for all the importance of cooperation between the United States and Israel in the region, Tel Aviv acts as an "inconvenient ally", since this factor periodically conflicts with other U.S. strategic interests in the Middle East. The negative outcomes include the manifestation of increased anti-American sentiment and the exclusion of the United States from leading positions in the region. This article defines the influence of Israel on relations between the United States and Arab countries and reveals the significance of the pro-Israel orientation in U.S. policy for the dynamics of U.S. perception in the Arab world.

Keywords: the USA, anti-Americanism, Israel, Barack Obama, Donald Trump.

Бойко Анна Викторовна — студент факультета международных отношений СПбГУ. Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Boyko Anna — student, School of International Relations, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Арабский мир очень часто рассматривается как особый вопиющий случай антиамериканизма, хотя арабский антиамериканизм — гораздо более молодой феномен, чем его европейский коллега. Первоначально данный термин был связан с жалобами европейцев на отсутствие манер у американцев и их общую вульгарность, а затем, когда США стали мировой державой, на первый план вышла политическая и экономическая критика. То, что получило название «антиамериканский терроризм», возросло после 11 сентября 2001 г. [1, p. 11].

Согласно мнению Б. О'Коннера, «антиамериканизм не является всеобъемлющей или последовательной системой убеждений или идеологией, а представляет собой ряд критических замечаний и предрассудков в отношении Соединенных Штатов, которые случайно были обозначены как антиамериканизм» [1, p. 11].

Так как антиамериканизм относится к субъективному восприятию, повлиять на него могут и непредвиденные события. Вторжение в Ирак, пытки в тюрьме Абу-Грейб и т. п. очень негативно повлияли на восприятие США в мире. Без сомнения, негативные последствия конфронтационной политики администрации Дж. Буша-мл. привели к росту антиамериканизма в исламском мире. Антиамериканизм стал для США серьезной проблемой, так как опросы того времени показывали резкие всплески враждебности по отношению к Соединенным Штатам, особенно в арабском мире. Это выражалось акциями, где сжигались американские флаги, ростом авторитета исламистских экстремистов и террористических групп.

Можно выделить несколько важных факторов, которые повлияли на восприятие США в регионе.

Произраильская политика США в регионе

Антиамериканские настроения получили широкое распространение на Ближнем Востоке после Шестидневной войны 1967 г., когда США стали открыто поддерживать Израиль. Несмотря на то что особое внимание к антиамериканским настроениям в арабских странах стало проявляться именно после 11 сентября 2001 г., уже в 1980-е годы США стали мишенью для религиозных экстремистов и терроризма. Например, в 1983 г. произошла атака на казармы морской пехоты в Бейруте. В результате этого террористического акта погиб 241 военнослужащий США, что стало одним из самых смертоносных нападений на граждан США за пределами их страны после окончания Второй мировой войны [2]. 25 июня 1996 г. случилось террористическое нападение на Хобарские башни, в результате было убито 19 во-

еннослужащих ВВС США и местных жителей Саудовской Аравии. Позже, в 2006 г., суд США признал виновными в организации атаки Иран и группировку «Хезболла» [3]. В 1998 г. произошли синхронные террористические акции, направленные на посольства Соединенных Штатов в Танзании и Кении.

Отдельного внимания заслуживает утверждение, что Соединенные Штаты являются главным сторонником сионистского проекта. Это является главной темой в анализе мусульманского и арабского антиамериканизма. По словам Пола Джонса, антисемитизм и антиамериканизм теперь переплетаются в сознании многих арабов, и это почва, из которой возникли террористы-смертники и «Аль-Каида» [4, р. 68]. Согласно Иянатулу Исламу, можно предположить, что враждебность мусульман к США и Израилю спровоцировало злоупотребление этими странами своей властью. С течением времени уровень антиамериканизма в мусульманском обществе колебался. Например, в 1950-е годы арабское общество было настроено очень проамерикански [4, р. 68]. В начале 2000-х годов происходит противоположная ситуация.

Внешняя политика Дж. Буша-мл. в регионе

Особый всплеск антиамериканизма, особенно в арабском мире, случился во время президентства Дж. Буша-мл. (2001–2009). Так, опрос общественного мнения жителей 44 стран, проведенный исследовательским центром The Pew Research Center в 2003 г., показал, что в этот период антиамериканские настроения росли во всем мире [5]. В конце правления администрации Дж. Буша-мл. отношения между США и арабским миром достигли самой низкой точки за последние 60 лет. Опрос 2007 г., проведенный Всемирной организацией общественного мнения, показал, что в среднем 79 % респондентов из Египта и Марокко утверждали, что США стремились «ослабить и разделить исламский мир», и столько же опрошенных утверждали, что США хотели «контролировать нефтяные ресурсы Ближнего Востока» [6]. На момент президентского срока Дж. Буша-мл. можно выделить несколько главных причин антиамериканских настроений в арабском мире:

- поддержка Соединенными Штатами Израиля и их позиция в арабо-израильском конфликте;
- военные нападения и санкции против некоторых арабских стран;

- поддержка авторитарных арабских режимов и враждебность к исламу;
- лицемерное поведение по отношению к демократии и правам человека в арабском мире [5].

В 2005 г. США были менее популярны в этом регионе, чем в любой другой части мира, хотя, например, в Марокко в сравнении с предыдущими годами рейтинг благосклонности к США увеличился до 49 % [7].

События 11 сентября 2001 г. тоже повлияли на восприятие США в арабском мире. Террористические атаки получили противоречивые отклики в мире. Такая реакция вызвала непонимание и удивление у граждан США, так как в большинстве своем они не осознавали, как вообще их страна воспринимается в мире [1, p. 17]. Чем больше американская сторона узнавала о деталях трагического события, тем сильнее росло чувство неприязни к Саудовской Аравии, так как 15 из 19 террористов и их лидер Усама бен Ладен были выходцами из Саудовской Аравии. Согласно опросу Международной службой Зогби (Zogby International), в январе 2001 г. 56 % опрошенных американцев положительно относились к Саудовской Аравии и 28 % — неблагоприятно. В декабре 2001 г. эти цифры разительно изменились практически на противоположные: благоприятное отношение к этому арабскому государству сохранилось лишь у 24 % опрошенных, в то время как 58 % относились к нему неблагоприятно [8, p. 41]. Похожая ситуация наблюдалась и в Саудовской Аравии по отношению к американцам, хотя недовольство США имело место быть и до трагедии вследствие американской политики в отношении конфликта между Израилем и Палестиной, иракских санкций [8, p. 42].

Влияние СМИ

Существует мнение, что антиамериканизм в арабо-мусульманском мире — это пример циничного манипулирования политическими и гражданскими лидерами общественным сознанием, чтобы отвлечь внимание от внутренних проблем государств, недостатков мусульманских обществ. В ряде исследований устанавливается связь между восприятием США и типом потребительской среды. После обработки данных опроса, проведенного Институтом Гэллана, в девяти странах с мусульманским большинством в 2002 г., было обнаружено, что внимание к телевизионным новостям о Соединенных Штатах связано с антиамериканскими представлениями. Люди, наблюдавшие за контентом пан-арабских региональных сетей, в том числе «Аль-

Джазиры» и МВС, придерживались более негативного восприятия Соединенных Штатов, в то время как другие, следившие в основном за западными медиаресурсами (например, CNN или ВВС), имели значительно менее негативное восприятие Соединенных Штатов [9].

Антиамериканизм в период президентства Б. Обамы

В 2008 г. президентом США стал Б. Обама. Смена политического лидера США привела к тому, что в арабских странах антиамериканские настроения пошли на спад. Это было вызвано тем, что новый президент был более мирно настроен по отношению к странам арабского мира. Уже в первые дни своего президентства он провел телефонные беседы с Э. Ольмертом, М. Аббасом, Х. Мубарак, Абдаллой II. В них президент выразил свои надежды на активную вовлеченность этих стран в поиск мирного урегулирования арабо-израильского конфликта. В 2009 г. Обама выступил в Каирском университете с речью в поддержку права Палестины на создание государства и прекращения вражды между израильтянами и палестинцами. Президент США говорил об обновлении отношений между США и мусульманами на основе «взаимного интереса и взаимного уважения», пообещал бороться против негативных стереотипов исламского мира, обратил внимание на необходимость проведения политики толерантности, направленной на сохранение этнокультурных различий в странах с преобладающим мусульманским населением [10]. В связи с этим в начале первого срока Обамы опросы общественного мнения в арабском мире зафиксировали всплеск более позитивного отношения к Соединенным Штатам. Однако этот эффект не был долговечным. В последующие годы внешнеполитический курс Б. Обамы в отношении палестино-израильского конфликта оказался разочарованием для арабской общественности [11].

Новая волна антиамериканизма была вызвана следующими событиями. В конце 2010 — начале 2011 г. на Ближнем Востоке и в Северной Африке прошли массовые протесты. Жители выступали против существующей власти, против своих многолетних лидеров. В Тунисе в 2011 г. на выборах в парламент победу одержали умеренные исламисты из партии «Ан-Нахда» («Возрождение»), в Египте под давлением военных парламентские выборы выиграла партия исламистского движения «Братья-мусульмане», а президентские — кандидат от «братьев» Мухаммед Мурси. Печальные события произошли в 2012 г., когда в Бенгазе и Каире американские дипмиссии подверглись нападению в годовщину терактов 11 сентября. Их жертвами стали посол

США в Ливии и еще трое сотрудников консульства. Этому предшествовали массовые акции протеста в Каире, когда толпа окружила здание посольства, скандируя антиамериканские лозунги и бросая на территорию дипмиссии зажженные петарды. Перед посольством был сожжен флаг США. Во время президентства Б. Обамы произошла активизация деятельности ХАМАС; выросла угроза от Исламского государства; последствия «арабской весны» привели к росту антиамериканских настроений.

По мнению М. Линча, кардинальные изменения в политике США на Ближнем Востоке (поддержка некоторых арабских восстаний 2011 г., смерть Усамы бен Ладена, вывод войск из Ирака) с приходом Барака Обамы оказали удивительно небольшое влияние на отношение арабских стран к Соединенным Штатам [11]. В то же самое время рейтинги Обамы резко упали и в Израиле. В 2015 г. его действия одобряли всего 49 % израильтян по сравнению с 71 % годом ранее [12]. Между Обамой и премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху возникли разногласия из-за переговоров с Ираном и из-за палестинского вопроса. Особенно низкие показатели доверия Обаме были среди сторонников партии «Ликуд»: только 40 % выражали одобрение американскому президенту. Восемь из десяти израильтян не одобряли, как Обама повел себя по отношению к ядерной программе Ирана [12].

Антиамериканские настроения в период правления Д. Трампа

В 2017 г. президентом США стал Д. Трамп, который во время предвыборной кампании создал себе имидж политика со взглядами, полностью отличавшимися от взглядов предыдущего президента. В связи с этим особый интерес представляют результаты недавнего опроса.

Этот опрос был проведен среди жителей арабских стран в сентябре-октябре 2017 г. исследовательской организацией Arab Center Washington DC («Вашингтонский арабский центр»). Было опрошено 3200 случайных респондентов из Египта, Иордании, Кувейта, Ливана, Марокко, Палестины, Саудовской Аравии и Туниса. Опрос показал, что антиамериканские настроения в арабском мире обращены на внешнюю политику США в регионе, а не на Соединенные Штаты как страну и не на их население. Опрошенные в Марокко (37 %), Саудовской Аравии (36 %) и Кувейте (34 %) выразили наиболее позитивные взгляды на внешнюю политику США в отношении арабского мира, при этом респонденты из Ливана (66 %) и Палестины (73 %) дали ей очень негативную оценку [13]. В арабских странах в 2016 г. 73 % опро-

шенных выразили общее позитивное отношение к американскому народу, в 2017 г. этот показатель снизился до 65 %. Возможно, это результат негативных впечатлений от президента Трампа и осуждение выбора американского народа. Такое отношение сохраняется сегодня даже в странах, правительства которых доброжелательны настроены к администрации Трампа. Например, в Саудовской Аравии наибольшая доля респондентов (49 %) отрицательно оценила политику Д. Трампа [13]. Отрицательное отношение к внешней политике США на Ближнем Востоке при Трампе в арабском мире возросло. Опрос показал, что только 17 % респондентов считают, что президентство Трампа улучшило политику США в отношении арабского мира; большинство из них проживает в Саудовской Аравии (24 %) и Египте (22 %) [14]. Большая часть опрошенных (56 %) называет Трампа анти-мусульманским президентом, а 51 % считает, что при президентстве Д. Трампа репутация США в мире стала хуже. Процентный максимум негативного восприятия фигуры Трампа был зафиксирован в Тунисе (68 %) и Палестине (62 %) [14]. Политика Трампа вполне может повлиять на положение США в регионе. Например, в 2017 г., когда представителей арабских стран спросили, какие государства являются главными союзниками их страны, 21 % молодых арабов называли Россию (по сравнению с 9 % в 2016 г.) и только 17 % ответили, что это США (25 % в 2016 г.).

Достаточно интересно мнение опрошенных по поводу продажи оружия США арабским государствам и о его дестабилизирующем воздействии на регион. Респонденты не поддерживают продажу оружия арабским правительствам, как не поддерживают и прямого военного вмешательства. Вместо этого они выступают за разрешение долгосрочных кризисов, включая израильско-палестинский конфликт. 62 % опрошенных ответили, что продажи оружия США не помогают стабилизировать ситуацию в регионе. Самый высокий показатель отрицательного отношения к продаже американского оружия был зафиксирован в Марокко — 70 %, самый высокий процент положительных ответов был дан в Саудовской Аравии — 45 % [14].

Израиль — один из главных факторов, влияющих на восприятие США в регионе. Тесное сотрудничество между США и Израилем вызывает негативное восприятия Вашингтона у арабского населения. Более того, антиамериканские настроения подрывают и вредят посреднической роли США в арабо-израильском конфликте. Несмотря на то что среди арабских элит из консервативного лагеря просматривается желание выстраивать тесные связи с Соединенными Штатами (вопреки американо-израильскому союзу), арабская «улица» на-

строена радикально против такого союзника. Негативное отношение к США у населения вызывают их союзнические отношения с Израилем, политика на палестинском направлении, широкая продажа американского оружия в регионе. Такие настроения создают дополнительные сложности арабским элитам, препятствуя развитию сотрудничества с США и делая американского партнера «неудобным». Из-за таких противоречий и сложностей увеличиваются риски расширения влияния Ирана и распространение радикального исламизма в рассматриваемом регионе.

Литература/References

1. O'Conner B. The anti-American tradition. A history in four phases. Eds B. O'Connor, M. Griffiths. *The rise of anti-Americanism*. Routledge, 2006. P. 11.
2. Pearson E. Khobar Towers bombing of 1996. *SAGE Publications's Encyclopedia of Terrorism*, 2011. Available at: <https://www.britannica.com/event/Khobar-Towers-bombing-of-1996> (accessed: 22.03.2018).
3. *The Telegraph*. History of Saudi attacks. 2004, December 6. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/1478358/History-of-Saudi-attacks.html> (accessed: 22.03.2018).
4. Islam I. Anti-Americanism in the Muslim world. Eds B. O'Connor, M. Griffiths. *The rise of anti-Americanism*. Routledge, 2006. P. 68.
5. Abdallah A.M. Causes of Anti-americanism in the Arab World: A socio-political perspective. *Middle East Review of International Affairs*, 2003, vol. 7, no. 4. Available at: <http://www.rubincenter.org/meria/2003/12/abdallah.pdf> (accessed: 04.04.2018).
6. Muslims believe U.S. Seeks to Undermine Islam. *World Public Opinion*. 2007, April 24. Available at: <http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/brmiddeleastafrica/346.php> (accessed: 02.03.2018).
7. Pew Research Center. How the United States is perceived in the Arab and Muslim world. *Pew Research Center*, 2005, November 10. Available at: <http://www.pewglobal.org/2005/11/10/how-the-united-states-is-perceived-in-the-arab-and-muslim-worlds/> (accessed: 19.04.2018).
8. Gause III F.G. *Saudi Perceptions of the United states since 9/11. With U.S. or against us. Studies in global Anti-Americanism*. Ed. by T. Judt, D. Lacorne. Palgrave Macmillan, 2005. P. 41.
9. Rinke E.M., Willnat L., Quandt T. The Obama Factor: Change and Stability in Cultural and Political Anti-Americanism. *International Journal of Communication*, 2015, no. 9. Available at: <http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view-File/2086/1465> (accessed: 04.04.2018).
10. Obama's Speech in Cairo. *The New York Times*, 2009, June 4. Available at: <https://www.nytimes.com/2009/06/04/us/politics/04obama.text.html> (accessed: 20.05.2018).

11. Lynch M. The persistence of Arab Anti-Americanism. *Foreign Affairs*, May/June 2013. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/persistence-arab-anti-americanism> (accessed: 18.03.2018).

12. Wike R. 7 charts on how the world views president Obama. *Pew Research Center*, 2015, June 24. Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/06/24/7-charts-on-how-the-world-views-president-obama/> (accessed: 16.02.2018).

13. Arab attitudes towards president Trump and his Middle East policies and positions. *Survey by Arab Center*, Washington D.C., October 2017. Available at: <http://arabcenterdc.org/wp-content/uploads/2017/10/ACW-Survey-Trump-and-the-Arab-World-Oct-27-2017-1.pdf> (accessed: 15.03.2018).

14. Opposition to U.S. foreign policy increases in Arab world. *Middle East Monitor*, 2017, October 27. Available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20171027-opposition-to-us-foreign-policy-increases-in-arab-world/> (accessed: 22.03.2018).

УДК 327

ПОЗИЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСТЕБЛИШМЕНТА США ПО ВОПРОСУ РАСИЗМА

Д. Д. Левинтова

Исследование раскрывает программные особенности политических партий США. На основании анализа научной литературы и сбора данных, представленных в средствах массовой информации и социальных сетях, выявлены основные направления политики, проводимой Республиканской и Демократической партиями, а также сделан вывод о том, насколько сильно политический курс изменился в современных реалиях. Ключевой вывод заключается в том, что часто позиция партии по той или иной проблеме формируется не только на основе традиционной для нее политической платформы, но и с помощью средств массовой информации, которые определяют конкретную позицию руководящего аппарата со своей специфической точки зрения. Однако безусловно то, что Республиканская партия все сильнее склоняется к поддержке белых супрематистов, ратует за сохранение консервативных, традиционных ценностей и борется с зачатками культурной революции, в то время как Демократическая партия все более активно осуществляет социальные меры по улучшению качества жизни низших слоев населения, способствует расширению прав меньшинств и настаивает на соблюдении прав и свобод представителей афро-американской диаспоры.

Левинтова Диана Денисовна — студент факультета международных отношений СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9.

Levintova Diana — student, School of International Relations, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Ключевые слова: Республиканская партия, Демократическая партия, белый супрематизм, национализм, расизм.

USA POLITICAL ESTABLISHMENT ATTITUDES TOWARDS RACISM

D. Levintova

The research covers program patterns of USA's political parties. Based on the analysis of scientific literature and data collection of mass media and social networks characteristics of Republican and Democratic Parties policy were identified. General idea represents that it is impossible to determine a particular position of the party, because it is always related to the image formed by the mass media. However, it is undoubtedly that Republican Party leans to support white supremacists, advocates for maintaining traditional values and struggling with beginnings of the cultural revolution. While Democratic Party provides social measures for improving the quality of life of lower segments of the society, facilitates the enhancement of minority rights and insists on respect for rights and freedoms of african-american people.

Keywords: Republican Party, Democratic Party, white supremacism, nationalism, racism.

Эволюция политической программы государственных партий США

Борьба между Демократической и Республиканской партиями по вопросу расовой сегрегации и предоставления равных гражданских прав и свобод темнокожим берет свое начало в середине XIX в., когда обе политические организации только создавались. Изначально Республиканская партия была создана как партия аболиционистов, как объединение, борющееся за отмену рабства, и представляла интересы промышленников Севера. В противовес ей ставилась Демократическая партия, защищавшая рабство и поддерживаемая плантаторами Юга; именно ее члены создали Конфедерацию, когда в 1861 г. к власти пришел Авраам Линкольн — кандидат от Республиканской партии. После завершения Гражданской войны в США и окончания «эпохи рабства» южные демократы построили новый режим белого супрематизма: он предполагал легализацию сегрегации (в том числе поддерживал законы Джима Кроу) и не предусмотренные законом формы угнетения темнокожего меньшинства посредством регулярных актов насилия. Однако подобная категоричная позиция партии стала рушиться во время Великой депрессии начала 1930-х годов, когда все больше респондентов склонялись в пользу нового курса Ф. Д. Рузвельта (кандидата от демократов) по оздоровлению экономического и социального положения нации. Было решено смягчить политическую программу, и уже в 1948 г.,

когда президентом стал демократ Гарри Трумэн, было выпущено распоряжение о десегрегации армии и впервые одобрено положение о наделении афроамериканцев гражданскими правами. Подобные действия не были восторженно встречены южанами — основной социальной базой партии, — для которых все политические соображения, необходимые для популяризации и сохранения веса партии, были второстепенны по отношению к белому супрематизму. Так, в 1948 г. губернатор Южной Каролины Стром Термонд, бывший членом Демократической партии, решил баллотироваться на пост президента самостоятельно, его сподвижники и последователи были названы «диксикратами» (Dixiecrats), и лейтмотивом их программы было сохранение расовой сегрегации, которая на выборах получила поддержку четырех южных штатов.

Пробные шаги Демократической партии начали приобретать всеобъемлющий характер. Все более частые заявления о поддержке гражданских прав темнокожих начали негативно сказываться на старом составе партии — многие южные демократы начали массово выходить из нее. После того как президент Линдон Джонсон, который сам являлся южным демократом, подписал Акт о гражданских правах в 1964 г., он обратился к своему помощнику Биллу Мойерсу с фразой: «Похоже, мы только что передали Юг республиканцам на многие-многие десятилетия». И действительно, это стало основным тезисом политики Республиканской партии: в 1970-х годах при Ричарде Никсоне началось строительство «южной стратегии» [1]. Его политтехнолог Кевин Филлипс еще тогда сказал о том, что чем больше Демократическая партия ассоциируется с афроамериканцами, тем больше белых «негрофобов», как он их называл, решат быть республиканцами. Кампания по завоеванию расположения бывшего демократического юга приобрела наибольший успех после выступления Рональда Рейгана неподалеку от Филадельфии, штат Миссисипи (данное место было печально известно убийством трех борцов за гражданские права белыми супрематистами), в котором он повторил призыв Строма Термонда 1948 г. к использованию личных прав штатов, чьи законы могли идти вразрез с проводимой на федеральном уровне политикой. С этого момента белые супрематисты знали, что Республиканская партия Рейгана стала их пристанищем. Таким образом, за полтора века Демократическая партия очистила свои ряды от белых супрематистов, что, безусловно, было дорогостоящим предприятием, в то время как Республиканская партия приняла их к себе с распростертыми объятиями.

Взаимосвязь активности крайне правых и крайне левых политических движений и деятельности государственных партий США

Сейчас на фоне разворачивающейся борьбы по вопросу о сносе памятников конфедератам [2] активизируются крайне правые и крайне левые политические движения. И представители каждого из них имеют за собой поддержку одной из двух политических партий. Каждый политический лагерь занимает выверенную позицию, соответствующую его идейным установкам и интересам социальной базы, которая его поддерживает. Так, например, принято считать, что на сегодняшний день правящая республиканская партия во главе с Дональдом Трампом находится на стороне белых супрематистов (сторонников расового превосходства белых и расового насилия) или альт-правых (сторонников превосходства белых националистов, неонацистов и других ультраправых маргинальных групп). Однако прежде чем опровергать или подтверждать домыслы, необходимо понять структуру и направленность самих политических организаций. В противовес традиционному консерватизму сторонники движения альт-правых в основном не заинтересованы в нравственном традиционализме, экономической свободе, сильной национальной обороне — всех предпосылках американского консерватизма XX в., наоборот, они поддерживают белый национализм, расизм и пропагандируют нереакционные ценности. Именно поэтому многие аналитики и представители СМИ, особенно находящиеся на стороне демократического лагеря, говорят о том, что «движение альт-правых не будет расти, если большее количество людей будет привлекать традиционный консерватизм».

Альт-правые сейчас стремятся потерять приставку «альт» и стать просто «правыми», ведь «альт» всегда имеет достаточно негативное значение, да и кому они себя противопоставляют? В данный момент они хотят стать просто «правыми», чтобы выйти за рамки активности в социальных сетях (хотя этому уже достаточно сильно способствовал приход к власти Трампа) и начать оказывать влияние на большую политику и культуру. Однако сейчас их организации не хватает четко сформулированной позиции и структурной организованности, что не случайно, ведь свои истоки движение ведет с сайтов 4chan и Reddit («Форчан» и «Реддит»), где нигилизм, цинизм, ирония и абсурдные шутки сливаются с порнографией, расизмом и женоненавистничеством, чтобы нарушить табу в далеко не политкорректном стиле, часто это делается с помощью интернет-шуток — мемов. Вот поче-

му лягушка Пепе из героя комиксов стала интернет-символом белого национализма, а красная таблетка из фильма «Матрица» — основой для создания понятия «быть красным», т. е. понять правду и обрести новый образ мышления.

Культура альт-правых пришла к нам из 2014 г., когда создатели женских видеоигр и их сторонники подверглись угрозам преследования и смерти. Именно данная ситуация сильно политизировала широкую группу молодежи, по большей части мужского пола, начавшую придумывать различные тактики культурной войны, которая ведется левыми. С подобной точки зрения, предлагаемой в книге «Убить всех нормальных» («Kill all normies») Анжелой Нагл, альт-правые не только выступают как белые националисты, но и ратуют за женскую и религиозную дискриминацию, пропагандируют идеи эгалитаризма — и все это ради предотвращения предполагаемого «белыми стратегами» цивилизационного и демографического упадка. Автор говорит о том, что данное направление, которое пришло во главе с Трампом, является уходом от традиционного консерватизма.

Дэвид Нейверт в своей книге «Альт-Америка: восстание радикально правых в эру Трампа» находит схожие черты между движением чаепития (консервативно-либертарианское политическое движение) и альт-правыми, рассказывает о том, что флаг Гадсена и подпись на нем «Не наступай на меня» (после революции рассматривался как символ американского патриотизма, разногласий с властью или поддержки гражданских свобод, как символ движения чаепития) использовались в 1990-х годах полицейскими на Западе Америки. Он утверждает, что возникновение белых националистических нарративов стало ответом на избрание первого черного президента страны, ведь альт-Америка поддерживает идеи биртеризма — теории о том, что Барак Обама родился не на территории США, поэтому, согласно американскому праву, не может быть президентом. Это способствовало увеличению популярности Трампа. Он был назван «первым белым президентом Америки» за его активную борьбу в предвыборной гонке и явное желание отменить и переделать все, что было создано до него Бараком Обамой. Также отмечают, что он может стать первым американским «президентом-троллем», который относится к управлению государством как к культурной войне, а к Овальному кабинету — как к сабреддиту — форуму, на котором можно поделиться со своими коллегами схожими мнениями по тому или иному вопросу. На сайте Ричарда Спенсера об альт-правых даже была статья с заголовком «Зачем нам нужен президент-троль?», где автор подчеркивал, что их движению необходим человек, который сможет прекратить открытые публичные дебаты.

В данный момент в США существует очень много теорий заговора, в которые верит достаточно большой процент населения: альт-правые, как упоминалось выше, верят в то, что Барак Обама был мусульманином и не имел права претендовать на президентский пост, а Хиллари Клинтон руководит организацией педофилов. И это объяснимо, ведь большинство из них призывают ограничить Клинтон на политической арене, депортировать миллионы мигрантов, ограничить права ЛГБТ и репродуктивные права женщин, запретить мусульманам въезжать в США.

Именно поэтому нет ничего удивительного в том, что крайне правый лагерь поддержал Трампа и Республиканскую партию, никто не отрицает и того факта, что альт-Америка помогла новому президенту прийти к власти, хотя и утверждается, что Трамп не является участником движения [3]. Однако несмотря на подобные высказывания, некоторые представители альт-правого движения говорят о том, что «Трамп — не спаситель белых в Америке», и многим из них не хватает принятых новым президентом мер по «очищению» страны — ограничению миграции и временных запретов на поездки в некоторые страны, где преобладает мусульманская диаспора. И даже тот факт, что главным политтехнологом Трампа являлся Стивен К. Бэннон, который был главой Breitbart (ультраправого новостного ресурса), не дает альт-правым полной уверенности в том, что президент на их стороне, ведь они утверждают, что он скорее популистский и экономический националист. Также многих смущает тот момент, что исторически «консерваторы во власти редко продвигают белые интересы», даже несмотря на то, что Республиканская партия сейчас склоняется в пользу белых респондентов и отстаивает их интересы [4]. Это стало очень заметно после инцидента в Шарлоттсвилле, когда произошла стычка между правыми и левыми, в результате чего многие люди получили ранения, а одна женщина погибла. Однако реакция президента была очень мягкой и практически никак не касалась того факта, что из-за белых супрематистов и их экстремистских действий пострадали живые люди, в то время как представители левого движения ограничивались лишь порчей памятников.

Дональд Трамп выступил с речью, в которой говорил: «Печально видеть, как историю и культуру нашей великой страны разрывают на части, убирая скульптуры и памятники. Вы не можете изменить историю, но вы можете извлечь из нее уроки. Кто следующий? Вашингтон, Джефферсон? Так глупо!» — заключил Трамп. Однако многие аналитики склоняются к мнению, что в данных выражениях Трамп вовсе не призывает к сохранению культурного равновесия и не встает на

сторону Дочерей Конфедерации, которые пытаются сохранить память об ушедших героях конфедеративных штатов, а лишь старается удержать своих избирателей, которые в случае иной его реакции могут отвернуться от его кандидатуры [5].

Но несмотря на то что подобное выступление пытаются оправдать его стремлением удержать своих избирателей, Трамп начал терять тех, кто его поддерживает. Известный сенатор от республиканской партии из Кентукки Линдси Грэм заявил: «Нельзя говорить о том, что существует эквивалентность в моральном плане между белыми сторонниками неонацизма и членами Ку-Клукс-Клана». А республиканец из штата Теннесси сказал: «Президент еще не смог продемонстрировать стабильность и возможность исполнять свои обязанности, однако он должен продемонстрировать все это, чтобы стать успешным. Он также не показал, что понимает, что сделало его страну великой и к чему это привело сегодня».

Несмотря на достаточно негативное отношение к комментариям Трампа внутри Республиканской партии, некоторые аналитики все же склоняются к тому, что общей политикой республиканцев является упорная антилиберальная война с меньшинствами, которая особенно усилилась после того, как процент белых христиан в США перестал быть большим относительно других национальных и религиозных групп. Действительно, многим консервативным белым христианам с Юга очень тяжело воспринимать, например, резкое изменение отношения к гомосексуализму: ведь они видели, как быстро менялось мнение большинства, начиная с четырех человек из десяти, которые поддерживали легализацию браков однополых пар, до шести из десяти. Это привело к тому, что они чувствуют себя в моральном меньшинстве, ощущают культурную переориентацию.

Однако мало того что Республиканская партия встала на сторону белых супрематистов, она также попыталась исключить меньшинства, особенно расовые, из голосования: после нарушения Верховным судом в 2012 г. ключевого гражданского права по защите избирательных прав граждан республиканцы начали предлагать законопроекты, угнетающие афроамериканское население. Во многих из них рекомендовалось сделать идентификационный номер избирателя обязательным, что должно блокировать возможность участия бедных и представителей меньшинств. Также нередкими были предложения о сокращении времени голосования, что снижало возможность участия людей с низким доходом и темнокожих, которые могли присутствовать на избирательных участках только по выходным дням. Многие штаты предлагали запретить голосовать преступникам, даже тем,

которые уже отбыли свой срок, что резко уменьшило бы явку (примерно на 6 миллионов) преимущественно представителей афроамериканской расы. Вследствие этого в обществе стали возникать споры по поводу проводимой политики партии даже среди ее преданных последователей и людей, которые активно поддерживали кандидатуру Трампа.

Чтобы в некоторой степени уравновесить ситуацию, члены либертарианского движения начали говорить о том, что Демократическая партия в свою очередь стремится выкупить и даже «поработить» избирателей, предоставляя им доступ к бесплатному образованию, медицине и здравоохранению. Также камнем преткновения Республиканской партии стал вопрос иммиграции, за ограничение которой активно ратует сам президент. Причиной этого является недопущение культурной войны с помощью попытки удовлетворить основные требования белых супрематистов, которые считаются одним из основных блоков, поддерживающих республиканцев, в отношении их позиции меньшинства на сегодняшней политической и демографической арене. Однако это противоречит интересам крупных предприятий, являющихся важными спонсорами партии, для которых мигранты — основная рабочая сила. Проблема заключается в том, что республиканцы пускают в свою страну дешевую рабочую силу, чтобы удовлетворить интересы своих «доноров», но вскоре многие из них становятся гражданами США и голосуют против своей партии [6]. Положение Республиканской партии получается достаточно спорным, и нельзя с полной уверенностью сказать, что ее представители ратуют за благое дело для своей страны и что их благородные мотивы по сохранению культурного равенства и независимости перевешивают стремление сохранить голоса избирателей и приумножить их.

Однако так ли безобидна и добропорядочна Демократическая партия на фоне разыгрывающегося конфликта противоборствующих правых и левых политических лагерей в «войне памятников»? Почему альт-левые выступали за снос памятника Роберту Ли, а демократы их поддерживали? Ведь сам генерал, хотя и унаследовал несколько рабов со стороны своей жены, всегда активно осуждал моральную и нравственную сторону рабства, выступал за его ликвидацию, а также за мирное преодоление раскола штатов, за их консолидацию. Так почему же именно Юг и его защитников обвиняют в борьбе за сохранение рабства?

Существует мнение о том, что дебаты о данном вопросе были не столько между Севером и Югом (хотя, безусловно, эта тема особенно

ярко обсуждалась в 1860–1861 гг.), сколько между Республиканской и Демократической партиями: первая выступала за отмену рабства, вторая — за его сохранение. И именно здесь возникает идея: демократы лгут о том, на чьих плечах все-таки лежит ответственность за длительную и болезненную ликвидацию этого социального явления. Они заявляют, что во всем виноват Юг, перекладывая свою вину на него. Это дает возможность левым силам, поддерживаемым демократами, прибегать к методам запугивания, вандализма и даже насилия, ведь все это делается ради благой цели — борьбы против южного фанатизма, что, конечно же, создает достаточно благоприятный политический образ Демократической партии. Однако не стоит заблуждаться: большая часть солдат Конфедерации не владела рабами, а северные демократы времен гражданской войны поддерживали рабство с большой решимостью.

И отсюда возникает еще один вывод: возможно ли, что именно Демократическая партия придумала белый национализм и уже не одно столетие использует его, чтобы сохранить свое политическое господство на Юге? Однако сегодняшняя Демократическая партия значительно отличается от той, какой она была два века назад. Сегодня она утверждает и принимает каждый тип этнического национализма: черный, антиамериканский, азиатский — все, кроме белого национализма. И это не дает белым почувствовать себя частью мультикультурной общности, ведь все другие националисты мобилизуются против них, из-за чего создается образ белых как «плохих парней». Это приводит к тому, что белые чувствуют себя угнетенными и ищут новое «пристанище», которое находят под крылом Республиканской партии, но она не всецело соответствует их идеям: Трамп пропагандирует не белый, а американский национализм, включающий в себя всех американцев, и в этом белые в данный момент видят единственную позитивную альтернативу ненависти, исходящей от демократического лагеря [7].

Подобный политический расклад может негативно сказаться на популярности Демократической партии, именно поэтому сейчас все чаще можно услышать идеи о том, что демократам необходимо привлекать на свою сторону белый рабочий класс, чтобы иметь возможность одержать победу на следующих президентских выборах. Основная проблема заключается в том, что демократам необходимо выбирать между избирателями цвета и избирателями класса, ведь у них существует стойкая убежденность в том, что призыв к одной группе обязательно поставит под угрозу шансы с другой. Однако, согласно эксперименту, проведенному газетой *The Guardian*, у демократов есть возможность совмещать их прогрессивные идеи в области экономики

и ликвидации расовой несправедливости с борьбой за белых респондентов рабочего класса, которые, так же как и все, заинтересованы в развитии общества и государства, необходимо только правильно это им преподнести [8].

Удаче подобной кампании может поспособствовать сложившаяся на сегодняшний день политическая ситуация: сейчас все больше и больше людей становятся обеспокоенными массовыми арестами и вопросом расовой справедливости. И именно в последнем вопросе молодое поколение участвует особенно активно: изначально юные демократы ратовали за идею пострасовой Америки, но вскоре они изменили свой курс, на что сильно повлияли как резкие расистские высказывания Трампа, так и рост таких движений, как Black Lives Matter («Черные жизни важны») и Dreamers («Отложенное действие для прибывших детей»). Эти избиратели и будут привлекать демократов к ответственности за вопросы расовой справедливости, но готовы ли демократы отреагировать?

Так, во время своей предвыборной кампании Хиллари Клинтон столкнулась с давлением и осуждением движений, указанных выше, из-за ее роли в первой администрации Клинтона, когда был выдвинут жесткий закон о борьбе с иммиграцией и участились случаи массового лишения свободы. Несмотря на это она проводила свою предвыборную кампанию достаточно открыто: обсуждались такие понятия, как, например, структурный расизм. Однако у нее все же не получилось мобилизовать достаточное количество молодых избирателей, особенно представителей небелой расы, которые могли бы привести ее к победе на выборах. И именно это привело к драматическому сдвигу демократов влево по вопросам расы: доля демократов, которые говорят, что расизм является большой проблемой, подскочила с 58 % в 2015 г. до 76 % в 2017 г. 64 % респондентов в 2017 г. считают, что темнокожие не могут подняться по социальной лестнице именно из-за дискриминации, по сравнению с 28 % 2015 г., придерживающимися того же мнения.

Для общества сегодняшнего дня характерна следующая картина: большая часть молодых респондентов-демократов в возрасте от 18 до 29 лет склоняется к более либеральной позиции по расовому вопросу, и подобная тенденция, безусловно, является ответной реакцией на действия Дональда Трампа, однако, даже если его политика несколько смягчится и сменит курс, вряд ли существующая тенденция заметно изменится. Причинами подобного сдвига можно назвать влияние движений Black Lives Matter и Dreamers; президентство Барака Обамы и последующий рост популярности Трампа. Необходимо от-

метить, что именно смена президента и изменение его курса сильно повлияли на взгляды молодого поколения. Характерно, что оба этих процесса вызвали большое сострадание к афроамериканцам и осознание расового неравенства, особенно среди молодежи. Но вывод один: политика уже никогда не будет прежней [9]. Если Демократическая партия сможет выстроить правильную политическую кампанию и несколько сменить ориентацию, пойти на уступки белому населению, она вскоре вновь сможет встать у руля власти. Однако пока что демократы предпочитают придерживаться своей выверенной тактики, когда ставка делается на вопросы расизма. Но происходит ли это потому, что ее представители действительно заинтересованы разрешить этот вечный конфликт, или они используют его, чтобы получить поддержку большинства избирателей, что, как они проверили за последние десятилетия, обычно хорошо срабатывает? В последнее время придерживаться подобной позиции становится не так эффективно. Так, например, демократы заявляли о том, что идея республиканцев об установлении более жесткого контроля над проверкой ID-карточек избирателей на участках является расисткой. Но несмотря на это, достаточно большое количество чернокожих американских граждан поддержало данную инициативу. Но демократы продолжают настаивать на своем убеждении в большей степени потому, что знают: введение подобного акта приведет к уменьшению возможностей подтасовок голосов.

Члены Демократической партии также указывают на то, что диксикраты (демократическая партия прав штатов — консервативная фракция Демократической партии США — поддерживала расовую сегрегацию и законы Джима Кроу), которые зачастую рассматриваются как демократы-расисты, стали республиканцами. Однако подобное утверждение можно опровергнуть, потому что на сегодняшний день существует только два примера, когда диксикраты перешли в Республиканскую партию: сенатор Стром Термонд перешел в Республиканскую партию не потому, что продолжал поддерживать расистские идеи, а потому, что начал отказываться от них; аналогичная ситуация произошла и с губернатором Вирджинии Милсом И. Годвином. Демократы также всегда склонны следовать своей тактике «забирать у богатых и отдавать бедным», что звучит достойно и благородно, но на деле оказывается, что они ликвидируют средства у людей, которые своим трудом их заработали, и перераспределяют в пользу союзников и последователей партии. Безусловно, подобная система не сможет долгое время быть успешной. Ее негативные последствия уже проявились в некоторых штатах, где преобладает Демократическая партия: горожане крайне

недовольны своим уровнем дохода, его «кражей» и перераспределением, из-за чего увеличивается криминализация. Известный экономист Томас Суэлл неоднократно указывал на то, что политика, проводимая Демократической партией, не позволяет темнокожему населению выйти из нищеты. По данным ежедневной деловой газеты инвестора Investor's Business Daily, когда у власти находятся демократы, отношение к преступлениям становится более мягким, деятельность приспешников партии поощряется из средств общественных фондов, устанавливается враждебный для развития бизнеса режим и увеличивается налогообложение в наиболее развитых городах.

Еще одним подтверждением того, что Демократическая партия не ликвидировала расистские настроения, является их поддержка фонда «Планируемое родительство» (Planned Parenthood), занимающегося контролем рождаемости и обеспечивающего доступ к недорогому медицинскому обслуживанию, в связи с чем не так давно разразился скандал по вопросу аборт, после того как в сети появилось видео обсуждения ведущими врачами данной организации продажи частей тела и тканей эмбрионов. В фонде эмбрион во время первого триместра не рассматривается как живое существо, поэтому аборт не считается убийством, а исследование тканей плода — осквернением. Данный вопрос стал одним из ключевых в президентской кампании 2016 г. Республиканская партия активно выступала за прекращение государственного финансирования фонда, называла действия его представителей «убийством нерожденных детей» и заявила о том, что фонд является крупнейшим спекулянтom в стране. Один из представителей партии, республиканец Бен Карсон, в дополнение ко всему вышеперечисленному утверждал, что фонд расположил бóльшую часть своих клиник в «черных кварталах», чтобы контролировать прирост темнокожего населения, и что основатель фонда Маргарет Сэнгер «не особо очарована черными людьми» [10]. Таким образом, поддержка данной организации Демократической партией заставляет задуматься, действительно ли демократы так преданы меньшинствам, их поддерживающим [11]. Более того, пытаясь вывести спор о разрешении расистского конфликта на более высокий уровень, сделать его центральным вопросом, обсуждаемым в обществе, демократы совсем не замечают, что многие избиратели не вовлечены в политическую гонку, а своими слишком прямолинейными и настойчивыми действиями они отчуждают действительно разумных, знающих кандидатов. Одним из ярких примеров расового лицемерия демократов является недавняя ситуация в Демократическом Национальном Комитете (DNC), называющим

себя «работодателем, который предоставляет всем равные возможности трудоустройства»: некоторое время назад представитель комитета написала своим коллегам в Демократической партии e-mail с предложением исключить из отбора цисгендерных белых мужчин-натуралов в связи с тем, что они уже в большинстве. Безусловно, последователи Демократической партии отреагировали на подобный инцидент достаточно негативно: «Мы хотим, чтобы нас оценивали на основе качества нашей работы, а не политики идентичности. Как мы можем доверять руководству DNC, если они не доверяют нам?» [12]. Таким образом, нельзя сказать, что лагерь Демократической партии в полной мере стремится отстаивать интересы меньшинств и предлагает экономические и социальные меры по улучшению их положения, ведь многие из них находятся за чертой бедности и не имеют доступа ни к надлежащей медицинской помощи, ни к получению хорошего среднего и особенно высшего образования в связи с отсутствием стабильного среднего дохода. И возможно, заявления представителей республиканского лагеря о том, что подобные «нравственные» шаги делаются только для того, чтобы «подкупить» избирателей, небеспочвенны.

Одно можно утверждать с уверенностью: каждая партия старается завоевать как можно большее количество поддерживающих ее респондентов и пользуется любой возможностью, стараясь повернуть ситуацию в свою сторону и осудить действия противника. И здесь СМИ играют ключевую роль: журналисты могут представить ситуацию в выгодном свете для одной партии, показать, насколько благородны ее цели или оправдать ее действия, при этом указав на вызывающие ошибки другого политического лагеря. Однако это монета о двух сторонах: когда одно политическое издание ратует за республиканцев, другое может представить демократов в максимально выгодном свете. Поэтому нельзя с полной уверенностью говорить о точных шагах и политических предпочтениях действующих партий: все будет зависеть от того, как их представят информационные издания. Однако склонность республиканцев к белым националистам, их старание предотвратить крушение традиционных ценностей и ликвидировать зачатки культурной революции безусловны, в то время как желание демократов защитить низшие слои населения, улучшить положение меньшинств и облегчить развитие афроамериканской диаспоры также нельзя отрицать, какие бы моральные или материалистические мотивы за этим ни стояли.

Литература/References

1. A Quick Political History Of White Supremacy. *Huffington Post*, 2017, August 23. Available at: https://www.huffingtonpost.com/entry/a-quick-political-history-of-white-supremacy_us_599e20d6e4b0a62d0987acb4 (accessed: 15.05.2018).
2. The blindness of the everyday. *The Guardian*, 2018, September 27. Available at: <https://www.theguardian.com/cities/2018/sep/26/statue-wars-what-should-we-do-with-troublesome-monuments> (accessed: 15.05.2018).
3. The alt-right, and how the paranoia of white identity politics fuelled Trump's rise. *New Statesman*, 2017, August 22. Available at: <https://www.newstatesman.com/culture/books/2017/11/alt-right-and-how-paranoia-white-identity-politics-fuelled-trump-s-rise> (accessed: 17.05.2018).
4. Where the alt-right wants to take America — with or without Trump. *The Washington Post*, November, 2017. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/book-party/wp/2017/11/03/where-the-alt-right-wants-to-take-america-with-or-without-trump/?utm_term=.5b631a796229 (accessed: 17.05.2018). (In Russian)
5. The United States has declared war to its own history. Who and why is it profitable to demolish monuments to the confederates? *5 kanal*, 2017, August 18. Available at: <https://www.5-tv.ru/news/147834/> (дата обращения: 17.05.2018). (In Russian)
6. Monuments to racism: Donald Trump, the Republican Party and minority voters. *The Sydney Morning Herald*, 2017, August 22. Available at: <https://www.smh.com.au/world/monuments-to-racism-monumentstoracism-donald-trump-the-republican-party-and-minority-voters-20170818-gxz9og.html> (accessed: 18.05.2018).
7. Dinesh D'Souza: Democrats' big lies about white supremacy. *FoxNews*, 2017, August 22. Available at: <http://www.foxnews.com/opinion/2017/08/22/dinesh-dsouza-democrats-big-lies-about-white-supremacy.html> (accessed: 18.05.2018).
8. Democrats can win by tacking race and class together. *The Guardian*, 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/apr/14/democrats-race-class-divide-2018-midterms> (accessed: 22.05.2018).
9. Democrats Are Changing Their Minds About Race, and the Youth Are Leading the Way. *Daily Intelligencer*, 2018, February 1. Available at: <http://nymag.com/daily/intelligencer/2018/02/democrats-are-changing-their-minds-about-race.html> (accessed: 22.05.2018).
10. Embryo for sale: everything you need to know about the scandal with “Planned Parenthood”, 2015. Available at: <http://www.forumdaily.com/rebenok-na-prodazhu-vse-chto-nuzhno-znat-o-skandale-s-planned-parenthood/> (дата обращения 25.05.2018). (In Russian)
11. Debunking the Claim That Republicans and Democrats Switched Sides on Race. *Soapboxie*, 2018. Available at: <https://soapboxie.com/us-politics/Debunking-the-Persistent-Lie-that-Republicans-and-Democrats-Switched-Sides-on-Race> (accessed: 25.05.2018).
12. The Democrats' use of the race card does real harm. *The Washington Post*, 2017, November 1. Available at: https://www.washingtonpost.com/blogs/post-partisan/wp/2017/11/01/the-democrats-use-of-the-race-card-does-real-harm/?utm_term=.c796b4be4b1d (accessed: 25.05.2018).

США И НЕФТЯНОЙ КРИЗИС 1973 Г.

С. М. Соларева

Статья посвящена первому нефтяному кризису 1973 г. и ключевой роли США в его урегулировании. На основе анализа ситуации, сложившейся накануне энергетического кризиса, выявлены тесные связи противоречий на Ближнем Востоке и политикой США в данном регионе. Именно поэтому эмбарго, введенное ОПЕК в 1973 г., было преимущественно направлено против США. Автор приходит к выводу, что нефтяной кризис 1973 г. стал поворотным событием в мировой истории. В его основе лежат не только экономические проблемы, связанные с начавшейся после Второй мировой войны зависимостью стран от нефти, но и политические аспекты, потребовавшие выстраивания новых взаимоотношений между Западом и Ближневосточным регионом. Однако, несмотря на глобальные последствия изучаемого кризиса и масштабность его распространения, западному миру удалось справиться с возникшими трудностями, которые первоначально обрушились на США, а впоследствии и на другие страны. В результате международного сотрудничества было создано Международное энергетическое агентство (МЭА) и выстроена новая энергетическая политика.

Ключевые слова: нефтяной кризис 1973 г., нефтяное эмбарго, ОПЕК, США, МЭА, энергетическая политика.

THE U. S. AND THE OIL CRISIS IN 1973

S. Solareva

The article is devoted to the first oil crisis of 1973 and the key role of the USA in its settlement. Based on the analysis of the situation on the eve of the energy crisis, close ties with the contradictions in the middle East and U.S. policy in the region are revealed. That is why the embargo imposed by OPEC in 1973 was mainly directed against the United States. It can be concluded that the 1973 Oil crisis was a turning point in the world history. It is based not only on the economic problems associated with the dependence of countries on oil that began after the Second World War, but also on the political aspect that requires building new relations between the West and the middle East region. However, despite the global consequences of the studied crisis and the scale of its spread, the Western world was able to cope with the difficulties that initially hit the United States, and subsequently to other countries. As a result of international cooperation, the IEA was created and a "new energy policy" was built.

Keywords: Oil crisis of 1973, oil embargo, OPEC, USA, IEA, energy policy.

Соларева София Михайловна — студент факультета международных отношений СПбГУ, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9.

Solareva Sofia — student, School of International Relations, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

В современном мире ввиду нестабильной ситуации на Ближнем Востоке на повестку дня вновь выходит проблема энергетической безопасности, а зависимость стран от нефти по-прежнему высока. Для более объективного анализа текущей ситуации необходимо обратиться к историческому опыту — исследовать первый нефтяной кризис, ставший переломным моментом в оформлении современных концепций энергобезопасности.

Нефтяной кризис 1973 г. продемонстрировал сильную зависимость большинства государств от богатого нефтью Ближневосточного региона и вынудил их перестроить свою экономику в соответствии с новыми реалиями, когда нефть, долгое время являвшаяся одним из самых легкодоступных ресурсов, стала дорогой. 1970-е годы стали не только эпохой торжества стран-экспортеров, успешно применивших «нефтяное оружие», но и точкой отсчета для формирования широкомасштабной системы безопасности энергоснабжения стран-потребителей, остающейся актуальной и по сей день.

Мир накануне нефтяного кризиса 1973 г.

Энергетический кризис 1973 г. был тесно связан с противоречиями на Ближнем Востоке, начавшимися еще в 40-е годы XX в. Именно арабо-израильский конфликт и политика США в отношении данного вопроса стали отправной точкой в нарастающей конфронтации между ближневосточным регионом и Западом. Поэтому целесообразно обратиться к четырем «бурям», которые пришлось пережить странам накануне кризиса.

1. *Первая арабо-израильская война (1947–1949)*. Военные действия между евреями и арабами начались на следующий день после того, как на сессии Генеральной Ассамблеи ООН было принято решение о создании на территории Палестины еврейского государства — Израиля. На тот момент у США не было четкой позиции по палестинскому вопросу, они старались действовать только в рамках ООН, поскольку не хотели брать на себя ответственность за решение арабо-израильского конфликта. Более того, как отмечал исследователь американской политики в сфере нефтяного производства С. Рэндолл, США рисковали гармоничными отношениями с арабскими странами-производителями, имеющими тесную связь с прибыльным нефтяным бизнесом. Однако в Вашингтоне были уверены, что смогут успокоить бурю, которая могла бы возникнуть после признания Израиля в арабском мире [1, p. 243]. Тем не менее обстановка в ближневосточном регионе накалялась: в результате конфликта был перекрыт трубопровод,

по которому иракская нефть поставлялась в Хайфу, было отложено решение по утверждению Трансаравийского трубопровода, проходившего с недавно разработанных месторождений в Саудовской Аравии в Средиземное море через Иорданию, Сирию и Ливан [2, с. 3]. На тот момент ситуация не породила никаких серьезных последствий, однако и США, и Европа понимали, что длительная нестабильность на Ближнем Востоке может привести к перебоям в поставках нефти из самого богатого природными ископаемыми региона мира.

2. Вторая «буря» была связана с началом *национализации иранской нефти Мухаммадом Мосаддыком (1951–1953)*. К 1950-м годам Иран стал самым крупным производителем нефти на Ближнем Востоке. Для ее добычи, транспортировки и продажи была создана Англо-Персидская нефтяная компания (АПНК), которая получала большие прибыли и постепенно расширяла зону своей деятельности. Более того, именно на территории Ирана находился Абадан — нефтеперерабатывающий завод, долгое время остававшийся самым крупным в мире [2, с. 4]. Поэтому неудивительно, что политика Мосаддыка очень беспокоила как Великобританию, так и США, и главной целью этих стран стала насильственная ликвидация неудобного лидера, что им и удалось сделать в результате переворота при поддержке ЦРУ.

3. Третий кризис наступил во время *Второй арабо-израильской войны 1956 г.*, когда президент Египта Г. А. Насер объявил о национализации Всеобщей компании морского Суэцкого канала. Национализация канала не только затрагивала непосредственно интересы Египта, Великобритании, Франции и других его пользователей, но и символизировала изменение соотношения сил в регионе в пользу набравших силу ближневосточных государств [3, с. 158]. После того как коалиция стран (Великобритания, Франция и Израиль) напала на Египет, Суэцкий канал был перекрыт, а сирийцы в знак солидарности с Египтом взорвали иракские трубопроводы (на тот момент в Сирии была свергнута проамериканская диктатура Шишекли, страна поддерживала союзнические отношения с Египтом и не поддавалась давлению Запада, который навязывал ей «доктрину Эйзенхауэра» [4, с. 70]). Таким образом, ситуация на Ближнем Востоке вновь поставила под угрозу снабжение Европы нефтью. Страны-покупатели впервые стали задумываться о планировании действий на случай непредвиденных обстоятельств — в частности, о накоплении запасов.

4. Наконец, четвертый кризис произошел в 1967 г., во время Третьей арабо-израильской войны, в ходе которой снова был заблокирован Суэцкий канал. «Шестидневная война» существенно изменила геополитический баланс на Ближнем Востоке. США стали смотреть

на Израиль как на серьезного партнера в ближневосточных делах и получили хотя и ограниченную, но свободу маневра в данном регионе [5, с. 375–376]. Правительство Египта, закрыв Тиранский пролив, надеялось, что Запад, прежде всего в лице США, окажет давление на Израиль, чтобы не допустить начала новой войны.

Таким образом, во второй половине XX в. любые всплески нестабильности на Ближнем Востоке постоянно несли угрозу перебоев в поставках нефти в другие страны и увеличения цен на «черное золото». Поэтому развитые государства были вынуждены вмешиваться в развитие событий в данном регионе, проводить там осторожную, но выгодную для себя политику, не считаясь с интересами арабских стран. Если изначально Вашингтон пытался сохранять нейтральную позицию, то к 1967 г. нападение на Израиль уже фактически приравнивалось к нападению на США. Безусловно, такой исход событий не устраивал арабские страны, вызывая неприязнь к Западу.

Помимо этого, напряженность отношений усугублялась нефтяной политикой США. В начале XX в. в нефтедобывающей промышленности Ближнего Востока царила англо-американская гегемония. Из семи крупных корпораций — Chevron, «Еххон», «Техасо», «Royal Dutch Shell», «Mobil», «Gulf Oil» и «British Petroleum» — пять принадлежали США. Таким образом, до 70-х годов XX в. мировая добыча нефти, ее переработка, транспортировка и продажа находилась под контролем «семи сестер», которые получали огромные прибыли и не раз обвинялись в искусственном взвинчивании цен, в то время как сами собственники нефти получали только незначительные концессионные платежи. Поэтому для защиты интересов нефтедобывающих стран, координации и унификации их нефтяной политики, а также обеспечения стабильности цен на мировом рынке 10–14 сентября 1960 г. в Багдаде была создана организация стран-экспортеров нефти — ОПЕК. Первоначально в ее состав входили Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла — инициатор создания.

В октябре 1973 г., после очередной вспышки военных действий (война Судного дня), арабские страны-экспортеры нефти, протестуя против поддержки Западным миром Израиля, применили «нефтяное оружие» — ввели эмбарго против ряда «государств-пособников». Было принято решение о сокращении поставок нефти в США, Португалию, Нидерланды, Южную Африку. Именно это обстоятельство, по мнению Р. О. Инджикяна, стало «политическим детонатором, взорвавшим всю старую систему неокOLONIALЬНО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ развивающихся стран-экспортеров нефти» [6, с. 30].

Добыча нефти стала сокращаться ежемесячно на 5 %, что привело к резкому взлету цен на нее. В последующие два месяца цена на нефть выросла в 4 раза по сравнению с докризисным уровнем. Если 16 октября 1973 г. страны ОПЕК впервые в одностороннем порядке повысили справочную цену на нефть с \$3,011 до \$5,119 за 1 баррель, то уже в декабре 1973 г. ими было единогласно принято решение о поднятии цены до \$11,28 за 1 баррель [7, с. 39].

Таким образом, можно отметить, что причины сокращения поставок нефти странами ОПЕК определялись не только экономическим контекстом, связанным с получением выгоды и давлением на крупные корпорации (к началу 1970-х годов на долю ее членов приходилось примерно 80 % достоверных запасов, 60 % добычи и 90 % экспорта нефти в другие страны [8, с. 80]), но и политическими интересами — прежде всего, желанием экспортеров нефти повлиять на политику Запада в отношении арабо-израильского конфликта. Большинство стран-экспортеров нефти были убеждены в том, что именно Запад в главе с США повлиял на продвижение в ООН проекта о создании независимого государства Израиль, которое сразу стало претендовать на Палестинские земли, вступив тем самым в конфликт с арабами.

Влияние нефтяного эмбарго на США и попытки выхода из кризиса

В связи с тем что США больше всех поддерживали Израиль — снабжали его оружием и оказывали финансовую поддержку, именно они стали первой жертвой нефтяного эмбарго, являвшегося отправной точкой энергетического кризиса. Всего 6 лет назад, во время Шестидневной войны 1967 г., резервные запасы США были единственным и главным фактором, позволявшим обеспечивать энергетическую безопасность стран Запада не только во время послевоенных энергетических кризисов, но и во время Второй мировой войны. Теперь такого «запаса прочности» не было, что обусловило важнейшие изменения в политике и нефтяной отрасли по сравнению с недавним прошлым. Америка утратила важнейшую возможность влиять на мировой нефтяной рынок. Ведущая мировая сверхдержава и гарант мирового порядка была фактически загнана в тупик и унижена горсткой небольших государств [9, с. 662].

Безусловно, наблюдались и другие аспекты проявления начавшегося в США кризиса, а именно падение темпов роста промышленного производства (на 13 %), рост безработицы (в 1975 г. количество безработных составило 8,5 млн чел.) и банкротств [10, с. 29–33]. Более того,

именно нефть была тем сырьем, с помощью которого Америка снабжалась теплом, так что в связи с дефицитом стране пришлось ограничивать потребление нефти в государственных масштабах. Неудивительно поэтому, что, когда речь идет о нефтяном кризисе 1973 г., подразумевается и энергетический кризис, ставший его следствием. Кризис затронул почти все отрасли американской промышленности, так как в этой сфере больше всего пренебрегали энергией, которая длительное время была слишком дешевой. Только одной отрасли удалось избежать пагубных последствий кризиса — каменноугольной.

Эмбарго оказало огромное влияние и на психологию граждан США. Рядовой потребитель боялся, что наступит конец спокойной жизни: появилась тревога из-за более высоких цен, состояния кошелька и нарушений привычного образа жизни. На глазах американских владельцев машин розничные цены на бензин подскочили на 40 % [9, с. 664–665]. Таким образом, эмбарго и последовавший за ним дефицит обозначили резкий и неожиданный отход от прошлого, и этот новый опыт значительно подрывал уверенность американских граждан в будущем.

Повышение цен на нефть, вызванное нефтяным эмбарго, усугубило экономические проблемы, с которыми столкнулись Соединенные Штаты и другие западные промышленно развитые страны в 1970-е годы. Во всех сферах мировой экономики начались перемены. Именно тогда пришло осознание того, что нефть может быть дорогой и что западный мир очень сильно зависит от ближневосточного региона. Покупательная способность развитых стран снижалась, вызвав огромный экономический спад. ВВП индустриального Запада стал резко падать, а безработица — увеличиваться.

Необходимо отметить, однако, что, несмотря на то что страны-экспортеры оказались в выгодном положении и стали получать огромные прибыли, даже при весьма впечатляющих масштабах потребления в 1974 г. внутренний рынок ОПЕК смог поглотить только 45 % денежных поступлений от «картеля» (к 1977 г. эта цифра достигла 70 %), а значит, основная часть доходов должна была быть реализована за рубежом в форме «рециклирования нефтедолларов», т. е. возвращения средств, затраченных развитыми странами на покупку подорожавшей нефти, в экономику «свободного мира» за счет активизации инвестирования и торговли со странами-экспортерами нефти [11, с. 84]. Данный комплекс мер способствовал интегрированию ОПЕК в западную экономическую систему.

В связи с ситуацией, сложившейся на финансовом рынке в 1970-е годы, Соединенные Штаты стремились создать благоприятный кли-

мат для привлечения инвестиций ОПЕК. Проводимая политика вызывала неоднозначную реакцию в американском обществе. Так, например, Уолтер Мондейл, вице-президент США в 1977–1981 гг., допускал, что арабские инвесторы, завладев акциями ведущих компаний, смогут манипулировать рынком ценных бумаг и экономикой США в целом [12]. А Дж. Парски, помощник министра финансов, был убежден в том, что несмотря на неспособность инвестиций ОПЕК стать спасением для финансовой системы США, они значительно облегчат выход из затяжной рецессии [13].

К середине 1970-х годов мировой порядок коренным образом изменился, и у руля международных отношений оказалась ОПЕК, в которую входили все мировые экспортеры нефти за исключением СССР. Нефтяной рынок полностью находился под их контролем. В связи с этим западному миру представлялась необходимость изменения тех «объективных условий» рынка, на основе которых складывалась «власть нефти» и полная зависимость экономики стран от нее.

США решили взять инициативу в свои руки и призвали стран-потребителей нефти скоординировать усилия, чтобы оказать давление на арабские государства. Так, практически все индустриальные страны приняли курс энергетической политики, нацеленной на сокращение зависимости от импорта нефти. Разумеется, в силу своей культуры и особенностей каждое государство пошло по собственному, характерному для него пути, однако необходимые для этого элементы были одни и те же:

- 1) использование альтернативных источников энергии;
- 2) энергосбережение;
- 3) поиски других источников нефти в целях сокращения зависимости от импорта из стран ОПЕК.

После 1973 г. ведущими направлениями инвестиций нефтяных компаний становятся Северная Америка, Мексика, Северное море, а также Африка и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. США стали увеличивать добычу нефти внутри страны путем бурения на берегу и строительства трубопровода в заливе Прудо, Аляска, запущенного в 1977 г. В Северном море велись крупномасштабные разведывательные работы, а с середины 1970-х годов началась эксплуатация крупнейших месторождений. К 1986 г. добыча в Северном море и на Аляске достигла 4,4 млн баррелей нефти в сутки; еще 2,4 млн производила Мексика [14, с. 183].

Рассмотрим теперь международное сотрудничество стран по выходу из кризиса и роль США в противостоянии новой нефтяной мощи.

В своем выступлении в Лондоне 12 декабря 1973 г. госсекретарь Соединенных Штатов Генри Киссинджер призвал к созданию международной организации, которая объединила бы самые важные западные нефтедобывающие страны и потребителей для изучения путей повышения эффективности производства и использования энергии [15, с. 896–897]. Обеспокоенные тем, что такая организация будет препятствовать производителям, европейцы соглашались неохотно. Кроме того, они справедливо заподозрили, что Киссинджер хотел использовать нефтяной кризис как средство повторного утверждения лидирующих позиций США в Западном альянсе.

Однако убежденность Киссинджера в том, что европейцы и Япония ослабляют позиции потребителей, добиваясь заключения двусторонних соглашений с Ближним Востоком, не позволила ему сдать позиции. Уже 11–13 февраля 1974 г. он инициировал Вашингтонскую энергетическую конференцию. Она учредила Энергетическую координирующую группу (ЭКГ), которая в последующие месяцы разработала под руководством США программу сотрудничества в области энергетической политики между западными промышленными странами. Кроме того, ЭКГ занималась разработкой скоординированного западного подхода — экономической реакции на нефтяной кризис: это был не просто вопрос обеспечения поставок нефти в случае будущего эмбарго, но также определение экономических последствий нефтяного кризиса и способности западного мира с ними справиться [16, с. 210].

Затем энергетические решения перешли в Международную энергетическую программу, которая должна была быть внедрена новой международной организацией — Международным энергетическим агентством (МЭА), созданным в ноябре 1974 г. Основными задачами МЭА стали не только предоставление информации о нефтяном рынке ее членам, но и координация международной энергетической политики западных стран под руководством США. В этом отношении МЭА служило инструментом для подготовки общего западного подхода к конференции по международному экономическому сотрудничеству (СІЕС), проходившей в Париже в 1975–1977 гг., на которой западные промышленно развитые страны обсуждали вопросы энергетики с нефтедобывающими странами [17, с. 137].

Для обеспечения бесперебойных поставок нефти в случае нового кризиса было принято решение о создании стратегических резервов нефти всеми странами-членами МЭА. Первоначально запасы нефти членов МЭА были эквивалентны чистому импорту в течение 60 дней, а затем были доведены до 90 дней [18, с. 260].

Необходимо отметить также роль нефтяных кризисов в развитии североамериканской интеграции. В Мексике и Канаде — странах, чрезвычайно зависимых от экспорта энергоресурсов, — энергетический кризис привел к серьезным потрясениям в экономике. Бюджетный дефицит в США привел к резкому росту процентных ставок. Чтобы избежать значительного ухудшения ситуации, Канада начала рассматривать возможность заключения соглашения о свободной торговле со своим «большим» соседом [19, с. 112].

Таким образом, энергетический кризис 70-х годов XX в. способствовал развитию сотрудничества стран Запада и вывел проблему сохранения энергетической безопасности на уровень национальной политики. В своем анализе Х. Тюрк обращается к Международному энергетическому агентству как к самой яркой новой международной организации, которая возникла не только в ходе попыток западных промышленно развитых стран преодолеть энергетический кризис, но и в стремлении Киссинджера внушить европейским союзникам мысль о необходимости обеспечения гегемонии США как ведущей державы в рамках инициативы по налаживанию сотрудничества между западными нефтедобывающими странами [20, с. 16].

Большинство европейских стран осознавали истинные цели США и считали сокращение производства и нефтяное эмбарго результатом их политики на Ближнем Востоке. Тем не менее эти страны понимали и все преимущества сотрудничества с Америкой. Вступить в МЭА согласилось даже правительство Франции — страны, которая больше других стремилась вести независимую политику [21, с. 193]. США смогли сохранить свою главенствующую роль в Западном альянсе и сплотить государства для выработки совместного курса в борьбе с возникшими трудностями в энергетической сфере. Более того, начавшееся налаживание отношений с арабскими странами и определенный поворот в ближневосточной политике Соединенных Штатов способствовали снятию в марте 1974 г. губительного эмбарго и постепенному восстановлению поставок нефти в западный мир.

Таким образом, нефтяной кризис 1973 г. стал поворотным событием в мировой истории. В его основе лежат не только экономические проблемы, связанные с начавшейся после Второй мировой войны зависимостью стран от нефти, но и политические аспекты, потребовавшие выстраивания новых взаимоотношений между Западом и Ближневосточным регионом. Несмотря на глобальность последствий изучаемого кризиса и масштабность его распространения, западному миру удалось справиться с возникшими трудностями, которые первоначально обрушились на США, а впоследствии и на другие страны.

Одним из своеобразных последствий скачка цен в 1973 г. было появление новой сферы экономической деятельности — прогнозирования цен на нефть, но ключевым событием стало появление новой энергетической политики, нацеленной на сокращение потребления энергии, разработку альтернативных источников энергии и увеличение поставок нефти из других источников.

Однако, несмотря на предпринятые меры, колебания цен стали решающим фактором как для всех отраслей энергетики, так и для потребителей, для множества предприятий, правительств и вообще для мировой экономики в целом, подъем которой зависел от растущего объема добычи нефти. Экономический прогресс в развивающихся странах должен был еще сильнее увеличить этот спрос, в то время как будущие результаты энергосбережения не учитывались. Поэтому можно говорить о том, что угроза повторения событий 1973 г. сохраняется.

Литература

1. *Randall S. J.* U.S. Foreign Oil Policy, 1919–1948. For Profits and Security. Kingston: McGill Queen`s University, 1985.
2. *Issawi C.* The 1973 oil crisis and after // *Journal of Post Keynesian Economics*. 1978. Vol. 1, no. 2. P. 3–26.
3. *Хахалкина Е. В.* Суэцкий кризис 1956 г. — поворотный момент британской внешней политики? // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 404. С. 156–164.
4. *Иванушкин А. С.* Суэцкий и сирийский кризисы (1956–1957) в советской историографии // *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки*. 2017. № 4. С. 68–76.
5. *Белоусова К. А.* Великие державы и Шестидневная война 1967 г. // *Преподаватель XXI век*. 2015. № 3. С. 367–377.
6. *Инджикян Р. О.* ОПЕК в мировом капиталистическом хозяйстве. М.: Международные отношения, 1983.
7. *Дребушевский А. С.* Нефтяная политика организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) в сфере ценообразования в 70-х годах XX в. В освещении отечественного востоковедения // *Омский научный вестник*. 2009. № 2. С. 38–41.
8. *Хлопов О. А.* Особенности влияния ОПЕК на международную энергетическую безопасность // *Власть*. 2014. № 10. С. 79–83.
9. *Ергин Д.* Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2011.
10. *Жилина И. Ю.* Экономические теории и кризис 1973 г. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал*. 2006. № 3. С. 11–18.

11. *Скорородова О. Н.* От конфронтации к сотрудничеству: становление новой модели экономических отношений США и стран-членов (1973–1978) // Вестник Моск. ун-та. Серия 8: История. 2013. С. 76–91.
12. *Mondale W. F.* Beyond détente: toward international economic security // Foreign Affairs, 1974. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1974-10-01/beyond-d-tente-toward-international-economic-security> (дата обращения: 15.03.2018).
13. *Vital Speeches of the Day*, 1976. URL: <https://www.vsotd.com> (дата обращения: 17.03.2018).
14. *Sabin P.* Crisis and Continuity in U.S. Oil Politics, 1965–1980 // The Journal of American History. 2012. P. 177–186.
15. *Kissinger H. A.* Years of Upheaval. Boston: Littlebrown & Co, 1982.
16. *Henning T.* The Oil Crisis of 1973 as a Challenge to Multilateral Energy Cooperation among Western // Historical Social Research. 2014. Vol. 39, no. 4. P. 209–230.
17. *Colgan J. D., Keohane R., van de Graaf T.* Punctuated equilibrium in the energy regime complex // The Review of International Organizations. 2012. Vol. 7, no. 2. P. 117–143.
18. *Трачук К. В.* Эволюция подходов к энергетической безопасности: страны-импортеры против стран-экспортеров // Вестник МГИМО. 2010. № 6. С. 258–264.
19. *Минкова К. В.* Международная торговля: теория и история. СПб.: Скифия-принт, 2016.
20. *Frank B., Rüdiger G.* Reacting to Anticipations: Energy Crises and Energy Policy in the 1970 s. An Introduction // Historical Social Research. 2011. Vol. 39, no. 4. P. 7–21.
21. *Painter D. S.* Oil and Geopolitics: The Oil Crises of the 1970 s and the Cold War // Historical Social Research. 2014. Vol. 39, no. 4. P. 186–208.

References

1. *Randall S. J.* U.S. Foreign Oil Policy, 1919–1948. *For Profits and Security*. Kingston, McGill Queen's University Ontario, 1985.
2. *Issawi C.* The 1973 oil crisis and after. *Journal of Post Keynesian Economics*, 1978, vol. 1, no. 2, pp. 3–26.
3. *Khakhalkina E. V.* The Suez crisis of 1956 — a turning point in British foreign policy? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii*, 2016, no. 404, pp. 156–164. (In Russian)
4. *Ivanushkin A. S.* The Suez and Syrian crises (1956–1957) in Soviet historiography. *Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Serii: Istorii i politicheskie nauki*, 2017, no. 4, pp. 68–76. (In Russian)
5. *Belousova K. A.* Great powers and the six-day war of 1967. *Prepodavatel' XXI vek.*, 2015, no. 3, pp. 367–377. (In Russian)
6. *Indzhikjan R. O.* *OPEC in the world capitalist economy*. Moscow, 1983. (In Russian)
7. *Drebushevskii A. S.* Oil policy of organization of countries-exporters of oil (OPEC) in the sphere of pricing in the 70-ies of XX century. In the light

of domestic Oriental studies. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2009, no. 2, pp. 38–41. (In Russian)

8. Khlopov O. A. Features of OPEC's influence on international energy security. *Vlast'*, 2014, no. 10, pp. 79–83. (In Russian)

9. Ergin D. *Production: the world history of the struggle for oil, money and power*. Moscow, Alpina Publisher, 2011. (In Russian)

10. Zhilina I. Ju. 2006. 03. 003. Le van Lemesle L. les theories economiques et la crise de 1973. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 2: Ekonomika. Referativnyi zhurnal*, 2006, no. 3, pp. 11–18. (In Russian)

11. Skorokhodova O. N. From confrontation to cooperation: the formation of a new model of economic relations between the United States and the member States (1973–1978). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorii*, 2013, pp. 76–91. (In Russian)

12. Mondale W. F. Beyond détente: toward international economic security. *Foreign Affairs*, October 1974. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1974-10-01/beyond-d-tente-toward-international-economic-security> (accessed: 15.03.2018).

13. Vital Speeches of the Day. January 13, 1976. Available at: <https://www.vsotd.com> (accessed: 17.03.2018).

14. Sabin P. Crisis and Continuity in U. S. Oil Politics, 1965–1980. *The Journal of American History*, 2012, pp. 177–186.

15. Kissinger H. A. *Years of Upheaval*. Boston, Littlebrown & Co, 1982.

16. Henning T. The Oil Crisis of 1973 as a Challenge to Multilateral Energy Cooperation among Western. *Historical Social Research*, 2014, vol. 39, no. 4, pp. 209–230.

17. Colgan J. D., Keohane R., Van de Graaf T. Punctuated equilibrium in the energy regime complex. *The Review of International Organizations*, 2012, vol. 7, no. 2, pp. 117–143.

18. Trachuk K. V. Evolution of approaches to energy security: importing countries versus exporting countries. *Vestnik MGIMO*, 2010, no. 6, pp. 258–264. (In Russian)

19. Minkova K. V. *International trade: theory and history*. Saint Petersburg, Skifia-print Publ., 2016. (In Russian)

20. Frank B., Rüdiger G. Reacting to Anticipations: Energy Crises and Energy Policy in the 1970s. An Introduction. *Historical Social Research*, 2011, vol. 39, no. 4, pp. 7–21.

21. Painter D. S. Oil and Geopolitics: The Oil Crises of the 1970s and the Cold War. *Historical Social Research*, 2014, vol. 39, no. 4, pp. 186–208.

ФОНД «НАСЛЕДИЕ»: СИНОПТИКИ БЕЛОГО ДОМА

М. С. Тарасова

Данная статья прослеживает действия, предпринятые первыми лицами фонда «Наследие» за недавний период в попытках найти свое место в новых политических реалиях, и определяет, какое значение они имеют для будущего американской политики. Об отношениях администрации нового президента США Дональда Трампа и фонда «Наследие» — правоконсервативного исследовательского центра, приближенного к традиционалистскому крылу представителей в Конгрессе Республиканской партии, — было сказано многое. Кто-то называл их дружбой с бонусами, кто-то, напротив, пророчил Фонду конфликты с новой элитой Белого дома вплоть до его ликвидации с политической арены. Автор считает: сегодня, в период переосмысления политических векторов не только республиканцев, но и всего истеблишмента Соединенных Штатов, обстановка и положение фонда, бывшего некогда абсолютным фаворитом консервативных элит, остается неоднозначной. Непросто выбрать между соответствием интересам умеренного большинства и поддержкой президентского курса, еще сложнее — в условиях непоследовательности риторики тех и других, а также неоднозначной ситуации в управляющих кругах самого института понять, каким образом действовать для достижения того или иного эффекта, при этом не скомпрометировав собственное привилегированное положение.

Ключевые слова: США, фонд *Наследие*, Дональд Трамп, Джим Деминг, мозговые центры.

THE HERITAGE FOUNDATION: THE WHITE HOUSE FORECASTERS

M. Tarasova

The academic community has had a lot to say about the relationship between the new U.S. president Donald Trump's administration and the Heritage Foundation — a right-wing conservative think tank close to the traditionalist cluster of the Congress majority Republicans. Some called it “friendship with benefits”; others, on the opposite, predicted conflicts with the new White House elites to go as far as the Foundation's liquidation from the political arena. One thing is certain: today, when both the Republican Party and the whole U.S. establishment's political vectors are subject to reconsideration triggered by the administration change, the layout and the Foundation's position in it stay ambiguous. It is hard enough to choose between accordance with the moderate majority interests and support for the presidential policy direction. But it is even harder to understand how to act in order to achieve either effect without compromising own privileged position, given the ambiguity of the rhetoric of the two as well as the unstable situation within the management of the institute itself.

Тарасова Мария Сергеевна — студент факультета международных отношений СПбГУ, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Tarasova Mariia — student, School of International Relations, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

This article follows the actions taken by the Foundation representatives in the nearest past and defines their significance for the future of the American politics.

Keywords: the United States, the Heritage Foundation, Donald Trump, Jim DeMint, think tanks.

Даже тот, кто плохо знаком с популярным в Соединенных Штатах Америки феноменом «мозговых центров» — некоммерческих неправительственных организаций, вовлеченных в проведение исследований в различных областях и традиционно активно влияющих на формирование политического курса страны, — наверняка слышал о фонде «Наследие» («The Heritage Foundation»). Созданный в 1973 г., этот стратегический исследовательский институт, заявляющий о себе как об адвокате консервативных принципов, традиционных американских ценностей и сильной оборонной политики [1], уже почти полвека эффективно проецирует свое влияние в Конгрессе и президентской администрации США, в частности в правоконсервативных кругах представителей Республиканской партии, а также занимается формированием мнения американской общественности в выгодном ему ключе. Фонд «Наследие» является пропагандистским центром [2], не скрывающим своей идеологической ориентированности и использующим маркетинговые механизмы, такие как контакты с представителями СМИ и работа над имиджем в социальных сетях с целью представления отстаиваемых принципов в наиболее привлекательном свете.

Фонд возник в один из непростых периодов истории США, когда в стране развернулось мощное протестное движение против войны во Вьетнаме. Происходила заметная радикализация в молодежной среде, в первую очередь в университетах. Набирали популярность радикальные идеи так называемых «новых левых», идеологи которых резко и справедливо критиковали пороки американского общества и политику правящего класса. В этой сложной ситуации президент Ричард Никсон счел необходимым и неизбежным нормализовать отношения с Советским Союзом. Начался период в российско-американских отношениях, вошедший в историю под названием «разрядка».

В правоконсервативных кругах Соединенных Штатов Америки сложилась атмосфера тревоги в связи с вышеназванными процессами. Они выражали большую озабоченность по поводу угроз американским ценностям. Особенно большое недовольство вызывала политика разрядки, которую они считали «улицей с односторонним движением». Критики полагали, что Советский Союз должен пойти на очень серьезные уступки в противостоянии с США и что только после этого можно будет говорить о какой-то нормализации отношений.

С целью противостояния подобным процессам в Америке стали возникать различные фонды, общества и исследовательские центры. Они имели разную направленность, опирались на различные политические и деловые круги, но все ставили перед собой одну провозглашенную ими цель: защиту традиционных американских ценностей. Фонд «Наследие» является наиболее значимым и авторитетным порождением политической атмосферы этой эпохи.

Изначально создание фонда было связано с желанием республиканцев Эда Фелнера и Пола Вейрича побороть традицию «исследований постфактум». По мнению сооснователей «Наследия», если в научно-исследовательских организациях и был какой-то толк, то только в качестве трансформаторов идей, а не их систематизаторов. Важным отличием нового центра стали краткость и точечная направленность трудов его сотрудников: идея заключалась в том, чтобы конгрессмены имели возможность оперативно ознакомиться с экспертными рекомендациями в обеденный перерыв или в метро, по пути на работу [3].

Доказательства успеха новой исследовательской модели не заставили себя ждать: уже в 1980 г. на стол к новоизбранному президенту Соединенных Штатов от Республиканской партии Рональду Рейгану лег двадцатитомный труд «Мандат для лидерства: политический менеджмент в консервативной администрации», подготовленный экспертами фонда. К концу первого года президентства Рейгана около 50% рекомендаций «Мандата» были реализованы, а сам фонд, фактически став «квазиофициальной правой рукой Республиканской партии», обеспечил своим выходцам почти половину постов в администрации Рейгана [4].

Именно эксперты «Наследия» играли первую скрипку в таких инициативах, как программа «Звездные войны» (Strategic Defense Initiative, 1983) [5], введение временных ограничений и жестких требований для получателей социальной поддержки в рамках реформы 1996 г. [6], а также, что с первого взгляда может показаться удивительным, идея об «индивидуальном мандате» (юридически закрепленном обязательстве каждого гражданина США покупать медицинскую страховку) [7], позднее получившая развитие в здравоохранительной политике экс-президента страны — демократа Барака Обамы.

В период президентства Джорджа У.Буша влияние фонда переживало упадок: в отличие от отца, Буш-мл. склонялся скорее к идеям неоконсервативных центров. Зато с приходом к власти Б.Обамы институт вновь расцвел — прежде всего в качестве группы

поддержки Движения чаепития¹ и главного адвоката антидемократических настроений в американском обществе. Последняя роль стала особенно актуальной с созданием в 2010 г. Heritage Action — самостоятельной политически-лоббистской организации, тесно связанной с фондом и возглавленной молодым и перспективным республиканцем Майком Нидхэмом, протеже основателя «Наследия» Э.Фелнера. В своей деятельности Heritage Action использовала и продолжает использовать модель политического давления и даже травли республиканских конгрессменов, чьи действия и политические решения не соответствуют консервативным, поддерживаемым организацией [3].

С тех пор как в деятельности фонда стало больше лоббизма и меньше качественной исследовательской работы, у него появилось много критиков, а объективность экспертных рекомендаций была поставлена под вопрос. Так, согласно опросу общественного мнения, проведенному в 2016 г. американским профессором Д. Дрезнером, 79% респондентов заявили, что не доверяют публикациям «Наследия»; этот показатель более чем вдвое превышает оценку недоверия к трудам сотрудников других «мозговых центров» США, представленных в опросе [8]. Сама организация нередко подвергается нападкам со стороны аналитиков прежде всего левоцентристского направления, которые обличают ее ангажированность ввиду финансовой зависимости от частных и корпоративных взносов [9], а также небывалую радикализацию политических ориентиров, в частности, в области иммиграционного контроля и вопросов социального обеспечения, которая, впрочем, не удивительна на фоне общественного запроса и мировой тенденции к уклону в крайне правый консерватизм, только подтвердившейся завершением президентской гонки 2016 г. — победой Дональда Трампа, далеко не классического республиканского кандидата.

Академическое сообщество быстро отметило схожесть идей, пропагандируемых центром, с теми, что обещал воплотить в жизнь Трамп во время своей президентской кампании, назвав отношения центра с кандидатом фамильным термином «дружба с бонусами» [10], а саму организацию — лично «трамповской» [11]. Несмотря на критику в сторону будущего президента, которую на ранних этапах позволяла себе Heritage Action, склонявшаяся к поддержке в президентской гонке умеренных республиканцев [12], директор организа-

¹ Tea Party movement — консервативно-либертарианское политическое движение в США, возникшее в 2009 г. с целью снижения налогов, сокращения правительственного аппарата, национального долга и бюджетного дефицита. Подробнее см.: Tea Party Official Website. URL: <https://www.teaparty.org/> (дата обращения: 29.08.2017).

ции Джим Деминт «поставил» на Трампа еще в ходе его президентской кампании, перейдя к личному общению со скандально известным кандидатом и определив дальнейший курс «Наследия» как благожелательный нейтралитет по отношению к нему [13]. Сотрудники фонда принимали активное участие в формировании администрации переходного периода нового президента США: наряду с Э. Фелнером организацию представляли генпрокурор в администрации Рейгана Эд Миз, эксперт по вопросам национальной безопасности фонда Джеймс Карафано и др. [13]; некоторые специалисты, аффилированные с фондом, вошли в состав президентской команды и, как показало исследование организации «Пропублика»² начала 2018 г., составили относительное большинство выходцев из политически ориентированных «мозговых центров» в администрации Трампа: 25 против 11 представителей Американского института предпринимательства и четырех — Гудзоновского института, занявших соответственно второе и третье место по численности [14]. Кроме того, именно «Наследию» приписывают заслугу по избранию в качестве кандидата на замещение вакантной должности верховного судьи в апреле 2017 г. консерватора Нила Горсача [15].

Подводя итоги 2017 г., сотрудники фонда заявили: всего за год своего президентства Трамп реализовал в форме законов почти две трети рекомендаций экспертов организации, а именно 64 % — результат более внушительный, чем по итогам первого года Р. Рейгана, которому «Наследие» обязано своим триумфом в консервативных кругах. Напомним, что в январе 1982 г. уровень имплементированных предложений фонда оценивался аналитиками в 50 % [16]. Центром был подготовлен документ, на девятнадцати страницах перечисливший предложения по реформам, выдвинутые сотрудниками за прошедший год, и указавший статус каждого из них. В этом списке фигурируют такие ключевые реализованные администрацией рекомендации, как реформа процедуры анализа биографических данных индивидов, претендующих на въезд в США, увеличение военных расходов на 54 млрд долл. и расширение штата военного персонала, прекращение финансирования ряда программ ООН и выход США из ЮНЕСКО, а также из Парижского соглашения по климату [17].

² «Пропублика» (ProPublica) — некоммерческая неправительственная организация, зарегистрированная в США, занимающаяся проведением «независимых журналистских расследований в интересах общественности». Первый онлайн-ресурс — лауреат Пулитцеровской премии. Подробнее см.: ProPublica Official Website. URL: <https://www.propublica.org/> (дата обращения: 06.03.2018).

Характер данных нововведений, с одной стороны, полностью соответствует риторике предвыборных обещаний нынешнего главы Белого дома (в частности, пунктам об ограничении иммиграции в США, отрицании факта изменения климата и необходимости регулирования экологического аспекта производственной деятельности, сокращении обязательств Америки по поддержке, в том числе финансовой, международных институтов). С другой стороны, нововведения созвучны консервативной политической линии, открыто пропагандируемой «мозговым центром», и закладывают прочные основы, в частности, для возвращения к стратегии «жесткой гегемонии» США во внешней политике. Первым лицам самого фонда такая идеологическая близость явно льстит: так, Э.Фелнер, выступая перед коллегами в мае 2017 г., заявил: «Мы были любимым «мозговым центром» Рейгана, а сегодня являемся и продолжим являться любимчиками Трампа» [28].

Тем не менее не все представители академического истеблишмента Соединенных Штатов оказались настроены оптимистично в том, что касается отношений нового президента с консервативной «фабрикой мысли», и отдельные инциденты лишь упрочили их скептицизм. Так, март 2017 г. стал свидетелем серьезной размолвки между Трампом и ключевыми фигурами «Наследия» Джимом Деминтом и «Heritage Action» Нидхэмом по вопросу о реформации системы здравоохранения Соединенных Штатов, пресловутой «Обамакэр». На протяжении нескольких месяцев, когда законопроект Трампа о реформе системы здравоохранения (American Healthcare Act) обсуждался в Конгрессе, эксперты фонда критиковали его в своих статьях как неэффективную полумеру, не предполагавшую обещанного разрыва с «Обамакэр». Деминт и Нидхэм в один голос заявляли, что предлагаемая Трампом реформа иллюстрирует не просто плохую политику (politics), но в корне неверный подход к проблеме (policy) [19; 20]. В результате за несколько дней до запланированного голосования в Палате представителей Конгресса США законопроект был ренонсирован, на что президент крайне жестко отреагировал в публикации на своей странице в «Твиттере»³.

Вскоре после этого организацию ждал еще один удар: 28 апреля 2017 г. стало известно о «перевороте» в высших эшелонах «Наследия»,

³ «Демократы Вашингтона улыбаются, ведь “Фридом кокус” (Freedom Caucus) с помощью “Клуба для роста” (Club For Growth) и “Наследия” сделали все, чтобы спасти Американскую федерацию планирования семьи и “Обамакэр”!». См.: *Trump D.* 2017. Запись в «Twitter» 26 марта в 05:21. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/845974102619906048/> (дата обращения: 31.08.2017).

в результате которого был отстранен от должности бывший сенатор, президент фонда Деминт, занимавший эту должность с 2013 г. Этот слух подтвердился 2 мая голосованием Совета попечителей фонда, вынесшего вердикт: «[Результатом деятельности Деминта] стали серьезные проблемы в управлении организацией, приведшие к кризису внутренних коммуникационной и кооперационной систем» [21], — за которым последовала скорая отставка экс-президента.

Новость стала сюрпризом для многих в академическом сообществе Соединенных Штатов, и мало кого убедило оправдание неэффективной работы Деминта на посту президента, ведь до этого вся команда управленцев под его началом получала от попечителей только позитивные отзывы вкупе с приличными финансовыми бонусами [22]. Среди версий того, что послужило реальной причиной для отставки Деминта, выделенной исследователями, наиболее популярной стала гипотеза о недовольстве штата «Наследия» чрезмерной политической активностью организации: не один сотрудник Фонда за последние годы пожаловался на ущемление руководителями организации интеллектуальной свободы ее экспертов, явные лоббистские тенденции и притеснение исследователей, не придерживавшихся принятой в ее рамках линии мышления; некоторые даже уволились в пользу позиций в других «фабриках мысли», университетах или в правительстве [23].

Какой бы ни была реальная причина отставки Деминта, она поставила перед организацией важный вопрос, способный определить ее роль на годы вперед: какого политического курса придерживаться и с кем сотрудничать? Продолжать ли делать ставку на лоббизм или ограничиться классическими исследованиями? Бразды правления фондом было решено временно передать его основателю Э.Фелнеру, в то время как попечители занялись активными поисками нового первого лица организации. Более полугода будущее «мозгового центра» оставалось туманным: с одной стороны, консервативное сообщество настоятельно призывало к деполитизации фонда и фокусировании на исследовательских проектах, говорило о необходимости для «Наследия» лидера с опытом работы на академическом поприще и объективным, насколько это возможно, взглядом на политическую ситуацию [3]; с другой — временный глава Фелнер заявил об отсутствии намерения прекращать тесное сотрудничество с организацией своего протеже Нидхэма, сказав, что «Наследие» и Heritage Action должны «работать бок о бок» [24]. Газета Washington Post предостерегла Фонд от слепой поддержки трамповского курса, назвав такой подход изменой консервативной традиции и переходом к «национа-

лизму, протекционизму и нативизму» [23], и ее голос, казалось, был услышан командой Фелнера: от Совета попечителей последовали предложения занять руководящий пост в организации некоторым видным антитрампистам, среди которых находится сенатор Бен Сасс, один из ведущих республиканцев Капитолийского холма. И хотя Сасс отклонил приглашение, сам факт того, что оно имело место, обеспечил почву для слухов о возможной кардинальной смене ориентиров фонда в пользу истеблишмент-республиканских [25].

В конце концов, компромисс был найден в декабре 2017 г.: было сообщено о назначении на должность президента фонда члена Совета попечителей афроамериканской активистки Кей Коулс Джеймс. Опыт работы Джеймс внушительный и разносторонний: она занимала позицию директора Министерства здравоохранения и социальных служб США в администрации Р. Рейгана и Управления кадровой службы при Дж. Буше-мл., являлась членом Департамента образования штата Виргиния, переходной администрации Д. Трампа, а также учредила Глочестерский институт — тренинг-центр для молодых виргинских лидеров афроамериканского движения, основанный на христианских религиозных постулатах [26]. Ранее Джеймс пыталась получить должность в нынешней президентской администрации, однако была «заблокирована», что либеральное сообщество расценило как комплимент новой главе фонда, оппозиционирующий ее «трамповскому авторитаризму», и отметило важность дистанцированности новых реформаторов от непосредственно «президентской кухни» [27]. В то же время консерваторы, и прежде всего республиканцы Конгресса, поздравили фонд с «блестящим выбором», назвав его нового главу стойким приверженцем консервативного движения, способным представлять ценности, лежащие в основе организации [28].

Сама президент заявила о своем намерении «расширять консервативное движение, делая его позитивным и открытым для всех, и строить Америку, где будут процветать свобода, возможности и благоденствие для гражданского общества» [29]. Таким образом, «Наследие» вступило на компромиссный путь, стараясь угодить одновременно интересам и состоятельных инвесторов, и влиятельной администрации, и опытных коллег по академическому поприщу, и преданных читателей, ценящих фонд прежде всего как консервативный «мозговой центр» и имеющих не последнее слово в поддержании его репутации, — говоря прямо, «усидеть» на всех стульях сразу. Подобные планы осуществляются редко, то, какими именно способами новый глава фонда будет способствовать достижению этих целей и найдут

ли они отклик в администрации президента Трампа, отразившись на дальнейшем развитии его внутри- и внешнеполитической стратегий, покажет время.

Литература /References

1. About Heritage. The Heritage Foundation. Available at: <http://www.heritage.org/about/> (accessed: 28.08.2017).
2. Ahmad M. U.S. Think Tanks and the Politics of Expertise: Role, Value and Import. *The Political Quarterly*, 2008, vol. 79, no. 4, pp. 529–555.
3. Troy T. How to Make the Heritage Foundation Great Again. *Politico*, 2017, May 3. Available at: <http://www.politico.com/magazine/story/2017/05/03/heritage-foundation-conservative-think-tank-jim-demint-215098/> (accessed: 29.08.2017).
4. Ball M. The Fall of the Heritage Foundation and the Death of the Republican Ideas. *The Atlantic*, 2013, September 25. Available at: <http://www.theatlantic.com/politics/archive/2013/09/the-fall-of-the-heritage-foundation-and-the-death-of-republican-ideas/279955/> (accessed: 28.08.2017).
5. Holmes K. While Opposing Reagan's SDI, Moscow Pushes Its Own Star Wars. *The Heritage Foundation*, 1986, October 21. Available at: <http://www.heritage.org/europe/report/while-opposing-reagans-sdi-moscow-pushes-its-own-star-wars/> (accessed: 28.08.2017).
6. Salam R. What Is Going on at the Heritage Foundation? *Slate*, 2017, May 3. Available at: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/politics/2017/05/why_is_jim_demint_out_at_the_heritage_foundation.html (accessed: 29.08.2017).
7. Butler S. Don't Blame Heritage for ObamaCare Mandate. *USA Today*, 2012, February 6. Available at: <https://usatoday30.usatoday.com/news/opinion/forum/story/2012-02-03/health-individual-mandate-reform-heritage/52951140/1/> (accessed: 29.08.2017).
8. Drezner D. *The Ideas Industry: How Pessimists, Partisans, and Plutocrats Are Transforming the Marketplace of Ideas*. Oxford University Press, 2017.
9. Financial Statements. Leading America's Resurgence. *The Heritage Foundation Annual Report*, 2016. Available at: http://thf-reports.s3.amazonaws.com/2017/2016_AnnualReport_WEB.pdf (accessed: 30.08.2017).
10. Fuller M. Donald Trump and the Heritage Foundation: Friends with Benefits. *The Huffington Post*, 2016, August 10. Available at: http://www.huffingtonpost.com/entry/donald-trump-heritage-foundation_us_57aa2d40e4b06e52746dfea9/ (accessed: 30.08.2017).
11. Kopan T. Meet Donald Trump's Think Tank. *CNN*, 2016, December 7. Available at: <http://edition.cnn.com/2016/12/06/politics/donald-trump-heritage-foundation-transition/> (accessed: 30.08.2017).
12. Goldmacher S. Heritage Action Presidential Scorecard Rates Cruz Near-Perfect. *Politico*, 2017, September 11. Available at: <http://www.politico.com/story/2015/11/heritage-action-scorecard-rates-cruz-near-perfect-215635/> (accessed: 30.08.2017).

13. Glueck K. Trump's Shadow Transition Team. *Politico*, 2016, November 22. Available at: <http://www.politico.com/story/2016/11/trump-transition-heritage-foundation-231722/> (accessed: 30.08.2017).

14. Think Tanks. ProPublica Official Website. Available at: https://projects.propublica.org/trump-town/organization_categories/think-tanks/ (accessed: 06.03.2018).

15. Liptak A. Trump, Set on an Unwavering Conservative, Pledges Fast Action on Supreme Court. *The New York Times*, 2017, January 12. New York edition. P. A22.

16. Trump Administration Embraces Heritage Foundation Policy Recommendations. *The Heritage Foundation*, 2018, January 23. Available at: <https://www.heritage.org/impact/trump-administration-embraces-heritage-foundation-policy-recommendations/> (accessed: 09.03.2018).

17. 2017 Mandate For Leadership Recommendations Status. *The Heritage Foundation*, 2018, January 23. P. 19.

18. Burke C. Feulner: Heritage Will Still Be 'Trump's Favorite Think Tank'. *Newsmax*, 2017, May 4. Available at: <http://www.newsmax.com/Politics/Heritage-foundation-think-tank-Jim-DeMint/2017/05/04/id/788222/> (accessed: 09.03.2018).

19. DeMint J. There Are Plans Ready That Truly Repeal Obamacare. *The Heritage Foundation*, 2017, March 26. Available at: <http://www.heritage.org/health-care-reform/commentary/there-are-plans-ready-truly-repeal-obamacare/> (accessed: 31.08.2017).

20. Weigel D. 'Obamacare Lite', 'RINOCare': Conservatives Rebel Against GOP's ACA Bill. *The Washington Post*, 2017, March 7. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/wp/2017/03/07/obamacare-lite-rinocare-conservatives-rebel-against-gops-aca-bill/?utm_term=.1b72948fde16/ (accessed: 31.08.2017).

21. Statement From the Chairman of Heritage's Board of Trustees. *The Heritage Foundation*, 2017, May 2. Available at: <http://www.heritage.org/article/statement-the-chairman-heritages-board-trustees/> (accessed: 31.08.2017).

22. McCormack J. DeMint Defends Heritage Tenure Following Resignation. *The Weekly Standard*, 2017, May 2. Available at: <http://www.weeklystandard.com/demint-defends-heritage-tenure-following-resignation/article/2007882/> (accessed: 10.03.2018).

23. Rubin J. What's the Story Behind the Heritage Meltdown? *The Washington Post*, 2017, May 3. Available at: https://www.washingtonpost.com/blogs/right-turn/wp/2017/05/03/whats-the-story-behind-the-heritage-meltdown/?utm_term=.03bdfd6970d2/ (accessed: 14.03.2018).

24. Wegmann P. After Jim DeMint, Heritage Will Develop a «Much Closer and Tighter Relationship» With Lobbying Arm. *Washington Examiner*, 2017, August 4. Available at: <http://www.washingtonexaminer.com/after-jim-demint-heritage-will-develop-a-much-closer-and-tighter-relationship-with-lobbying-arm/article/2622295/> (accessed: 10.03.2018).

25. Johnson E. Sasse Rebuffs Heritage For Top Job. *Politico*, 2017, August 8. Available at: <http://www.politico.com/story/2017/08/01/ben-sasse-republicans-heritage-241215/> (accessed: 14.03.2018).

26. Showalter B. 4 Things to Know About New Heritage Foundation President Kay Coles James. *The Christian Post*, 2017, December 20. Available at: <http://www.christianpost.com/news/4-things-to-know-about-new-heritage-foundation-president-kay-coles-james/>

ps://www.christianpost.com/news/new-heritage-foundation-president-kay-coles-james-210700/page1.html (accessed: 19.03.2018).

27. Rubin J. A Better Heritage Foundation Is Needed More Than Ever. *The Washington Post*, 2017, December 20. Available at: https://www.washingtonpost.com/blogs/right-turn/wp/2017/12/20/a-better-heritage-foundation-is-needed-more-than-ever/?utm_term=.a9022f52b613/ (accessed: 14.03.2018).

28. Treene A. Heritage Foundation Names Kay Coles James as Next President. *AXIOS*, 2017, December 19. Available at: <https://www.axios.com/heritage-foundation-names-kay-coles-james-as-next-president-1515110689-f202e258-f7a1-4e2e-add0-da4b5f5e8670.html> (accessed: 19.03.2018).

29. The Heritage Foundation Names Kay Coles James New President. *The Heritage Foundation*, 2017, December 19. Available at: <https://www.heritage.org/president/> (accessed: 19.03.2018).

УДК 327

ФАКТОР ЧИСЛЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ПОЛИТИКЕ КАНАДЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К НИМ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ НА ПРИМЕРЕ ИНДЕЙЦЕВ И ФРАНКОКАНАДЦЕВ

В. В. Тимофеев

Данная статья посвящена анализу воздействия фактора численности этнонациональных групп на проведение в отношении них национальной политики. В статье исследуется политика канадских властей по отношению к таким национальным меньшинствам, как Первые Нации (индейцы) и франкоканадцы. Анализируются показатели численности этих групп в рамках исторической перспективы. Внимание уделяется динамике соотношения численности коренных и некоренных жителей, а также соотношения численности франко- и англоканадцев. На основании сопоставления тенденций изменения численности данных этнических групп и трендов в национальной политике делается вывод о том, что во многом именно фактор численности детерминировал характер мер, реализовывавшихся властями в сфере межнациональных отношений. Автор утверждает, что, как только белые поселенцы стали численно преобладать над коренными жителями Канады, в отношении индейцев стала проводиться политика ассимиляции. То же самое имело место, когда франкоканадцы стали меньшинством в сравнении с англоязычными жителями Канады. Однако непреодолимым

Тимофеев Владимир Владимирович — студент факультета международных отношений СПбГУ, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9.

Timofeev Vladimir — student, School of International Relations, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

препятствием на пути к полной ассимиляции индейцев и франкоканадцев стали рост численности этих этнонациональных групп и их увеличившаяся политическая активность. Иными словами, недовольство этих достаточно многочисленных этнических общностей ассимиляторской политикой грозило обернуться политической нестабильностью и заставило власти изменить курс национальной политики.

Ключевые слова: Канада, индейцы, Первые Нации, франкоканадцы, Квебек, национальная политика, национальные меньшинства, демография, ассимиляция.

THE FACTOR OF SIZE OF ETHNIC MINORITIES IN CANADIAN POLICY TOWARDS THEM: THE CASE OF INDIANS AND FRENCH CANADIANS

V. Timofeev

The article is devoted to analyzing the impact of the size of ethnic groups on the ethnic policy towards them. This article examines the policy on such national minorities as First Nations (Indians) and French Canadians. Figures of the population of these ethnic groups are analyzed from a historical perspective. Attention is being given to the dynamics of ratio between sizes of Aboriginal and non-Aboriginal ethnic groups as well as between numbers of French Canadians and English Canadians. Based on the matching of trends in the number of these ethnic groups with the tendencies in ethnic policy the article concluded that the size of ethnic groups determined the nature of the measures implemented by authorities in the area of inter-ethnic relations. Author argues that assimilation policy began to be applied towards Indians when whites began to dominate numerically over Indigenous people in Canada. The same occurred when French Canadians became a minority compared to English-speaking Canadians. However, increase in number of Indians and French Canadians and in their political activity became insurmountable obstacle to complete assimilation of these ethnic groups. In other words, resentment of assimilation policy by these quite numerous ethnic communities could cause political instability and thus made the authorities change the ethnic policy orientation.

Keywords: Canada, Indians, First Nations, French Canadians, Quebec, ethnic policy, ethnic minorities, demography, assimilation.

Канада, будучи многоэтнической страной, часто сталкивалась с вызовами в области межнациональных отношений, и канадские власти уделяли серьезное внимание реализации национальной политики. Изучение канадского опыта в описываемой сфере несет серьезную научную и практическую пользу, так как позволяет анализировать и выявлять различные закономерности развития межэтнических отношений.

В данном исследовании анализируется влияние фактора численности Первых Наций и франкоканадцев как одних из наиболее многочисленных и политически активных этнонациональных групп в Канаде на развитие и реализацию политики Канады по отношению к ним. В статье под Первыми Нациями понимаются индейцы, что соответствует определению, используемому канадским правительством.

Индейцы

Численность коренных жителей Канады к моменту их контакта с европейскими колонистами в различных исследовательских работах и правительственных отчетах колеблется от 200 до 500 тыс. чел. [1, р.98; 2, р.21]. В целях аппроксимации возьмем среднее значение численности автохтонного населения — приблизительно 350 тыс. чел. Ввиду того что инуиты по сравнению с индейцами составляли незначительное численное меньшинство (в частности, в 1857 г. инуитов было ок. 4 тыс. чел., в то время как общее число автохтонов — ок. 140 тыс. чел. [3]), позволительно утверждать, что число индейцев до контакта с европейцами приблизительно равнялось 350 тыс. чел. Данное число является приблизительным и используется в статье для указания точки отсчета, от которой будет рассматриваться изменение численности индейцев.

Таким образом, на момент встречи европейских колонистов и индейцев численность последних была на уровне 350 тыс. чел. Постепенно число индейцев снижалось и к середине XIX в. достигло отметки ок. 140 тыс. чел. [3; 4]. Одновременно падала численность и других коренных жителей. К началу XX в. численность автохтонных народов уменьшилась еще более существенно: общее число коренных жителей в 1921 г. составляло лишь 113 724 чел. [5]. Это число включает все коренные народы Канады — индейцев, инуитов и метисов. Поэтому необходимо учитывать, что численность представителей Первых Наций была еще меньше. На фоне тенденции снижения численности индейского населения число белых жителей начиная с середины XVII в. росло. В конечном счете уже в первой половине XIX в. индейцы являлись численным меньшинством Канады в сравнении с белым канадским населением. Ниже представлен график (рис. 1), построенный на основании статистических данных о численности некоренного населения Канады [6] и о числе коренных жителей в Канаде [1, р.98; 3]. Исходя из данных этого графика можно сказать, что тенденция стремительного роста численности некоренных жителей наблюдается со второй половины XVIII в. (т. е. приблизительно с момента завоевания Канады британцами).

Ось абсцисс показывает временной период. Вдоль оси ординат отложены значения численности населения. Черная линия — тенденция изменения численности коренного населения, серая — тенденция изменения численности некоренного населения.

В первой половине XX в. наблюдается тренд увеличения численности автохтонных народов. Примечателен следующий факт: общее

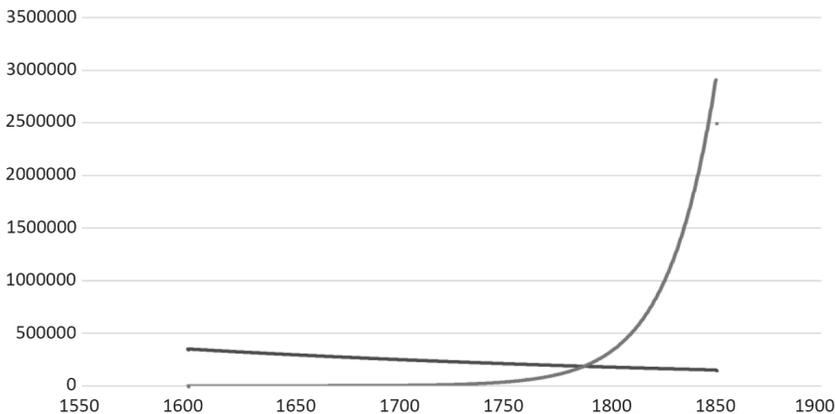

Рис. 1. Изменение соотношения численности коренного и некоренного населения в Канаде (1600–1850)

число индейцев, зафиксированное в 1921 г. (113 724 чел.), к середине XX в. увеличилось более чем в два раза [5]. Численность коренных жителей в Канаде стремительно росла. При этом стоит еще раз отдельно отметить, что именно индейцы обладают наибольшим демографическим весом в среде аборигенного населения. Поэтому именно доля индейцев в численности канадского населения приобрела наиболее существенное значение.

Численность автохтонного населения значительно возросла. В 2016 г. численность коренных жителей составляла 1 673 785 чел., в то время как число индейцев — 977 230 чел. [7]. На графике (рис. 2) показано соотношение значений численности коренного населения и неаборигенных жителей. График построен на основе статистических данных о численности некоренного населения [6] и числе автохтонных жителей Канады [8]. Можно наблюдать, что рост числа представителей коренных народов приходится

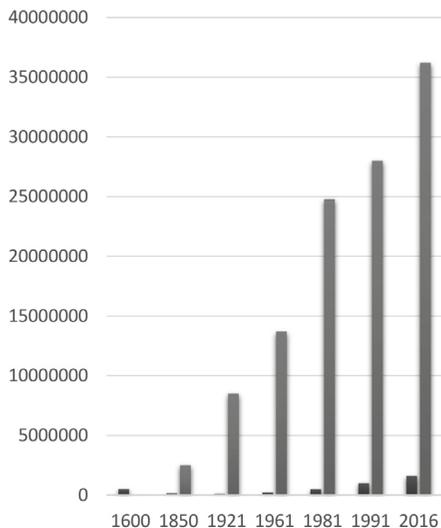

Рис. 2. Изменение соотношения численности коренного и некоренного населения в Канаде (1600–2016)

именно на XX век (начало увеличению численности было положено в 1920-х годах).

Ось абсцисс показывает временной период. Вдоль оси ординат отложены значения численности населения. Черный прямоугольник — численность коренного населения, серый прямоугольник — численность некоренного населения.

Франкоканадцы

Продолжительное время французские колонисты в Канаде были крайне малочисленны. В частности, в 1641 г. численность франкоканадского населения составляла 240 чел. [9]. Французская корона стала активно содействовать увеличению численности французских поселенцев и вскоре достигла серьезных успехов в проведении своей политики. Число жителей Новой Франции увеличилось до 2500 чел. в 1663 г., а к 1730 г. их было уже 33 682 чел. [9]. На момент британского завоевания Канады численность франкоканадцев, населявших Квебек, составляла 70 тыс. чел. [9]. Даже после британского завоевания Канады франкоканадцы оставались длительное время подавляющим большинством в Квебеке. Однако благодаря миграции британских подданных в Канаду (в частности, лоялистов) численность жителей британского происхождения быстро возрастала. Англосаксы реализовывали политику содействия заселению захваченных у франкоканадцев территорий британскими подданными, тем самым формируя демографическую основу для англосаксонского доминирования и трансформации английских колонистов в национальное большинство в Канаде. В итоге бывшие французские колониальные владения становились преимущественно англофонными. Например, в 1771–1772 гг. Новая Шотландия, принадлежавшая Великобритании (тогда эта колония включала территории современной Новой Шотландии, Нью-Брансуика и Кейп-Бретон), была заселена 17 тыс. британских колонистов, в то время как французское население полуострова Новой Шотландии, Кейп-Бретон, «континентальной территории Акадии» (т. е. Нью-Брансуика), острова Сент-Джон (Острова Принца Эдуарда) составляло соответственно: 1860 чел., 920 чел., 4392 чел., 1270 чел. — всего 8442 чел. [9]. Таким образом, британские колонисты Новой Шотландии уже являлись численным большинством.

В бывших французских колониях британцы тоже быстро становились национальным большинством. Однако была единственная колония, населенная преимущественно франкоканадцами, — Квебек (Нижняя Канада).

Для анализа тенденций во всей системе достаточно изучить развитие одного ключевого элемента — соотношения численности не всех колоний в Канаде, а лишь двух — Нижней Канады и Верхней Канады, населенных преимущественно франко- и англоканадцами соответственно. Это были наиболее заселенные колонии в Канаде. Они имели общую границу и одно время являлись единой колонией — Провинцией Канада. Эти колонии характеризовались наиболее значительным потенциалом развития, а общественная и политическая жизнь в них — наибольшей активностью. При учете того факта, что в других колониях франкоканадцы были нивелированы как национальное большинство, анализ соотношения численности Верхней Канады и Нижней Канады поможет выявить, когда франкоканадцы окончательно стали численным меньшинством. В таблице, представленной ниже, показаны значения численности жителей преимущественно франкофонной провинции Нижняя Канада, а также провинции Верхняя Канада, в которой численно преобладали англофоны. Данные взяты из статистического обзора численности населения Канады (сайт Statistics Canada) [9].

Таблица. Численность населения в колониях Канады в 1806–1871 гг.

Годы	Нижняя Канада	Верхняя Канада
1806	250 000	70 718
1814	335 000	95 000
1825	479 288	157 923
1830-е	553 134 (1831)	263 554 (1832)
1840-е	697 084 (1844)	487 053 (1842)
1848	765 797–786 693	725 879
1851–1852	890 261	952 004
1860–1861	1 111 566	1 396 091
	Квебек	Онтарио
1871	1 191 516	1 620 851

Как можно видеть в таблице, значения численности населения англоязычной Верхней Канады (после принятия Западной Канадой Акта о Союзе в 1840 г.) стали приближаться к значениям численности населения франкофонной Нижней Канады (после принятия Восточ-

ной Канадой Акта о Союзе в 1840 г.) в 40-х годах XIX в. Ю. Г. Акимов указывает в своей работе, что к 1840 г. значения общего числа франкоканадцев и общей численности англоканадцев в границах всей Канады также сравнивались [10]. Таким образом, динамика соотношения численности Нижней Канады и Верхней Канады до середины XIX в. совпадает с динамикой соотношения числа англофонов и франкофонов во всей Британской Северной Америке.

В 1860–1861 гг. число жителей Западной Канады превысило количество людей, населявших Восточную Канаду. В 1870-х годах численное преобладание населения Западной Канады лишь увеличивалось. Таким образом, уже во второй половине XIX в. франкоканадцы являлись численным меньшинством. На графике (рис. 3), построенном на основе данных из вышеуказанной таблицы, показано, как изменялось соотношение численности жителей Верхней Канады и Нижней Канады.

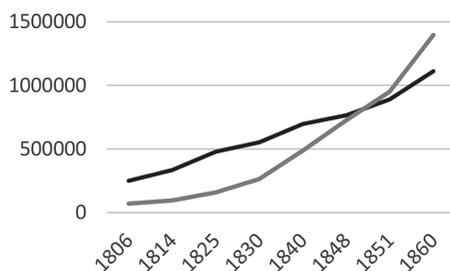

Рис. 3. Изменение соотношения численности жителей Нижней Канады и Верхней Канады

Ось абсцисс показывает временной период. Вдоль оси ординат отложены значения численности населения. Черная линия — тенденция изменения численности жителей Нижней Канады, серая — тенденция изменения численности жителей Верхней Канады.

Франкоканадцы (прежде всего квебекцы), даже будучи численным меньшинством, продолжали увеличиваться в числе. Этот период увеличения численности франкоканадцев характеризуется таким феноменом, как «реванш колыбелей» [11]. Суть этого явления заключалась в сохранении франкоканадцев как крупной этнонациональной группы. Многочисленность франкоканадцев в свою очередь препятствовала возможности их ассимиляции и содействовала поддержке этнокультурной самобытности.

К 1951 г. квебекцев было уже 4055681 чел. [12]. Тем не менее после Тихой революции темпы роста квебекского населения замедлились. В частности, если в 1961 г. численность населения Квебека составляла 5259211 чел., а затем в 1971 г. уже 6027765 чел., то отметка 7000000 чел. была достигнута лишь в 1990-х годах [12]. На 1 января 2017 г. численность Квебека была равна 8351700 чел. [13, p.9].

Влияние фактора численности на реализацию национальной политики

Политика властей в отношении как индейцев, так и франкоканадцев преследовала цели обеспечения англосаксонского доминирования и закрепления власти британской короны на территории Северной Америки. Корона стремилась постепенно сделать колонию полностью англоязычной и заселить ее жителями британского происхождения, что создавало бы демографическую основу для закрепления британского господства на обширной территории, населенной индейцами и франкоканадцами. Индейцы и франкоканадцы воспринимались властями в качестве чуждых элементов, которые не могли вписаться в структуру формировавшейся колонии и при этом представляли угрозу для стабильности британских владений в Канаде. К тому же индейцы являлись преградой на пути колонизации. Для ликвидации этих самобытных и автономных этнонациональных групп власти решили не проводить рискованную политику истребления, а ассимилировать их.

В 1763 г. перед Великобританией встал вопрос обустройства новоприобретенных колоний в Канаде. Одновременно нависла угроза консолидированного сопротивления индейцев, вызванного экспансией колонистов [14]. При этом существовала проблема малочисленности британских поселенцев в Канаде. В данных условиях проведение агрессивной политики в отношении индейцев было чревато очень опасными последствиями (вплоть до утраты колоний), поэтому британская корона избрала стратегию сосуществования с индейцами.

В британских владениях в Канаде долгое время не было крупной англоязычной общности. Однако миграция британских лоялистов способствовала развитию демографической основы для формирования англоканадцев в качестве крупной этнонациональной группы. При этом франкофоны также росли в числе. В итоге некоренное (европейское) население стало численно преобладать над коренным, в частности индейским. И именно после того, как индейцы стали численным меньшинством, власти стали проводить политику ассимиляции. Начиная с 1820–1830-х годов власти разрабатывали и реали-

зовывали политику по «цивилизации» индейцев, которая подразумевала прививание им ценностей и образа жизни европейского общества [2, р. 244]. Тем не менее эта политика не предполагала проведения каких-либо радикальных мер и не была эффективной.

Однако затем власти стали реализовывать более комплексную и разработанную политику ассимиляции, которая имела агрессивный характер. Тенденция активизации ассимиляторской политики проявилась после создания Доминиона в 1867 г. Возникновение единой страны наряду с территориальной консолидацией и формированием единой политической системы, институциональной базы и правового фундамента создало возможности для проведения эффективной «индейской политики». К тому же именно в это время содействие оказывается заселению мигрантами (прежде всего британскими) Запада Канады [15]. Таким образом, численное доминирование некоренного населения закрепляется практически на всей территории Канады.

Схожие тенденции наблюдались в отношениях между англо- и франкоканадцами. После подписания Парижского мирного договора, по которому за Великобританией признавались права на территорию Канады, британская корона стала активно утверждать свою власть во франкоканадском обществе. Британские власти начали содействовать заселению новоприобретенной колонии британскими подданными [16, с. 87]. При этом в отношении франкоканадцев они решили проводить ассимиляторскую политику [16, с. 87]. Однако английские мигранты не были заинтересованы в заселении Канады — холодной страны, существенно уступающей по уровню развития другим британским колониям. Сохранявшаяся малочисленность британских колонистов не позволяла проводить политику ассимиляции крупной франкоканадской общности. Поэтому власти пошли на некоторые уступки франкоканадцам. В частности, гарантировались свобода вероисповедания, права сеньоров и духовенства [16, с. 88–89].

Затем число англоязычных жителей Канады существенно возросло. Наряду с увеличением численности англофонного населения власти все сильнее проявляли стремление ассимилировать франкоканадцев. В 1840 г. был принят Акт о Союзе [17, с. 72]. Данный закон запрещал использование французского языка в законодательном органе колонии. К тому же в соответствии с Актом о Союзе Верхняя и Нижняя Канада объединялись в колонию, получившую название «Объединенная Провинция Канада». В Провинции Канада стремление франкоканадцев к независимости должно было столкнуться с сопротивлением англоязычного населения колонии, которое так же,

как и франкофонные жители, стало бы претендовать на ее земли и, следовательно, формировать противовес центробежным тенденциям (стоит отметить, что к моменту принятия АБСА в 1867 г. проблема центробежных тенденций во Французской Канаде уже не была столь актуальной, как в предыдущие годы). Более того, этот противовес должен был лишь усилиться на фоне увеличения численности англо-канадцев.

Проведение активной ассимиляторской политики наблюдается именно в 1840-х годах, т.е. в период, когда англофонные жители Канады сравнивались по показателям численности с франкоканадцами. Безусловно, осуществление политики ассимиляции стало ответом на восстания в Нижней и Верхней Канаде. Однако не стоит считать, что, кроме факта восстания франкоканадцев (а также англоканадцев), ничто больше не обуславливало реализацию ассимиляторской политики. До периода восстаний наблюдались и конфликт между франкоканадцами и англо-канадскими властями, и желание последних осуществить ассимиляцию (в частности, генерал-губернатор двух Канад сэр Джеймс Генри Крейг выступал за утверждение английского доминирования в колонии и ассимиляцию франкоканадцев, чем спровоцировал серьезное недовольство последних [18]). Тем не менее в это время англофоны уступали по численности франкоканадцам. И именно в этот период ассимиляторская политика не проводилась, хотя повод для ее реализации у британцев имелся.

Затем, когда в 1860-х годах франкоканадцы стали численным меньшинством, ассимиляция начала осуществляться более интенсивно. Однако теперь не центральные власти, а властные круги субъектов канадской федерации (прежде всего англофонных провинций) принимали меры по англификации франкоканадцев. В частности, принимались законы, лишавшие французский язык статуса официального [19]. Провинциальные власти отменяли субсидии католическим школам, тем самым содействуя устранению возможностей для сохранения франкоканадцами своей культуры [20, с. 84].

Тот факт, что ассимиляция индейцев начала проводиться после того, как они стали национальным меньшинством, обосновывается тем, что они были территориально рассредоточены. Иными словами, было сложно сразу выявить, что индейцы по показателям совокупной численности уступают белым. Франкоканадцы же проживали компактно, в рамках структуры канадского общества, и определить их число и предсказать тренд изменения численности было возможно. Поэтому ассимиляция франкоканадцев стала реализовываться в пе-

риод достижения паритета в численности между англо- и франкоканадцами.

Но в середине XX в. ассимиляция индейцев и франкоканадцев столкнулась с препятствием. Численность обеих национальных групп существенно увеличивалась (стоит отметить, что с середины XX в. наблюдается также рост численности мигрантов в Канаде [21]). Одновременно индейцы увеличивали политическую активность и стали активно продвигать и артикулировать свои интересы. В частности, в 1940–1960-е годы появились такие политические организации индейцев, как Ассоциация индейцев Саскачевана, Братство индейцев Северной Америки, Национальный индейский совет [14, с. 298–299]. Среди франкоканадцев наблюдался рост радикальных националистических и сепаратистских настроений. Проведение ассимиляторской политики в данных условиях не просто не имело бы эффекта, но и было бы чревато крайне опасными последствиями.

Увеличение численности индейцев франкоканадцев и иммигрантских групп наряду с нарастанием угрозы межнационального конфликта, грозившего дестабилизацией в стране, заставило правительство отказаться от ассимиляторской политики и начать претворять в жизнь политику мультикультурализма. В настоящее время мультикультурализм стал, по сути, ценностным и правовым фундаментом межнациональных отношений и политики властей в данной сфере.

Литература

1. *Romaniuc A.* Aboriginal Population of Canada: Growth Dynamics under Conditions of Encounter of Civilisations // *Canadian Journal of Native Studies*. 2000. Vol. 20, no. 1. P.95–137.
2. Report of the Royal Commission on Aboriginal Peoples: Looking Forward Looking Back. 1991, vol. 1. URL: <http://www.bac-lac.gc.ca/eng/discover/aboriginal-heritage/royal-commission-aboriginal-peoples/Pages/item.aspx?IdNumber=400> (дата обращения: 06.04.2018).
3. Aboriginal peoples. URL: <https://www.statcan.gc.ca/pub/98-187-x/4151278-eng.htm part4> (дата обращения: 06.03.2018).
4. Demography of Indigenous Peoples in Canada. URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/aboriginal-people-demography/> (дата обращения: 06.03.2018).
5. *Belshaw J.D.* Canadian History: Post-Confederation. URL: <https://open-textbc.ca/postconfederation/> (дата обращения: 06.03.2018).
6. Estimated population of Canada, 1605 to present. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/98-187-x/4151287-eng.htm> (дата обращения: 17.04.2018).

7. Saku J.C. Aboriginal Census Data in Canada: a research note // *Canadian Journal of Native Studies*. 1999. Vol. 19, no. 2. P.365–379.
8. Aboriginal peoples in Canada: Key results from the 2016 Census. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/171025/dq171025a-eng.htm> (дата обращения: 01.05.2018).
9. Statistics of Canada. Introduction. Volume Fourth. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/98-187-x/4198820-eng.pdf> (дата обращения: 07.03.2018).
10. Акимов Ю. Г. Проблемы Французской Канады: прошлое и настоящее. Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.
11. The cradle's costly revenge // *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/node/12891035> (дата обращения: 09.04.2018).
12. Population selon la langue maternelle, Canada, provinces, territoires et Canada moins le Québec, 1951 à 2011. URL: https://www.uottawa.ca/clmc/sites/www.uottawa.ca/clmc/files/population_according_to_mother_tongue.pdf (дата обращения: 31.05.2018).
13. Le bilan démographique du Québec. 2017. URL: <http://www.stat.gouv.qc.ca/statistiques/population-demographie/bilan-demographique.html> (дата обращения: 03.05.2018).
14. Стельмах В. Г., Тишков В. А., Чешко С. В. Тропой слез и надежд: книга о современных индейцах США и Канады. М.: Мысль, 1990.
15. Immigration in Canada. URL: http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/immigration/h3_jump_1 (дата обращения: 04.04.2018).
16. Нохрин И. М. Британская колониальная политика и межэтнические отношения в Канаде в последней трети XVIII в. // *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 2015. № 6. С. 86–91.
17. Тишков В. А., Кошелев Л. В. История Канады. М.: Мысль, 1982.
18. Craig, sir James Henry. URL: http://www.biographi.ca/fr/bio/craig_james_henry_5F.html (дата обращения: 04.04.2018).
19. Manitoba Schools Question. URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/manitoba-schools-question/> (дата обращения: 17.02.2018).
20. Коленеко В. А. Французская Канада в прошлом и настоящем. Очерки истории Квебека XVII–XX вв. М.: Наука, 2006.
21. 150 years of immigration in Canada. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-630-x/11-630-x2016006-eng.htm> (дата обращения: 17.04.2018).

References

1. Romaniuc A. Aboriginal Population of Canada: Growth Dynamics under Conditions of Encounter of Civilisations. *Canadian Journal of Native Studies*, 2000, vol. 20 (1), pp. 95–137.
2. Report of the Royal Commission on Aboriginal Peoples: Looking Forward Looking Back, vol. 1. 1991. Available at: <http://www.bac-lac.gc.ca/eng/discover/aboriginal-heritage/royal-commission-aboriginal-peoples/Pages/item.aspx?IdNumber=400> (accessed: 06.04.2018).

3. Aboriginal peoples. Available at: <https://www.statcan.gc.ca/pub/98-187-x/4151278-eng.htm> part4 (accessed: 06.03.2018).
4. Demography of Indigenous Peoples in Canada. Available at: <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/aboriginal-people-demography/> (accessed: 06.03.2018).
5. Belshaw J.D. *Canadian History: Post-Confederation*. Available at: <https://opentextbc.ca/postconfederation/> (accessed: 06.03.2018).
6. Estimated population of Canada, 1605 to present. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/98-187-x/4151287-eng.htm> (accessed: 17.04.2018).
7. Saku J.C. Aboriginal Census Data in Canada: a research note. *Canadian Journal of Native Studies*, 1999, vol. 19 (2), pp. 365–379.
8. Aboriginal peoples in Canada: Key results from the 2016 Census. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/171025/dq171025a-eng.htm> (accessed: 01.05.2018).
9. Statistics of Canada. Introduction. Volume Fourth. Available at: <http://www.statcan.gc.ca/pub/98-187-x/4198820-eng.pdf> (accessed: 07.03.2018).
10. Akimov Iu. G. *The problems of French Canada: present and past. A Teaching Guide*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2015. (In Russian)
11. The cradle's costly revenge. *The Economist*. Available at: <https://www.economist.com/node/12891035> (accessed: 09.04.2018).
12. Population selon la langue maternelle, Canada, provinces, territoires et Canada moins le Québec, 1951 à 2011. Available at: https://www.uottawa.ca/clmc/sites/www.uottawa.ca.clmc/files/population_according_to_mother_tongue.pdf (accessed: 31.05.2018).
13. Le bilan démographique du Québec. Édition 2017. Available at: <http://www.stat.gouv.qc.ca/statistiques/population-demographie/bilan-demographique.html> (accessed: 03.05.2018).
14. Stel'makh V. G., Tishkov V. A., Cheshko S. V. *By the trail of tears and hopes: The book on modern Indians in the United States and Canada*. Moscow, Mysl' Publ., 1990.
15. Immigration in Canada. Available at: http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/immigration/h3_jump_1 (accessed: 04.04.2018).
16. Nokhrin I. M. British colonial policy and ethnic relations in Canada in the last third of XVIII cent. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 6, pp. 86–91. (In Russian)
17. Tishkov V. A., Koshelev L. V. *The history of Canada*. Moscow, Mysl' Publ., 1982.
18. Craig, sir James Henry. Available at: http://www.biographi.ca/fr/bio/craig_james_henry_5F.html (accessed: 04.04.2018).
19. Manitoba Schools Question. Available at: <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/manitoba-schools-question/> (accessed: 17.02.2018).
20. Koleneko V. A. *French Canada in the past and in the present. An outline of the history of Quebec in 17th–20th centuries*. Moscow, Nauka Publ., 2006. (In Russian)
21. 150 years of immigration in Canada. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-630-x/11-630-x2016006-eng.htm> (accessed: 17.04.2018).

КИТАЙ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ

А. О. Точеная

В статье рассматриваются факторы формирования восприятия Китая в США на современном этапе. Образ Поднебесной в глазах американцев анализируется как результат целенаправленной деятельности через традиционные рычаги внешней политики и экономического лоббирования, а также новых методов влияния с помощью элементов массовой культуры и образования. Основными элементами в этом ключе стали сообщения о Китае в СМИ, публикации в Сети и деятельность киноиндустрии. Важную роль играет взаимодействие с китайцами как иностранцами и иммигрантами в повседневной жизни. Отношение к Китаю в США складывается и под воздействием официальной позиции Вашингтона, которая зачастую продиктована интересами экономической выгоды и нацелена на укрепление положения правящей элиты.

Ключевые слова: американо-китайские отношения, экономическое лоббирование, «мягкая сила», имидж государства, Китай, внешняя политика КНР, внешний долг США, внешняя политика Д. Трампа.

AMERICAN PERCEPTION OF CHINA

А. Точеная

The article presents the factors that form now the perception of China in the USA. The author analyses the image of the Celestial Empire as a result of the rational activities through the traditional instruments of foreign policy and commercial lobbying, as well as the new methods of influence through mass culture and education. In this respect the key elements are the media reports about China, the Internet posts and cinema products. Interaction with the Chinese as foreigners and immigrants in the daily life plays an important role in this process. The attitude towards China is formed in the USA under the influence of the White House stance, often imposed by the interest in economic benefit and aimed at strengthening the position of the ruling elite.

Keywords: U. S.-China Relations, commercial lobbying, soft power, image of the state, China, Chinese foreign policy, U.S.Economy National Debt, Trump's foreign policy.

В свете смены политического руководства США в результате очередных президентских выборов, состоявшихся в ноябре 2016 г., актуализировался вопрос стратегии и тактики взаимодействия Америки с супердержавами. Из государств-лидеров на международной арене первоочередную важность для американской внешней политики, несомненно, представляет Китай, который является одним из трех главных торговых партнеров [1] и ведущих политических контр-

Точеная Алена Олеговна — ассистент кафедры американских исследований СПбГУ, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9.

Tochenaya Alyona — Assistant Professor, American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

агентов Соединенных Штатов. Учитывая тот факт, что США в силу особенностей политического устройства находятся в перманентном состоянии выборного процесса, когда с оглашением итогов голосования начинается уже следующая предвыборная гонка, политическому руководству приходится учитывать реакцию электората на действия на международной арене. Особое внимание при этом уделяется тем государствам, с которыми тесно связано внутривнутриполитическое положение страны. Китай является крупнейшим кредитором Америки. По состоянию на март 2018 г. задолженность США Китаю составляет 1,19 трлн долл. США. Это 19 % от общей суммы внешнего долга США в 6,29 трлн долл. в казначейских векселях, облигациях и облигациях, принадлежащих зарубежным странам [2].

Большинство американцев смотрят на Китай через призму сообщений в СМИ. Их глаза и уши — это телевидение и Интернет. Однако немаловажную роль играет и взаимодействие с китайцами как иностранцами в повседневной жизни: китайские иммигранты, студенты, бизнесмены, туристы и даже китайские соотечественники, ставшие американцами во втором поколении, дополняют картину в восприятии жителей США.

Обновленной политической элите приходится работать с двойственным процессом: с одной стороны, восприятие Китая в США формируется под воздействием государственной пропаганды, а с другой — использованием мягкой силы самим Китаем. Китай проводит активную культурную политику за рубежом и действует не только через распространение языка, народных традиций и философских течений, но и через современные элементы массовой культуры — кино и телевидение, которые являются мощными инструментами влияния на молодое поколение.

В настоящее время важным элементом анализа восприятия Китая в США является образ, сложившийся в массовом сознании, на уровне простых людей. При этом учитывается имидж, который конструирует китайская внешняя политика в глазах американской общественности: какой предстает страна в совокупности всех сфер международных контактов — от внешней торговли и военно-политического диалога до народной дипломатии.

За последние два года, несмотря на обеспокоенность доминированием Китая в американо-китайских экономических связях, которое приводит к росту государственного долга, потере рабочих мест вследствие инвестиций в производственные площадки в Китае и дефицита торгового баланса, отношение рядовых американцев к Китаю в целом остается довольно мягким [3]. По данным монито-

рингов общественного мнения, которые регулярно проводит исследовательский центр The Pew Research Center, население США за последние годы практически разделилось поровну в своем восприятии Китая: в 2017 г. 44 % американцев были настроены благожелательно, 47 % — отрицательно.

Именно экономическая мощь Китая вызывает наибольшую обеспокоенность у жителей Соединенных Штатов. Так, сумма американского долга, размещенного в Китае, считается главной проблемой среди восьми источников напряженности между двумя странами, включенных в опрос. Помимо негативного отношения к зависимости от Китая как серьезного американского кредитора, недовольство американцев вызывают кибератаки, воздействие на окружающую среду, сокращение рабочих мест вследствие переноса производств в Китай, а вот ситуация с правами человека уже не настолько весома в видении простых жителей [4].

Институт Гэллапа даже заявляет, что сейчас американцы наиболее позитивно настроены в отношении Китая за последние 30 лет: в феврале 2017 г. опрос общественного мнения зафиксировал положительные оценки Китая со стороны 50 % респондентов, а в феврале 2018 г. — уже 53 % респондентов [5]. Как указано в отчетном докладе, это самый высокий показатель для данного параметра в исследованиях Гэллапа, сопоставимый только с 72 % позитивно настроенными респондентами в феврале 1989 г. Впрочем, тогда через несколько месяцев рейтинг упал до 34 % [6]. Причиной послужили действия китайского правительства, использовавшего силовые методы для подавления демонстраций на площади Тяньаньмэнь. Эта тенденция ярко демонстрирует, что в глазах американцев Китай в первую очередь ассоциируется с официальным Пекином: его образ во многом формируется информацией о политике властей, транслируемой и интерпретируемой в американских СМИ. Опросы Гэллапа также показывают разделение мнений в американском обществе примерно наполовину. В 2018 г. 45 % опрошенных выразили общее неблагоприятное отношение к Китаю [5].

Отношения США и Китая никогда не были безоблачными. Противоположные позиции по вопросу Тайваня, ядерное оружие и права человека, различные военные события, а также инциденты со шпионажем осложняют ситуацию на протяжении многих лет. Избрание Трампа президентом США также усложнили эти отношения. Вскоре после победы на выборах в 2016 г. он нарушил негласное правило в американско-китайском сотрудничестве, напрямую пообщавшись с лидером Тайваня [7], однако недавно вновь подтвердил приверженность Соединенных Штатов политическому принципу «единого

Китая» [8]. Что все это, а также намерения Трампа в торговле, предвещает будущему отношений США и Китая, неясно. Однако новой администрации может быть полезно знать, что американцы сейчас относительно позитивно относятся к Китаю и, следовательно, могут быть менее восприимчивы к жесткому подходу администрации к отношениям США и Китая.

Казалось бы, американцы должны быть серьезно обеспокоены угрозами, которые несет Китай: это и вышеупомянутые военные вопросы, и экономические. Так, по данным опросов исследовательского центра The Pew Research Center, особую обеспокоенность вызывает размер американского долга в КНР, дефицит американо-китайской торговли и потеря американских рабочих мест в связи с переносом производств в КНР. Американцев также волнуют кибератаки, ситуация с правами человека, влияние Китая на окружающую среду и его возрастающая военная сила [9].

Данный процесс находится в тесной взаимосвязи с внешней политикой США, так как именно взаимодействие на официальном уровне становится предметом новостных выпусков, которые смотрит массовая американская аудитория. Правящая элита транслирует своему электорату выгодный на текущий момент подход к Китаю через СМИ, формируя таким образом восприятие иностранного партнера. В настоящее время отношения между США и Китаем все больше принимают характер торговой войны. Президент США Дональд Трамп решил наложить таможенные пошлины в размере 25 % на целый ряд товаров из Китая на общую сумму в 50 млрд долл. Он также обвиняет Китай в систематической краже интеллектуальной собственности [10].

Позиция Трампа соответствует его заявленным внешнеполитическим ориентирам по взаимодействию с Китаем. Еще будучи кандидатом, он опубликовал книгу «Былое величие Америки», в которой отдельную главу посвятил Китаю. В этой работе Китай позиционируется как скрытая военная угроза. Подогревая настроения тревожности, автор в разделе «В китайском прицеле» характеризует американо-китайские отношения как торговую войну [11, с. 25].

Д. Трамп представляет Китай в качестве недобросовестного контрагента и валютного манипулятора, который обманным путем через лоббистов многонациональных компаний, разместивших производство в Китае, подрывает американскую промышленность и перетягивает экономические преимущества в ряде отраслей хозяйства на себя [11, с. 26]. Китайская политика управления национальным валютным курсом рассматривается в качестве угрозы экономическому разви-

тию США: занижение стоимости юаня называется «порочным методом», нацеленным на то, чтобы «ободрать американцев» [11, с. 26]. Яркими красками кандидат в президенты США рисует образ врага и в завершение так и пишет: «Сейчас Китай — наш враг. Пришло время действовать соответствующим образом. И если мы все сделаем правильно, Китай снова проникнется уважением к США, а мы сможем отправиться в будущее по пути, на котором Китай станет нашим другом». Важно понимать, что данная позиция преувеличенно агрессивного восприятия Китая была необходима на этапе борьбы за президентское кресло, когда все политические проблемы намеренно гиперболизируются, уже спустя несколько месяцев после инаугурации Д. Трамп смягчил свой подход и проявил готовность к конструктивному диалогу [8].

Это неудивительно, так как идея повышения таможенных пошлин, которую обсуждают в Белом доме с начала 2018 г., даже сейчас, спустя полтора года после прихода Д. Трампа к власти, сталкивается с серьезнейшей критикой со стороны американских компаний, которые заденут эти новые тарифы, а также фермеров и других бизнесменов, опасаящихся, что Китай в ответ нанесет удар именно по ним.

Американский бизнес и общественность как будто до сих пор недопонимают, что Китай действительно может стать ключевой угрозой США. Такая двойственность в отношении к Китаю объясняется тем, что во главе угла в Вашингтоне стоит сиюминутная позиция, основанная на меркантильном интересе, а стратегический расчет на перспективу как будто отходит на второй план. Америко-китайские отношения в последние десятилетия стремительно развиваются. Самым ярким показателем является американо-китайская торговля, объем которой вырос с 2 млрд долл. США в 1979 г. до 648,2 млрд в 2016 г. [12]. Китай является крупнейшим рынком для американского экспорта и самым большим источником импорта. Продажи иностранных филиалов американских компаний в Китае составили 364 млрд долл. в 2013 г. [13, р. 2].

Несмотря на большое количество внутренних проблем КНР, США не развивают критику в адрес Китая, как это делается, например, в отношении России. Более того, «друзья Китая» внутри Соединенных Штатов поддерживают Пекин даже тогда, когда между двумя странами возникают «острые углы». Так, после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., более известной на Западе как «бойня на площади Тяньаньмэнь» (Tiananmen Massacre), Генри Киссинджер в ответ на дебаты о санкциях в отношении КНР в обеих палатах Конгресса утверждал, что «Китай остается слишком важным для национальной

безопасности Америки, чтобы жертвовать отношениями из-за эмоций» [14]. По мнению Киссинджера, «ни одно правительство в мире не потерпело бы оккупации его центральной площади в течение восьми недель тысячами демонстрантов» [14]. Это лишь частный пример аргументов в пользу того, что Америка не должна возбуждать проблему прав человека в тех странах, которые имеют большое значение для безопасности США.

Тем не менее представляется, что заявлений нескольких «друзей Китая», даже таких влиятельных, как Генри Киссинджер, которому во многом принадлежит заслуга установления американо-китайских отношений в 1979 г., было бы недостаточно для проведения всего курса американской политики в отношении Китая. При разработке стратегии внешнеполитического курса США опираются и на мнение своего электората. В свете анализа видения американцев важно прояснить ряд вопросов, связанных с возникновением стереотипов и исторически сложившихся образов Поднебесной в массовом сознании.

Некоторые авторы указывают на то, что представления о Китае уходят корнями в историю получения первых представлений об этой стране. Так, Дональд Дэвис и Юджин Трани в своей книге «Кривые зеркала» поднимают вопрос именно о формировании образа России/СССР и Китая в американском обществе, которое складывалось в ходе истории благодаря американским ученым, дипломатам и журналистам. Корни этого прослеживаются в двух книгах конца XIX в.: «Сибирь и система ссылок» Джорджа Кеннана-ст., в которой он познакомил американцев со страшным миром российской каторги царского времени, и «Земля лам» Уильяма Рокхила [15], в которой Китай изображается как экзотическая волшебная страна Шангри-ла. Дэвис и Трани показывают, что эти образы сохранились на протяжении долгих лет и отразились на политике Соединенных Штатов [16]. О том, что старые представления о Востоке во многом объясняют американскую политику за последние двести лет, также пишет Консуэло Леон в своей статье «Основы американского образа тихоокеанского региона». Он отмечает, что эти представления сформировались благодаря опыту путешественников, которые публиковали свои заметки на протяжении нескольких столетий. Краеугольными камнями в формировании американской идеи о Тихоокеанском регионе, в том числе о Китае как рае на земле, богатом золотом и драгоценностями, стали еще европейские миссии к монгольскому двору в начале XIII в. и путешествие Марко Поло на Восток в 1270-х годах. Большое значение оказали также описания иезуитских миссионеров в Китае и Японии, которые отправлялись в Европу в XVI и XVII вв. Кроме этого,

Леон упоминает публикацию Джорджа Энсона 1743 г. «Путешествие вокруг света» [17], в которой также увековечен миф о тихоокеанском богатстве. Книги о путешествиях были особенно популярны в XVIII и XIX вв. — европейцам и американцам очень нравилось читать об экзотических приключениях. К. Леон говорит о том, что в начале XIX в. у американцев сформировалось представление о Китае как о богатой диковинной стране, ведь о богатствах Тихого океана говорили в те времена и торговцы, и китобои, и путешественники.

Американо-китайские отношения в США до сих пор рассматриваются через призму экономической выгоды. Однако отношения выходят за рамки экономического сотрудничества. Развивается политический диалог, и постоянно увеличиваются контакты между людьми (people-to-people contacts). Речь идет о контактах между студентами, учеными, исследователями и т. п. Набирают оборот культурные обмены, крепнет сотрудничество между молодежью двух стран.

Представления о Китае у американской общественности формируются и в рамках контактов в образовательной сфере, которые начали динамично развиваться с середины XIX в. Китайский дипломат Юнг Ванг (Yung Wang) стал первым китайцем, окончившим американский университет, и после выпуска из Йеля в 1854 г. содействовал осуществлению первых образовательных обменов между Китаем и США. И уже в 1921 г. китайские студенты составляли большинство среди прочих иностранцев в американских университетах (1443 из 8000) [18, с. 569].

На сегодняшний день китайцы составляют 30 % из 1 млн иностранных студентов. Большое количество студентов из-за рубежа в вузах США объясняется стремлением максимизации прибыли и увеличению поступлений в бюджет страны: оплата обучения для иностранцев в 2–3 раза выше, чем для американских студентов [19].

В самом научном сообществе сложилось двоякое отношение к данному подходу в образовательной политике США. Критически настроенные авторы указывают, что активное привлечение большого количества китайцев в американские вузы приносит больше проблем, чем пользы: появляется языковой и культурный барьер, усложняется образовательный процесс для преподавателей, возникают разногласия в академическом сообществе и т. п. [20]. Однако руководство университетов продолжает настаивать на положительном эффекте. Так, в одной из публикаций Гарвардского университета отмечается, что подавляющее большинство китайских студентов в США демонстрирует высокий уровень знаний и целеустремленность в учебе, что, несомненно, оказывает благоприятное воздействие не только на уни-

верситетское сообщество, но и на социум в целом. Это объясняется в первую очередь особенностями национального характера: китайцы очень трудолюбивы, рассудительны и быстро адаптируются к зарубежной культуре. Несмотря на то что китайские студенты поначалу испытывают культурный шок, они за короткий период привыкают к особенностям американского уклада жизни и могут комфортно жить среди американцев. Китайских студентов, обучающихся инженерным специальностям, считают одним из важных элементов технологической конкурентоспособности США на мировой арене [21].

Более того, как уже отмечалось, китайские студенты наряду с другими иностранцами приносят большую прибыль американским университетам, а также обеспечивают работой малый бизнес в окрестностях университетов. И, наконец, китайские студенты в американских вузах являются своего рода элементом народной дипломатии Китая. Исследователи указывают на то, что китайцы, получившие высшее образование в США, в дальнейшем имеют более положительное восприятие Америки и ее жителей. В качестве главной проблемы американских университетов даже называют тот факт, что китайских студентов в США пока еще слишком мало и следует привлекать их в два раза больше [21].

Такая точка зрения подтверждается и опросами: согласно данным исследования взаимного восприятия американцев и китайцев наиболее благоприятно к Китаю относится американская молодежь. Так, в результате опроса «Глобальные тенденции восприятия наций», проведенного исследовательским центром The Pew Research Center в марте 2017 г., положительное отношение к КНР выразили 51 % американцев в возрасте от 18 до 29 лет, 47 % в возрастной категории от 30 до 49, 36 % — старше 50 лет [22]. Стоит отметить, что различные поколения американцев по-разному отдают воспринимают угрозы со стороны Китая: для старшего поколения больший вес имеют права человека, а для младшего — интернет-безопасность и финансовая независимость.

Изучение стереотипов о Китае среди американских студентов показало, что они «умные» и «трудолюбивые» — это наиболее позитивные шаблоны, хотя иногда они связаны со страхом экономического доминирования Китая. Кроме взаимодействия с самими китайцами, на это оказывает влияние образ китайских спортсменов и то, как это отражено в американских СМИ [23, p. 11]. Для рядовых американцев китаец и Китай — это скорее конкурент и соперник, чем противник.

Подобные исследования демонстрируют интересный факт: многие американцы не делают различия между китайцами и американцами

азиатского происхождения (Asian Americans). Это в частности показали опросы Комитета 100⁴ в 2009 г. [25]. Результаты этого же опроса говорят о том, что очень большое количество американцев считают, что китайцы внесли важный вклад в американскую культуру и что они в целом более успешны, чем другие американцы [25]. В исследовании американцев азиатского происхождения центр The Pew Research Center пришел к выводу, что американцы азиатского происхождения являются наиболее обеспеченной⁵, образованной и быстро растущей расовой группой в США (они составляют 36% всех иммигрантов). Кроме того, эта группа населения наиболее удовлетворена общим уровнем жизни, финансами и политическим курсом страны, она ориентирована на создание семьи, рождение детей, трудолюбива и нацелена на карьерные успехи [26].

Помимо общей картины, которая формируется в США всеми американцами азиатского происхождения, необходимо отдельно отметить роль организованной китайской диаспоры, взаимодействующей с рядовыми американцами в повседневной жизни⁶. Диаспора сохраняет связь с родиной, и ее деятельность находится под влиянием политики официального Пекина. Чайна-тауны уже настолько распространены в США, что стали неотъемлемой частью большинства крупных американских городов, а китайцы не воспринимаются как что-то чуждое. На современном этапе иммигранты из Китая в основном составляют квалифицированную рабочую силу и поэтому способны общаться на местах с такими же специалистами-американцами на одном уровне, формируя таким образом в основном позитивное мнение о своей нации.

Китайцы открыли рестораны национальной кухни по всей территории США. Именно поэтому еще одним элементом американского восприятия Китая является китайская кухня. Как отмечает в своей

⁴ Неправительственная организация американцев китайского происхождения Комитет 100, основанная в 1990 г., с 1994 г. проводит опросы общественных, экономических и политических лидеров по определению отношения американцев к Китаю. Члены Комитета — это яркие китайские американцы, например, известный виолончелист Йо-Йо Ма, один из основателей «YouTube» Стив Чен, астронавт НАСА Лерой Чиао, исследователь СПИДа Дэвид Хо и другие. Более 20 лет комитет служит уважаемым стратегическим советником для правительственных лидеров как в США, так и в КНР и неоднократно получал высокие оценки в СМИ за свою вовлеченность в продвижение китайских американцев и развитие американо-китайских отношений [24].

⁵ При этом китайцы с доходами около 65 тыс. долл. в год на семью являются наиболее обеспеченной группой среди других азиатов.

⁶ Подробно о становлении, современном состоянии китайской диаспоры и влиянии, которое она оказывает в США, см.: [27, с. 103–116].

книге «Китайское рагу: культурная история китайской еды в Соединенных Штатах» историк в области кулинарии Эндрю Кой [28], любовь к китайской еде началась в США в конце XIX в., когда представители богемы Нью-Йорка стали заглядывать в чайна-тауны за экзотической едой. С тех пор китайская кухня пережила несколько циклов заинтересованности американцев: от массового увлечения «китайским рагу» в начале XX в. до всплеска разнообразия в американских пристрастиях к китайской кухне после визита президента Ричарда Никсона в Китай в 1972 г. [28].

Примечательно, что феномен китайской еды в жизни американцев, как и многие аспекты американо-китайских отношений, появился в результате развития торговли: когда первые американцы посетили Китай, китайские партнеры-торговцы приглашали их на праздники в свои дома и угощали традиционной едой. Для американцев эти обеды и ужины с непривычными ингредиентами и методами приготовления пищи, использованием палочек и особым этикетом стали экзотическим опытом. В Новейшее время самым ярким впечатлением для американцев, связанным с китайской кухней, стала трансляция ужина Р. Никсона с китайскими лидерами в Зале народных собраний КНР в Пекине, на котором подавали утку по-пекински. Это возродило массовый интерес к уже наскучившему и вышедшему из моды увлечению китайской кухней: все американцы хотели «настоящей китайской еды», как в Пекине. Эти блюда гурманы могли найти только у китайцев в чайна-таунах. Сейчас интерес американцев к китайской кухне подогревается постоянным притоком китайских иммигрантов и студентов, популяризирующих через свой опыт традиционную еду Поднебесной. По мнению одного из старейших и уважаемых журналов США — «Атлантик», из всех тем, посвященных азиатскому обществу: бизнеса, политики, образования, искусства, — наибольший интерес всегда вызывают статьи о еде [29].

Еще одним важным элементом в американском восприятии Китая, безусловно, является бренд «сделано в Китае». Китайские товары представлены в Соединенных Штатах повсеместно: это игрушки, одежда, электроника, предметы быта и домашнего обихода и многое другое. В Соединенных Штатах наблюдается настоящая зависимость от китайских товаров, которая в то же время влечет за собой потерю рабочих мест в США в пользу производств, вынесенных на территорию КНР. Большинство политических заявлений против обилия китайских товаров выглядит нелепо на фоне реальной ситуации. Можно, например, вспомнить Дональда Трампа, который обвинял компании «Форд» и «Эпл» в том, что у американцев нет работы, поскольку

их производства находятся в Китае, и при этом возглавлял бизнес, реализующий китайские товары [30].

При более детальном анализе выясняется, что многие товары, которые у американцев совершенно не ассоциируются с Китаем, являются китайскими. Так, китайские инвесторы уже давно вкладывают существенные ресурсы в американские компании в сферах недвижимости, легкой и пищевой промышленности, производства технологий, социальных сетей, киноиндустрии [31]. Новости об этих инвестициях регулярно появляются в американских СМИ. Это один из тех факторов, которые приводят к формированию устойчивого представления о том, что китайская экономика сильнее американской: большинство американцев считают, что Китай опережает США и занимает первое место в мировой экономике [32].

Большую роль в восприятии Китая американцами играет то, как он позиционируется в визуальных средствах взаимодействия с массовой аудиторией. В последнее время китайские инвесторы наращивают свое влияние на рынке киноиндустрии, увеличивая его воздействие на формирование образа Китая и китайцев. Изучение последних тенденций на этом рынке требует комплексного подхода и заслуживает отдельного исследования, поскольку включает в себя очень много аспектов. Во-первых, любые китайские инвестиции в американскую экономику позволяют Китаю еще больше увеличить уже существующую экономическую зависимость США от КНР. Во-вторых, кино — это мощный инструмент «мягкой силы», который пришел на смену традиционной пропаганде. Соответственно речь идет уже о внешней политике КНР. Ранее было показано, как несколько случайных книг и публикаций повлияли на формирование образа Китая в Америке. Довольно легко предположить, какое колоссальное значение может оказать целенаправленная политика по контролю мирового рынка киноиндустрии.

Как было показано ранее, традиционный для американцев поиск исключительно экономической выгоды зачастую приводит к другим результатам. Так, в погоне за прибылями Голливуд уже оказался зависим от Китая: с одной стороны, от потребительского рынка для голливудских фильмов, а с другой — от китайских инвестиций, которые в последнее время наводнили американскую киноиндустрию.

В январе 2016 г. китайский холдинг Dalian Wanda Group, принадлежащий Ван Цзяньлиню — самому богатому жителю КНР, стоимость которого оценивается в \$24,2 млрд, приобрел контрольный пакет акций американской кинокомпании Legendary Entertainment. Стоимость сделки составила \$3,5 млрд. Китайский холдинг Dalian Wanda

Group уже является крупнейшим кинооператором в мире. Кроме того, он контролирует американскую сеть кинотеатров AMC Entertainment Holdings [33]. Приобретение китайской группой компаний сети американских кинотеатров в 2012 г. вызвало беспокойство, что репертуар фильмов к показу может подвергаться цензуре, как в Китае. На это г-н Ван заявлял, что он бизнесмен, а не политик, и его главным интересом является получение прибыли [34]. Стоит заметить, что, помимо приобретений в Голливуде, Ван Цзяньлинь параллельно развивает культурно-развлекательный центр «Восточное кино» в Китае, который станет китайским конкурентом Голливуда. Бюджет проекта составляет 8,2 млрд долл. США [35].

Китай уже является одним из крупнейших потребителей киноиндустрии. Фильм-рекордсмен по кассовым сборам за всю историю кинематографа «Аватар» Джеймса Кэмерона (общая сумма \$2,7 млрд), вторую по величине долю сборов получил в китайском кинопрокате. Быстро развивающийся китайский рынок с населением в 1,38 млрд жителей даже с рекордно низкими для Китая темпами роста ВВП (6,9% в 2015 г.) — цель номер один для большинства ведущих кинематографистов [36]. В 2014 г. общее количество зрителей там превысило 800 млн чел. (при этом каждый житель в среднем побывал в кинотеатре 0,6 раза, что ниже, чем, например, в Южной Корее или США, а значит, Китаю еще есть куда расти) [37]. В 2015 г. кассовые сборы в Китае выросли на 48,7% и составили 6,78 млрд долл. США. В 2014 г. в Поднебесной было установлено 8035 киноэкранов, а общее количество киноэкранов составило 31 627; при этом во всей Северной Америке их около 39 000. Уже в 2015 г. аналитики прогнозировали, что Китай должен перегнать Северную Америку по кассовым сборам к 2017 г. (тогда это был рынок номер 1, где сборы составляли 11 млрд долл. США) [38]. Аналитики Конгресса США, которые с недавних пор также заинтересовались влиянием КНР на мировой кинематограф, более скептически в своих прогнозах. Тем не менее в отчетах Конгресса неоднократно говорилось о том, что Китай скоро станет главным потребителем мирового кинематографа и обгонит США по этим показателям к 2018 г. [39]. Сейчас Китай действительно догнал и перегнал Северную Америку. Так, в первом квартале 2018 г. кассовые сборы в КНР составили 3,17 млрд долл. США, в то время как аналогичный показатель по Северной Америке составляет 2,85 млрд долл. [40]. При этом ни для кого не секрет, что в КНР существует мощный институт цензуры. Эта цензура в полной мере распространяется и на зарубежные кинофильмы, которые допускаются на китайский рынок: прави-

тельство гранты допускают только 34 иностранных фильма в год [41].

Голливуд уже не первый год ведет стратегическую деятельность по созданию совместно с Китаем блокбастеров, которые будут востребованы в Поднебесной, в надежде, что китайские партнеры помогут ему выйти на столь желанный китайский рынок. В конце 2016 г. завершились съемки самого масштабного за историю совместного американо-китайского фильма «Великая стена» (The Great Wall). Это мистическая история, исследующая тайну строительства Великой китайской стены, с бюджетом в 150 млн долл. США. Фильм снимали 3 киностудии: China Film Group, Universal Pictures и Legendary East [35]. Последняя была создана вышеупомянутой компанией Legendary Entertainment, которая теперь управляется на китайские деньги, и была создана в Гонконге с целью обхода квоты на иностранные фильмы в Китае [42]. Для Legendary Entertainment это первый фильм, который снимается в Китае.

Вообще в американском кино к настоящему времени уже сложился весьма благоприятный образ Китая. Самый яркий пример — это популярный во всем мире мультфильм «Кунг-Фу панда», жизнеутверждающая история про ленивую и неуклюжую панду, которая мечтает стать мастером кунг-фу. Мультфильм никак нельзя отнести к категории пропаганды, он не несет глубокого политического смысла, однако в нем ярко и красочно показана экзотическая китайская культура, которая так завораживала американцев на протяжении истории. Мультфильм, переведенный на 45 языков мира, был выпущен американской компанией Dream Works Animation в 2008 г. Разработки сюжета начались еще в 2004 г. Тогда в Шанхае была специально основана дочерняя компания Oriental Dream Works. Создатели были полны решимости сделать этот фильм настолько «китайским, насколько это возможно», что им полностью удалось. В дальнейшем та же команда создала «Кунг-фу панда 2» в 2011 г., который стал еще большим хитом (в том числе и в Китае) [43]. В 2016 г. в мировой кинопрокат вышла уже третья серия мультфильма, который стал самым масштабным анимационным фильмом за всю историю китайского кинематографа [44].

Еще один очень известный образ Китая — это мультфильм, снятый киностудией Walt Disney Pictures в 1998 г. «Мулан» — интерпретация классической китайской фольклорной истории о девушке, которая пошла на войну вместо своего отца, а затем вышла замуж за сына императора. «Мулан» был подвергнут критике за недостоверное изображение китайской культуры и даже за феминизм, однако понра-

вился американской аудитории во многом потому, что сочетает в себе ценности как американской, так и китайской культуры [45].

Интересно, что в то же время (в 1997 г.) был снят фильм «Семь лет в Тибете» о судьбе сбежавшего из индийского лагеря австрийца, пробравшегося в Китай. Главного героя сыграл Брэд Питт, которому эта роль стоила запрета на въезд в Китай на 17 лет — и все из-за того, что фильм, в котором он играет, нарисовал вызывающий симпатию образ Далай-ламы [46]. Сейчас такой фильм даже не стали бы снимать, как и любой другой, в котором поднимаются деликатные для Китая социополитические темы — такие как жизнь в Тибете или события на площади Тяньаньмэнь.

Фильм, не подходящий Китаю, автоматически теряет миллиарды юаней, которые могут за него заплатить китайские зрители. В конце 1990-х годов биографический фильм «Кундун» о детстве 14-го Далай-ламы разозлил Пекин за негативное изображение китайского правительства. Тогда Китай выпустил свой фильм-биографию Далай-ламы, а также пригрозил киностудии Walt Disney, снявшей этот фильм, что КНР не просто не допустит этот фильм на китайский рынок, но и пойдет дальше и не допустит туда Disney в принципе [47; 48]. Режиссеру фильма Мартину Скорсезе и другим членам команды правительством тогда был закрыт въезд в Китай. В результате Майкл Овитц, бывший президент Disney, летал в Пекин для частной встречи с президентом Цзян Цзэмином. Усилия президента «Диснея» привели к тому, что компания получила зеленый свет на строительство своего тематического парка под Шанхаем (проект на 3,7 млрд долл. США) [49]. Интересно, что мультипликационный фильм «Мулан» вышел в прокат в очень скором времени после инцидента с кинофильмом «Кундун».

Ранее представления о Китае в Голливуде во многом зависели от политической ситуации и двусторонних американо-китайских отношений. Анализ образов Китая в американской киноиндустрии хорошо отражен в книге Наоми Грин «От Фу Манчу к Кунг-фу панде: образы Китая в американских фильмах». И если Фу Манчу, который появлялся в американских фильмах с 1929 по 1980 г. является воплощением зла, криминальным гением, то Кунг-фу панда, как показано ранее, — это добродушный медведь со светлыми мечтами и идеалами. Одним из первых американских фильмов о Китае стал немой кинофильм 1908 г. «Желтая угроза» (The Yellow Peril), само название которого дает представление о негативном восприятии этой страны в Соединенных Штатах. Н. Грин прослеживает взаимосвязь большинства ключевых событий американо-китайских отношений [50]. Однако и «в плохие

времена» американско-китайских отношений помимо страха перед коммунизмом в американском сознании с 1970-х годов существовал образ так полюбившихся им мастеров кунг-фу Брюса Ли и Джекки Чана, а также другие фильмы о кунг-фу [51]. Многие из этих фильмов снимались в Гонконге. Положительной образ волшебной страны с красивыми храмами, пагодами, яркими цветами и экзотической вкусной едой сложно было бы искоренить из массового сознания и подсознания, а сейчас этот образ культивируется еще больше.

Хотя американское общество и воспринимает Китай как угрозу американской безопасности, это связано с могуществом Китая, но не с проблемами демократии или ущемлением прав человека. Эти вопросы уже ушли из американских фильмов; они не поднимаются на экономических форумах и конференциях; о Китае невыгодно и неразумно говорить плохо в университетах (это приведет к потере огромной денежной массы, поступающей за оплату обучения); количество китайцев в США все увеличивается, причем приезжают трудолюбивые образованные молодые люди; любую материально-бытовую потребность можно удовлетворить китайским товаром; модным остается проведение досуга в китайских ресторанах; для американского бизнеса Китай всегда будет привлекательным источником дешевой рабочей силы, куда можно вынести производства, огромным рынком сбыта для американских товаров, а также привлекательной инвестиционной возможностью.

Проблема заключается в том, что ранее, как замечал З.Бжезинский, массовая культура наряду с военным и экономическим могуществом обеспечивала самим Соединенным Штатам политическое влияние, близкого которому не имело ни одно государство мира [52]. Сейчас первенство, кажется, быстрыми темпами переходит к Китаю. Кроме того, в стремлении к собственной выгоде Соединенные Штаты дают Китаю колоссальные возможности для дальнейшего развития.

Китай довольно успешен в продвижении своего имиджа на международной арене, особенно в глазах жителей одной из крупнейших экономических держав мира — США. Во многом это результат целенаправленной деятельности как через традиционные рычаги внешней политики и экономического лоббирования, так и при помощи новых методов влияния — через массовую культуру и образование. Таким образом, анализ американского восприятия Китая на современном этапе дает почву для дальнейших исследований в сравнении с другими мировыми державами, например, Россией, которую в Соединенных Штатах воспринимают преимущественно негативно. Несмотря на наличие схожих, по мнению американцев, проблем с демо-

кратией в Китае и России (нарушением прав человека, недостатком открытости и коррумпированностью, авторитарным стилем руководства страной, наращиванием военного потенциала и т. п.), США продолжают динамично развивать сотрудничество с китайскими партнерами и все больше нацелены на конфронтацию с российскими контрагентами.

Литература

1. Top U.S.Trade Partners Ranked by 2016 U.S.Total Export Value for Goods // Annual Report of U.S.Department of Commerce. URL: http://www.trade.gov/mas/ian/build/groups/public/@tg_ian/documents/webcontent/tg_ian_003364.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

2. *Amadeo K.* U.S.Debt to China: How Much Does It Own? // *The Balance*. U.S.Economy. National Debt, 2018. URL: <https://www.thebalance.com/u-s-debt-to-china-how-much-does-it-own-3306355> (дата обращения: 15.05.2018).

3. U.S.Relations with China // U.S.Department of State. Diplomacy in Action. U.S.Bilateral Relations Fact Sheets. URL: <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/18902.htm> (дата обращения: 17.05.2018).

4. Opinion of China // Global Indicators Database. Updated in August with polling data from Spring 2017 Global Attitudes Survey. URL: <http://www.pewglobal.org/all/response/Unfavorable/> (дата обращения: 15.05.2018).

5. China. URL: <https://news.gallup.com/poll/1627/china.aspx> (дата обращения: 18.05.2018).

6. China's U.S. Image the Most Positive in Three Decades, 2017. URL: <http://www.gallup.com/poll/204227/china-image-positive-three-decades.aspx> (дата обращения: 16.05.2018).

7. Трамп первым со времен Никсона поговорил с главой Тайваня. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2834316> (дата обращения: 15.05.2018).

8. Трамп пообещал Пекину не отходить от политики «единого Китая». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/02/10/677094-tramp-edinogo-kitaya> (дата обращения: 18.05.2018).

9. *Wike R.* Americans' Views of China Improve as Economic Concerns Ease // Pew Research, 2017. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/04/04/americans-views-of-china-improve-as-economic-concerns-ease/> (дата обращения: 17.05.2018).

10. США и Китай обложили товары друг друга пошлинами. Начало торговой войны? URL: <https://www.bbc.com/russian/news-44497178> (дата обращения: 16.05.2018).

11. *Трам Д.* Былое величие Америки / пер. А. А. Калинина. М.: Эксмо, 2016.

12. U.S.International Trade In Goods And Services Report // The U.S.Census Bureau, 2016. URL: <https://www.bea.gov/newsreleases/international/trade/2017/trad1216.htm> (дата обращения: 18.05.2018).

13. *Morrison W. M.* China — U.S. Trade Issues // Congressional Research Service Report, 2015. URL: https://cdn.cnsnews.com/attachments/china-us_trade_issues-congressional_research_service.pdf (дата обращения: 15.12.2015).
14. *Kissinger H.* The Caricature of Deng as a Tyrant is Unfair // Washington Post. August 1, 1989.
15. *Rockhill W.* The Land of the Lamas: Notes of a Journey Through China, Mongolia and Tibet. New York: Kessinger Publishing, LLC, 2004.
16. Дэвис Д., Трани Ю. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX в. М.: Вагриус. 2009.
17. *Anson G.* Voyage Round the World. The text reduced. With Introduction, Notes and Glossary / Ed. by H. W. Household, London. 1901. URL: <http://www.gutenberg.org/files/16611/16611-h/16611-h.htm> (дата обращения: 17.05.2018).
18. *Лукин А. В.* Образ Китая в российском общественном сознании: преемственность и эволюция // Полис. Политические исследования. 2004. № 6. С. 70–88.
19. How International Students Are Changing U.S. Colleges. URL: <http://graphics.wsj.com/international-students/> (дата обращения: 17.05.2018).
20. *Belkin D., Jordan M.* Heavy Recruitment of Chinese Students Sows Discord on U.S. campuses // The Wall Street Journal, 2016. URL: <http://www.wsj.com/articles/heavy-recruitment-of-chinese-students-sows-discord-on-u-s-campus-es-1458224413> (дата обращения: 18.05.2018).
21. *Chen D.* Reality Check: Chinese Students Are Only Benefiting U.S. Universities // China and the World Program. Princeton — Harvard, 2016. URL: <http://cwp.princeton.edu/news/reality-check-chinese-students-are-only-benefiting-us-universities> (дата обращения: 16.05.2018).
22. *Wike R.* Americans' Views of China Improve as Economic Concerns Ease // Pew Research Center Global Report Overview. 04.04.2017. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/04/04/americans-views-of-china-improve-as-economic-concerns-ease/> (дата обращения: 18.05.2018).
23. *Zhang L.* Stereotypes of Chinese by American College Students // International Journal of Communication. 2015. No. 9. P. 1–20.
24. Committee of 100. Mission and History. URL: <https://committee100.org/mission-history/> (дата обращения: 16.05.2018).
25. 2009. Still the Other? URL: <http://survey.committee100.org/index.html> (дата обращения: 17.05.2018).
26. Asian Americans // Pew Research Center, 2012. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/asianamericans-graphics/> (дата обращения: 15.05.2018).
27. *Точеная А. О.* Китайская диаспора в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 10. С. 103–116.
28. *Сое А.* Chop Suey: A Cultural History of Chinese Food in the United States. Oxford University Press. 2009. URL: <https://global.oup.com/academic/product/чоп-сью-9780195331073?cc=fi&lang=en&> (дата обращения: 17.05.2018).
29. *Fish E.* How Chinese Food Got Hip in America // The Atlantic, 2016. URL: <http://asiasociety.org/blog/asia/how-chinese-food-became-hip-america> (дата обращения: 18.05.2018).

30. *Long H.* Donald Trump suits and ties are made in China // CNN, 2016. URL: <http://money.cnn.com/2016/03/08/news/economy/donald-trump-trade/> (дата обращения: 19.05.2018).
31. *Thomas Z.* A day using Chinese goods in the U. S. // BBC, 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/business-35364850> (дата обращения: 18.05.2018).
32. *Saad L.* Americans See China as Top Economy Now, but U.S.in Future, 2016. URL: <http://www.gallup.com/poll/189347/americans-china-top-economy-future.aspx> (дата обращения: 16.05.2018).
33. Миллиардер из Китая купил кинокомпанию Legendary Entertainment // Regnum, 2016. URL: <http://regnum.ru/news/2051958.html> (дата обращения: 16.05.2018).
34. *Zhang S., Miller M.* Wanda goes to Hollywood: China tycoon's firm buys film studio Legendary for \$3.5 billion // Reuters, 2016. URL: <http://www.reuters.com/article/us-china-wanda-cinema-m-a-idUSKCN0UQ08F20160112> (дата обращения: 18.05.2018).
35. *Shih W., McGee H.* Hollywood on the Yellow Sea. Wang Jianlin, one of China's richest men, is creating a rival to the American dream factory, from scratch. // The Atlantic, 2015. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/12/hollywood-on-the-yellow-sea/413185/> (дата обращения: 18.05.2018).
36. *Magnier M.* China's Economic Growth in 2015 Is Slowest in 25 Years // The Wall Street Journal, 2016. URL: http://www.wsj.com/articles/china-economic-growth-slows-to-6-9-on-year-in-2015-1453169398#:s9_Ug9WJcGKhXA (дата обращения: 15.05.2018).
37. *Мухина М., Брожитов С., Позина М.* Битва за Китай. Россия в борьбе за второй по величине кинопрокатный рынок мира // Бюллетень кинопрокатчика. 22.10.2015. URL: http://www.kinometro.ru/analytics/show/name/Battle_for_China_2015 (дата обращения: 16.05.2018).
38. *Brzeski P.* China Box Office Grows Astonishing 48.7 Percent in 2015, Hits \$6.78 Billion // The Hollywood Reporter, 2015. URL: <http://www.hollywoodreporter.com/news/china-box-office-grows-astonishing-851629> (дата обращения: 17.05.2018).
39. *Armstrong N., O'Connor S.* Directed by Hollywood, Edited by China: How China's Censorship and Influence Affect Films Worldwide // U.S.— China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report, 2015. URL: <http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Directed%20by%20Hollywood%20Edited%20by%20China.pdf> (дата обращения: 15.05.2018).
40. *Brueggemann T.* China's Box Office Is Now Bigger Than North America: It's Time to Start Worrying // IndieWire, 2018. URL: <https://www.indiewire.com/2018/04/chinas-box-office-is-now-bigger-than-north-america-its-time-to-start-worrying-1201949453/> (дата обращения: 13.08.2018).
41. *Fritz B.* Hollywood's New Backer: China // The Wall Street Journal, 2015. URL: http://www.wsj.com/articles/hollywoods-new-backer-china-1437832801#:tmpZ9_rPeYKhXA (дата обращения: 15.05.2018).

42. *Fritz B.* Legendary Pictures to produce movies in China through joint venture // Los Angeles Times, 2011. URL: <http://articles.latimes.com/keyword/legendary-pictures> (дата обращения: 19.05.2018).
43. About us. Oriental Dream Works. URL: <http://www.oriental-dreamworks.com/odw-about-our-film-studio> (дата обращения: 19.05.2018).
44. *Brzescki P.* 'Kung Fu Panda 3' Becomes China's Biggest Animated Film Ever // The Hollywood Reporter, 2016. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/news/kung-fu-panda-3-becomes-871149> (дата обращения: 19.05.2018).
45. Disney's Mulan: Reflection after 14 years // Asia in America, 2012. URL: <http://asiainamerica.blogspot.ru/2012/06/disneys-mulan-reflection-after-14-years.html> (дата обращения: 18.05.2018).
46. Brad Pitt breaks the ice with China visit after 'Seven Years in Tibet' issue // Agence France-Presse, 2014. URL: <http://www.rappler.com/entertainment/news/59585-brad-pitt-breaks-ice-china-seven-years-tibet-movie> (дата обращения: 18.05.2018).
47. *Weinraub B.* Disney Will Defy China On Its Dalai Lama Film // The New York Times, 1996. URL: <http://www.nytimes.com/1996/11/27/movies/disney-will-defy-china-on-its-dalai-lama-film.html> (дата обращения: 18.05.2018).
48. *Welkos R. W., Tempest R.* Hollywood's New China Syndrome // Los Angeles Times, 1997. URL: <http://articles.latimes.com/1997/sep/01/entertainment/ca-27816/2> (дата обращения: 18.05.2018).
49. *Ho E.* Can Hollywood Afford to Make Films China Doesn't Like? // The Time, 2011. URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,2072194,00.html> (дата обращения: 17.05.2018).
50. *Greene N.* From Fu Manchu to Kung Fu Panda: Images of China in American Film. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2014.
51. The changing image of Chinese in Hollywood films // Inatum Media, 2016. URL: <http://atimes.com/2016/02/the-changing-image-of-chinese-in-hollywood-films/> (дата обращения: 18.05.2018).
52. *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. URL: http://www.takeoverworld.info/Grand_Chessboard.pdf (дата обращения: 19.05.2018).

References

1. Top U.S.Trade Partners Ranked by 2016 U.S.Total Export Value for Goods. Annual Report of U.S.Department of Commerce. Available at: http://www.trade.gov/mas/ian/build/groups/public/@tg_ian/documents/webcontent/tg_ian_003364.pdf (accessed: 15.05.2018).
2. Amadeo K. U.S. Debt to China: How Much Does It Own? The Balance. U.S. Economy. *National Debt. Updated*, 2018, May 30. Available at: <https://www.thebalance.com/u-s-debt-to-china-how-much-does-it-own-3306355> (accessed: 15.05.2018).
3. U.S.Relations with China. U.S.Department of State. Diplomacy in Action. U.S.Bilateral Relations Fact Sheets. Available at: <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/18902.htm> (accessed: 17.05.2018).

4. Opinion of China. Global Indicators Database. Updated in August with polling data from Spring 2017. Global Attitudes Survey. Available at: <http://www.pew-global.org/all/response/Unfavorable/> (accessed: 15.05.2018).
5. China. Available at: <https://news.gallup.com/poll/1627/china.aspx> (accessed: 18.05.2018).
6. China's U.S. Image the Most Positive in Three Decades, 2017, February 23. Available at: <http://www.gallup.com/poll/204227/china-image-positive-three-decades.aspx> (accessed: 16.05.2018).
7. Tramp pervym so vremen Niksona pogovoril s glavoi Taivania [Trump was the first since the time of Nixon to speak with the head of Taiwan]. *Vesti online newspaper*, 18.12.2016. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2834316> (accessed: 15.05.2018). (In Russian)
8. Trump has promised Beijing not to deviate from the policy of "united China". *Vedomosti*, 10.09.2017. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/02/10/677094-tramp-edinogo-kitaya> (accessed: 18.05.2018). (In Russian)
9. Wike R. Americans' Views of China Improve as Economic Concerns Ease. *Pew Research*, 2017, April 4. Available at: <http://www.pewglobal.org/2017/04/04/americans-views-of-china-improve-as-economic-concerns-ease/> (accessed: 17.05.2018).
10. The United States and China imposed duties on each other. Start of a trade war? *BBC*, 15.06.18. Available at: <https://www.bbc.com/russian/news-44497178> (accessed: 16.05.2018). (In Russian)
11. Tramp D. *Trump D. Time to Get Tough*. Transl. by A. A. Kalinin. Moscow, Eksmo Publ.. 2016. (In Russian)
12. U.S. International Trade In Goods And Services Report. *The U.S. Census Bureau*, December 2016. Available at: <https://www.bea.gov/newsreleases/international/trade/2017/trad1216.htm> (accessed: 18.05.2018).
13. Morrison W.M. China — U.S. Trade Issues. *Congressional Research Service Report*, 2015, no. 15.
14. Kissinger H. The Caricature of Deng as a Tyrant is Unfair. *Washington Post*, 1989, August 1.
15. Rockhill W. *The Land of the Lamas: Notes of a Journey Through China, Mongolia and Tibet*. New York, Kessinger Publishing, LLC, 2004.
16. Devis D. Trani Yu. *Distorted Mirrors: Americans and Their Relations with Russia and China in the Twentieth Century*. Moscow, Vagrius Publ., 2009. (In Russian)
17. Anson G. *Voyage Round the World*. The text reduced. With Introduction, Notes and Glossary. Ed. by H. W. Household, London. 1901. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/16611/16611-h/16611-h.htm> (accessed: 17.05.2018).
18. Lukin A. V. The Image of China in the Russian Public Consciousness: Continuity and Evolution. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2004, no. 6. (In Russian)
19. How International Students Are Changing U.S. Colleges. Available at: <http://graphics.wsj.com/international-students/> (accessed: 17.05.2018).
20. Belkin D., Jordan M. Heavy Recruitment of Chinese Students Sows Discord on U.S. campuses. *The Wall Street Journal*, 2016, March 17. Available at: <http://www.wsj.com/articles/heavy-recruitment-of-chinese-students-sows-discord-on-u-s-campus-1458224413> (accessed: 18.05.2018).

21. Chen D. Reality Check: Chinese Students Are Only Benefiting U.S. Universities. China and the World Program. Princeton, Harvard. 2016, March 22. Available at: <http://cwp.princeton.edu/news/reality-check-chinese-students-are-only-benefiting-us-universities> (accessed: 16.05.2018).
22. Wike R. Americans' Views of China Improve as Economic Concerns Ease. *Pew Research Center Global Report Overview*, 04.04.2017. Available at: <http://www.pewglobal.org/2017/04/04/americans-views-of-china-improve-as-economic-concerns-ease/> (accessed: 18.05.2018).
23. Zhang L. Stereotypes of Chinese by American College Students. *International Journal of Communication*, 2015, no. 9.
24. Committee of 100. *Mission and History*. Available at: <https://committee100.org/mission-history/> (accessed: 16.05.2018).
25. 2009. Still the Other? Available at: <http://survey.committee100.org/index.html> (accessed: 17.05.2018).
26. Asian Americans. *Pew Research Center*, 2012, June 15. Available at: <http://www.pewsocialtrends.org/asianamericans-graphics/> (accessed: 15.05.2018).
27. Tochenaya A. O. Chinese diaspora in the USA. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura*, 2014, no. 10, pp. 103–106. (In Russian)
28. Coe A. *Chop Suey: A Cultural History of Chinese Food in the United States*. Oxford University Press, 2009. Available at: <https://global.oup.com/academic/product/chop-suey-9780195331073?cc=fi&lang=en&> (accessed: 17.05.2018).
29. Fish E. How Chinese Food Got Hip in America. *The Atlantic*, 2016, March 9. Available at: <http://asiasociety.org/blog/asia/how-chinese-food-became-hip-america> (accessed: 18.05.2018).
30. Long H. Donald Trump suits and ties are made in China. *CNN*, 2016, March 8. Available at: <http://money.cnn.com/2016/03/08/news/economy/donald-trump-trade/> (accessed: 19.05.2018).
31. Thomas Z. A day using Chinese goods in the US. *BBC*, 2016, January 26. Available at: <http://www.bbc.com/news/business-35364850> (accessed: 18.05.2018).
32. Saad L. Americans See China as Top Economy Now, but U.S. in Future. 2016, February 22. Available at: <http://www.gallup.com/poll/189347/americans-china-top-economy-future.aspx> (accessed: 16.05.2018).
33. Billionaire from China bought a film company Legendary Entertainment. *Regnum*, 12.01.2016. Available at: <http://regnum.ru/news/2051958.html> (accessed: 16.05.2018). (In Russian)
34. Zhang S., Miller M. Wanda goes to Hollywood: China tycoon's firm buys film studio Legendary for \$3.5 billion. *Reuters*, 2016, January 12. Available at: <http://www.reuters.com/article/us-china-wanda-cinema-m-a-idUSKC-N0UQ08F20160112> (accessed: 18.05.2018).
35. Shih W., McGee H. Hollywood on the Yellow Sea. Wang Jianlin, one of China's richest men, is creating a rival to the American dream factory, from scratch. *The Atlantic*, December 2015. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/12/hollywood-on-the-yellow-sea/413185/> (accessed: 18.05.2018).
36. Magnier M. China's Economic Growth in 2015 Is Slowest in 25 Years. *The Wall Street Journal*, 2016, January 19. Available at: <http://www.wsj.com/articles/chi>

na-economic-growth-slows-to-6-9-on-year-in-2015-1453169398:s9_Ug9WJGg-KhXA (accessed: 15.05.2018).

37. Mukhina M., Brozhitov S., Pozina M. Battle for China. Russia in the fight for the second largest film distribution market of the world. *Bulleten' kinoprokatchika*. 22.10.2015. Available at: http://www.kinometro.ru/analytics/show/name/Battle_for_China_2015 (accessed: 16.05.2018) (In Russian).

38. Brzeski P. China Box Office Grows Astonishing 48.7 Percent in 2015, Hits \$6.78 Billion. *The Hollywood Reporter*, 2015, December 12. Available at: <http://www.hollywoodreporter.com/news/china-box-office-grows-astonishing-851629> (accessed: 17.05.2018).

39. Armstrong N., O'Connor S. Directed by Hollywood, Edited by China: How China's Censorship and Influence Affect Films Worldwide. U.S. — China Economic and Security Review Commission. *Staff Research Report*, 2015, October 28. Available at: <http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Directed%20by%20Hollywood%20Edited%20by%20China.pdf> (accessed: 15.05.2018).

40. Brueggemann T. China's Box Office Is Now Bigger than North America: It's Time to Start Worrying. *IndieWire*, 2018, April 6. Available at: <https://www.indiewire.com/2018/04/chinas-box-office-is-now-bigger-than-north-america-its-time-to-start-worrying-1201949453/> (accessed: 13.08.2018).

41. Fritz B. Hollywood's New Backer: China. *The Wall Street Journal*, 2015, July 25. Available at: http://www.wsj.com/articles/hollywoods-new-backer-china-1437832801#:~:tmpZ9_rPeYKhXA (accessed: 15.05.2018).

42. Fritz B. Legendary Pictures to produce movies in China through joint venture. *Los Angeles Times*, 2011, June 10. Available at: <http://articles.latimes.com/keyword/legendary-pictures> (accessed: 19.05.2018).

43. About us. Oriental Dream Works. Available at: <http://www.oriental-dream-works.com/odw-about-our-film-studio> (accessed: 19.05.2018).

44. Brzeski P. 'Kung Fu Panda 3' Becomes China's Biggest Animated Film Ever. *The Hollywood Reporter*, 2016, February 28. Available at: <https://www.hollywoodreporter.com/news/kung-fu-panda-3-becomes-871149> (accessed: 19.05.2018).

45. Disney's Mulan: Reflection after 14 years. *Asia in America*, 2012, June 16. Available at: <http://asiainamerica.blogspot.ru/2012/06/disneys-mulan-reflection-after-14-years.html> (accessed: 18.05.2018).

46. Brad Pitt breaks the ice with China visit after 'Seven Years in Tibet' issue. *Agence France-Presse*, 2014, June 03. Available at: <http://www.rappler.com/entertainment/news/59585-brad-pitt-breaks-ice-china-seven-years-tibet-movie> (accessed: 18.05.2018).

47. Weinraub B. Disney Will Defy China On Its Dalai Lama Film. *The New York Times*, 1996, November 27. Available at: <http://www.nytimes.com/1996/11/27/movies/disney-will-defy-china-on-its-dalai-lama-film.html> (accessed: 18.05.2018).

48. Welkos R. W., Tempest R. Hollywood's New China Syndrome. *Los Angeles Times*, September 01, 1997. Available at: <http://articles.latimes.com/1997/sep/01/entertainment/ca-27816/2> (accessed: 18.05.2018).

49. Ho E. Can Hollywood Afford to Make Films China Doesn't Like? *The Time*, 2011, May 25. Available at: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,2072194,00.html> (accessed: 17.05.2018).

50. Greene N. *From Fu Manchu to Kung Fu Panda: Images of China in American Film*. Honolulu, University of Hawa Press. 2014.

51. The changing image of Chinese in Hollywood films. *Initum Media*, 2016, February 17. Available at: <http://atimes.com/2016/02/the-changing-image-of-chinese-in-hollywood-films/> (accessed: 18.05.2018).

52. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostategic Imperatives*. Available at: http://www.takeoverworld.info/Grand_Chessboard.pdf (accessed: 19.05.2018).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Цветкова Н. А.</i> Предисловие.....	5
Раздел I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 14 мая 2018 г.	
<i>Гарбузов В. Н.</i> Полтора года с Дональдом Трампом	7
<i>Rotnet Thomas Eric.</i> The effectiveness of economic Sanctions in comparative perspective: reflections on the multinational sanctions regime against Russia	13
<i>Шаклеина Т. А.</i> Антироссийские настроения в США и политика администрации Трампа	20
Раздел II. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Лексютина Я. В.</i> Политика Д. Трампа в АТР в контексте американо-китайских отношений (2017 — первая половина 2018 г.)	28
<i>Yarygin Grigoriy.</i> Cybernetization of the U. S. environmental policy. case study: environmental protection agency 2.0.....	35
<i>Алимов А. А.</i> Климат и политика: позиции России и США.....	43
<i>Spring Dawn.</i> Collusion, election meddling, fake news, and undermining democracy: an update on American and Russian soft power information weaponization	65
<i>Рыбалко О. К.</i> Россия и США в борьбе с террором: союзничество и двойные стандарты	74
<i>Минкова К. В.</i> Состояние и перспективы развития советско-американских отношений в 1945–1946 гг. в рассекреченных американских документах	82
<i>Перевезенцев А. Л.</i> Личностный фактор в американской истории: Лу Генри Гувер, тридцать первая Первая леди	94
<i>Кубышкин А. И.</i> Американская Академия в эпоху Дональда Трампа.....	103
Раздел III. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
<i>Konovalova K.</i> Russian and U. S. approaches toward the crisis in Venezuela ..	112
<i>Шур Е. А.</i> Американо-индийские отношения: вызовы для России.....	117
<i>Федоров Н. В.</i> Проблема конкуренции России и США на рынке вооружений Вьетнама	124
<i>Kutari Shweta.</i> Russia — U. S. involvement in Caspian Sea Region: challenges and prospects.....	132

Раздел IV. ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

<i>Skvortsova E.</i> Opposing approaches to cybersecurity: threats to arms control	141
<i>Balaiah Shalini.</i> Russia — U.S. fight against international Terrorism in the Middle East: a case Study of ISIS	151
<i>Shestopalov M.</i> Policy to combat cross-border drug trafficking in the United States and Russia at the present stage	160
<i>Toppo Nomita.</i> Russia-America cooperation on counter-terrorism	167
<i>Makna Sania.</i> Changing face of Russia — U. S. relations in the XXI century	175

Раздел V. РОССИЯ И США ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Ширяев Б. А.</i> Мексика: вызов Соединенным Штатам?	184
<i>Цветков И. А.</i> Политическое наследие президента Барака Обамы: что уцелело после контрреформ Трампа?	190
<i>Цветкова Н. А., Федорова И. В.</i> Преемственность и новые направления публичной дипломатии Д. Трампа (2017–2018)	198
<i>Okun Maria.</i> The ideological conceptions of the USA and Russia in forming the world order: neoliberal globalization vs. Eurasian integration	206
<i>Peiran Wang.</i> The Status and Future Russian Defense Industries Capabilities under the Sanctions of the U. S. and EU	212
<i>Gonzalez Cedillo J. Ivan.</i> The strengthening of extremist groups in the U. S. through discourse, its acceptance in the EU and the area of opportunity for Russian soft power	224
<i>Елизаров С. В., Игнатьев С. А.</i> Фактор санкций в отношениях России и США при президентстве Д. Трампа: политико-правовая оценка влияния на глобальный мир	232
<i>Kramer Zakhary John.</i> A missing link: (lack of) mutual trade and its implications for U. S.-Russian relations	241
<i>Malyutina D.</i> Modern challenges to strategic stability in context of U. S. — Russia relations	247
<i>Makushin O.</i> The Monroe Doctrine: its past and present	251

Раздел VI. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ГЛАЗАМИ МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

<i>Албитова Д. С.</i> Роль России и США в преодолении кризиса на Корейском полуострове с 2011 года по настоящее время	256
<i>Бабоян М.</i> «Жесткая сила» США на Ближнем Востоке при администрации Б. Обамы	264

<i>Бойко А. В.</i> Восприятие США в арабском мире (в контексте израильского фактора).....	272
<i>Левинтова Д. Д.</i> Позиция политического истеблишмента США по вопросу расизма.....	280
<i>Соларева С. М.</i> США и нефтяной кризис 1973 г.....	294
<i>Тарасова М. С.</i> Фонд «Наследие»: синоптики Белого дома	306
<i>Тимофеев В. В.</i> Фактор численности национальных меньшинств в политике Канады по отношению к ним: анализ проблемы на примере индейцев и франкоканадцев.....	316
<i>Точеная А. О.</i> Китай глазами американцев	329

Научное издание

РОССИЯ И АМЕРИКА В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ:
СБОРНИК ДОКЛАДОВ
XXVII РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО СЕМИНАРА
В СПбГУ, 14–15 мая 2018 г.

Редактор *Н. С. Венёва*
Корректоры *А. С. Яшина, Н. А. Абарникова*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*
Обложка *Е. Р. Куныгина*

Подписано в печать 20.07.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 22,25. Плановый тираж 100 экз. Print-On-Demand. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги и журналы СПбГУ можно приобрести:

по издательской цене

в интернет-магазине: **publishing.spbu.ru**

и

в сети магазинов «Дом университетской книги», Санкт-Петербург:

Менделеевская линия, д. 5

6-я линия, д. 15

Университетская наб., д. 11

Набережная Макарова, д. 6

Таврическая ул., д. 21

Петергоф, ул. Ульяновская, д. 3

Петергоф, кампус «Михайловская дача»,

Санкт-Петербургское шоссе, д. 109.

Справки: +7(812)328-44-22, publishing.spbu.ru

Книги СПбГУ продаются в центральных книжных магазинах РФ,

интернет-магазинах **amazon.com**, **ozon.ru**, **bookvoed.ru**,

biblio-globus.ru, **books.ru**, **URSS.ru**

В электронном формате: **litres.ru**